

**ФГОБУ ВПО «ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Кафедра общей политологии

СЕЛЕЗНЕВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ

**ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО
ГОСУДАРСТВА: СТРАТЕГИИ, МОДЕЛИ, ПРАКТИКА**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени

доктора политических наук

Научный консультант: доктор исторических наук,

доктор политических наук,

профессор Пляйс Яков Андреевич

Москва 2014

Оглавление

Введение.....	4
Пространственно-временные рамки исследования.	17
Положения, выносимые на защиту:	21
Глава 1. Концепция инновационного развития: политико-экономические аспекты	32
§ 1. Инновационное развитие как основа современного политико-экономического прогресса	32
§ 2. Политические режимы и современные инновационные модели	55
Глава 2. Инновационная политика государства в процессе политической и социально-экономической модернизации ведущих стран мира в начале XXI в.	67
§1. Содержание государственной инновационной политики, ее функции и стратегическая роль в развитии страны.....	67
§2. Инновационная модернизация: государственный приоритет и настоятельная необходимость	84
§3. Инновационный путь развития как политико-экономический проект национальных элит.....	94
Глава 3. Государственная инновационная политика ведущих стран Запада: замысел, мотивация, опыт	103
§ 1. Инновационность как главный вектор опережающего развития западных стран.....	103
§ 2. Модель государственной инновационной политики США: проблема обеспечения униполярности	130

§ 3. Модель инновационной политики ФРГ и Франции: путь к «обществу потребления»	144
Глава 4. Инновационная мотивация «незападных» государств как поиск самобытного пути модернизации XXI века	173
§ 1. Стратегия борьбы за глобальное лидерство: опыт КНР	173
§ 2. Инновационная стратегия преодоления бедности и технологической отсталости (Бразилия, Малайзия, Индия).....	217
§ 3. Инновационная стратегия выживания и успеха в высококонкурентной среде (Южная Корея, Сингапур).....	267
Глава 5. Государственная инновационная политика в России: в поисках мотивации и стратегии развития	301
§ 1. Политические и экономические реформы в Российской Федерации (1990–2000-е гг.): от радикальных трансформаций к стабильности, от стабильности к инновационности.....	301
§ 2. Стратегические приоритеты развития инновационного потенциала России и причины, препятствующие его становлению.....	321
§ 3. Инфраструктура инновационной деятельности и механизмы реализации государственной инновационной политики в России.....	331
Заключение	364
Приложения	374
Список литературы	405

Введение

Актуальность темы исследования. В наше время Россия столкнулась с объективной безотлагательной потребностью в эффективной инновационной экономике как основе ее всеобъемлющей модернизации в условиях внешних вызовов окружающего ее мира. Современная геополитическая ситуация изначально поставила Российское государство перед выбором: либо оно будет входить в «клуб» тех, кто формирует эту ситуацию, либо станет пространством, на котором государства-члены этого «клуба» будут реализовывать свои интересы. Данным обстоятельством исторически определялась политика страны от Ивана IV и далее через Петра I и Екатерину II до советского периода с его установкой «догнать и перегнать США». С учетом этого фактора в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года в качестве стратегической цели обозначено превращение нашего государства в одного из «глобальных лидеров мировой экономики».

Материальной базой такого геополитического статуса является технологическая сопоставимость российской экономики с экономиками стран-лидеров современного мира. Последние, согласно теории известных экономистов С.Ю. Глазьева, Д.С. Львова, Д.О. Рогозина и других, характеризуются так называемым пятым технологическим укладом и начинают переход к шестому. Что же касается российской экономики, то она в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого. Следовательно, главной целью для страны является форсированное завершение перехода к пятому (т.е. формирование новых производительных сил) и занятие ниш в шестом технологическом укладе, что предполагает переход к инновационной экономике¹.

---

¹ Подробнее об этом см.: Львов, Д.С., Глазьев, С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы, 1986, № 5, С. 793-804; Глазьев, С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы

Однако инновационная экономика не может возникнуть сама по себе без активной инновационной политики государства. С учетом этого изучение моделей инновационной политики современных наиболее развитых государств в различных регионах мира, достигших впечатляющих результатов в этой области, имеет для нашей страны и научный, и практический интерес.

Начало XXI в. ознаменовалось кризисом практически всех традиционных основополагающих концептов и моделей политического и социально-экономического развития. Безальтернативность либерально-демократической идеологии, опирающаяся на рыночные отношения, совсем еще недавно возводимая в ранг «завершающей в истории» (Ф. Фукуяма) и доминировавшая в мире в качестве «единственно верного учения», оказалась поставлена под сомнение. Это произошло как вследствие своего внутреннего политического несовершенства, так и из-за серьезных внешних вызовов, главным из которых стал глобальный финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. Кстати, по мнению ряда специалистов, кризис на Западе продолжается и он вряд ли быстро завершится ввиду «морального износа» даже относительно передовых политических и экономических систем ведущих стран мира².

Все это предопределило поиск новых концептуальных схем мирового развития, с одной стороны, отвечающих на вызовы современности, а с другой – гарантирующих принципиально новый уровень развития человечества. При этом основным из «альтернативных вариантов» является концепт инновационности, предполагающий ориентированность современных государств на поиск и стимулирование «качественных» прорывов экономико-технологического и социально-экономического характера.

Современная экономика ведущих государств мира базируется на инновациях, которые являются показателем развития политической, экономической и

экономики, 2009, № 3, С. 26-38; Рогозин, Д.О. Прыжок в шестое поколение. // Российская газета. – 2014. – 28 марта.

² См., например: Воронов, К. Системные последствия еврокризиса – программатика стратегического ослабления ЕС / ИА REGNUM – 2013. – 6 ноября // <http://regnum.ru/news/1728994.html>

общественно-культурной системы. При этом инновационная экономика может существовать только в тех общественных системах, где научное знание определяет характер промышленной политики и само является ярко выраженной производительной силой³.

Сектор инноваций в народном хозяйстве страны обладает существенным, но еще не в полной мере изученным потенциалом. В то же время в современных реалиях эффективность данного сектора предопределяет долгосрочные результаты экономического развития и одновременно геополитический статус конкретного государства, следствием чего является трансформация государственных концепций реализации инновационных стратегий.

В начале XXI века конкурентоспособность государств самым непосредственным образом зависит от «креативной» способности к созданию передового, ранее не существовавшего и востребованного массовым потребителем продукта. Более того, речь идет не только о внедрении новых технологий и новых производств, но и о достижении фактически новых стандартов жизни граждан и нового уровня взаимодействия политики, экономики и культуры.

В современных условиях главным «локомотивом» инноваций в большинстве случаев является государство. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, именно государство разрабатывает, формирует и реализует стратегии политического и социально-экономического развития. Во-вторых, государство обладает «прогноznым видением» перспектив и трендов национального, регионального и глобального плана. В-третьих, в настоящий момент вследствие высокой затратности и «пролонгированности» инновационных проектов именно государство чаще всего выступает в качестве движущей силы инноваций, в то время как общество и бизнес выступают на данном направлении в качестве «ведомых». С учетом этого, под термином «инновационная политика» в диссертации имеется в виду как «инновационная политика государства». Однако

---

³ Лесков, С. Михаил Ковальчук, директор Курчатковского института: «Для успеха инновационной экономики надо освоить парное катание» // Известия. – 2008. – 26 декабря.

в отдельных случаях, когда рассматриваются вопросы реализации инновационных проектов в сфере бизнеса и предпринимательства, это специально оговаривается.

Российский инновационный проект является частью большого постсоветского проекта по модернизации политической, экономической и других сфер жизни общества. Модернизация представляет собой процесс адаптации страны к новым мировым реалиям, когда ощущается несовершенство существующей политико-экономической системы, которая начинает давать сбои и проигрывать более сильным конкурентам и когда становится очевидной острая потребность в ее обновлении. Несмотря на издержки реформ 1990-х гг. Россия сумела сохранить национальное единство и собственную государственность, однако при этом вышла из кризиса индустриально ослабленной, неэффективной с точки зрения государственного управления и технологически отстающей. Все это побуждает новую элиту инициировать процесс «догоняющего рывка». При этом специфика российских национальных традиций и менталитета фактически предопределяют характер такой модернизации – она реализуется «сверху» и преимущественно мобилизационными методами⁴.

Важно учитывать, что начало XXI века стало временем резкого обострения глобальной конкуренции, в том числе на инновационном поле, поскольку именно инновационные разработки позволяют эффективно бороться за влияние в мире. Ввиду этого России также потребовался масштабный и продуманный инновационный проект, который, с одной стороны, обеспечивал бы стратегические политические и социально-экономические «прорывы», а с другой – соответствовал бы российским культурным традициям и российской ментальности. Правда, пока инновационная политика в нашей стране носит «реактивный», непоследовательный, а периодически даже имитационный характер. Более того, нередко благие инновационные начинания маскируют вполне эгоистические и совсем не «прогрессивные» эгоистические намерения и бизнес-проекты элитных групп.

---

⁴ Иноземцев, В.Л. Призыв к порядку // Российская газета. – 2008. – 1 октября.

В связи с этим крайне важно и актуально для России, с одной стороны, определить приоритетные направления инновационного развития страны, а с другой – выбрать правильную политическую и идеологическую мотивацию инновационных преобразований, обеспечить их созвучие национальным традициям.

Тем не менее, в поисках собственного инновационного пути не стоит забывать и о уже имеющихся «наработках» у других стран, ранее России вставших на путь инновационной модернизации. При этом должен быть обстоятельно изучен не только опыт развитых государств Запада – США, Великобритании, Германии, Франции, Японии, – но также Бразилии и «новых инновационных стран» Востока – КНР, Индии, Южной Кореи, Сингапура, Малайзии – особенно с учетом «евразийской» направленности российского исторического развития.

Степень научной разработанности темы.

Исследование проблем государственной инновационной политики носит междисциплинарный характер. Эта тематика находится в поле зрения таких дисциплин, как политология, экономика, юриспруденция, социология, цивилизациология. Это во многом предопределяет разнообразие подходов к изучению теории и практики инноваций и инновационного развития ведущих стран мира.

Генезис теории инноваций в русле концепции циклично-генетических закономерностей развития общества описан в трудах Ф. Броделя, Н. Кондратьева, С. Кузнеця, П. Сорокина⁵.

Концепция «технологическое давление» (technology push), используемая в качестве основы нововведений, предполагает, что главным в инновационных процессах является фактор развития в обществе науки и техники. Подобный

---

⁵ Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002; Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000; Braudel, F. A History of Civilizations, Penguin Books, 1995; Kuznets, S. Population, Capital, and Growth, New York, 1980; Kuznets, S. Toward a Theory of Economic Growth, New York 1968.

взгляд на проблему изложен в работах Й. Шумпетера и его последователей – Р. Нельсона, Н. Розенберга, К. Фримена⁶. В свою очередь, Г. Менш и Й. Шмуклер придерживаются противоположной точки зрения⁷, полагая, что основой инновационных процессов является «вызов спроса», т.е. потребности общества в инновациях (demand pull).

Особо учитывалось наследие разработчиков теории постиндустриального общества – Д. Белла, Т. Веблена, Дж. Гэлбрейта, Р. Инглхарта, М. Кастельса, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы⁸. Именно на его основе была разработана концепция инновационности в «передовых» странах XXI в.

Также в диссертации нашли отражение теоретические наработки отечественных исследователей в области политико-экономической модернизации и разработки эффективной инновационной политики. Это труды таких известных ученых, как Л.И. Абалкин, Н.М. Абдикеев, А.Г. Аганбегян, А.Е. Варшавский, С.Ю. Глазьев, Л.М. Гохберг, Р.С. Гринберг, К.Х. Делокаров, М.А. Дианов, В.Г. Зинов, В.В. Ивантер, В.Л. Иноземцев, Д.С. Львов, В.Л. Макаров,

---

⁶ Шумпетер, Й.А. История экономического анализа. В 3 т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2004; Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия, М.: Эксмо, 2007; Freeman, C., Louçã, F. As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution, Oxford University Press, 2002; Freeman, C. The Economics of Industrial Innovation – 3rd Edition, The MIT Press, 1997; Freeman, C. Systems of Innovation: Selected Essays in Evolutionary Economics, Edward Elgar Pub, 2008; Freeman, C. Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan, Pinter Pub Ltd, 1987; Rosenberg, N. Exploring the Black Box: Technology, Economics, and History, Cambridge University Press, 1994; Nelson, R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis, Oxford University Press, 1993; Schumpeter, J.A. Business Cycles: a Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process, New York, 1939.

⁷ Mensch, G. Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression, Ballinger Pub Co, 1978; Schmookler, J. Invention and Economic Growth. Cambridge, Harvard University Press, 1981.

⁸ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999; Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2010; Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2003; Фукуяма, Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2008; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2010; Bell, D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting / D. Bell, New York, Basic Books, 1973; Galbraith, J.K. The New Industrial State, Princeton University Press; 1st Princeton Ed edition, 2007; Inglehart, R. Modernization and Postmodernization, Princeton University Press, 1997; Inglehart R. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence, Cambridge University Press, 2005 и др.

В.А. Михеев, Д.А. Рубвальтер, С.Н. Сильвестров, Д.Е. Сорокин, В.Е. Фортов, М.А. Эскиндаров, Е.Г. Ясин⁹.

При этом надо отметить, что большинство вышеуказанных ученых являются преимущественно экономистами, соответственно, их труды также носят достаточно выраженный экономический характер. Однако в последние годы появляется все больше исследований, посвященных политологической интерпретации и анализу инновационных преобразований современности.

Отдельно надо сказать о трудах О.Д. Абрамовой, Б.Г. Капустина, В.С. Комаровского, А.Ю. Мельвиля, Я.А. Пляйса, С.В. Рогачева, В.Г. Федотовой, О.Г. Харитоновой, О.Ф. Шаброва и др., которые рассматривают современные инновационные преобразования в русле постсоветской политической модернизации России¹⁰.

Исследование основ формирования и организации национальных инновационных систем (далее – НИС), заложенное в работах зарубежных авторов – К. Фримена, С. Меткалфа – продолжено в трудах российских ученых – Н.В.

---

⁹ Абалкин, Л.И. Вызовы нового века. – М.: Институт экономики Российской академии наук. – 2001; Абалкин, Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. Изд 2-ое. – М.: Наука, 2005; Аганбегян, А.Г. Модернизация общественного производства в России. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2011; Глазьев, С.Ю., Львов, Д.С., Фетисов, Г.Г. Эволюция научно-технических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992; Глазьев, С.Ю. Возможные и вероятные сценарии долгосрочного развития России: цикл публ. лекций «Академики – студенчеству» / Государственный университет управления, Институт новой экономики, М.: Изд. центр «ГУУ», 2006; Гохберг, Л.М., Кузнецова, И.А. Инновации в российской экономике: стагнация в преддверии кризиса // Форсайт. – 2009. – № 2 и др.

¹⁰Капустин, Б.Г. «Транзитология»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Политические исследования, 2001, № 4, С. 6-26; Мельвиль, А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. («Научные доклады» №78) М.: МОНФ. – 1999; Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. / Под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002; Федотова, В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3-27; Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004; Харитонова, О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 70-79; Шабров, О.Ф. Предпосылки и проблемы политической модернизации России // Политическая модернизация России в экспертном сознании. – М.: Проспект, 2011; Шабров, О.Ф. Что впереди? Сценарии для России // Государственная политика и управление современной России в сфере идеологии, мировоззрения, религии, пропаганды, культуры и воспитания: Материалы научного семинара. Вып. 2 (49). – М.: Научный эксперт, 2012. и др.

Бекетова, В.А. Васина, О.Г. Голиченко, Е.Г. Егорова, В.В. Иванова, Н.И. Ивановой, Б.Н. Кузыка, Л.Э. Миндели, В.В. Новохатского, В.Н. Фридлянова¹¹.

Сравнительному анализу российской и зарубежных НИС посвящен целый ряд статей и монографий. В этом плане можно отметить работы А.Н. Ашихина, С.В. Емельянова, В.П. Заварухина, В.Н. Киселева, Я.И. Никоновой, Д.А. Рубвальтера, А.Н. Смирнова, А.В. Чернухи и др¹².

Особое внимание следует уделить трудам в области цивилизациологии и культурологии как западных – А. Тойнби, С. Хантингтон и его гарвардская школа, так и российских исследователей – Н.Я. Данилевский, Б.С. Ерасов, В.В. Ильин, А.С. Панарин, Р.П. Трофимова, Ю.В. Яковец¹³.

Типология инноваций, в том числе с точки зрения политической «отдачи», рассматривается в целом ряде работ В.И. Супруна¹⁴. Для нас особенно интересно его деление инноваций на «поддерживающие» и «прорывные», обеспечивающие качественные изменения в экономике и политике.

---

¹¹ Metcalfe, J.S. *Evolutionary Economics and Creative Destruction (Graz Schumpeter Lectures)*, Routledge; 1 edition, 1998; Metcalfe, J.S. *Evolutionary Economics and Technology Policy // The Economic Journal*, 1994. – Vol. 104. – № 425. – pp. 931-944; Егоров, Е.Г., Бекетов, Н.В. *Научно-инновационная система региона: структура, функции, перспективы развития*. – М.: Academia, 2002; Васин, В.А., Миндели, Л.Э. *Пространственные аспекты формирования и развития национальной инновационной системы // Инновации*. – 2011. – № 11. – С. 24-34 и др.

¹² Ашихин, А.Н., Смирнов Ю.Г., Чернуха, А.В. *Состояние инновационной политики в зарубежных странах и Российской Федерации*. – М.: Информационно-издательский центр Роспатента, 2004; Заварухин, В.П. *Основные элементы инновационной стратегии США // Российское предпринимательство*. – 2002. – №№ 7, 8, 10, 11, 12 и др.

¹³ Тойнби, А. *Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве*. – М.: АСТ, АСТ Москва, Харвест, 2009; Тойнби, А. *Постижение истории*. – М.: Айрис-Пресс, 2008; Тойнби, А. *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. – М.: АСТ, Астрель, 2011; Хантингтон, С. *Кто мы?* – М.: АСТ, Астрель, 2008; Хантингтон, С. *Столкновение цивилизаций*. – М.: АСТ, 2007; Данилевский, Н.Я. *Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому* – М.: Книга, 1991; Ильин, В.В., Ахиезер, А.С. *Российская цивилизация: содержание, границы, возможности*. – М.: Издательство МГУ, 2000 и др.

¹⁴ См., например: *Инновации как драйвер социо-культурного развития. Под научной редакцией В.И. Супруна*. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2013. С. 21-45.

Влияние политической культуры на ход модернизации и выбор инновационного пути затрагивается в работах И.В. Грошева, В.А. Мау, Ю.С. Пивоварова и др.¹⁵

Среди диссертационных исследований по инновационной политике заслуживают внимания работы Е.С. Бурькина, А.В. Виноградова, К. Дж. Джун, Ю.С. Емельянова, Е.А. Монастырного, М.М. Рабоволенко, Д.К. Ремизова, А.С. Сибиряева¹⁶. Однако лишь часть их исследований относится к политологическим, поэтому можно констатировать, что имеется определенный дефицит диссертационных исследований, посвященных политологическому осмыслению инновационной политики государства и инновационного процесса современности. С одной стороны, это обусловлено «синтетичностью» материала, что предполагает его «смешанный», политико-экономический анализ. С другой – тем, что инновационные процессы в мире продолжают, причем все чаще они приобретают непредсказуемый характер с точки зрения «традиционной» теории модернизации.

Отечественные научные и научно-практические дискуссии и публикации дают представление о всем многообразии подходов к инновационному процессу,

---

¹⁵ Мау, В.А. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX в.: логика и этапы комплексной модернизации) // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 32-50; Ильин, М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. М., 2000; Пивоваров, Ю.С. Русская власть и публичная политика // Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 12-32; Грошев, И.В. Экономические реформы в России сквозь призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания, 2000. – № 6. – С. 25-46 и др.

¹⁶ Бурькин, Е.С. Формирование механизма государственного регулирования инновационных процессов в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Бурькин Евгений Сергеевич. – Волгоград, 2007; Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Виноградов Андрей Владимирович. – М., 2006; Джун, К. Дж. Развитие экономической системы Республики Корея в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Джун Ко Джанг. – М., 2011; Емельянов, Ю.С. Государственно-частное партнерство в инновационном развитии экономики России: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Емельянов Юрий Станиславович. – М., 2012. Рабоволенко, М.М. Влияние структурно-инвестиционной политики государства на инновационные процессы в экономике России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Рабоволенко Маргарита Марковна. – М., 2003; Ремизов, Д.К. Государственное руководство формированием и реализацией в современной России промышленной политики в сфере инноваций: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ремизов Дмитрий Константинович. – Ростов-на-Дону, 2008; Сибиряев, А.С. Государственная инновационная политика в Российской Федерации: подходы к разработке и реализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Сибиряев Алексей Сергеевич. – М.: 2011 и др.

поскольку мнения ученых, аналитиков, государственных деятелей весьма различны, а иногда и полярны. Особенно это касается вопросов политического сопровождения инновационных преобразований.

Особое внимание в диссертационном исследовании уделено проблемам и вызовам, связанным с реализацией инновационной политики в различных государствах мира. Например, учитываются критические работы, в которых авторами подчеркивается несформированность «креативного класса», призванного стать кадровым лидером инновационного процесса¹⁷, а также статьи, доказывающие «качественное» и «креативное» торможение инновационного развития в последние годы¹⁸.

Ряд работ посвящен политико-экономическому исследованию национальных инновационных систем. В них подчеркивается «генетическая» взаимосвязь политического замысла инноваций и их технологического исполнения, роль власти в проведении инновационных реформ, проблема трансформации власти в условиях такого рода модернизационного проекта.

Отечественная инновационная политика является предметом активных научных и прикладных дискуссий и споров, при этом точки зрения на ее характер, принципы и механизмы реализации зачастую диаметрально противоположные.

В частности, есть приверженцы «отраженной инновационной модернизации». В 2009 г., еще будучи ректором Московского института стали и сплавов, нынешний министр образования и науки Российской Федерации Д.В. Ливанов заявлял, что отечественный инновационный проект не может быть «оригинальным», но должен ориентироваться на лучшие образцы ведущих стран Запада. При этом он отмечал, что российская наука несовременна и архаична,

---

¹⁷ Брукс, Д. Бобо в раю: откуда берется новая элита. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.; Шатилов, А.Б. Инновационный проект России и креативный класс: современные дискуссии // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием (г. Ростов-на-Дону), 7-8 октября 2013 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. Т. 1. С. 427-434 и др.

¹⁸ См., например: Юрьев, М. Правда и мифы об инновационной экономике // Однако. – 2013. – № 169. – С. 172-179.

следовательно, она не может (даже при условии щедрого финансирования) инновационно «оплодотворить» политику и экономику России.¹⁹

В свою очередь, глава Курчатовского института, член-корреспондент РАН М.В. Ковальчук выступает поборником национальной инновационной модернизации, полагая, что обновленная Россия (в отличие от «статичного» Запада) может проводить преобразования творчески и фактически с «чистого листа».

Дискуссии ведутся и относительно того, кто должен выступать главным инициатором и проводником инновационных реформ. Так, например, советник Президента России академик РАН С.Ю. Глазьев отстаивает позицию, что они должны происходить при активной и даже лидирующей роли государства. В частности, в ходе Московского экономического форума в марте 2013 г. он предложил направить инновационные усилия на неоиндустриализацию, отметив, что «в эти периоды структурной перестройки объективно колоссальным образом вырастает роль государства». «Это связано с тем, что рыночные механизмы оказываются в состоянии турбулентности, рынок теряет долгосрочные ориентиры», – заявил С.Ю. Глазьев²⁰.

Принципиальной иной точки зрения придерживаются либеральные экономисты. В частности, научный руководитель НИУ «Высшая школа экономики» Е.Г. Ясин считает, что «государственно ориентированная» модель экономики «бесперспективна» для России и не подходит для реализации программы ее инновационного обновления²¹.

Если ранее, в 1990-2000-е гг., основополагающим концептом для проведения реформ считалась либерально-демократическая и рыночная идеология, то сейчас ситуация несколько изменилась. Все большее число авторов рассматривают отечественный инновационный проект в рациональном и прагматичном ключе, не

---

¹⁹ Медведев, Ю. Выигрыш уже давно ждет. Эльвира Набиуллина: Мы будем делать ставку на малый инновационный бизнес // Российская газета. – 2009. – 27 марта.

²⁰ Будущее России: новая индустриализация или сырьевая модель / Московский экономический форум. – 2013 – 20 марта // <http://me-forum.ru/media/events/plenary-panel-discussion-ii/>

²¹ Ясин, Е.Г. Догоним – не догоним? Прогнозам нужен рост экономики по 4 процента в течение пяти – шести лет // Российская газета. – 2014. – 10 января.

привязывая его к конкретной идеологической схеме. Кстати, в этом плане усилился интерес к вариантам «авторитарной» инновационной модернизации, давшей достаточно успешные результаты в Китае, Южной Корее и Сингапуре²². Проекты «азиатских тигров» были привязаны к идеологической схеме, но только не формационной (капитализм – рынок, социализм – нет), а к цивилизационной, т.е. к системе традиционной ментальности многовековых устоев и мировосприятия.

Тем не менее, основная масса научной литературы, анализирующей мировой инновационный опыт, обращена к западным странам (в особенности США) как лидерам подобной модернизации²³.

Научная проблема состоит в существующем в мировой практике разнообразии моделей государственной инновационной политики и отсутствии среди ученых и практиков единой точки зрения относительно эффективной модели такой политики применительно к российским условиям в сочетании с существенным рассогласованием стратегических задач по переводу отечественной экономики на инновационные рельсы с имеющимся результатом.

Цель диссертационного исследования – на основе изучения наиболее эффективных практик государственной инновационной политики в ведущих странах мира разработать авторскую концепцию стратегии и модели

---

²² Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М.: НОФМО, 2008; Масленников, Н.А. Кластерная стратегия. Инновации и венчурный бизнес в Стране восходящего солнца // Независимая газета. – 2010. – 3 октября; Сигов, Ю. Сингапур. Восьмое чудо света. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012; Тулеев, А.М., Шатилов, С.В. Россия перед прыжком: монография / Тулеев А.М., Шатилов С.В. – М.: Совершенно секретно, 2004; Федоровский, А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. – М.: Издательский дом «Стратегия», 2008; Федотова, В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3.

²³ Васильев, В.С. Американская политика в области науки // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – №№ 5, 7; Заварухин, В.П. Основные элементы инновационной стратегии США // Российское предпринимательство. – 2002. – №№ 7, 8, 10, 11, 12; Заварухин, В.П. Инновационная деятельность и национальная конкурентоспособность США / В.П. Заварухин, И.С. Мухамедшин, С.В. Емельянов; РАН. Институт США и Канады. – М., 2001; Емельянов, С.В. США: государственная политика стабилизации инновационной конкурентоспособности американских производителей // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 3 // <http://www.mevriz.ru/articles/2002/3/1008.html>; Емельянов, С.В. США: международная конкурентоспособность национальной промышленности. 90-е годы XX века. – М.: Международные отношения, 2001 и др.

инновационного развития Российской Федерации, опирающуюся на цивилизационные, исторические, культурные, социально-экономические и ментальные особенности российского общества.

Достижение указанной цели осуществляется через постановку следующих **исследовательских задач:**

1. Компаративный анализ опыта инновационной политики и преобразований в ведущих западных (США, Франция, ФРГ) и «незападных» государствах (КНР, Бразилия, Индия, Малайзия, Южная Корея, Сингапур).
2. Определение авторского понятия инновационной мотивации как ведущей категории концепции стратегии и модели инновационного развития.
3. Определение и общая характеристика модели инновационной мотивации, лежащие в основе инновационных преобразований в различных странах мира.
4. Исследование взаимосвязи инновационной политики и мотивации с идеологией, господствующей в обществе, с учетом его цивилизационных, исторических, культурных, социально-экономических и ментальных особенностей развития последнего.
5. Системно-аналитическое исследование роли политической элиты в формулировании инновационной политики государства, а также инновационной мотивации и транслировании импульса инновационных преобразований обществу.
6. Системный анализ специфики реализации инновационного курса в России в 2000-2010-е гг. и механизмов государственной инновационной политики.
7. Разработка авторской концепции инновационной политики и модели инновационной мотивации, а также модели реализации государственной инновационной политики в современной России.

Объект диссертационного исследования – государственная инновационная политика в ведущих странах мира и в России, нацеленная на формирование в обществе устойчивой инновационной мотивации и инновационной среды.

Предмет диссертационного исследования – стратегии, модели и практика государственной инновационной политики в ведущих зарубежных странах и в России.

Пространственно-временные рамки исследования.

В диссертационном исследовании проанализирован опыт инновационной политики ведущих западных (главным образом США, Германия, Франция) и «незападных» (Бразилия, Индия, Южная Корея, Малайзия, Сингапур) стран.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 70-х гг. XX века – времени начала новой научно-технической революции, задавшей ритм политического и социально-экономического курса ведущих государств мира, – и до настоящего момента, когда инновационный концепт стал доминирующим в их развитии.

Научная гипотеза исследования состоит, прежде всего, в том, что все современные инновационные процессы, несмотря на подчеркнуто «внеидеологический» и экономический характер, имеют под собой политическую подоплеку и представляют собой сознательный политико-экономический выбор правящих элит. Поэтому при анализе того или иного инновационного проекта необходимо учитывать такие факторы, как «политический замысел» и «политическая мотивация». Кроме того, на ход инновационных преобразований серьезное влияние оказывает политический режим, который в значительной мере определяет направленность и своеобразие проводимых реформ.

Вторая часть научной гипотезы связана с проблемой универсальности инновационных проектов. Долгое время в политологической и экономической литературе исходили из того, что передовыми могут быть только страны с рыночной экономикой и либерально-демократическим политическим режимом. Однако начало XXI века ознаменовалось инновационными прорывами ряда стран т.н. «третьего мира» (Китай, Индия, Малайзия и др.), при этом преобразования

здесь зачастую проходили в нерыночном и нелиберальном ключе, но давали позитивные результаты. Соответственно, евразийской России имеет смысл также выработать собственный, образно говоря, «спонтанный» вариант инновационного развития с учетом как западного, так и незападного опыта.

Методологическая база исследования определяется поставленными целью и задачами.

Системно-аналитический метод позволил автору глубже исследовать взаимосвязи и взаимовлияние элементов НИС в России и других странах.

Неоинституциональный подход оказался важен с точки зрения выявления политических механизмов инициирования и сопровождения национального инновационного проекта, а также определения потенциала их оптимизации.

В диссертации широко использован сравнительный метод для выявления особенностей в формулировании и реализации инновационного замысла в России и зарубежных странах (США, Франция, ФРГ, Китай, Бразилия, Индия, Сингапур, Малайзия, Южная Корея).

Благодаря цивилизационному подходу удалось проанализировать «генетические» препосылки инновационной мотивации каждого исследуемого государства, входящего в ту или иную локальную цивилизацию, и установить цивилизационные сходства и различия между странами, влияющие на последующий выбор модели государственной инновационной политики.

Исторический метод позволил ретроспективно проследить специфику осуществления реформаторской инновационной деятельности в России и за рубежом.

Эмпирическая и источниковая база исследования включает в себя несколько групп документов.

Программные и нормативные документы органов власти Российской Федерации и других исследуемых стран, а также выступления и мемуары государственных деятелей, преимущественно зарубежных, являвшихся инициаторами тех или иных масштабных инновационных проектов. Эти документы являются для нас особо значимыми.

Весьма важными для автора были также законодательство и другие правовые акты, регламентирующие и регулирующие порядок осуществления инновационной деятельности, вовлечения в инновационные процессы отечественных и зарубежных инвесторов. В то же время такого рода источники позволяют сделать вывод о месте инноваций в системе государственной власти и управления в тех или иных государствах, прежде всего, в России.

Еще одной группой источников, используемых в данной работе, являются материалы текущей прессы, посвященные опыту реализации инновационных проектов в Российской Федерации и за рубежом на современном этапе. Данная проблематика широко освещалась и освещается в отечественной прессе. Соответственно, в общественно-политических газетах и журналах можно найти информацию о специфике реализации инновационной политики на федеральном и региональном уровнях, об аргументах «за» и «против» инновационного пути развития страны, о текущей инновационной политике в развитых государствах мира.

Отдельное место занимают данные государственной статистики анализируемых стран, как эмпирическая основа для формулирования последующих выводов.

Специально надо оговорить то обстоятельство, что одним из важнейших источников информации при написании данной докторской диссертации стали Интернет-материалы. Особенно это касается анализа современного состояния инновационного развития, которое в силу «оперативности» практически не получило освещения в научной исследовательской литературе. Также весьма редко публикуются программные инновационные документы, «модернизационные» выступления лидеров государств, актуальная статистическая информация. Чаще всего такого рода информацию можно найти лишь в виртуальном пространстве, которое позволяет, с одной стороны, ознакомиться с актуальными статьями и монографиями по инновационной политике, а с другой – найти источники практически в режиме он-лайн. Кроме

того, надо отметить, что вследствие бурного развития инновационной сферы в современном мире, традиционная печатная литература зачастую морально устаревает уже на выходе, в то время как виртуальная информация является максимально актуальной и свежей.

Обоснованность и достоверность полученных результатов определяется качеством источниковой базы исследования, использованием научной методологии, возможностью верификации исследовательских процедур и полученных выводов.

Научная новизна исследования заключается в:

- выявлении впервые в отечественной научно-исследовательской литературе наличия органичной и тесной взаимосвязи между инновационной политикой государства и инновационной средой, генерируемыми и формируемыми различными политическими системами различными способами, а также в подробном раскрытии характера данной взаимосвязи;
- сформулированных понятиях инновационного замысла, инновационной мотивации и инновационной среды, влияющих на последующий выбор вектора государственной инновационной политики;
- полученных результатах комплексного сравнительного анализа моделей государственной инновационной политики в ведущих западных и «незападных» странах мира, отражающих теоретико-практические особенности реализации инновационной политики в данных странах;
- сконструированных моделях инновационной мотивации, основанных на результатах исследования эффективной инновационной политики анализируемых государств;
- обосновании государственной инновационной политики как главным образом элитарного проекта, осуществляемого при тоталитарном и авторитарном режимах – «сверху» и мобилизационным путем, а при либерально-демократическом режиме – на «паритетных» началах и путем «диалога» между властью и обществом при одновременном распределении

сфер ответственности за фундаментальные и прикладные исследования между государством и частным сектором;

- определении роли государственной идеологии (или системы идейных ценностей нации) в формулировании модели государственной инновационной политики и модели инновационной мотивации;
- выявлении ошибок и «узких мест» современного российского инновационного проекта;
- выработке авторской концепции государственной инновационной политики в современной России и модели инновационной мотивации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Различные политические системы различными путями и способами генерируют свою инновационную политику и формируют инновационную среду. С этим непосредственно связаны и достигаемые результаты инновационной деятельности.
2. Инновационный замысел – это стратегическая организующая политико-экономическая идея, инициированная государством и/или обществом в целом с целью достижения опережающего развития страны и приобретения ею регионального или глобального лидерства.

Инновационная мотивация – осознанное стремление властной элиты и/или общества в целом к осуществлению опережающей модернизации страны для решения стратегических задач ее развития.

Инновационная среда – сфера целенаправленной реализации инновационного замысла и инновационных практик государства в политике, экономике и социальной жизни общества.

Инновационный замысел без соответствующей заинтересованности элиты и общества обречен на то, чтобы остаться «прекрасной», но абстрактной идеей, а наличия инновационной мотивации без тщательно продуманной программы действий окажется недостаточно для эффективной реализации государственного инновационного проекта. При этом инновационный замысел находит свое практическое

воплощение в инновационной среде, которая формируется и регулируется в соответствии с базовой идеей модернизации. Одновременно с этим инновационная мотивация обусловлена существующим в стране политическим режимом.

3. В тоталитарной политической системе результаты инновационной деятельности обычно бывают достаточно или даже весьма впечатляющими, но лишь на определенных направлениях, наиболее актуальных для страны в конкретный исторический период времени. Недостаток же заключается в чрезвычайно высокой цене результата, огромных затратах разного рода и неустойчивости возникающей инновационной среды, границы которой сужены, главным образом, до границ ВПК как основного драйвера государственной инновационной политики при тоталитарном политическом режиме, что одновременно из-за секретности ВПК препятствует диффузии инноваций в гражданскую сферу.
4. Авторитарная модель инновационной модернизации предполагает приоритетное участие государства в лице лидера или элитной группы в инициировании, реализации и контроле за процессами преобразований. При этом гражданскому обществу отводится лишь вспомогательная роль в инновационной политике. Тем не менее, это не исключает того, что власть использует в его отношении не только методы принуждения, но и стимулирования, поощряя лояльность «младших партнеров». При этом инновационные реформы «сверху» опираются на подданическую политическую культуру авторитарных обществ, предполагающую относительную пассивность граждан и их ориентированность на решения, принимаемые властью.
5. Государственная инновационная политика при либерально-демократическом политическом режиме и формируемая ею инновационная среда принципиально иные, как по методам, так и по достигаемым результатам. Государство заботится о сохранении и

поддержании инновационной среды, самостоятельно генерирующей инновации. Помимо инновационного импульса, идущего «сверху вниз», присутствует сильный импульс «снизу вверх», идущий, главным образом, от частного сектора, отвечающего преимущественно за прикладные исследования и разработки, в то время как государство оставляет за собой прерогативу на фундаментальные исследования. Диффузия инноваций между военно-промышленной и гражданской сферами происходит относительно свободно.

6. Эффективная государственная инновационная политика как проект национальных элит имеет в своей основе ярко выраженную инновационную мотивацию, учитывающую цивилизационные, исторические, культурные, социально-экономические и ментальные особенности общественного развития.
7. Инновационная мотивация должна быть транслирована элитами народным массам, должна быть принята и поддержана последними. При этом элита получает доступ к энергии народных масс и может фокусировать ее в созидательных целях только при условии резонанса инновационного импульса, идущего от элиты, с господствующей в обществе идеологией (системой идейных ценностей нации).
8. Эффективность реализации государственной инновационной политики находится в прямой зависимости от суверенитета государства.
9. В инновационной политике ведущих государств мира присутствует сочетание приоритета национальной специфики и наилучшей зарубежной практики (механизмы, институты), поэтому ставка на прямое копирование инновационного опыта зарубежных стран (в т.ч., для России) представляется нецелесообразной и тупиковой.
10. В основе государственной инновационной политики России должна лежать «комплексная» инновационная мотивация, ориентированная на обеспечение суверенитета и стремление к глобальному лидерству и опирающаяся на цивилизационно и исторически обоснованную

государственную идеологию («национальную идею») построения «великой державы».

11. Эффективность реализации государственной инновационной политики в России зависит от:

- адекватности выбранной стратегии инновационного развития существующим реалиям;
- политико-экономических механизмов, в т.ч.:
  - а. законодательного урегулирования вопросов прав собственности, в особенности на результаты научных исследований и разработок;
  - б. создания специальной структуры при Правительстве Российской Федерации, обеспечивающей контроль за реализацией инновационной стратегии органами государственной власти, а также наблюдающей за инновационной активностью предпринимательских и научных кругов и координирующей деятельность всех участников инновационного процесса;
  - в. эффективного распределения инновационных полномочий между федеральным центром и регионами, поддержка «точек роста» на уровне субъектов Российской Федерации;
  - г. выстраивания системы взаимосвязей между бизнес-структурами, экспертными и университетскими центрами по принципу «заказчик-подрядчик»;
  - д. формирования национального Информационного центра прикладных научных разработок.
- системности и последовательности претворения в жизнь замыслов государственной инновационной политики;
- исполнительской дисциплины, предполагающей жесткую привязку результатов к заявленным целям и ответственность ключевых уполномоченных организаций и лиц;

- внедрения на общегосударственном уровне мер по борьбе с коррупцией (коррупционно-производственными отношениями);
- снижения бюрократических барьеров для частного инновационного бизнеса;
- активности и результативности международного сотрудничества России с другими странами с целью изучения и адаптации наилучшей зарубежной практики в сфере государственной инновационной политики (стратегия, механизмы, институты) применительно к нашей стране.

Научно-теоретическое и прикладное значение результатов исследования заключается в предложенных автором определениях инновационного замысла и инновационной мотивации, сконструированных моделях инновационной мотивации, авторской концепции модели инновационной мотивации и государственной инновационной политики России, а также в предлагаемых рекомендациях по совершенствованию действующих и формированию новых механизмов инновационной политики в России, в т.ч. с учетом использования наилучшей зарубежной практики. В частности, авторское видение процесса инновационного развития современных государств предполагает сбалансированное сочетание элементов универсального и национального при выборе оптимального варианта политической и социально-экономической модернизации государствами XXI века.

Теоретические положения диссертации подкрепляются значительными фактическими данными, что позволяет использовать материалы диссертации в рамках курсов лекций и практических занятий по целому ряду политологических дисциплин, читаемых как для бакалавров, так и магистрантов: «Современная российская политика», «Сравнительная политология», «Политический анализ и прогнозирование», «Механизмы и методы обеспечения политико-экономической стабильности и устойчивости развития современных государств».

Апробация результатов исследования.

Результаты научного исследования прошли апробацию в ходе ряда международных и всероссийских конференций. Разработан и читается авторский курс «Современная российская политика» (модуль «Инновационная политика государства» для бакалавров направления подготовки «Политология» в течение третьего года обучения в Финансовом университете, имеется целый ряд успешно защищенных дипломных работ, подготовленных с использованием авторских наработок диссертанта). Кроме того, некоторые из идей, представленных в диссертационных материалах, получили дальнейшее прикладное применение.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация полностью соответствует формуле паспорта специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии – исследование сущностных, институциональных, процессуальных и технологических характеристик политического пространства, особенностей политических изменений, основных субъектов политического процесса, технологий политической мобилизации в современных условиях. Объектами исследований в рамках данной специальности выступают политические системы и политические режимы, процессы социально-политической трансформации, принципы и механизмы политического управления.

Результаты диссертационного исследования соответствуют следующим позициям пунктов паспорта специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии:

п. 3. ... Влияние политических режимов на политический процесс. Переходные режимы: современные дискуссии. Эволюция политического режима в современной России, направления, принципы и механизмы конституционного процесса.

п. 9. Статика и динамика в политической жизни: традиционные и модернизационные типы общества. Цивилизационные и национальные стили развития политических процессов. Принципы и механизмы взаимодействия общеисторических императивов и требований отечественной традиции в

политическом развитии общества. Политическая модернизация, ее взаимосвязь с модернизационными прорывами в других сферах общественной жизни. Инновационные группы в модернизационных процессах. Модернизация в условиях глобализации. Противоречия и перспективы модернизационных процессов в современной России.

п.10. ... Идеи циклической динамики. Политическое развитие в контексте постмодерна. Теория политического акционизма. Теории политической модернизации. Демократический транзит и т.д. ... Концепция устойчивого развития в контексте политической науки.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. Селезнев, П.С. Инновационные проекты современности: политико-экономический опыт для России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2013. – 302 с.

2. Селезнев, П.С. Инновационная политика «незападных» стран в начале XXI столетия: поиск приоритетов модернизации: монография. – М.: Финансовый университет. – 2013. – 160 с.

3. Селезнев, П.С. Государственная инновационная политика стран Запада и России (конец XX – начало XXI века): монография. – М.: Финансовый университет. – 2012. – 204 с.

4. Collection of Scientific Papers. Workshop: University of Perugia and Financial University under the Government of the Russian Federation. European and Russian economies between innovation needs, growth challenges and international crises: institutional, managerial, financial, accounting and legal features. Edition by Liudmila Kupriyanova and Pavel Seleznev – Riga: Financial University, Ltd., Russian-Italian International University (Institute). – 2012 – pp. 304.

**Статьи в рецензируемых изданиях,
входящих в перечень ВАК Минобрнауки России**

1. Селезнев, П.С., Соснило, А.И. Шестой технологический уклад и модернизация // Власть. – 2014. – № 10. – С. 14
2. Селезнев, П.С. Модернизация постсоветской России: от «демократического транзита» к инновационному развитию // Известия Саратовского университета. Серия Философия, Психология, Педагогика. – 2014. – Том 14. – Выпуск № 2. – С. 43.
3. Селезнев, П.С. Сингапурская модернизация: инновационный опыт для России // Власть. – 2014. – № 7. – С. 165.
4. Селезнев, П.С. Инновационный потенциал Индии: состояние и возможности развития // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – №5 – С. 51.
5. Селезнев, П.С. Политическая идеология инноваций: выбор Запада и выбор Востока // Власть. – 2014. – № 3. – С. 23.
6. Селезнев, П.С. Инновационный путь Бразилии // Observer-Обозреватель. – 2014. – № 2. – С. 65.
7. Селезнев, П.С. Инновационная стратегия выживания и успеха в конкурентной среде: опыт Сингапура // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 1. – С. 45.
8. Селезнев, П.С. Причины торможения инновационного проекта как фактора обеспечения экономической безопасности России // Геополитика и безопасность. – 2013. – № 4. – С. 87.
9. Селезнев, П.С. Инновационная политика России: в поисках мотивации // Философские науки. – 2013. – №3. – С. 21.
10. Селезнев, П.С. Проблемы инновационного развития в российском измерении // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 109.
11. Селезнев, П.С. Инновационный выбор стран «третьего мира»: мотивации и модели // Философские науки. – 2012. – № 8. – С. 86.

12. Селезнев, П.С. Инновационная политика США: борьба за глобальное лидерство // Вестник Финансового университета. – 2012. – № 5. – С. 91.

13. Селезнев, П.С. Европейский путь инновационной политики (Опыт Германии) // Observer-Обозреватель. – 2012. – № 6. – С. 107.

14. Селезнев, П.С. Инновационное развитие России в начале XXI века: национальный приоритет и вынужденная необходимость // Мир и политика. – 2011. – № 11. – С. 83.

15. Селезнев, П.С. Инновационная политика – ответ на идеологический кризис рубежа XX-XXI вв. // Observer-Обозреватель. – 2011. – № 9. – С. 6.

16. Селезнев, П.С. Региональная инновационная политика Франции // Observer-Обозреватель. – 2009. – № 3. – С. 90.

17. Селезнев, П.С. Опыт инновационного и научно-технологического развития в США // Власть. – 2009. – № 2. – С. 16.

18. Атерекова, А.В., Журов, А.В., Селезнев, П.С. Перспективы российской инновационной сферы // Observer-Обозреватель. – 2007. – № 3. – С. 80.

Статьи в зарубежных изданиях

19. Seleznev. Choice of Reform for Russia in the 21st Century // Seeking Truth. – 2013. – № 1. – P. 31

20. Seleznev, Pavel Sergeievich. Political Ideology and Innovation Introduction: the Eastern and Western Paths // Banking Science & Training Review. – 2014. – № 3. – P. 57

Прочие статьи

1. Симонов, К.В., Петросянц, Д.В., Селезнев, П.С. Опыт преподавания курса «Современная российская политика» в Финансовом университете // Совет ректоров. – 2014. – №2 – С. 15.

2. Селезнев, П.С. Инновационный выбор России в контексте международного опыта политико-экономической модернизации XXI века / Инновационное развитие России: проблемы и решения: монография / коллектив авторов; под ред. М.А. Эскиндарова, С.Н. Сильвестрова. – М.: Анкил. – 2013. – С. 156.

3. Селезнев, П.С. Стратегия опережающего развития и концепт инновационности в политике стран Запада // Гуманитарные науки (Вестник Финансового университета). – 2011. – № 4. – С. 47.

4. Селезнев, П.С. Механизм государственного экономико-правового регулирования научно-технологического развития в США / Инновационная среда / под редакцией А.Г. Чернышова, Сборник статей, Выпуск 1. – Москва: Изд-во Государственной академии инноваций, 2008. – С. 28.

5. Селезнев, П.С. Инновационная составляющая в деятельности современных государств (на примере России и других стран мира) / Современное государство и мир: специфика отношений в эпоху глобализации / IX международная научно-практическая конференция, Тезисы докладов. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУТ. – 2007. – С. 63.

6. Разгильдеев, А.В., Селезнев, П.С. Новые подходы к финансированию инновационной деятельности в России // Финансовый менеджмент. – 2006. – № 5. – С. 127.

7. Разгильдеев, А.В., Селезнев, П.С. Неформальные бизнес группы: особенности налогового статуса // Финансовый менеджмент. – 2006. – № 2. – С. 61.

8. Дорошенко, Д.Р., Селезнев, П.С. Инвестиционная привлекательность России (с позиции иностранных инвесторов) // Консультант директора. – 2006. – № 1. – С. 20.

9. Разгильдеев, А.В., Селезнев, П.С. Налоговые механизмы инновационного развития // Бюллетень финансовой информации. – 2005. – № 6. – С. 38.

10. Оголева, Л.Н., Разгильдеев, А.В., Селезнев, П.С. Как стимулировать развитие российской экономики // Бюллетень финансовой информации. – 2005. – № 2-3. – С. 4.

11. Оголева, Л.Н., Разгильдеев, А.В., Селезнев, П.С. Необходимость инновационного стимулирования российской экономики // Консультант директора. – 2005. – № 6. – С. 21.

12. Драчева, Е.Л., Селезнев, П.С. Эффективная информация и управление знаниями внутри организации // Менеджмент в России и за рубежом. – 2004 – № 6. – С. 12.

Структура диссертационного исследования обусловлена выбранным предметом, целью и задачами научного исследования. Диссертация включает введение, пять глав, заключение, приложения, список литературы.

Глава 1. Концепция инновационного развития: политико-экономические аспекты

§ 1. Инновационное развитие как основа современного политико-экономического прогресса

Обеспечение инновационного развития – один из наиболее актуальных по значимости и сложных по воплощению политических вопросов XXI века. При этом уже сейчас оформились теоретические «проблемные поля», которые имеет смысл рассмотреть перед анализом основных моделей инновационной мотивации, определяющих последующий выбор инновационной стратегии, модели и механизмов реализации (практического опыта) инновационной политики в тех странах мира, которые достигли в этом наиболее впечатляющих результатов.

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался началом перехода наиболее развитых стран мира от пятого технологического уклада к шестому, более того, как считают отдельные эксперты, от информационного общества к постинформационному. Это не могло не поставить на повестку дня целый ряд серьезных (точнее сказать, фундаментальных) вопросов. Один из них – степень адекватности новым историческим реалиям тех систем национальных идейных ценностей (фактически идеологий общественной и государственной жизни), которые доминировали в наиболее развитом западном мире длительное историческое время, особенно с момента великих буржуазных революций XIX века в Европе, а затем и в XX веке.

Представляя и защищая интересы основных социальных слоев населения, трансформируясь и мимикрируя по велению новых исторических реалий (либерализм – в неолиберализм, консерватизм – в неоконсерватизм и т.д.), эти идеологии показали свою жизнеспособность и высокую ценность. Под влиянием

новых обстоятельств шел не только процесс преобразования, но и конвергенции, или, иначе говоря, сближения и заимствования ценностей одних идеологий другими, а также взаимопроникновения идеологий, чем, собственно, занимаются партийные идеологии, заинтересованные в росте популярности партий и их успехе в электоральных кампаниях. Под значительным воздействием растущего среднего класса и изменений его интересов в XX веке происходило сближение идеологических ценностных основ партийных идеологий и, соответственно, партийных программ. Несмотря на это базовые основы идеологий все же сохранялись.

Как будет выглядеть реальная картина завтрашнего дня, сегодня сказать трудно, потому что процесс перехода к новому (шестому) технологическому укладу находится в самом начале. Какое влияние этот процесс окажет на производственные отношения, говорить также пока рано. Но уже достаточно ясно, что все основные идеологии современности испытывают серьезные трудности и вынуждены адаптироваться к новым реалиям. Это начали признавать и в ведущих странах мира. Например, в США. Представляя в апреле 2014 года в Вашингтоне «Четырехлетний обзор дипломатии и развития», госсекретарь США Джон Керри отметил, что «во времена «холодной войны» лидерам было не так сложно принимать решения, как сейчас». По его мнению, вариантов было меньше, они были проще и понятнее; коммунизм или демократия, Восток или Запад, «железный занавес» или великая линия раздела. Много было подчинено этой силе биполярного мира». «Теперь, – отметил далее Джон Керри, – приходится прокладывать свой путь через гораздо более сложный и быстро меняющийся мир, сталкивающийся с такими угрозами, как рост религиозного экстремизма, радикальных идеологий, ..., включая радикальный ислам». Важным фактором, влияющим на политику, американский госсекретарь назвал «прогресс последних лет в возможностях общения и обмена мнениями людей в режиме реального времени, мгновенно и круглосуточно²⁴».

---

²⁴ Дунаевский, И. Керри не хватает простоты? Госсекретарь рассказал о планах дипломатии США на ближайшие годы // Российская газета. – 2014. – 24 апреля.

Не отрицая того, на что обратил внимание Джон Керри, нельзя забывать и о глубинных, фундаментальных причинах происходящих в мире событий, прежде всего, в его развитой части, к которым относится то, о чем упоминалось выше, в связи с переходом этой части мира к новому технологическому укладу. А в переходные эпохи, в периоды смуты и кризиса, как не раз доказывала историческая практика, радикальные и экстремистские идеи и движения всегда активизировались и выходили на авансцену. Однако с течением времени по мере преодоления переходных кризисных состояний фундаментальные ценности в обновленном виде брали верх. Поэтому тот кризис, с которым столкнулись традиционные идеологии, будет, как представляется, со временем преодолен. При этом следует ожидать в идеологиях существенных корректив, которые должны вносить партии (точнее говоря, партийные теоретики), с последующей коррекцией основополагающих партийных документов – программы и устава. Самое сложное в этой ситуации – определить, какие элементы той или иной идеологии останутся неизменными, а какие – подлежат корректировке. Чтобы не ошибиться, надо исходить из тех качественных изменений, которые произошли в обществе, государстве и мире за время, прошедшее после предыдущей корректировки. Все это требует регулярной системной аналитической работы, учитывающей цивилизационные, культурные, исторические, экономические, политические предпосылки.

Особенно серьезным испытаниям в начале XXI века подверглась либеральная политическая и социально-экономическая догматика, незыблемость позиций которой была подвергнута сомнению, с одной стороны, излишне настойчивыми попытками США и Евросоюза распространить ее повсеместно в качестве единственно верного учения, с другой – глобальным финансово-экономическим кризисом, который заставил человечество задаться вопросом относительно универсальности и эффективности либерально-рыночной модели. Следствием этого стали попытки найти ответы на вызовы нового столетия в прошлом. Так, в политической сфере возрос интерес к идеологиям XIX-XX вв. (коммунизм, социал-демократия, консерватизм), а также к квазиполитическим

теориям (политический феминизм, религиозно-политические учения, глобализм-антиглобализм, постиндустриализм, экологизм), а в экономике возник запрос на новую версию кейнсианства.

Обращаясь в прошлое или же используя неадекватное новым реалиям настоящее, государственные деятели, политики и экономисты фактически игнорируют качественно иной тип социальных, экономических и политических отношений, которые возникли в начале XXI века. Чем же новый век принципиально отличается от предыдущего?

- более высокой общей динамикой политического и социально-экономического развития, что требует от человечества более оперативной гибкой реакции на требования момента;
- противоречивостью глобальной обстановки: с одной стороны, продолжаются процессы глобализации, с другой – растет влияние стран и цивилизаций, альтернативных Западу – «незападных» стран, которые некоторое время назад относили к странам третьего мира и в успех которых мало кто мог поверить, но которые, вместе с тем, развиваются сегодня опережающими темпами (в этой связи применяемые ими модели инновационной мотивации и инновационные стратегии заслуживают тщательного изучения);
- растущим дефицитом жизненно важных ресурсов (энергетических, водных, продовольственных, территориальных, демографических, технологических и др.);
- латентным ростом международной конфликтности, негласно продолжающимся соперничеством в сфере вооружений и оборонных технологий;
- общим снижением политической активности масс;
- оформлением информационного общества, открытостью информационного пространства, динамичным распространением новых информационных технологий;

– изменением самих принципов жизни человека XXI столетия, в которых гедонистический идеал и культ потребления играют основную роль.

Если ранее в ходе глобального противостояния эти факторы были второстепенными и находились в тени идеологической борьбы, то с начала 1990-х гг. они выходят на первый план, требуя неотложных мер по реагированию на них. Именно с этого так называемого периода «рационализации» происходит фактическое слияние политики и экономики в единое целое. Понятно, что и ранее во все времена они были неразрывно связаны, но именно на рубеже XX-XXI вв. наблюдается их сращивание и перекрестное взаимовлияние.

С этими обстоятельствами связаны и трансформации в теории модернизации. Так, в начале XXI века становится почти неактуальным деление на страны лидирующей и догоняющей модернизации. С одной стороны, это связано с кризисом западной либеральной модели – в ответ появляются иные, альтернативные варианты эффективного политического и экономического развития, с другой – в силу того, что инновационный путь дает всем его участникам практически равные шансы модернизационного прорыва.

Еще одним вызовом времени стали трудности в технологическом развитии ведущих стран мира, вызванные, с одной стороны, исчерпанностью прежнего экономического уклада, с другой – отсутствием новых идей в рамках традиционных политико-экономических моделей. Ряд интеллектуалов современности полагают, что практически все достижения 1990-х гг. (Интернет, мобильная связь и пр.) были изобретены двумя десятилетиями ранее. А известный экономист Роберт Гордон вообще считает, что современные технологические инновации с точки зрения общего эффекта от них существенно уступают более ранним достижениям человечества: изобретению электричества, водопровода, двигателя внутреннего сгорания и др.²⁵ Начало эры общества потребления характеризуется настоящей культурной революцией, вследствие чего

---

²⁵ См.: Калинин, А. «Кризис инноваций» // <http://iinsider.biz/кризис-инноваций/>

консюмеризм (потребительство) сменяет классический капитализм²⁶. При этом происходит смена роли в экономической системе самого потребителя. Ж. Бодрийяр указывал на то, что системе все больше нужны люди как потребители²⁷. В этой связи экономическая система и схема ее организации меняются радикально. У потребителей с каждым посещением рынка возникают все основания рассуждать, что им отведена главная роль²⁸. Динамика посещения рынка непредсказуема и не вписывается в модель рационального поведения человека экономического.

Кроме того, в конце XX века обострилась международная конкуренция за ресурсы, которые могли бы помочь реализовать гедонистические запросы населения ведущих стран мира. Во многом именно с этим связано резкое повышение цен на энергоносители. Однако и этого недостаточно для удовлетворения растущих потребностей. Соответственно, ставка делается на развитие инновационных технологий и проектов. Как отмечает директор Департамента тематических программ Австрийского агентства поддержки исследований Эммануэль Гленк, «современная экономика просто одержима инновациями»²⁹. «К этому ее подталкивают, с одной стороны, конкуренция, а с другой – сам потребитель, который психоэмоционально ориентирован на новое, чтобы быть не только современным, но даже идти впереди времени», – считает он³⁰.

Особо стоит подчеркнуть, что распространение ценностей потребления поставило под угрозу стабильность в развитых странах мира. Дело в том, что в условиях либеральной демократии позиции правящих элит в той или иной степени зависят от волеизъявления граждан. Хотя в условиях информационного

---

²⁶ Ильин, В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. – 2005. – № 2. – С. 6.

²⁷ Baudrillard, J. *The Consumer Society: Myths and Structures* (Published in association with *Theory, Culture & Society*), SAGE Publications Ltd, 1998. P.83.

²⁸ Бауман, З. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. С. 121.

²⁹ *Инновации как драйвер социо-культурного развития*. Под научной редакцией В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2013. С. 126-127.

³⁰ Там же. С. 127.

общества власть получила серьезные рычаги воздействия на общественное мнение, в том числе, и возможности политического манипулирования электоральным поведением, тем не менее, абсолютной гарантии от политического поражения они не дают. Особенно, если речь идет о материальном благополучии и социальном благоденствии. При этом политические ценности в общественном мнении к концу 1990-х гг. отошли на второй план. Если ранее относительно действенными являлись принципы демократического транзита, то по мере обретения политических прав и свобод граждане все большее внимание уделяют социальному вопросу. Соответственно, перед элитами Запада возникла проблема: как сохранить лояльность граждан, избежав кардинальной перестройки политической системы и сохранив свое доминирующее положение в ней. В этом плане примечательно определение инноваций, которое дает немецкий справочник «Политлексикон»: «Инновации – требование постоянной эволюции политического сообщества при условии, что быстрые социальные и экономические изменения происходят в рамках функционирующей политической системы»³¹. Такое понимание инноваций позволяет элитам, во-первых, обеспечить неизменность (фактически статус-кво) политической системы, во-вторых, дать народу новый образ «светлого будущего», в-третьих, продемонстрировать свое внимание к «запросу на перемены».

При этом следует различать понятия политической модернизации и инновационной модернизации. В политологии под модернизацией зачастую понимается процесс перехода от тоталитаризма к демократии (иногда через «промежуточное» авторитарное правление). Однако в условиях демократического транзита (будь то по С. Хантингтону, будь то по Р. Далю) страны практически неспособны сразу и быстро выйти на инновационный путь развития. Как показывает практика 1990-2000-х гг. «реформируемые» таким образом государства достаточно тяжело переживают политическую и экономическую «перестройку», являются очень чувствительными к кризисам, пребывают в

---

³¹ Политлексикон: понятие, факты, взаимосвязи / под общ. ред. В.П. Любина, Р. Крумма; науч. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: РОССПЭН, 2013. С. 221.

нестабильном положении. Более того, в настоящий период очень многие страны «новой демократии» по целому ряду причин не способны выйти на инновационный уровень и даже не предпринимают таких попыток, в то время как многие авторитарные государства с устойчивыми политическими и экономическими системами демонстрируют инновационные успехи. Таким образом, получается, что инновационная модернизация напрямую не зависит от модернизации политической в ее либерально-демократическом (западном) понимании.

Однако при всем своеобразии понимания инноваций и инновационной модернизации в различных странах и культурах уже выработались ее базовые теоретические положения. Как справедливо отмечает академик Ю.В. Яковец, «Глубочайший цивилизационный кризис конца XX века, охвативший все сферы общества и его взаимоотношения с природой, является предвестником и стимулом очередной волны эпохальных и базисных инноваций, которая разворачивается в условиях глобализации и становления интегрального социокультурного строя и служит основой и стержнем становления гуманистически-ноосферного постиндустриального общества. Это требует переосмыслить наследие XX века в области теории инноваций и методологии их прогнозирования, выработать эффективные механизмы использования плодов инноваций во благо, а не для гибели человечества»³².

Анализ существующего опыта показывает, что, в конечном счете, два фактора – особенности трансформации системы взаимоотношений и направление вектора инновационного развития территории – обуславливают предпосылки формирования инновационного общества. Последний фактор особенно важен, поскольку представить появление инновационного человека и инновационного общества в отрыве от инновационного развития региона, страны, транснационального образования достаточно сложно. Направление вектора инновационного развития определяется всей совокупностью инновационных проектов, реализуемых в интересах данной территории, а связанную с ними

---

³² Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004. С. 7.

активность людей – носителей инноваций – можно определить как сферу публичного инновационного пространства³³.

Показательно, что вслед за ведущими демократиями Запада (США, Германия, Франция), инновационный проект получает поддержку истеблишмента либо «не совсем демократических», либо вообще авторитарных государств, например, Сингапура и КНР. И опять же в этом проекте их привлекала, прежде всего, возможность обеспечить динамическое развитие экономической и социальной сфер без кардинальных политических преобразований. В частности, анализируя инновационный путь КНР, российские ученые Е. Готлиб и Т. Калинин отмечают, что в Китае не внедряется демократия западного образца, а строится китайский вариант популярной в Азии «полуторапартийной системы». При ней наиболее авторитетная политическая сила опирается на абсолютное большинство в парламенте и неизменно остается у власти даже в условиях многопартийности. По мнению исследователей, подобная модель «просвещенного авторитаризма» обеспечила экономическое чудо в Японии и Южной Корее, на Тайване и в Сингапуре³⁴.

Начало XXI века по-новому сфокусировало внимание правящих элит (особенно в «незападных» странах) на проблеме обеспечения стабильности. Этому способствовала инициированная Соединенными Штатами политика экспорта демократии, на практике предполагавшая прямое вмешательство в дела отдельно взятых стран (Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия). Соответственно, стали актуальны, в т.ч. и в России, поиски модернизационных схем, которые позволили бы обеспечить национальный суверенитет³⁵.

Обоснованием демократии особого типа для России называют соображения, озвученные В. Путиным в 2005 г. в рамках послания Федеральному Собранию: Президент отметил, что страна, следуя всем общепринятым демократическим

---

³³ Инновационный человек и инновационное общество. Под научной редакцией В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. С. 207-208.

³⁴ Инновационная политика Китая: учебное пособие / Готлиб, Е.М., Калинин, Т.Ю. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2009. С. 80-81.

³⁵ Демократия: перезагрузка смыслов. – М.: Праксис, 2010. С. 66-67.

нормам, будет самостоятельно принимать решение об обеспечении реализации принципов демократии и свободы с учетом своих исторических, геополитических и иных особенностей. Россия, как страна суверенная, будет определять сама условия и сроки движения по этому пути³⁶. Соответственно, инновационный проект как раз и мыслился многими странами в качестве гарантии своего суверенитета. С одной стороны, как подстраховка от социальных потрясений, с другой – как обеспечение обороноспособности (развитие ВПК на основе инновационных технологий).

Еще одной важной теоретической проблемой, связанной с политико-экономическим осмыслением инновационного концепта, является проблема инновационной мотивации. В Европе и США существует «генетический» обусловленный запрос на инновации, поскольку именно с ними многие граждане (иногда на уровне почти религиозной веры) связывают возможность повышения своего материального благосостояния и комфорта. Тем не менее, как показывает практика, гражданское общество практически никогда не проявляет себя «инициатором» подобных реформ. Массы чаще всего психологически и интеллектуально консервативнее своих элит, кроме того, они не обладают развитыми аналитическими и прогностическими способностями. В этом плане явно неверно воспринимаются рядом зарубежных авторов роль и значение так называемого креативного класса, который на самом деле не является флагманом и генератором инноваций, а, скорее, следует в фарватере изменений, инициированных правящими элитами. По мнению автора, креативный класс первым улавливает инновационный импульс элиты, исходящую от нее инновационную мотивацию и, с одной стороны, выполняет роль по дальнейшей передаче этого импульса массам, а с другой – выступает опорой для воплощения элитой своих инновационных замыслов.

Это же касается и бизнеса. По мнению политолога А.Б. Шатилова, «предпринимательский цех также не имеет инновационной «жилки». С одной

---

³⁶ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 25 апреля 2005 г.

стороны, «в силу принадлежности все к той же «подданнической» культуре, с другой – ввиду присутствия серьезных финансово-экономических рисков (необходимость долгосрочных вложений, долгая окупаемость инновационных проектов и пр.)»³⁷. На незаинтересованность крупного бизнеса в базисных технократических инновациях указывает и японский исследователь К. Кусуноки на примере изучения отрасли по производству коммуникационного оборудования. Им было обнаружено, что в своей деятельности крупные отраслевые лидеры очень неохотно внедряют в свою деятельность базисные инновации, кардинально меняющие всю схему производства данных компаний, и в лучшем случае сосредотачиваются на улучшающих инновациях, вносящих относительно небольшие изменения в технологический процесс³⁸.

«Именно от грамотного руководства инновационной модернизацией зависит её успех или неудача. Большую роль в переходе к инновационной модернизации играет уровень развития и компетентности политической элиты», – считает современный исследователь инноваций А.А. Балаян³⁹. По мнению автора диссертационного исследования, роль элит во внедрении инноваций и созданию устойчивой инновационной среды не просто большая – она ключевая, стратегическая.

Очень уместно в данном контексте упомянуть идеальную модель модернизационного прорыва, сформулированную известным российским политологом А.Н. Арининым. В частности, он отмечает, что сильной и устойчивой страна может быть только тогда, когда элита ее постоянно укрепляет и совершенствует в соответствии с вызовами времени. Мировой и отечественный

---

³⁷ Шатилов, А.Б. Инновационный проект России и креативный класс: современные дискуссии // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием (г. Ростов-на-Дону), 7-8 октября 2013 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. Т. 1. С. 427.

³⁸ См.: Kusunoki, K. Incapability of Technological Capability: A Case Study on Product Innovation in the Japanese Facsimile Machine Industry // Journal of Product Innovation Management. Volume 14, September 1997, Issue 5, pp. 368–382.

³⁹ Балаян, А.А. Политическая элита и инновационное развитие современной России: проблемы и перспективы // Материалы Российско-германской научной конференции «Политика как фактор инновационного развития». – СПб, 2010. – С. 17.

опыт учит, что именно чувство собственного сохранения заставляет элиту совершенствоваться – модернизировать страну в соответствии с вызовами необходимости преобразований. Сначала элита вырабатывает новые идеи. Затем на их основе она создает новую модель развития страны и в итоге осуществляет необходимые преобразования. Как результат элита, с одной стороны, защищает национальные интересы страны – интересы своего народа, а с другой – сохраняет себя, свою власть, свои деньги и собственность⁴⁰.

Однако на практике далеко не всегда инновационный проект поддерживается элитами единодушно, что обусловлено неоднородностью самой элиты. С одной стороны, нередко его воспринимают как еще одну возможность перераспределить выделяемые государством на преобразования финансовые средства, с другой – ряд представителей элиты и властных структур не заинтересованы в проведении инновационных реформ и всячески их тормозят и саботируют, желая сохранить свой статус-кво.

Также негативно на развитие инновационного проекта влияют такие факторы, как коррумпированность и консерватизм отдельных элитных групп, которые зачастую стремятся парализовать активность своих «инновационных» оппонентов.

Все вышеизложенное ставит на повестку дня два следующих теоретических вопроса – об инновационном замысле и инновационной мотивации, поскольку именно они дают направляющий импульс инновационному проекту и определяют его характерные черты. Автором в контексте настоящего диссертационного исследования предлагаются следующие их определения.

Инновационный замысел – это стратегическая организующая политико-экономическая идея, инициированная государством и/или обществом в целом с целью достижения опережающего развития страны и приобретения ею регионального или глобального лидерства.

---

⁴⁰ Аринин, А.Н. Элита и модернизация России / Информационно-аналитический журнал «Политическое образование», 06.10.2009 // <http://www.lawinrussia.ru/elita-i-modernizatsiya-rossii>

Инновационная мотивация – осознанное стремление властной элиты и/или общества в целом к осуществлению опережающей модернизации страны для решения стратегических задач ее развития.

Инновационная среда - сфера целенаправленной реализации инновационного замысла и инновационных практик государства в политике, экономике и социальной жизни.

При этом оба эти понятия неотделимы друг от друга, поскольку инновационный замысел без соответствующей заинтересованности элиты и общества обречен на то, чтобы остаться «прекрасной», но абстрактной идеей, а наличия инновационной мотивации без тщательно продуманной программы действий окажется недостаточно для эффективной реализации государственного инновационного проекта. В свою очередь, инновационный замысел находит свое практическое воплощение в инновационной среде, которая формируется и регулируется в соответствии с базовой идеей модернизации.

Одновременно инновационная мотивация тесно связана с существующим в стране политическим режимом. И тут возникает сразу несколько проблемных моментов.

Во-первых, кто является инициатором инновационных преобразований?

Во-вторых, как осуществляется взаимодействие власти и общества в рамках инновационного проекта?

В-третьих, как влияет на ход инновационных реформ политическая культура общества?

В-четвертых, каковы причины, побудившие политический режим встать на путь инновационного развития?

В-пятых, как на инновационные инициативы «сверху» реагируют общество и власть?

В-шестых, кто является бенефициаром инновационной политики?

Более подробно взаимосвязь инновационного курса и политического режима проанализирована во втором параграфе данной главы.

Особого внимания с точки зрения оформления политической теории инноваций является вопрос о том, существуют ли универсальные способы такого развития, есть ли «идеальное лекало», которые могут применять государства, желающие вступить на путь инновационных преобразований. Данная проблема тесно переплетается с проблемой сопряжения инновационного опыта и инновационных ценностей с политической культурой «незападных» обществ, особенно с учетом того, что инновационность в мире все-таки исторически больше ассоциируется с Западной Европой и США, поскольку является генетической особенностью западноевропейской и «вышедшей из нее» североамериканской цивилизаций, соответственно.

Успешное развитие современного общества предполагает не только формирование устойчивых социальных институтов гражданского общества, государства, но и обеспечение эффективных процессов, процедур их деятельности. Это выводит на первый план проблему культурных ресурсов и барьеров, соответственно – способствующих или препятствующих инновационному развитию⁴¹.

Политическая культура общества по своим базовым характеристикам достаточно статична и консервативна, а иногда и ретроградна. Это касается не только патерналистски ориентированных «незападных» стран, но даже ведущих стран Запада. Так, если «подвижные» ценностные ориентации политического сознания масс можно изменить в пользу инновационных приоритетов, то глубинную базовую социальную онтологию – крайне сложно. Попытки принудительной модернизации здесь не проходят и чреваты отторжением и поражением инновационного проекта. Нечто похожее можно было наблюдать в ситуации с насильственным распространением в незападных социумах либерально-демократических ценностей (Ирак, Афганистан, Ливия, Россия в 1990-х гг.). Будучи искусственно привнесенными и «технически» насажденными, они не работали, не давали необходимых результатов, вели к дискредитации

---

⁴¹ Мариносян, Х.Э. Истоки и сущность глобального кризиса. Задачи государства в построении нового миропорядка // Философские науки. – 2010. – № 1. – С. 7.

самой идеи демократизации. Что же касается аналогичных явлений в сфере инновационной политики, то страны-неофиты, сделавшие ставку на инновационное развитие, вынуждены на первой стадии реформ опираться на опыт предшественников, то есть, фактически на опыт упомянутых США и Западной Европы. Однако механическое заимствование не ведет к органической адаптации инновационных идей в «незападных» государствах. Лишь найденный баланс между модернизационными ценностями и базовой социальной онтологией позволяет успешно двигать инновационные проекты в «незападных» странах. Примечательно, что за счет этого в начале XXI в. помимо инновационных по природе демократических государств Запада с господствующей в них протестантской этикой в качестве идеологической основы к инновационности приобщились авторитарные государства с буддийскими, индуистскими, православными религиозно-мировоззренческими приоритетами, в которых рынок выступает лишь как инструмент, механизм, но ни в коем случае не как самоцель. В отношении последней группы стран переход на инновационные рельсы осуществлялся не подобно «мобилизационной», форсированной модернизации в духе СССР 1920-1930-х гг., а путем поступательного и органичного обновления, который в силу своего созвучия цивилизационным и религиозно-мировоззренческим основам воспринимался массами как вполне объективный и позитивный. Как отмечает В.Г. Федотова, несовпадение опыта догоняющих стран с Западом всегда имело в реальности место, но в теории и политике оценивалось как неудача модернизации. Сегодня появились новые модели развития, которые учитывают фактор нелинейности и не рассматривают неравномерность развития не как преходящий и преодолимый феномен⁴². Однако абсолютизировать своеобразие также не приходится. Глобализация прямо или косвенно задает основной вектор инновационного развития, влияет на формирование его институтов, определяет общепринятые правила игры. Другое дело, что в мировой глобализации, в отличие от 1990-х гг., когда она носила характер откровенно

---

⁴² Федотова, В.Г. Социальные инновации: макро- и микротенденции // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 82-95

американский, сейчас наблюдаются несколько игроков, отстаивающих и продвигающих свои ценности. Так, жесткую конкуренцию США на этом поле сейчас оказывает Китай, латентно продвигая при этом свой альтернативный вариант глобализации. Как отмечает писатель и переводчик Владимир Малявин, китайский глобализм сокрыт. Глобализм в сегодняшнем мире, таким образом, может быть редуцирован уже не к одной, а к двум формам – американской и китайской. Американская форма, ультразападная, насаждает жесткие самотождественные принципы и формы, носящие абстрактно рациональный характер. Китайцы всегда «следуют» и скрывают себя⁴³. Россия также пытается играть значимую роль в мировой глобализации, в т.ч. применять «мягкую силу», однако здесь ее возможности ограничены: она не обладает ни экономической и информационной мощью как США, ни многомиллиардным «человеческим ресурсом» как КНР. Однако это опять же не влияет серьезно на ее способность выработать свой, особый путь инновационного развития, пусть даже на основе органической адаптации зарубежных универсалий.

Каковы же универсальные требования, необходимые для формирования в той или иной стране инновационного общества или, по крайней мере, для начала инновационного проекта как части проекта модернизационного?

Во-первых, нужно отметить важность наличия соответствующего человеческого потенциала. Инновационный процесс возможен только в тех странах, где достигнут достаточно высокий уровень образованности населения и его модернизационной активности и где граждане имеют относительно высокий уровень доходов. Все это стимулирует их сознательную заинтересованность в инновационных преобразованиях и такого рода реформы они рассматривают, в том числе, с точки зрения возможностей собственной самореализации⁴⁴. Системе образования при этом, как системе, передающей культурные и идеологические

---

⁴³ Лаврентьева, И. Стратегия Поднебесной. Владимир Малявин о китайском глобализме и русской душе // Интернет-портал журнала «Русский репортер» // <http://www.rusrep.ru/article/2012/11/09/malyavin>

⁴⁴ См., например: Липецкая, М.С. Предпосылки и факторы инновационно-технологического развития регионов Финляндии: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Липецкая Марина Сергеевна. – СПб., 2012. С. 7.

ценности от одного поколения другому, воспитывающей их, отводится ключевая роль.

Во-вторых, для успешного инновационного развития требуется наличие достаточно развитой образовательной и научно-исследовательской инфраструктуры. Современность характеризуется переходом к экономике знаний, где основным видом деятельности становится труд по воспроизводству нового знания и, соответственно, ведущими факторами общественного прогресса выступают образование и наука. При этом неизмеримо возрастает роль интеллектуальных ресурсов в обеспечении экономического роста и роль креативности. Одновременно на смену материальным, физическим факторам роста приходят другие, так называемые «неосязаемые факторы».

В-третьих, желательной предпосылкой для реализации инновационного проекта становится наличие необходимых ресурсов и производственной базы. Строительство инноваций «с нуля» невозможно в принципе. В то же время, абсолютизировать эти факторы не стоит, поскольку они нередко, напротив, мешают инновационному развитию. Так, многие исследователи сходятся в том, что инновации зачастую тормозятся излишне «сырьевым» характером экономики и устаревшей производственной базой, которую в силу объективных или субъективных причин вынуждена поддерживать власть.

В-четвертых, особая роль в обеспечении инновационно-технологического развития страны принадлежит институциональному фактору. В частности, требуется создание целостной и устойчивой структуры национальной инновационной системы. Одновременно должны эффективно и четко работать органы власти и управления, суды, общественные и предпринимательские объединения.

В-пятых, это активная роль государства в реализации инновационного проекта (это касается даже рыночных экономик, где государство в теории должно выполнять лишь функции «ночного сторожа»). Государственное регулирование в целях поощрения инновационной деятельности и венчурного капитала необходимо по двум причинам. 1. Венчурный бизнес – отрасль, где отдача на

вложенный капитал возрастает по мере накопления опыта, государство при этом может облегчить участникам процесса первые шаги. 2. В руках государства – многие условия, необходимые для развития инноваций: это не только характеристики среды (верховенство права, образование, финансовая прозрачность, правила фондового рынка и т.п.), но и более специфические нормы регулирования (например, законы о банкротстве, налоговые правила и пенсионные нормы, поощряющие вложения в долгосрочные активы)⁴⁵.

В-шестых, и это самое главное, для проведения в жизнь инновационного проекта требуется консолидированная политическая воля элит.

Справедливости ради надо отметить, что изначально концепция инноваций, наряду с позитивной составляющей, несла в себе определенную спекулятивность и «двойные смыслы».

В частности, инновационный путь подавался в экспертном сообществе и СМИ как универсальная стратегия развития в новом тысячелетии. При этом зачастую замалчивался тот факт, что переход к инновационности возможен только для отдельных стран, обладающих резервами роста и мощными ресурсами (политическими, экономическими, социальными, демографическими). Остальные же государства при этом рискуют отстать практически навсегда, что приведет в итоге к усилению дисбалансов и разрывов между инновационными и неинновационными странами. И это при том, что в последние десятилетия XX века западные элиты провозглашали необходимость сокращения диспропорций в развитии Севера и Юга. Конечно, в принципе инновационный проект может быть реализован и странами, которые до недавнего времени относились экспертами к странам «третьего мира». Это наглядно продемонстрировали Индия, Китай, Бразилия и некоторые другие «незападные» государства, однако у подавляющего большинства международных субъектов такой возможности не будет еще многие десятилетия.

---

⁴⁵ Рекомендации по совершенствованию российских институтов инновационного развития // Интернет-портал Национального института системных исследований проблем предпринимательства // http://www.nisse.ru/business/article/article_2067.html

Еще один спекулятивный момент был связан с трактовкой инновационности как единственно верного учения. В XX веке такая абсолютизация во многом идеологических схем была характерна сначала для коммунистической теории, а затем для теории демократического транзита. Однако в итоге и та, и другая практически исчерпали себя, столкнувшись с неразрешимыми противоречиями на практике. С аналогичными трудностями либерально-демократическая версия развития человечества, которая стала жертвой своей догматичности и принудительности. Периодически схожие моменты мы видим и при продвижении концепции инновационного развития. В частности, в России периодически раздаются парадоксальные призывы искусственно отказаться от сырьевого характера экономики, свернуть добычу экспортных полезных ископаемых – лишь тогда страна сможет начать движение по инновационному пути. Такого рода алармистские оценки и прогнозы содержатся нередко даже в документах и докладах статусных аналитических структур. Так, например, в 2010 г. Институт современного развития подготовил доклад «Экономические интересы и задачи Российской Федерации в СНГ», в котором подверг жесткой критике «сырьевое проклятие» России и спрогнозировал, что уже в скором времени Российская Федерация будет не в состоянии устанавливать расценки на продаваемые ею энергоносители. Как показал дальнейший ход событий, данный прогноз оказался несостоятельным⁴⁶.

Одновременно идет критика «нефтегазовой» России со стороны западных экспертов. В частности, усматривая зависимость характера политического режима от степени диверсифицированности экономики, они полагают, что «недостаточная демократизация» Российской Федерации как раз связана с высокими доходами от продажи углеводородов. С учетом того что на Западе либерально-демократическая концепция по-прежнему остается доминирующей, такая постановка вопроса является, по мнению тех же экспертов, еще одним основанием высказать серьезные замечания в адрес руководства России в

---

⁴⁶ Сырьевое проклятие России / Финансовый эксперт // http://fin-expert.biz/publ/investoru/tochka/syrevoe_prokljatie_rossii/9-1-0-33

сдерживании назревших демократических преобразований⁴⁷. Подобные утверждения, вместе с тем, являются неверными. Например, «энергетические» доходы составляют значительную часть бюджета Канады, Австралии и Норвегии, которые при этом являются странами с вполне демократическими режимами.

Однако весомым аргументом в пользу временного сохранения сырьевого характера отечественной экономики является тот факт, что 50% доходов российского бюджета составляют поступления от продажи нефти и газа⁴⁸, в связи с чем серьезное лоббирование вопросов нефтегазового сектора оказывает Минфин России, заинтересованный в пополнении Резервного фонда и не возражающий против «сырьевого» развития России⁴⁹.

Периодически критика «энергетических перекосов» вызвана, наряду со справедливыми оценками, усилиями конкретных лоббистских групп. Например, в последние годы весьма распространенной является точка зрения, что «нефтегазовые» доходы необходимо направлять на промышленную модернизацию или развитие транспортных коммуникаций. Иногда такого рода инициативы сопровождаются предложениями свернуть инновационный проект как слишком затратный и абстрактный, обратив основное внимание на развитие традиционных отраслей экономики. В свою очередь, сторонники инновационных преобразований требуют, чтобы государство приоритетно финансировало именно инновационную сферу, как прорывную и перспективную. И опять же за подобными призывами вполне усматриваются корыстные мотивы отрасли⁵⁰. В частности, главным инновационным лоббистом является руководитель Роснано А.Б. Чубайс. «Если обратиться к мировому опыту, – утверждает он, – отрасль инновационной экономики, которая создана в мире, стала возможна потому, что

---

⁴⁷ Сырьевое проклятье: демократия не поможет // <http://www.interfax.ru/business/txt/337882>

⁴⁸ Долю нефтегазовых доходов бюджета РФ нужно снизить до 25% – Медведев / РИА Новости // <http://ria.ru/economy/20130226/924619759.html>

⁴⁹ Нефтяная копилка: что представляет собой Резервный фонд РФ / РосБизнесКонсалтинг // <http://top.rbc.ru/economics/25/10/2011/621894.shtml>

⁵⁰ Крупные госкомпании нужно принуждать к внедрению инноваций – Чубайс / Интернет-портал инноваторов Пензенской области // <http://www.inno-terra.ru/node/4730>; Павел Бетсис: «Отказаться от инноваций – значит перестать развиваться» / Интернет-портал журнала «Системный администратор» // <http://www.samag.ru/archive/article/899> и др.

десятилетиями государство поддерживало инновационную деятельность. Например, ветроэнергетика, солнечная энергетика. Был установлен специальный тариф на конечный продукт. За счет этого возникали не только производства, но и научная база, которая совершенствовала производство, снижала затраты, давала возможность уменьшить цену. Дальше сокращалась господдержка. И постепенно отрасль становилась рыночной»⁵¹. При этом, А.Б. Чубайс стремится лоббировать «финансирование без обязательств», подчеркивая, что иногда государственная поддержка определенных проектов продолжалась десятилетия. При этом государство должно и поддерживать инновации, и вводить меры, вплоть до запретительных, на устаревшие, неэффективные технологии⁵².

Тем не менее, можно согласиться с премьер-министром России Д.А. Медведевым, который считает, что необходимо постепенно снижать «энергетическую» долю в доходах государства, в перспективе доведя ее до 25%. Тем самым будет обеспечена диверсификация российской экономики. Другое дело, что этот процесс не должен быть форсированным в условиях стабильно высоких цен на углеводороды, а должен сопровождаться «постепенной» промышленной модернизацией и стимулированием инновационной сферы.

Еще один спекулятивный момент связан с продвижением инновационного тренда в «широкие массы». Это необходимо элитам для того, чтобы продемонстрировать «электорату» динамику политического и социально-экономического развития страны, соответствие их деятельности основным вызовам современности. Как пишет, Н.В. Красницкий, «пользуясь неосведомленностью большинства граждан в области инновационной терминологии, а также сформировавшейся модой на все, что так или иначе связано с инновациями, определенные политические и деловые круги стремятся

---

⁵¹ Так говорил Чубайс / Интернет-портал журнала «Босс» // <http://www.bossmag.ru/archiv/2012/boss-12-2012-g/tak-govoril-chubajs.html>

⁵² Там же.

использовать сложившуюся ситуацию для реализации собственных корыстных целей»⁵³.

Например, в России, по мнению президента Торгово-промышленной палаты С. Катырина, «значительная часть нововведений являются имитационными, а по уровню инновационного развития наша страна продолжает отставать не только от развитых, но и развивающихся стран, закрепляясь в статусе мировой периферии». «У бизнеса в России на это нет достаточного количества свободных денег, зато пока есть более простые модели получения прибыли. Поэтому у нас до сих пор практически нет рынка инноваций, а бизнес предпочитает покупать давно известные технологии за рубежом под видом новейших инновационных разработок», – полагает глава ТПП»⁵⁴.

Также надо отметить, что, несмотря на то, что инновационная политика государства является одним из главных инструментов политического, социального и экономического развития страны, тем не менее, очевидно, что ни одна держава в мире (даже США и КНР) не способна претендовать на лидерство по всем инновационным направлениям, роль инноваций в формировании политического и социально-экономического имиджа страны также различается. Несмотря на то что инновационное развитие зачастую понимается, преимущественно, как технологическая и экономическая модернизация стержнем его являются все же политические факторы. Так, выбор приоритетов инновационной деятельности должен опираться на анализ политической и социальной структуры общества, учитывать базовую социальную онтологию общества и ценностные ориентации населения, традиции осуществления власти, расклад сил внутри элиты (соотношение сторонников и противников инновационного пути).

---

⁵³ Красницкий, Н.В. Политическое содержание инноваций // Международные отношения. Политология. Регионоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 264-267.

⁵⁴ Соколов, А. Имитация инноваций: Россия отстает даже от развивающихся стран / РосБизнесКонсалтинг // <http://top.rbc.ru/economics/17/10/2013/882656.shtml>

Рассматривая давно устоявшиеся, так сказать, классические политические системы, о которых речь шла выше в данной главе, а также то, как они соотносятся с такими же классическими идеологиями, и как это соотношение влияет на инновационную политику государства и формирование инновационной среды в обществе и стране, нельзя забывать о том, что в современном мире существует (и существовало раньше) немало отклонений от общего правила. И значительных, и незначительных. Кроме того, есть такие политические системы, которые достаточно далеки от описанных классических. Это, прежде всего, различные теократические (например, Иран, Афганистан) или политеократические (например, Пакистан), а также разного рода монархические (например, Ближневосточные монархии типа Саудовской Аравии).

Немало и других, также неоклассических случаев. Это, главным образом, переходные системы, сочетающие в себе элементы одних и других систем. При этом сочетание этих элементов, как правило, различное в зависимости от стадии переживаемого переходного состояния. Иначе говоря, в одном случае это могут быть элементы тоталитаризма и авторитаризма, а в другом случае, как, например, в современном российском – сочетание авторитарных и демократических с преобладанием первых. Более того, в течение самого переходного периода сочетание элементов может меняться то в одну сторону, то в другую. От этого зависит и политика государства, в том числе в области инноваций. Поскольку все вышеизложенное представляет собой самостоятельную тему для исследования, оно в данной работе не рассматривается.

§ 2. Политические режимы и современные инновационные модели

Несмотря на то, что зачастую инновационные преобразования позиционируются как внеполитические и внеидеологические, тем не менее, их взаимосвязь с политическим режимом все равно сохраняется.

Во-первых, вектор на инновации задается правящей элитой, политический курс которой накладывает свой отпечаток на характер преобразований.

Во-вторых, ход реформ во многом зависит от того, какова конфигурация сил в стране в рамках «треугольника»: лидер-элита-общество.

В-третьих, немаловажным фактором является инновационная мотивация, которая нередко определяется политическими причинами и несет в себе идеологическую составляющую.

В-четвертых, успех или поражение инновационных преобразований самым непосредственным образом зависит от политической стабильности в государстве и степени единства нации.

Наконец, в-пятых, на инновационный курс накладывает самый серьезный отпечаток политическая культура общества, которая может либо способствовать, либо препятствовать модернизации, а также определять специфику реформаторской деятельности.

В настоящем диссертационном исследовании автором выделяются три политико-экономические инновационные модели: тоталитарная, авторитарная и либерально-демократическая.

Рассмотрим их характерные черты.

Тоталитарная политико-экономическая инновационная модель

В соответствии с логикой тоталитарной системы всеобъемлющая идеологизация общества дополняется его тотальной политизацией, гипертрофированным развитием аппарата власти, ее проникновением во все сферы существования человека. Партийно-государственная организация общества

служит фундаментом всей социальной и экономической жизни, которая отличается жесткой иерархической структурой.

Ядром тоталитарного режима выступает предельно централизованное политическое движение за новый порядок во главе с партией нового типа. Эта партия срастается с государством и концентрирует в себе реальную власть в обществе. В результате запрещается всякая политическая оппозиция и создание без санкции властей любых общественных организаций.

В то же время тоталитаризм претендует на выражение народной воли, воплощение высшей народности, или демократии высшего типа. Он использует безальтернативные формы демократии, предполагающие принятие решений без голосования на основе непосредственной реакции участников собраний и создающие видимость всенародной поддержки, но не позволяющие оказывать реальное влияние на процесс принятия решений.

К собственно политическим чертам тоталитарного общества относятся также наличие мощного аппарата социального контроля и принуждения.

При этом тоталитаризм пытается создать адекватную себе социальную структуру и массовую опору. Так, он провозглашает превосходство определенного класса, нации или расы, и четко делит всех людей на своих и чужих. При этом обязательно находится внутренний или внешний враг.

Общество дифференцируется, главным образом, в зависимости от распределения власти. Обладание властью или влияние на нее становится основой социальной стратификации, экономических и социальных привилегий. Формируется новый, номенклатурный господствующий класс – главная опора тоталитарного строя.

В экономике отличительными чертами тоталитаризма являются этатизация хозяйственной жизни, социальное ограничение, планирование, командно-административные методы управления. Устанавливается монополия государства на распоряжение всеми важнейшими общественными ресурсами и самим человеком. Частная собственность либо ликвидируется, либо существенно ограничивается принципами т.н. «функциональной частной собственности»,

которая предполагает выполнение собственником определенных обязательств перед тоталитарным государством.

При этом тоталитарные режимы на определенном этапе своей деятельности вполне могут быть «модернизационно ориентированными» и даже инновационными, поскольку заинтересованы в "опережающем развитии" как для ведения внешней экспансии, так и для успешной конкуренции с «идеологическими противниками». В качестве примера можно привести хотя бы политику И.В. Сталина по «индустриализации» и «коллективизации», которая при всей спорности их методов была направлена на то, чтобы форсированно «догнать и перегнать» страны «враждебного Запада».

Перечислим характерные черты тоталитарной инновационной модели.

1. Она носит этатистский и лидерский характер. Государство в лице вождя как главный собственник страны является и основным заказчиком и потребителем инноваций, а также основным «локомотивом» их реализации.
2. Мотивация инновационного развития в рамках тоталитарного режима, прежде всего, определяется потребностями руководства страны в защите от внутренних и внешних врагов, а также стремлением к идеологической экспансии.
3. Инновационный импульс идет четко сверху вниз и представляет собой необсуждаемую директиву, при этом инновационный приказ сопровождается активной и упрощенной агитационной раскруткой с целью создания благоприятного общественного мнения и пробуждения народного энтузиазма.
4. Парохиальная политическая культура тоталитарных обществ, характеризующаяся политической пассивностью населения, приводит к тому, что граждане воспринимают инновационные указания в качестве руководства к действию и в качестве «задания партии и правительства». То есть, население принимает активное, но фактически бессознательное участие в реализации тоталитарного инновационного проекта. При этом

для большего энтузиазма через СМИ и иные органы пропаганды внедряется мысль о том, что преобразования нужны исключительно для победы над внутренними и внешними врагами (которые, правда, нередко действительно угрожают существованию тоталитарного государства).

5. «Милитаристский пафос» приводит к тому, что главным драйвером инновационного развития становится военно-промышленный комплекс («гонка вооружений»), который в основном и замыкает на себе инновационную среду. В итоге инновации в основном обслуживают ВПК и силовые структуры, в гражданской сфере они малозаметны.

В то же время надо отметить, что данная модель в начале XXI века является практически бездействующей, во-первых, ввиду того, что тоталитарных государств в мире почти не осталось, во-вторых, в силу того, что все еще существующие немногочисленные тоталитарные режимы в настоящий момент с большим трудом борются за выживание и у них отсутствуют необходимые ресурсы для реализации инновационной политики.

Тоталитарная инновационная модель представлена на Рисунке 5.

Авторитарная политико-экономическая инновационная модель.

Несмотря на то, что в общественном мнении усилиями либеральных политологов сложилось представление об авторитаризме как о режиме, близком к тоталитарному, политическая практика рубежа XX-XXI вв. свидетельствует о том, что данный тип режима является внутренне сбалансированным и конкурентоспособным по отношению к режимам демократическим, а также содержит в себе существенный инновационный потенциал.

Авторитаризм – это система правления, при которой власть осуществляется конкретным лицом при минимальном участии населения. Этим лицом может быть и семья, и какой-нибудь социальный слой, или же часть элиты. В качестве такого субъекта может выступать и сильная политическая партия (что не обязательно влечет за собой установление однопартийности). Чаще всего авторитарная система устанавливается и обеспечивается с помощью силовых структур. Авторитарное правительство не пытается контролировать все сферы активности

граждан, оно обычно не вмешивается в экономические, социальные, культурные, религиозные и семейные вопросы, если они не угрожают безопасности и авторитету власти. Однако это не означает, что при авторитарных режимах возможна личная свобода.

Главной ценностью для авторитарного режима является стабильность. Как отмечал известный американский политолог С. Хантингтон, «наиболее существенная политическая характеристика различных обществ связана не с формой их правления, но со степенью управляемости»⁵⁵. Позже он отметил, что «различие между порядком и анархией носит более фундаментальный характер, чем различие между демократией и диктатурой»⁵⁶.

Авторитарная власть представляет общество в виде некой иерархической структуры с особым звеном управления, которым руководит один правитель либо группа. Власть, подчинение и порядок ценятся при авторитаризме больше, чем свобода, согласие и участие народа. Даже если в авторитарном государстве и существуют демократические институты, реальной силы в обществе они не имеют. Сторонники авторитаризма полагают, что для экономики главным показателем реформирования является рост, а для политики – стабильность. Соответственно, с их точки зрения, для модернизируемых государств необходим «крепкий» политический режим с легитимной правящей партией, способной сдерживать тенденцию к дестабилизации. Именно эти средства приспособления режима к изменяющейся обстановке предполагают компетентное политическое руководство, сильную государственную бюрократию, возможность поэтапной структурализации реформ, своевременность начала преобразований и другие необходимые средства и действия, ведущие к позитивным результатам модернизации, в том числе, инновационного типа.

Определим характерные черты авторитарной инновационной модели.

---

⁵⁵ Цыганков, А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: Учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». – М.: Интерпракс, 1995. – С. 127.

⁵⁶ Там же.

1. Инициатором и драйвером инновационных реформ является государство в лице либо авторитарного лидера, либо правящей партии, либо элитного альянса. Оно же в дальнейшем регулирует и направляет инновационные процессы.
2. Инновационные импульсы «сверху вниз» идут в виде настоятельных рекомендаций, которые не являются прямым директивным указанием, но ввиду жесткости режима «с пониманием» встречаются населением, бизнесом и бюрократией.
3. При этом для продвижения инновационных реформ власть не ограничивается лишь административными мерами, но использует различного рода стимулы, пробуждающие у общества интерес к модернизации (финансовые и налоговые преференции для предпринимательских структур, социальные льготы для населения). Именно таким образом – сочетанием политики «кнута и пряника» формируется инновационная среда.
4. Инновационная мотивация в рамках авторитарного режима может определяться как потребностями защиты от внешних и внутренних угроз, так и иными факторами (региональной экономической конкуренцией, стремлением к преодолению бедности и др.).
5. Авторитарные режимы чаще всего возникают в странах с подданической, консервативной политической культурой, где политическая активность населения сдерживается не только властью, но и религиозно-мировоззренческими приоритетами, в которых доминирующее место занимают уважение к власти, склонность к поддержанию социальной иерархии, стремление к сохранению традиционных ценностей. Такой тип политической культуры, с одной стороны, помогает продвижению инновационных реформ, поскольку население лояльно воспринимает указания власти и быстро включается в их реализацию, а с другой – несколько сдерживает инновационные

процессы, поскольку «идеальный» вариант такой модернизации исходит из сбалансированного участия в ней власти и общества.

6. Инновационные процессы в авторитарных государствах не являются «прозрачными», во многом они определяются вполне эгоистическими интересами различного рода элитных групп и сообществ, каждое из которых имеет свою заинтересованность в такого рода модернизации. А это влечет за собой распространение таких негативных и тормозящих явлений, как коррупция, местничество, бюрократизм, неэффективное освоение финансовых средств и др.

Тем не менее, такого рода издержки зачастую «перекрываются» эффектом прямого «вертикального» руководства, последовательностью и «бескомпромиссностью» проведения реформ (даже непопулярных), сохранением стабильности. Соответственно, данная модель в большей степени характерна для стран «третьего мира», где не смогли прижиться политические, экономические и культурные ценности западной демократии.

Авторитарная инновационная модель представлена на Рисунке 6.

Либерально-демократическая политико-экономическая инновационная модель

Современную западную демократию часто называют плюралистической, поскольку она синтезирует различные идеи, пытается сочетать традиционные либеральные ценности с идеями, заимствованными из социалистического, коммунистического, христианского наследия, учитывает реалии постиндустриального и инновационного обществ.

В важнейшем вопросе демократии – понимании народа – она занимает промежуточное положение между индивидуалистическими и коллективистскими теориями. Плюралистическая теория исходит из того, что не личность, не народ, а группа является главной движущей силой политики в современном демократическом государстве. С помощью группы личность получает возможность выражения и защиты своих интересов. Назначение демократии – стимулировать многообразие, плюрализм в обществе, предоставить всем

гражданам возможность объединяться, открыто выражать свои интересы, находить с помощью взаимных компромиссов их равновесие, выражаемое в политических решениях.

Демократия представляет собой баланс групповых интересов. Ни одна из групп современного западного общества не может монополизировать власть и принимать решения, не опираясь на поддержку других общественных ассоциаций.

Обозначим общие черты плюралистической демократии.

1. заинтересованная группа – центральный элемент демократического режима, гарантирующий реализацию прав и свобод личности;
2. общая воля как результат конфликтного взаимодействия различных групп и их компромиссов;
3. соперничество и баланс групповых интересов – социальная основа демократической власти, а также ее динамики;
4. сдержки и противовесы распространяются не только на институциональную, но и на социальную сферы;
5. «разумный эгоизм», личный и групповой интерес как генераторы политики;
6. государство не «ночной сторож», как в классических либеральных теориях, а орган, ответственный за нормальное функционирование общества и поддерживающий в обществе относительную социальную справедливость;
7. распыление власти между разнообразными центрами политического влияния (государственными институтами, партиями, группами интересов и др.);
8. наличие в обществе ценностного консенсуса, предполагающего признание и уважение всеми участниками политического соревнования основ существующего государственного строя, демократических правил игры, прав личности, закона;

9. демократическая организация основных групп как условие адекватного представительства интересов составляющих их граждан.
10. индивидуализм сохраняется, но приобретает более взвешенные черты. В этом плане стоит обратить внимание на позицию Ф. фон Хайека, который ввел понятие «истинного индивидуализма», подразумевающего принципиальное неравенство людей, благодаря которому только и возможно рациональное устройство общества. «Благодаря тому, что... люди в действительности не являются одинаковыми, мы можем рассматривать их как равных. Если бы все люди были совершенно одинаковы в своих дарованиях и склонностях, нам надо было бы относиться к ним по-разному, чтобы достичь хоть какой-то формы социальной организации. К счастью, они неодинаковы, и только благодаря этому дифференциация функций не нуждается в том, чтобы ее устанавливало произвольное решение некоей организующей воли. При установлении формального равенства перед законами, применяемыми ко всем одинаково, мы можем позволить каждому индивиду самому занять подобающее ему место»⁵⁷.

При этом плюралистическая демократия имеет издержки и слабости. К таковым можно отнести:

1. Преувеличение групповой идентификации граждан. В странах Запада реально не более трети взрослого населения представлены в группах интересов. Поэтому в любом случае такая демократия не станет властью большинства. Более того, носителями прогресса чаще всего «являются инновативные меньшинства, которые в рамках либеральных правил игры неизбежно проигрывают контринновативному большинству. В результате становятся неизбежными нелиберальные формы внедрения

---

⁵⁷ Хайек, Ф. фон. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. фон Хайек // <http://www.libertarium.ru/libertarium/9939>

инноваций, а либеральное общество всегда стоит перед неизбежностью кризисного, неустойчивого развития»⁵⁸.

2. Игнорирование или недостаточный учет неравенства политического влияния различных общественных групп и, прежде всего, приоритетного влияния на власть бизнеса, бюрократии, профсоюзов, военно-промышленного комплекса. Рядом западных исследователей установлено, что влияние группы непосредственно зависит от ее организованности и готовности к политическому соперничеству, конфликту. Способность к конфликту, в свою очередь, зависит от наличия политических и экономических ресурсов, которые распределены в обществе неравномерно. Следовательно, возникает вопрос о равновесии интересов различных общественных групп.
3. Также эту систему критикуют за то, что она слишком консервативна, поскольку принятие политических решений требует широкого согласия всех заинтересованных групп, что трудно обеспечить в реальной политике, особенно в периоды политического реформирования. Поэтому зачастую правящая элита формализует демократические процедуры и принимает решения фактически монопольно.

Все вышеуказанные черты современной плюралистической демократии накладывают свой отпечаток и на либерально-демократическую инновационную модель, которая реализуется, преимущественно, в развитых странах Запада.

Выделим основные черты либерально-демократической инновационной модели.

Во-первых, чаще всего инициатором преобразований выступает не отдельная персона, а элитная группа или даже элита в целом, поскольку при демократическом режиме требуется согласование интересов ведущих политических и экономических игроков. При этом государство в данной модели играет роль не собственника и не регулятора, а менеджера и посредника. Это

---

⁵⁸ Либерализм и его ограниченность // <http://joie-de-vivre.ru/liberalism-i-ego-ogranichennost/>

вполне соответствует либерально-демократическим идеологическим приоритетам, которые исходят из минимального вмешательства государства в жизнь общества.

Во-вторых, инновационный импульс, идущий от элиты имеет обратную связь вследствие, прежде всего, стремления граждан развитых стран Запада к максимально комфортной и эффективной организации своего жизненного пространства. Динамизм заложен в самом менталитете их населения, которое не только с пониманием относится к процессам обновления, но всячески подталкивает руководство своих государств к перманентному движению по пути прогресса. Таким образом, диффузия инноваций происходит свободно.

В-третьих, понимание необходимости проведения инновационных реформ трансформируется у населения, с одной стороны, в сознательную поддержку правительственных инициатив, с другой – в достаточно активное участие в инновационном проекте (особенно это касается представителей креативного класса). Таким образом, инновации рассматриваются не только как правительственная политико-экономическая акция, а как вполне "общее дело".

В-четвертых, инновационная политика элит стран Запада несет на себе отпечаток монологичности и линейности понимания исторического прогресса. Это касается, прежде всего, понимания развития как неизбежного перехода всех государств к либеральной демократии и западным ценностям. Соответственно, все остальные варианты развития воспринимаются в США и ЕС как девиантные, тупиковые и не способные достичь истинной инновационности. Также крайне скептически и негативно в западной элите и экспертном сообществе рассматриваются попытки стран «третьего мира» реализовать собственный инновационный проект на началах авторитарного правления, принципов коллективизма и традиционных ценностей.

В-пятых, внешние и внутренние вызовы либерально-демократическим проектам, безусловно, присутствуют, но они не способны поколебать политическую и экономическую систему развитых стран Запада, поэтому их влияние на ход инновационных процессов ощущается не слишком сильно.

Несмотря на то, что либерально-демократическая модель инновационной модернизации сегодня считается наиболее передовой и оптимальной, тем не менее, она испытывает серьезные перегрузки. В частности, к таковым можно отнести издержки социального гедонизма в ведущих европейских странах, линейное понимание исторического прогресса (что нередко мешает лидерам государств Запада адекватно воспринимать многополярные реалии начала XXI века), а также стремление к политической, экономической и военной гегемонии, что особенно ярко проявляется в действиях США.

Либерально-демократическая инновационная модель представлена на Рисунке 7.

* * *

Таким образом, подводя итог, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, инновационное развитие в XXI веке является залогом политического и экономического прогресса современных государств. При этом для одних оно является возможностью поддержания стабильности и благосостояния, для других - возможностью прорыва в мировую элиту.

Во-вторых, любой инновационный проект не возникает спонтанно, он является результатом соответствующего национального выбора, в его основе лежит инновационный замысел, который определяет инновационную мотивацию. В свою очередь, инновационная мотивация формирует инновационную среду, придавая ей необходимую специфику.

В-третьих, характер инновационных процессов во многом зависит от существующего в стране политического режима. С точки зрения политического «сопровождения» инновационных проектов можно выделить три модели – тоталитарную, авторитарную и либерально-демократическую. При этом основная конкуренция ведется между двумя последними⁵⁹.

---

⁵⁹ См, например: Ожиганов, Э.Н. Политика инновационного развития: Глобальная конкуренция и стратегическая перспектива России. – М.:Либроком, 2012.

Глава 2. Инновационная политика государства в процессе политической и социально-экономической модернизации ведущих стран мира в начале XXI в.

§1. Содержание государственной инновационной политики, ее функции и стратегическая роль в развитии страны

Одним из политико-экономических концептов, претендующих на статус глобальной «мегаидеологии» и адекватных вызовам XXI столетия, стала доктрина инновационного развития. При всем своеобразии понимания инноваций и инновационной модернизации в различных странах и культурах, уже выработались ее базовые теоретические положения.

Несмотря на то, что инновационное развитие зачастую рассматривается, преимущественно, как технологическая и экономическая модернизация, стержнем его являются политические факторы. Так, выбор приоритетов инновационной деятельности должен опираться на анализ политической и социальной структуры общества, учитывать базовую социальную онтологию общества и ценностные ориентации населения, традиции осуществления власти, расклад сил внутри элиты (соотношение сторонников и противников инновационного пути).

Обеспечение инновационного развития – один из наиболее сложных и перспективных вопросов XXI века. При этом существуют разные точки зрения относительно того, что понимать под инновационным развитием. Актуальность данной проблемной задачи предлагается рассмотреть на понятийно-категориальном аппарате, который используется современными исследователями. А это не так просто, поскольку существуют серьезные разногласия между зарубежными и российскими авторами по принципиальным вопросам и даже

базовой терминологии. При этом с учетом во многом прикладного и «текущего» характера инновационной деятельности следует учитывать мнение не только ученых-теоретиков, но и госдеятелей – ведущих разработчиков российской инновационной политики, а также представителей экспертного и аналитического сообщества.

Построение в России органичной политико-экономической модели, основанной на знаниях, креативе и перспективном видении будущего, предполагает создание условий для превращения научно-технического потенциала РФ в один из главных драйверов политического и социально-экономического роста. Надо отметить, что руководство Российской Федерации, оценив остроту вызовов XXI в. и технологическое отставание страны от ведущих государств мира, но при этом учитывая ее мощнейший экономический, демографический, культурный потенциал, сыграло «на опережение». Был выдвинут лозунг не «Догнать и перегнать», но «Опередить», по крайней мере, в тех сферах, где Россия может совершить серьезные прорывы.

Впервые В.В. Путин обозначил ставку России на инновационный рывок и поставил инновационные задачи перед страной в Послании Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. К последним он отнес следующие.

Обеспечение притока инвестиций в производственную инфраструктуру и в инновационную сферу. В частности, в документе отмечалась необходимость формирования такой инновационной среды в стране, которая бы позволила поставить производство новых знаний на поток⁶⁰.

Перенацеливание деятельности организаций науки на интересы рынка и экономики. Глава государства тогда заявил, что модернизация научной отрасли не будет носить формальный характер, а наоборот, будет нацелена на конкретные результаты в национальной экономике – внедрение передовых научных исследований и разработок на рынке⁶¹.

---

⁶⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 10 мая 2006 г.

⁶¹ Там же.

Стимулирование инициативы предпринимательского сектора и содействие инновационным проектам отечественного бизнеса. Так, на заседании Совбеза РФ, посвященном проблемам реализации Послания Президента (20 июня 2006 г.), В.В. Путин обозначил необходимость наличия стимулов экономического характера, способных повысить активность и инициативность предпринимателей в модернизации, обеспечив посредством этого формирование среды, благоприятной для генерации новых знаний и технологий⁶².

Инновационная политика была продолжена преемником В.В. Путина – Д.А. Медведевым, благодаря чему стал популярным лозунг «Четыре И» – Инновации, Инвестиции, Институты, Инфраструктура⁶³. Кроме того, в Послании главы государства Федеральному собранию был обнародован перечень приоритетных задач (5 ноября 2008 г.)⁶⁴ которые, в частности, предусматривали:

- создание кадрового резерва и привлечение в органы госвласти разного уровня наиболее талантливых, креативных и профессиональных специалистов;
- возрождение лучших традиций отечественной образовательной системы;
- производство и экспорт знаний, а также передовых технологий, достижение страной лидирующих позиций в науке и образовании;
- перестройку под инновационное развитие государственного управленческого аппарата;
- выработку и элитой, и населением инновационной идеологии и инновационной инициативы.

Таким образом, по мнению Д.А. Медведева, Россия должна реализовать задачу по созданию НИС, которая бы предусматривала активное взаимодействие самых различных субъектов, входящих в ее состав⁶⁵.

---

⁶² Вступительное слово В. Путина на заседании Совета Безопасности, посвященном мерам по реализации Послания Федеральному Собранию 20 июня 2006 г.

⁶³ Красноярская формула Дмитрия Медведева / Невское время – 2008. – 16 февраля // <http://www.nvspb.ru/tops/krasnoyarskayaformuladmitriame/?version=print>

⁶⁴ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 5 ноября 2008 г.

⁶⁵ Там же.

Резкое обострение отношений России с США и ЕС в 2013-2014 гг. по "крымскому вопросу" и начавшаяся затем "война санкций" лишь стимулируют инновационную политику руководства нашего государства, поскольку еще свеж в памяти пример СССР, который проиграл Западу "холодную войну" во многом в силу инновационного "застоя". Несмотря на то, что руководство Российской Федерации явно не склонно к эскалации конфликта с американцами и европейцами, тем не менее, бескомпромиссная и жесткая политика Запада фактически вынуждает его "перестраховывать риски" и делать ставку не развитие сферы высоких технологий и иных инновационных направлений.

Одним из центров модернизационной активности постсоветской элиты, начиная с 1992 г., является Правительство Российской Федерации. При этом, если в 1990-е гг. речь шла о кардинальных политических и экономических реформах, то в 2000-е гг. (особенно с 2004 г.) деятельность кабинета министров была направлена в большей степени на оптимизацию проведенных преобразований и поиск путей выхода России на новый уровень своего развития. При этом Правительство Российской Федерации провело колоссальную работу по разработке стратегических документов как долгосрочного, так и среднесрочного характера. В частности, в первом случае речь идет о «Стратегии 2020», подготовленной по заказу исполнительной власти в 2011 г.⁶⁶, а во втором – о документе под названием «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года»⁶⁷, утвержденном Д.А. Медведевым 31 января 2013 г.

Данные документы представляют собой комплексные, развернутые стратегические материалы, в рамках которых руководство РФ попыталось сформулировать свое видение текущего состояния российской политики, экономики, социальной сферы, а также определить основные пути их развития на

---

⁶⁶ Проект Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года / Министерство экономического развития Российской Федерации // http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016

⁶⁷ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года / Правительство России // <http://government.ru/info/761>

перспективу. При этом можно отметить, что они содержат значительную новизну, как в плане постулирования целей и задач страны, так и в плане поиска ответов на актуальные вызовы и запросы XXI века.

Внимание власти к концепту инновационного развития не стало чисто декларативным: были созданы «точки роста» (бизнес-инкубаторы, технопарки, особые экономические зоны, госкорпорации (Роснано, Ростех и др.), инновационная площадка «Сколково»), также поддержкой и стимулированием реализации перспективных инновационных проектов и их авторов занимается Агентство стратегических инициатив⁶⁸, созданное в мае 2011 г.

«Сухие» цифры таковы: в России за 9 лет созданы 28 особых экономических зон, 13 наукоградов. В 12 регионах развиваются технопарки в сфере высоких технологий. В общей сложности в инфраструктуру технико-внедренческих зон (в дороги, производственные помещения, лаборатории) государство уже вложило свыше 30 млрд рублей. И эти инвестиции с каждым годом продолжают расти.

Тем не менее, задачи инновационной модернизации России до сих пор полностью не решены. В частности, по мнению первого проректора НИУ «Высшая школа экономики» Л.М. Гохберга, «эффективная инновационная политика невозможна в сочетании с рядом элементов существующей политики». В качестве примеров «зон неэффективности» он назвал администрирование налоговых льгот, таможенные барьеры, институт госзакупок и финансирование науки вне связи с результатами. Слабой стороной эксперты считают и нескоординированность политики государства: например, снижение экспортной пошлины на сырую нефть убивает нефтепереработку и т.д.⁶⁹

Все это заставляет руководство Российской Федерации регулярно возвращаться к теме инновационного развития, поскольку именно с ним связывается возрождение страны в качестве великой державы XXI столетия. Так,

---

⁶⁸ Деятельность АСИ потребует развития законодательной базы – Грызлов / официальный сайт партии «Единая Россия» // <http://er.ru/news/2011/8/1/deyatelnost-asi-potrebuuet-razvitiya-zakonodatelnoj-bazy-gryzlov/>

⁶⁹ Переход от стимулирования инноваций к росту на их основе. Стратегия-2020: Трудный путь к инновациям / Официальный сайт экспертных групп по обновлению «Стратегии – 2020», 07.07.2011 // <http://strategy2020.rian.ru/g5/20110707/366099491.html>

в своем Послании Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 г. Дмитрий Медведев, обозначив успехи власти в продвижении инновационных проектов, отметил необходимость продолжения инновационных инициатив⁷⁰. Полностью поддерживал Медведева в проекте инновационного реформирования отечественной политики и экономики будучи на тот момент председателем Правительства РФ В.В. Путин, который в феврале 2010 г. даже лично возглавил правительственную комиссию по инновациям.

Возвращение Владимира Путина в Кремль в качестве Президента РФ еще более интенсифицировало поиск оптимальной для России инновационной модели. Такую задачу глава государства поставил еще в рамках своей избирательной кампании в программной статье «Нам нужна новая экономика». Для того чтобы выстроить эффективный механизм обновления экономики страны, по его мнению, необходимо преодолеть технологическое отставание от ведущих держав. Президент считает, что Россия в международном разделении труда должна принимать участие не только как масштабный поставщик энергоносителей и сырья, но и занимать максимально значительное место в качестве владелицы постоянно обновляющихся технологий как минимум в нескольких сферах экономики⁷¹.

Чтобы российская экономика начала «порождать инновации», по мнению Владимира Путина, необходимо задействовать огромное наследие фундаментальной науки, сохранившиеся базы опытного производства. Для этого финансирование государственных научных фондов, поддерживающих инициативные разработки научных коллективов, будет увеличено до 25 млрд руб. к 2018 году. «Надо преодолеть инерцию крупного отечественного капитала, который, ..., отвык от инновационных проектов, от исследований и опытно-конструкторских работ. Сейчас 47 компаний с государственным участием приняли инновационные программы. Но и частные корпорации должны

---

⁷⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 30 ноября 2010 г.

⁷¹ Путин, В.В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. – 2012. – 30 января.

приучиться к тому, что 3–5% их валового дохода должно направляться в исследования и разработки», – указывал Владимир Путин⁷².

Конечно, инновационный путь России имеет свою специфику и подгонять его под одну «гребенку» – дело неблагодарное, в чем можно было убедиться в 1990-е гг., когда однозначная ставка на копирование западных политических и экономических стандартов привела к затяжному кризису. В то же время, разработка любой инновационной модели должна учитывать (особенно в эпоху глобализации) опыт других «продвинутых» стран. В этом плане интересно рассмотреть и сопоставить как западный, так и восточный путь к инновациям.

Однако, прежде, чем приступать к изучению мирового политико-экономического инновационного опыта, необходимо определиться с тем, что мы понимаем под терминами «инновация» и «инновационное развитие», поскольку их понимание и интерпретация, как в научной литературе, так и в политических выступлениях, весьма неоднозначны.

Руководство России попыталось определиться с теоретической базой еще в 1990-е годы, когда предпосылки для практической реализации инновационного курса фактически отсутствовали. В этом плане стоит отметить проект Федерального закона «Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике» от 7 мая 1997 г. Указанный законопроект предусматривал следующие базовые понятия.

Так, например, термин «Инновация» трактовался как финальный результат творческой деятельности, воплощенный на рынке в виде вновь созданной или качественно оптимизированной продукции, нового или улучшенного, а значит, более эффективного технологического процесса.

Основополагающими для инноваций являются такие признаки, как:

- практическое использование их достижений в политике, экономике, социальной сфере;
- политическая или социально-экономическая польза для тех, кто эти инновации практически внедряет;

---

⁷² Там же.

- «стартовое» использование новшества в политике или экономике, невзирая на то, применялось ли оно когда-либо ранее;
- креативность, поскольку инновации требуют от всех участников четкого осознания их общественной востребованности, а также творческой реализации инновационного замысла;
- наличие существенных рисков, связанных как с «перспективными» финансовыми вложениями, так и с не всегда очевидными перспективами реализации инноваций на достаточно консервативном рынке.

Инновация (нововведение) обычно трактуется как рентабельное внедрение передовых наукоемких технологий, продуктов и сервисов, а также технических, социально-экономических и организационных решений коммерческого, производственного, административного, финансового и иного плана. Результаты инновационной деятельности: 1) успешно продаваемый новый продукт; 2) новый или оптимизированный производственный процесс; 3) новый подход к оказанию услуг в социальной сфере⁷³.

Наиболее емкое, с нашей точки зрения, определение было сформулировано С.Н. Мазуренко, который предложил рассматривать инновацию как последовательный трехэтапный процесс: получение нового знания – разработка новой технологии – создание нового продукта. Результатом является конкурентоспособный продукт, обладающий повышенными потребительскими характеристиками⁷⁴.

Таким образом, инновационная деятельность в широком смысле есть комплекс научных, организационных, информационных, технологических, финансовых и коммерческих мероприятий по трансформации нового знания в передовые продукты и технологии, осуществляемая как отдельными учеными и бизнесом, так и государственными структурами.

---

⁷³ Более подробно см.: Селезнев, П.С. Инновационная политика в современной России и ведущих странах Запада: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Селезнев Павел Сергеевич. – М., 2009. – С. 23.

⁷⁴ Лесков, С. Руководитель Федерального агентства по науке и инновациям Сергей Мазуренко: «Инновации – это симбиоз государственной политики и рыночных отношений» // Известия. – 2008. – 3 декабря.

В узком, прикладном, значении инновационная деятельность есть процесс, который направлен на включение результатов НИОКР в качественно новые или усовершенствованные продукты, которые востребованы рынком, принципиально нового или усовершенствованного технологического процесса, получившего практическое использование. В диссертации инновационная деятельность рассматривается в основном в «узком» плане.

В то же время, целесообразным представляется увязать экономические преобразования инновационного характера с соответствующими усилиями государства и общества, отразить инновационные реформы в контексте выработки политической стратегии ведущих стран мира.

Поэтому, прежде всего, интересует деятельность государства как политико-экономического института в проведении в жизнь целенаправленной и последовательной «инновационной повестки».

Государственная инновационная политика есть компонента социально-экономической политики, ориентированная на инновационную деятельность, ее дальнейшее развитие и стимулирование⁷⁵.

Еще одним термином, важным для понимания инновационного процесса, является нововведение, то есть процесс, при котором изобретение или открытие доводятся до практического применения и дают соответствующий экономический эффект⁷⁶.

Между собой нововведение и инновационная деятельность естественным образом тесно переплетены, в частности, можно отметить их ориентированность на рынок, который выступает в качестве главного «эксперта» эффективности вложенных умений и знаний. И опять же, как показывает практика, разработка и внедрение принципиальных нововведений практически невозможно без государственной поддержки и политической воли правящей элиты.

---

⁷⁵ Балабанов, И.Т. Инновационный менеджмент. Прогнозирование. Реинжиниринг. – СПб.: «Питер», 2001. С. 154.

⁷⁶ Аверченков, В.И., Ваинмаер, Е.Е. Инновационный менеджмент: учебное пособие для вузов. – М.: ФЛИНТА, 2011. С. 65.

Большинство «прорывных» нововведений находят свое применение преимущественно в создании и использовании наукоемкой, высокотехнологичной продукции в самых разных сферах жизни общества. Нововведения можно разделить на следующие:

- технологические;
- технические;
- управленческие;
- экономические;
- организационные.

В свою очередь, процессы внедрения и использования нововведений в политической, экономической и социальной сферах общества можно рассматривать как инновационные процессы. Последние разрабатываются и апробируются в научной среде, а затем реализуются в производственной сфере, порождая прогрессивные качественные изменения.

Резюмируя, отметим, что под инновационным процессом следует понимать процесс по созданию, дистрибуции и практическому использованию инновационного продукта, т.е. продукта, отличающегося новизной технического, технологического или организационного плана, позволяющего удовлетворить либо вновь сформировавшиеся общественные потребности, либо уже существующие общественные потребности, но на качественно новом уровне. Тем не менее, как показывает практика инновационных стран, создать принципиально новые продукты и технологии крайне сложно без привлечения фундаментальной науки и проведения предварительных научно-исследовательских работ.

Соответственно, появление в нашей жизни новых машин, приборов, аппаратов и других нововведений зависит от характера и эффективности инновационного процесса, главная задача которого состоит в получении новшества. Данный процесс охватывает период с момента формирования идеи до ее воплощения на рынке, включая весь комплекс отношений производства, обмена, потребления.

Необходимо помнить, что инновационное развитие невозможно реализовать только за счет «принудительных» усилий власти, требуется разработка механизмов саморегуляции бизнеса, активное вовлечение предпринимателей в систему государственно-частного партнерства. Руководитель Центробанка РФ Э.С. Набиуллина призывала в свое время к налаживанию инновационного диалога между властью и бизнесом, подчеркивая, что без этого не будет возможности по решению амбициозной задачи – переходу к инновационному пути развития⁷⁷. Кроме того, она отмечала, что государство должно с пониманием относиться к бизнесу, обеспечивать ему условия для ведения инновационной деятельности, а также предоставлять гарантии его инвестициям в инновационные производства и технологии, но в то же время и требовать от предпринимательского сообщества максимальной ответственности за недобросовестную и нечестную игру на рынке. При этом она отмечала, что уже имеются позитивные подвижки в плане снижения административных барьеров и оптимизации взаимодействия власти и бизнеса: использование административного ресурса постепенно заменяется финансовыми гарантиями и страхованием, обязательная сертификация – декларированием, разрешительная система старта бизнес-активности трансформировалась в уведомительную, сократилось число и упростилась процедура проверок деятельности предпринимателей разного уровня⁷⁸. Солидарен с Набиуллиной и вице-премьер Правительства РФ А.В. Дворкович, который также полагает, что инновационное развитие возможно только на основе координации усилий государства, предпринимательства и науки, при этом бизнес должен выступать равноправным партнером власти. Одновременно он считает важным провести правовые и институциональные реформы, необходимые для форсированного развития инновационной сферы: «Правовые условия – это, прежде всего, внесение изменений и поправок в законодательство, связанное с защитой прав собственности, с оборотом прав собственности, а также в налоговое законодательство. А институциональные – это круг альтернативных механизмов и

---

⁷⁷ Цит. по: Шкель, Т. Не мешайте рынку // Российская газета. – 2008. – 22 мая.

⁷⁸ Там же.

цепочек, их финансирование и взаимодействие – между государством и инновационным бизнесом, крупным не инновационным бизнесом, научными образовательными организациями и бизнесом. Эти механизмы многообразные и здесь можно как применять опыт других стран, так и создавать что-то свое, новое... Определенные изменения в налоговой системе также должны благоприятно отразиться на развитии инновационной индустрии. Думаю, что осуществление государственной поддержки и просто развитие бизнеса в стране создаст хорошие условия для того, чтобы завтра мы уже совершили инновационный рывок»⁷⁹.

Таким образом, инновационная деятельность – это комплекс мероприятий по практическому использованию научного, научно-технического результата, интеллектуальных ресурсов для получения новых или улучшенных вариантов изготавливаемой продукции, способа ее производства и удовлетворения потребностей государства и общества в товарах и услугах, обладающих конкурентоспособностью, для улучшения сферы социального обслуживания и для совершенствования политической системы⁸⁰.

А.И. Пригожий нововведение трактует как целенаправленное изменение, которое вносит в сферу внедрения (общество, организация, население и т.д.) новые (или обновленные) и относительно постоянные (стабильные) элементы⁸¹. В соответствии с таким определением нововведения могут выступать в форме управляемого развития⁸², для чего требуется присутствие деятельного субъекта, который формирует окружающую его природную и социально-экономическую среду. Нововведение может иметь материально-технический, социальный характер, т.е. оно не прикреплено к какой-либо определенной области деятельности.

---

⁷⁹ Цит. по: Интервью Аркадия Дворковича ОPEC.RU // <http://www.nccg.ru/site.xp/053050050124053052056.html>

⁸⁰ Селезнев, П.С. Инновационная политика в современной России и ведущих странах Запада: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Селезнев Павел Сергеевич. – М., 2009. С. 23.

⁸¹ Пригожий, А.И. Нововведения: стимулы и препятствия / Социальные проблемы инноватики. – М.: Политиздат, 1989. С. 28.

⁸² Указ. соч. С. 28-29.

Но тут встает вопрос: возможно ли нововведением называть передовую научную идею или техническое изобретение? Однозначный ответ – нет. Например, экономист из США Б. Твисс в книге «Управление научно-техническими нововведениями» пишет о том, что нововведение можно считать процессом, где изобретение или идея находят свое экономическое содержание⁸³. Идея и изобретение превратятся в нововведение, только если будут коммерциализированны.

Российские же ученые Д.М. Гвишиани и В.П. Громека, в свою очередь, дают двойное толкование понятия «нововведение», с одной стороны, они видят в нем процесс, где происходит доведение технического изобретения или открытия до их практического применения и возникает экономический эффект, с другой стороны, они трактуют нововведение как конечный результат этого процесса, другими словами, это изобретение, которое доведено до этапа коммерческого использования – до появления продукта или товара в процессе нововведения в первом значении этого слова⁸⁴.

Своеобразное определение роли нововведений в политике и экономике дается в работах экономиста и социолога Й. Шумпетера. Так, в книге «Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия» он пишет, что под предприятием обычно понимают реализацию новых комбинаций и то, в чем данные комбинации находят воплощение: фабрики, заводы и пр. А хозяйственные субъекты, которые реализуют данные комбинации, выступают как двигатели этого процесса, обычно называются предпринимателями⁸⁵.

Необходимо отметить, что связь нововведений с предпринимательской активностью отмечалась еще в начале XIX столетия. Уже в то время французский политэконом Ж.Б. Сэй написал о том, что предприниматель переводит свои ресурсы из области с низкими производительностью и эффективностью, туда где

---

⁸³ Твисс, Б. Управление научно-техническими нововведениями. – М.: Экономика, 1989. С. 36.

⁸⁴ Гвишиани, Д.М., Громека, В.И. Теоретические аспекты исследований инновационного процесса и формирования инновационной политики промышленно-развитых государств. – М.: 2004. С. 5.

⁸⁵ Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия, М.: Эксмо, 2007. С. 169.

эти показатели выше⁸⁶. Взаимосвязь инновационной деятельности и предпринимательской активности отмечал также американский специалист в области менеджмента П. Друкер, который полагал, что нововведение является своеобразным инструментом для предпринимателей, тем средством, которое помогает им использовать изменения как шанс для успешного ведения бизнеса или производства услуг⁸⁷.

Нельзя не отметить и роль постсоветских ученых в разработке теории инновационной политики и уточнении понятия «научно-технический потенциал». Здесь стоит отметить работы исследователей России и Украины, в том числе В.И. Громеки⁸⁸, Г.М. Доброва⁸⁹, В.С. Дуженкова⁹⁰, В.С. Малова и др.

Например, В.С. Малов определяет научно-технический потенциал, как определенный объем ресурсов и уровень приобретенных знаний в сочетании с факторами, которые обеспечивают реализацию этих знаний для научно-технического и социально-экономического прогресса⁹¹. Одновременно научно-технический потенциал трактуется им как совокупность следующих моментов:

1. накопленных знаний;
2. кадрового потенциала, то есть людей, владеющих и применяющих эти знания на практике;
3. развитой материально-технической базы;
4. возможностей для получения/приобретения актуальной и новой информации;

---

⁸⁶ Drucker, P.F. Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles. HarperBusiness, Reprint Edition, 2006. P. 55

⁸⁷ Там же. P. 125.

⁸⁸ Гвишиани, Д.М., Громека, В.И. Теоретические аспекты исследований инновационного процесса и формирования инновационной политики промышленно-развитых государств. – М.: 2004.

⁸⁹ Научно-технический потенциал: структура, динамика, эффективность / Добров Г.М., Тонкаль В.Е., Савельев А.А. и др.; Отв. ред.: Тонкаль В.Е., Добров Г.М.; АН УССР. Центр исслед. науч.-техн. потенциала и истории науки. – Киев, 1987.

⁹⁰ Дуженков, В.И., Дагаев, А.А., Янсон, Э.Ж. Проблемы научно-технического прогресса в условиях перехода к рынку / Под ред. Е.А. Олейникова. – М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 1992.

⁹¹ Малов, В.С. Прогресс и научно-техническая деятельность / Отв. ред. О.И. Ларичев. – М.: Наука, 1991. С. 54.

5. организационной структуры, которая эффективно задействует знания при реализации инновационных проектов в различных сферах.

Таким образом, как видно из приведенной выше классификации, ставка делается, прежде всего, на научную составляющую, при этом государство выступает не только в качестве инициатора инноваций, но и в качестве посредника и между сферой знания и сферой производства.

Соответственно, инновация (замысел и пилотный проект) тесно связана с нововведением. Именно последнее позволяет реализовать инновацию на рынке и получить от этого экономическую выгоду.

В научном сообществе выделяют разнообразные формы нововведений, в том числе политические, управленческие, правовые, научно-технические, социальные и др.

С учетом текущего состояния мировой политики и экономики, а также перспектив их развития, инновационный курс страны призван качественно модернизировать и развить национальный научно-технический потенциал, создать современные технологические уклады, обеспечить успешную политическую и экономическую конкуренцию на международных рынках.

Государственная инновационная политика призвана обеспечить условия, стимулирующие частный сектор к активному инновационному поиску и быстрому внедрению новых идей и высокотехнологичных разработок, что обеспечит долгосрочную конкурентоспособность всего государства в глобальной экономике.

Таким образом, по мнению автора, инновационную политику страны следует определять как комплекс мер и функций государства, направленных на создание механизма реализации инновационной деятельности, увеличение конкурентоспособности национальной наукоемкой продукции внутри страны и на мировых рынках, включающих формирование и актуализацию нормативно-правовой базы, создание многоуровневой инновационной инфраструктуры.

Какие формы инновационной политики мы можем выделить?

Прежде всего, это прямые формы инновационной политики. Они предполагают активное госинвестирование, целевое и приоритетное кредитование инновационных проектов, лизинг, содействие в планировании инновационной деятельности. Кроме того, к прямым формам относится также инновационное государственное предпринимательство.

Что же касается косвенных форм инновационной политики, то они предусматривают «мягкое» стимулирование инновационных процессов со стороны государства (в том числе, в частном секторе), а также проведение в отношении инновационных субъектов политики «наибольшего благоприятствования» и создание необходимого политического, делового, инвестиционного, правового и социального климата для научно-технического прогресса.

Автор считает, что возникновение новых комбинаций возможно только в результате революционных преобразований и качественных трансформаций. Но если подобные комбинации «прорастают» из старых основ и эволюционным путем, то они, вероятно, смогут привести к позитивным результатам, но это будет только тактический эффект, а не кардинальное развитие. На основе этого можно рассматривать «инновации прорыва (развития)» и «поддерживающие инновации». Для устойчивости и эффективности современного государства необходимы оба вида инноваций, но если «отстающая» страна хочет «догнать и перегнать» развитые государства, то ей ничего другого не останется, как реализовывать «прорывные инновации».

Инновационный путь дает шанс стране для совершения качественного политико-экономического «прыжка» вперед, особенно с учетом относительного равенства «стартовых позиций» для ведущих государств мира. Это непосредственно касается Российской Федерации, которая, несмотря на свой довольно мощный потенциал, до сих пор не признается мировыми лидерами в качестве равноправного участника «глобального акционерного общества». Успех инновационной модернизации позволит ей не просто обозначать свое присутствие

в «Большой двадцатке» и других «топовых» наднациональных организациях, но занять там одно из приоритетных мест.

§2. Инновационная модернизация: государственный приоритет и настоящая необходимость

Модернизация российской политики и экономики с целью вывести государство в число процветающих и развитых стран предполагает, с одной стороны, продуманную и взвешенную, а с другой, – амбициозную (в хорошем смысле слова) инновационную политику. Необходимо, чтобы подобная политика, во-первых, учитывала интересы всех хозяйствующих субъектов, а не только корпоративные интересы отдельных отраслей народного хозяйства, а во-вторых, не стала бы плохой копией того пути, который давно прошли высокоразвитые страны.

При этом инновационный путь должен стать не просто тактическим маневром власти для имитации преобразований, а стратегическим выбором правящей элиты, бизнеса и общества. Без него России не удастся провести ни «апгрейда» своей производственной базы, ни создать конкурентоспособную современную продукцию и технологии.

Ускоренное инновационное обновление обусловлено как объективными, так и субъективными причинами, имеющими политический характер.

Во-первых, при резком обострении глобальной конкуренции в начале XXI в. только инновационное ускорение поможет России преодолеть последствия «смуты» 1990-х гг., избавиться от репутации «сырьевого придатка» Запада и реализовать сценарий по превращению в одно из ведущих мировых государств.

Во-вторых, развитие инноваций напрямую зависит от степени суверенности государства. Страны, отстающие в экономическом и технологическом развитии, намного больше, чем передовые, подвержены внутривнутриполитическим встряскам и чаще испытывают внешнее дестабилизирующее воздействие.

В-третьих, при существующем «культе потребления» только ускоренный инновационный курс может способствовать стабильному росту качества

жизни населения, нивелировать социальные конфликты, обеспечивать доверие населения к власти.

Также стоит сказать, что эти стратегические вызовы, или «вызовы инновационности», прежде других начинает осознавать политическая и бизнес-элита, при этом сознание масс остается консервативным, инертным, обычно оно ориентировано тактически, следовательно, модернизация должна начинаться, в первую очередь, по инициативе руководства страны и передаваться «вниз», «массовость» в инициировании реформ не обязательна. Помощник Президента Российской Федерации В.Ю. Сурков считает, что для старта инновационных процессов не требуется всю страну «ставить под ружье», можно обойтись и малыми силами. Для модернизации достаточно участия 100 тыс. человек, действительно заинтересованных в ее реализации, поэтому власти совместно с «инновационным меньшинством» следует взять на себя миссию модернизации страны.

При этом необходимо учитывать, что усиление политических, экономических, социальных процессов в начале этого века не позволяет руководителям государства отложить инновации «на завтра» или же осуществлять их низкими темпами, о чем не раз говорил В. Путин, который считает, что инновационному сценарию развития российской экономики следует придать соответствующий темп. Выступая в Волгограде в мае 2011 г. на межрегиональной конференции партии «Единая Россия», он подчеркнул, что настоящие темпы перехода к новой экономике не удовлетворяют общество, поэтому необходимо приступить к поиску новых стратегических инициатив инновационного прорыва и новых инструментов для достижения целей развития⁹².

Целый ряд экономических и технологических причин обуславливают необходимость к переходу как государства в целом, так и каждого предприятия в отдельности к инновационной политике:

---

⁹² Цит. по: Путин: темпы перехода к инновационной экономике необходимо ускорить // <http://www.pravda.ru/news/politics/06-05-2011/1076119-innovazii-0/>

- влияние экономической глобализации, которая приводит к большей мобильности бизнеса и ужесточению международной конкуренции, в том числе, на инновационном поле;
- запрос развитых обществ на перманентное технологическое обновление, что требует от предпринимательского сообщества и государства существенной гибкости и оперативной реакции на изменения;
- быстрая смена материальных приоритетов граждан, которые ориентируются не только на количественное, но и качественное потребление; соответственно, для удовлетворения таких потребностей требуется политическая воля государства и инновационная реакция на социальные запросы со стороны бизнеса.

При этом государство может выступать как инициатором и регулятором инновационных преобразований, так и создателем необходимых условий (институциональных, финансовых, правовых и пр.) для частной инновационной деятельности.

Одной из главных инновационных задач современного государства является достижение экономического роста. Это имеет не только позитивное социально-экономическое значение, но и важный политический смысл, поскольку тем самым власть демонстрирует свою эффективность в глазах населения. При этом формируется единая инновационная система, в рамках которой представлены собственно инноватор, предприятие/организация и окружающая среда. К числу инноваторов можно отнести тех людей, которые ведут исследования, реализуют конструкторские разработки, внедряют новые технологии. Соответственно, инноваторы входят в более широкое пространство под названием «организация», которая представляет собой то предприятие, на котором они работают. Что же касается организации/предприятия, то они, в свою очередь, являются частью более комплексной системы – политико-экономической, социальной и природной среды.

В этой многосоставной системе доминируют, скорее, не вертикальные, а горизонтальные взаимосвязи. При этом главным актором здесь является

государство в целом или самая «динамичная» часть политической элиты. Кроме того, все части указанной «гиперсистемы» находятся в постоянном взаимодействии и эффективность деятельности каждой из них зависит от партнеров.

Результативная политика роста включает проведение политики стабилизации ожиданий, политики структурной динамики и политики потенциальной динамики.

Политика стабилизации ожиданий имеет целью нейтрализовывать вызовы рынка и стимулировать эффективную деятельность хозяйствующих субъектов. И здесь же опять ведущая роль принадлежит государству, которое для обеспечения стабильности и поступательного развития страны обязано бороться с безработицей, поддерживать разумный курс национальной валюты, обеспечивать положительный товарный баланс и пр. Политика структурной динамики ориентирована на поиск взаимодействия с бизнесом, прежде всего, в плане привлечения частных инвестиций (иногда в рамках государственно-частного партнерства). Это также чрезвычайно важно, поскольку государство в одиночку не потянет финансирование затратных модернизационных проектов.

Политика же потенциальной динамики ориентирована на выстраивание инновационной инфраструктуры, необходимой как для поддержания экономической стабильности, так и для обеспечения перспективного развития страны.

Многоаспектное взаимодействие 3 систем инновационной деятельности с 3 сферами политики отражено на Рисунке 1.

Каждая система ориентирована на обеспечение взаимосвязей макро- и микроуровней в стимулировании стратегических инновационных подходов, соответствующих стратегическим целям страны.

Однако при осуществлении эффективной инновационной политики возникает ряд проблем. Как было сказано выше, государство является основным инициатором инновационного курса. Однако при схожести технологий реализации и паритетности расходов на НИОКР эффективность реализации

инновационной политики оказывается различной. Во многом это зависит от успешности администрирования инновационных процессов, от рациональности подхода государства к рыночным «правилам игры», от грамотного выстраивания отношений власти с исследовательским и бизнес-сообществом.

Еще одним проблемным моментом является вопрос об актуальности инноваций. Как показывает мировая практика, зачастую они бывают невостребованы обществом, поскольку или опережают свое время или не сопровождаются необходимым продвижением и рекламой в достаточно «консервативном» общественном мнении. Напротив, недостаточный учет этих факторов чреват провалом или низкой результативностью инновационного проекта⁹³.

Для проведения в жизнь активной инновационной политики в России требуется создание либо единого координирующего центра и целой системы взаимоувязанных управленческих структур.

Если брать российскую историю инноваций, то идея учредить «профильный» консультативный орган при Правительстве РФ была выдвинута еще в середине 2000-х годов, когда отечественная элита впервые задумалась относительно выхода страны на передовые рубежи в мире. В частности, его функционал был следующим:

- определение основных тенденций и приоритетных направлений мирового технологического развития;
- исследование конкурентных возможностей российских предприятий и отраслей в глобальном «соревновании» с оппонентами;
- разработка сценариев и моделей инновационного развития отечественной экономики, политики и социальной сферы;

---

⁹³ См., например: Дуженков, В.И., Дагаев, А.А., Янсон, Э.Ж. Проблемы научно-технического прогресса в условиях перехода к рынку / Под ред. Е.А. Олейникова. – М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 1992; Гончаренко, Л.П., Арутюнов, Ю.А. Инновационная политика. – М.: КноРус, 2008 и др.

- предложение вариантов оптимизации деятельности государственных институтов с точки зрения улучшения администрирования инновационных сфер и инновационных проектов;
- инициирование общественных дискуссий относительно инновационного развития страны с целью «подогреть» интерес граждан и элиты к данной теме, а также обеспечить диалог между заинтересованными субъектами инновационных процессов.

Однако инновационные структуры возникли только в конце 2000-х гг. Сначала появилась правительственная Комиссия по высоким технологиям и инновациям (2008 г.), а затем созданная уже при Президенте России Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики страны (2009 г.). Однако их деятельность пришлась на период глобального финансово-экономического кризиса, да и двойное подчинение не способствовало эффективности их деятельности. Соответственно, после завершения кризиса и возвращения В.В. Путина на пост Президента РФ происходит очередная реформа. В июне 2012 года глава государства подписал указ, в соответствии с которым был образован Совет при президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России. Возглавил Совет лично Владимир Путин. Ранее существовавшая при этом Комиссия была упразднена⁹⁴.

Народнохозяйственный комплекс Российской Федерации можно рассматривать как политико-экономическую и научно-технологическую систему⁹⁵, отдельное хозяйственное звено которой должно реализовывать собственную инновационную политику, решать конкретные задачи, но в рамках общих государственных целей. Согласовать и связать все намеченные цели можно лишь с помощью соответствующей модели, которая бы объединяла между собой все уровни разработки и осуществления государственной политики в сфере науки и технологий и была бы основана на паритетности различных форм

---

⁹⁴ Указ о Совете по модернизации экономики и инновационному развитию России // <http://news.kremlin.ru/news/15690>

⁹⁵ Фатхутдинов, Р.А. Инновационный менеджмент. – СПб., 2008. С. 382.

собственности, креативном участии в реализации инновационной деятельности всех организационно-правовых форм хозяйствования и структур управления. В подобной модели следует различать три уровня иерархии инновационной политики: государственная (или федеральная), региональная и частных корпораций и фирм (Рисунок 2).

Чтобы отнести стратегию к тому или иному представленному уровню, необходимо использовать основной критерий – масштаб цели и конечный результат, но не организационно-правовую форму участников инновационной практики. Например, любое предприятие, которое выполняет госзаказ, принимает участие в решении инновационной задачи, предусмотренной государственной целевой программой, на федеральном уровне.

Эффективное функционирование данной модели возможно, если существует единство всех входящих в нее подсистем государственной политики в сфере инноваций. К данным подсистемам относятся иерархическая (уровни инновационной политики), функциональная (выбор стратегического вектора, планирование и прогнозирование его развития; селекция передовых научных идей и разработок; трансформация кластеров и территорий, реализация инновационных проектов интеграционного характера) и обеспечивающая (правовое сопровождение, финансовая поддержка, кадровое сопровождение, ИТ-поддержка, организационные структуры и управление).

Создание и осуществление основных направлений инновационной политики состоит из 6 фаз:

1. выбор целей и критериев их достижения;
2. предварительное определение главных направлений и основополагающих технологий;
3. определение первоочередности выполнения работ и формирование заявок на получение бюджетного финансирования;
4. выбор форм и механизмов господдержки (ресурсы, льготы, контракты и др.);
5. контроль над исполнением работ и оценка полученных результатов;

- б. корректирование проектов, программ, направлений деятельности, научно-технической политики и механизмов.

Главная задача общегосударственного уровня – укреплять конкурентные позиции Российской Федерации в мировой экономике через активную финансовую и ресурсную поддержку приоритетных направлений⁹⁶. При существующем в современном мире дефиците долгосрочных инвестиций главную роль играет поддержка фундаментальной науки, реализации стратегических инновационных проектов с продолжительным циклом использования средств и высоким уровнем определенности конечных результатов.

Проанализировав нынешние среднесрочные программы и концепции Правительства России, можно сделать вывод о незначительности фактической роли инноваций в развитии страны. Очень сложно понять действительную роль инноваций в экономическом развитии государства. В настоящее время ни одна из имеющихся разработок не устанавливает связей между инновационными практиками, необходимостью их стимулирования и структурными изменениями в экономике. Ранее при анализе сложившейся ситуации уже подчеркивалось, что если инновационная деятельность не нацелена на модернизацию экономики, на переориентацию на новые технологические уровни, то она перестает быть фактором экономического роста.

17 ноября 2008 года Правительством России утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, в которой поставлена цель превратить экономику нашей страны в экономику знаний. В соответствии с тезисами Концепции к 2020 году доля «экономики знаний» и высоких технологий в ВВП должна составлять не менее 17–20%; затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки должны подняться до 2,5–3% ВВП при существенном росте

---

⁹⁶ Татарских, Б.Я. Совершенствование управления научно-техническим прогрессом в современных условиях: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, май 2007 г. / Под общ. ред.: Б.Я. Татарских, О.В. Федорова. – Пенза: РИО ПГСХА, 2007. С. 5-6.

эффективности фундаментальных и прикладных исследований и разработок⁹⁷. Но в этом документе, который имеет стратегический характер, не определены конкретные механизмы и реальные шаги превращения нашей экономики в «экономику знаний». Как считает российский ученый-экономист Р.М. Нуреев, Концепция до настоящего времени не дает ответы на множество вопросов: верно определены вызовы, но не названы механизмы и не показаны пути решения, в первую очередь институциональные⁹⁸; другими словами – присутствует понимание того, «что же требуется?», но отсутствует понимание того, «каким образом этого достичь?».

«Локомотивом» в процессе перевода российской промышленности на инновационные рельсы государство считает предприятия ВПК, что подтверждают заявления лидеров страны. В частности, в сентябре 2010 г. Д.А. Медведев в ходе одного из заседаний Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики дал поручение, в соответствии с которым ВПК должен начать генерировать инновации и обеспечить создание специализированной структуры для заказа «прорывных исследований и разработок в интересах обороны и безопасности»⁹⁹. В то же время, по мнению экспертов, данные опросов показывают, что профессиональный уровень 51% работников оборонного комплекса не соответствует требованиям современности. Например, в 2007 году 81% предприятий испытывали нехватку инженеров высокой квалификации; на 43% из них отсутствовали руководители среднего звена; если верить директорам, то лишь 4% предприятий были полностью обеспечены нужными кадрами¹⁰⁰.

Принимая во внимание, что глубокие противоречия существуют на самом высоком уровне, трудно говорить о взаимном согласовании документов

---

⁹⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08 августа 2009) / Минэкономразвития России// http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009

⁹⁸ Коптюбенко, Д. Концепции-2020 не хватает инноваций // <http://www.rbcdaily.ru/2008/11/05/focus/389167>

⁹⁹ Дмитрий Медведев приказал глубоко модернизировать ОПК // Коммерсант. – 2010. – 23 сентября.

¹⁰⁰ Коптюбенко, Д. Указ. соч.

федерального и регионального уровней, которые регламентируют развитие отраслей и осуществление основных программ. В такой ситуации можно только отметить отсутствие межотраслевого системного подхода при решении такой важной государственной задачи и слабую разработанность реальных механизмов и системы мер перехода нашей страны к инновационной экономике.

Чтобы Россия выстояла в конкурентной борьбе с развитыми странами на новом технологическом уровне и смогла превратиться в инновационный субъект мировой экономики, требуется наполнить новыми технологиями отечественную промышленность, обеспечить замену старого оборудования новой и прогрессивной техникой. И здесь следует еще раз подчеркнуть, что в этих процессах приоритет должен быть у государства, несущего ответственность за НИОКР и инновационную сферу в целом¹⁰¹. Это означает, что эффективная государственная инновационная политика превращается в объективную необходимость, т.к. инновационная экономика – это база технологического роста в нашей стране. Совершенно ясно, что создание такого инновационного сектора кардинальным образом повышает устойчивость страны при любых кризисах¹⁰².

---

¹⁰¹ Львов, Д.С. Экономика развития. – М.: Экзамен, 2002, С. 56.

¹⁰² Мамонтов, В., Садчиков, А. Анатолий Чубайс, генеральный директор Роснано: «Очень хочется вернуть долги» / Известия. – 2008. – 14 ноября.

§3. Инновационный путь развития как политико-экономический проект национальных элит

Следует понимать, что инновационный проект даже в условиях демократического политического режима всегда является делом элиты страны, а не широких слоев населения, которые в целом ориентированы на сохранение «статус кво». Так, например, в Российской Федерации изначально инициатива по инновационному развитию исходила не «снизу», а «сверху». Более того, идея очередных реформ вне властной элиты встречала прохладное отношение и населения, и бизнес-сообщества, и «традиционной» части бюрократии.

Граждане, с одной стороны, опасались очередной «шоковой терапии» и с недоверием относились к любым «преобразовательным» проектам власти, с другой – отвергали «апгрейд» в силу специфики отечественной политической культуры, в которой преобладает консервативный тренд. Кроме того, значительная часть населения психологически находилась еще в прошлом, XX веке и не была готова принять и понять новые технологические и информационные реалии, а тем более, существовать и действовать в их рамках. Правда, при этом социологические замеры отмечали «гипотетическую» ориентированность населения на проведение инновационных реформ, однако такого рода настроения либо формировались под влиянием инновационной части элитного сообщества (например, в России «социальный запрос» на инновации стали отмечать лишь в 2007-2008 гг., когда эта тема стала раскручиваться «сверху» через выступления первых лиц государства и властные СМИ), либо в качестве «ностальгии» по ушедшему в прошлое СССР (у данной части граждан инновационное развитие зачастую отождествляется с восстановлением Россией статуса «великой державы»).

Тем не менее, определенный инновационный оптимизм в российском обществе последних лет все же присутствует. Так, по мнению генерального

директора ВЦИОМ В.В. Федорова, высказанного в ходе Томского инновационного форума, по итогам проведенного в 2011 г. в 40 регионах России опроса большинство россиян (62%) были уверены в том, что для будущего процветания нашей страны инновации являются необходимым условием. Число скептически настроенных было почти вчетверо меньше (14%). Также В.В. Федоров отметил, что больше половины респондентов (60%) высказались за максимальные финансовые вливания в инновационную деятельность, поскольку в обозримой перспективе эти инвестиции окупятся. Число отрицательно настроенных респондентов опять же таки было практически в четыре раза меньше (14%). Кроме того, больше половины всех опрошенных (56%) считали, что роль инноваций в будущем будет только расти и что инновации однозначно будут востребованы всеми отраслями народного хозяйства. При этом почти шестая часть респондентов (16%) высказали мнение, что внедрение инноваций не будет иметь в России широкого распространения¹⁰³.

Позитивное отношение россиян к инновациям фиксировал и Фонд «Общественное мнение», об этом свидетельствует его опрос периода августа 2011 г. об отношении россиян к иинограду «Сколково». Число респондентов, выразивших свое положительное отношение к данному проекту (63%), в семь раз превысило число отрицательно настроенных (9%). И в общей сложности почти треть всех опрошенных либо ответили равнодушием (21%), либо затруднились ответить (7%).

Что же касается частного предпринимательства, то здесь инновационный путь руководства страны был воспринят с настороженностью. После жесткой процедуры «равноудаления олигархов» предпринимательские слои вполне резонно не исключали того, что именно их назначат «ответственными» за «инновационный подъем», обязав заниматься рискованными долгосрочными финансовыми инвестициями. Соответственно, это породило своего рода

---

¹⁰³ Две трети россиян считают, что будущее России тесно связано с инновациями – ВЦИОМ / Интерфакс // <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/special.asp?id=233974&sec=1698>

инновационное «дезертирство» частного бизнеса, предпочитавшего работать в более привлекательных сферах.

Правящая бюрократия, как федеральная, так и региональная, также в своей массе не может быть носителем инновационного мышления. Психология и активность представителей управленческого класса изначально ориентированы на воспроизводство прежних образцов деятельности, и любое отклонение от «нормы» вызывает у них отторжение, как нарушающее «установленный порядок вещей». Более того, в тех странах, где чиновники имеют свои интересы в коммерческой сфере, и где уровень коррупции является высоким, инновации могут отвергаться бюрократией на «эгоистической» основе, поскольку зачастую они ломают устоявшиеся схемы «теневого» взаимодействия власти, бизнеса, криминала. Это может, например, касаться инновационных проектов, ориентированных на введение в оборот новых технологий и производств, особенно связанных с упрощением системы согласования разрешительной документации. В этом случае бюрократия предпримет латентные усилия для того, чтобы для начала скомпрометировать инновации в глазах руководства, а в случае неудачи на этом направлении, постарается максимально затянуть решение вопроса.

«Элита к любым проектам готова приступить лишь тогда, когда она уверена, что это решение не подорвет ее власть», – отмечает профессор НИУ ВШЭ Л. Григорьев. Поскольку модернизация, в том числе политическая, подразумевает перемены не только в экономике, но и во властных рядах, то политэлите выгоднее «законсервировать» свое положение¹⁰⁴. Отношение российских элит к модернизации является традиционно неоднозначным. И подоплека этой неоднозначности имеет не только экономический, но и «исторический» характер. Модернизация в России зачастую имела форсированный характер и осуществлялась преимущественно жесткими, а иногда и авторитарными методами. «Это определяло периодические чистки, как политические, так и

---

¹⁰⁴ Литвинова, А. Политическая элита только делает вид, что готова к модернизации // RBC-daily. – 2011. – 24 января.

физические, политического класса в целях обеспечения его максимальной эффективности в качестве инструмента модернизации. Данный исторический опыт – одна из причин настороженности политического класса по отношению к модернизационным проектам», – считает президент Российской ассоциации политической науки О.В. Гаман-Голутвина¹⁰⁵.

Поэтому обычно основная часть нагрузки в деле продвижения инновационных проектов ложится на плечи государства, вернее, заинтересованных элитных групп, имеющих соответствующий профиль деятельности. Именно они являются главными инициаторами и лоббистами инновационного законодательства, а также основными бенефициарами по итогам его практического внедрения. Т.е. и здесь в большей степени играет свою роль не фактор политического лидерства, а фактор экономической заинтересованности.

Неоходимо понимать, что формирование инновационной элиты является мировоззренческой проблемой, особую роль в этом процессе следует отводить гуманитариям. Утопией являются надежды на то, что формирование элитного слоя можно осуществить без глубоких социальных преобразований общества, возможных только при условии, что нарождающаяся инновационная элита будет наделена властными полномочиями.

Инновационную элиту можно описать следующим образом:

- особые свойства, присущие представителям инновационной элиты;
- существующие внутри элитарного слоя и характеризующие степень его сплоченности взаимоотношения;
- отношения с другими элитами, не-элитой, массой;
- источники, методы и способы рекрутирования инновационной элиты;
- роль, функции и влияние в обществе¹⁰⁶.

Перед элитой любого государства стоит сверхзадача – овладеть искусством стратегического управления обществом, то есть научиться успешно осваивать

---

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Лепский, В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2009. С. 131.

неизвестные сферы, порождать и выбирать смыслы, воплощать коллективные образы, выстраивая направление движения для себя и для идущих следом. В период исторических пертурбаций дефицит высоких смыслов и масштабных личностей оказывается критическим обстоятельством¹⁰⁷. Элита воплощает нормы поведения, культурные ценности и образцы, обладая символическим ресурсом.

Наглядно можно проследить влияние этих тенденций на российском опыте последнего десятилетия.

Несмотря на демонстративную лояльность практически всех представителей элиты относительно заявленных властью модернизационных инициатив, их реализация на практике сталкивается с серьезным сопротивлением подавляющего большинства тех же самых элитных групп. Отчасти это происходит бессознательно – из-за отсутствия единого толкования и понимания терминов «модернизация» и «инновационное развитие», отчасти – из-за сознательного сопротивления элит и связанной с ними бюрократии, которые видят в реализации модернизационного и инновационного проекта угрозу своим официально не декларируемым интересам.

Ключевая проблема заключается в различном понимании целей и задач инновационного развития на уровне концепции и на стадии реализации. В России под инновационным развитием понимается, прежде всего, коренная модернизация индустриальной базы (шире – реиндустриализация России), но никак не построение принципиально нового общества, основанного на иных социальных и политических принципах, что в итоге дает кумулятивный эффект. Безусловно, без развитого индустриального общества невозможно построение обществ следующего уклада, которые возникают на его основе, – постиндустриального и информационного, где инновационное развитие является стержневым элементом деятельности всего государственного механизма и социума.

---

¹⁰⁷ Неклесса, А. Время коротких горизонтов. Реализация планов инновационной и инфраструктурной модернизации в России перманентно сдвигается в «светлое будущее» // Независимая газета. – 2008. – 26 июня.

Однако российские элиты сознательно и бессознательно предпочитают видеть тактические, а не стратегические цели. Большинство групп влияния, которые обладают контролем над материальными активами, не возражают против их глубинной модернизации (за чей счет – отдельная проблема). Это, по их расчетам, позволит повысить отдачу от производства и норму прибыли на единицу продукции. Однако инвестировать в построение нового общества, которое строится на новом экономическом укладе, для большинства российских элитных групп не представляется перспективным занятием. В данном случае речь идет даже не об опасениях, связанных с возможной коренной трансформацией политсистемы, сколько об отсутствии необходимого горизонта планирования у представителей большинства элиты. По сравнению с 1990-ми гг., когда он измерялся месяцами, горизонт планирования существенно вырос, но по-прежнему не достигает необходимых для успешного инновационного развития десятилетий¹⁰⁸ (как, например, это имеет место быть в Китае, Японии).

Такую неуверенность российских элитных групп в перспективах страны и своих собственных можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, если история устойчивого развития ведущих стран мира, в которых уже успешно созданы и функционируют НИС, измеряется десятилетиями, то в России такой период устойчивого бескризисного развития составляет чуть более 15 лет (с момента кризиса 1998 года). Кризис 2008 года российскими элитами не воспринимается как «чрезвычайный», поскольку по его итогам не произошло существенного перераспределения собственности (в отличие от 1991-1993 гг. или 1998 г.) и вытеснения на периферию каких-либо сформировавшихся до него элитных групп.

Отсутствие длительной истории устойчивого развития провоцирует вторую причину, побуждающую бизнес не делать необходимых для инновационного развития долгосрочных инвестиций и одновременно держать в уме «стратегию выхода» (exit strategy). Неуверенность в перспективах российского государства побуждает большинство элитных групп создавать «запасные аэродромы» за

---

¹⁰⁸ Ремизов, М. Мобилизационный пакт для элиты // Известия. – 2009. – 6 апреля.

рубежом, а не инвестировать в инновационное развитие собственного бизнеса в России. Другими словами, они готовят себе альтернативный вариант будущего, не обязательно связанный с Россией и ее успешным развитием. Такая «внутренняя эмиграция» (субъект физически функционирует на территории страны, но ментально находится за ее пределами) является, пожалуй, наиболее серьезным тормозом инновационного развития Россия – гораздо больше, чем налогообложение или избыточные административные барьеры. При этом элиты тех стран, где уже состоялся успешный переход к инновационному обществу, обычно не имеют «стратегии выхода», связанной с возможной эмиграцией в другую страну. Уверенность элит в собственном будущем и перспективах (как и, впрочем, населения) – ключевой фактор успешного инновационного развития.

Исходя из этого, инициаторам модернизации зачастую приходится прибегать к политике «инновационного принуждения» несознательной части истеблишмента. Во многом на это оказались направлены последние инициативы российской власти по «национализации» отечественной элиты. В этом плане можно отметить серию законопроектов В.В. Путина 2012-2013 гг., в которых содержится запрет чиновникам и военным, а также их супругам и несовершеннолетним детям иметь недвижимость за рубежом, счета в расположенных вне России иностранных банках, облигации и акции иностранных эмитентов, в том числе ценные бумаги иностранных государств¹⁰⁹.

Вышеописанный фактор «запланированной эмиграции» является, возможно, самым важным, но отнюдь не единственным параметром, характеризующим позицию элитных групп по отношению к формированию инновационной модели экономики. Еще один системообразующий параметр, весьма показательно характеризующий отношение элитных групп к инновационным инициативам государства, заключается в самом восприятии намерения государства выстроить НИС.

---

¹⁰⁹ Путин внес в ГД законопроект о запрете счетов чиновников за рубежом / РИА Новости // <http://ria.ru/politics/20130212/922429976.html>

В частности, если в странах с развитой НИС участие в подобных программах воспринимается элитами как шанс для развития, то в России зачастую – как еще один из способов дотирования бизнеса за счет госбюджета. Например, в странах с развитой НИС на долю государства приходится не более 20-30% от общей суммы инвестиций в инновации, остальное инвестирует бизнес, причем далеко не всегда под госгарантии. При этом даже государственная часть соинвестиций, несмотря на свой скромный характер, распределяется не методом прямого дотирования (поскольку дотации зачастую являются результатом лоббистской деятельности тех же элитных групп), а через прозрачное распределение средств на конкурсной основе.

* * *

Обобщая вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что инновационный путь является стратегическим вектором развития человечества на ближайшую перспективу, поскольку обеспечить иным путем политическую стабильность и экономический рост не представляется возможным. Особенно это касается тех государств, которые имеют международные "амбиции" и претендуют на высокий статус в глобальной системе взаимоотношений.

При этом лидирующая, если не решающая роль в деле инновационного развития принадлежит национальным элитам, поскольку только они могут быть инициаторами и модераторами данных сложных и многоаспектных процессов. Именно элиты формируют инновационный замысел и формулируют для страны инновационную мотивацию.

Современное состояние элитных групп и элиты в целом в России, находящее свое отражение в отношении к инновационным инициативам государства, пока не позволяет надеяться на создание в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе на территории страны полноценной НИС, которая включала бы в себя не только «формальные» инновационные инициативы, но и новые политические и социально-экономические практики. Максимум, на что можно надеяться при существующем положении вещей – на возникновение кластерной НИС, которая закрепит дифференциацию российских граждан на

привилегированное (с точки зрения социальных практик) меньшинство и «вторичное» большинство.

Конечно, инновационный путь России имеет свою специфику и подгонять его под какие-либо стандарты – дело неблагодарное, в чем мы смогли убедиться в 1990-е гг., когда недальновидная ставка на копирование западных образцов привела к длительной политической и экономической турбулентности. В то же время, разработка любой инновационной модели должна учитывать (особенно в эпоху глобализации) опыт модернизации других стран. В этом плане интересно рассмотреть и сопоставить как западный, так и восточный подходы к инновациям.

И здесь, прежде всего, стоит оценить опыт подобной модернизации лидеров Запада – США и ведущих стран Евросоюза, избравших инновационный путь развития значительно раньше остальных – еще в середине 70-х гг. прошлого столетия.

Глава 3. Государственная инновационная политика ведущих стран Запада: замысел, мотивация, опыт

§ 1. Инновационность как главный вектор опережающего развития западных стран

Европейская цивилизация базируется на концепте «прогресса» и «опережающего развития». Обеспечение комфортности существования человека в земной жизни всегда было основой политической культуры ведущих стран Запада, даже когда царила религиозная парадигма, и Церковь была мощным политическим игроком. Но западное христианство (протестантизм, католицизм) по своим политическим и морально-этическим принципам сильно отличаются от других религий мира, особенно от восточных (в т.ч. и православия). Начала первенства и конкуренции отразились, в первую очередь, в протестантской этике, которая была ориентирована в основном на посюстороннее и земную активность человека считала его служением Всевышнему. Таким образом, за усердный труд в этой жизни человек получает одобрение Бога. Об этом писал один из основоположников политологии и социологии М. Вебер¹¹⁰. С ним согласны и отдельные ученые современности. В труде под редакцией Г.Б. Клейнера отмечалось, что многие постулаты и нормы, на которых базируется этика современных культуры хозяйствования, нравственного отношения к труду и коммерции (как вида деятельности), уходят корнями в этику протестантизма. Во время Реформации в государствах Западной Европы совершился духовный переворот: произошло осмысление содержания труда и богатства. По мнению

---

¹¹⁰ См.: Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Ист-Вью, 2002.

М. Лютера и Ж. Кальвина, идеологов Реформации, труд не может рассматриваться как наказание, потому что он является божественным призванием и основным предназначением человека в этом мире. Он трудится не для того, чтобы искупить грех, спастись от греха праздности, а приобрести и приумножить богатство, накопить собственность, получить прибыль. Переоценка роли труда вместе с установкой на максимизацию прибыли и финансовый успех привели и к пересмотру значения богатства и собственности в земном существовании человека. В этике протестантизма собственность – основа, база свободы личности¹¹¹. Подобный подход заложил фундамент для обеспечения лидерства стран Запада на долгосрочную перспективу за счет опережающего развития. К тому же из такого мировоззрения следует и концепция цивилизаторской миссии Запада, его прогрессивная роль в его взаимоотношениях с остальным миром, с иными цивилизациями. Западом признается исключительно линейная версия исторического развития, основывающаяся на принципах передового политического, экономического и технологического развития. А все остальные основы прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо уходят на задний план и получают статус «вторичных», либо вовсе не учитываются. Странам и народам, которые относятся к «незападным», предоставляется право на догоняющее развитие и только по пути, проложенному передовыми западными державами, по образцам, утвержденным ими же. Подобный экономический снобизм Запада с течением времени стал дополняться идеями политического прогресса, и снова западные страны претендовали на глобальное лидерство и статус «законодателей мод». Другие теории или модели общественного развития рассматривались Западом как девиантные и «неистинные». Венцом подобного подхода стала теория «демократический транзит», получившая широкое распространение в политической теории и практике в 1980–1990-е гг. Ею постулировалось как необходимость движение человечества к западному (либеральному) варианту демократии, при этом она отрицала вместе с

---

¹¹¹ Стратегии бизнеса: Аналитический справочник / под ред. Г.Б. Клейнера. – М.: «КОНСЭКО», 1998. С. 38.

тоталитарными и авторитарными моделями и альтернативные формы демократического развития. Вершиной подобной однобокой трактовки прогресса человечества явилась теория американского исследователя Ф. Фукуямы о «конце истории». В работе с таким же названием он заявил, что либеральная демократия и рыночный путь являются единственно верными дорогами развития мира, «венчают» историю человечества, и объявил победу Запада в борьбе за мировое господство безоговорочной. Но события мировой истории в начале XXI в. заставили усомниться в подобных выводах. 1. Оказалось, что либеральная демократия не является универсальным способом организации общества, таит в себе большие риски для «незападных» стран-реципиентов.

2. Основополагающие принципы капитализма и универсальность либерально-демократических и рыночных основ стран Запада, (конкуренция, свободный рынок, невмешательство государства в экономику и пр.) были поставлены под сомнение глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2010 гг. Кроме того, вполне реально, что мир находится в начале нового этапа кризиса западной экономической модели, возможно, даже новой Великой депрессии. Все это остро ставит вопрос о поиске путей замены догматических принципов Запада.

Одновременно с этим потеря лидерства в мире ставит под сомнение все другие основы цивилизации Запада и ведет к росту противоречий в Соединенных Штатах и Евросоюзе, в особенности с учетом того, что благодаря именно «стратегии прогресса» поддерживается устойчивость развития в данных субъектах и обеспечивается консолидация общества вокруг власти.

Например, для США исключительно важно их глобальное политическое, военное и экономическое превосходство. Теоретически подобные настроения были обоснованы в 1990-е гг. А. Страуссом в разработанной им концепции униполярности¹¹². Его беспелляционная позиция заключалась в том, что после исчезновения советского полюса биполярного мира международная система стала

---

¹¹² См.: Страус, А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. – 1997. – № 2. – С. 27-44.

униполярной, налицо фактический «униполь», который состоит из демократических индустриальных стран, обладающих огромным весом в глобальной системе, а США являются ведущей державой в этом униполе¹¹³.

Европейские же страны (особенно «локомотивы» интеграции Евросоюза) уже длительное время развиваются, следуя принципу социального гедонизма, поэтому для них глобальное лидерство (в альянсе с США) предоставляет возможность постоянно повышать жизненный уровень своих граждан, что обеспечивает политическую стабильность в этих странах. Однако лидеры и элита этих государств понимают, что ориентация на устаревшие теории XVII–XX вв. грозит глобальным поражением, и тоже пытаются найти выход из возникшего социального «тупика»¹¹⁴.

Вполне возможно, что распространение инновационной «повестки дня» в мире в последнее десятилетие следует связывать в т.ч. и с усилиями Запада провести актуализацию политического, экономического, социального багажа, подыскать замену практически исчерпавшим себя концепциям либеральной демократии и саморегулирующегося рынка.

Однако, безусловно, присутствуют и важные объективные причины для обновления основ инновационного мирового развития:

- потребность в адекватном ответе на новые политические, социальные, экономические и информационные вызовы наступившего столетия
- задача повышения эффективности в условиях усиления глобальной конкуренции
- необходимость в углублении научного знания.

Уникальность нынешней ситуации в том, что, будучи в поиске иных векторов своего развития в сферах экономики и политики, наша страна в настоящий момент находится приблизительно в аналогичной ситуации, что и развитые западные государства, она обладает практически равными с ними

---

¹¹³ Там же. С. 78.

¹¹⁴ Gvosdev, N. The Realist Prism: U.S. Policy Paralysis Risks Global Leadership Void // World Politics Review. – 2011. – October, 2.

возможностями для самореализации на данном направлении. Хотя формально финансово-экономический и политический потенциалы западных стран позволяют им активнее вести разработки новых инновационных направлений, поэтому в настоящее время американцы и европейцы определяют характер данного глобального процесса.

Развитие экономики по инновационному направлению можно охарактеризовать через возрастающие возможности НТП: увеличение ВВП более чем на 50% за счет новых передовых технологий.

Таблицы 1 и 2, отражающие затраты на НИОКР в различных странах мира и долю в общемировых затратах на НИОКР, соответственно, показывают, что, хотя абсолютным лидером среди всех стран по финансированию научных исследований и разработок были и продолжают оставаться США (практически треть всех общемировых расходов на науку), их значение в мире постепенно снижается, при этом очень серьезные темпы набирают страны Азии, и в особенности Китай. Роль России на фоне других стран остается достаточно скромной¹¹⁵.

В ведущих странах Запада ключевая роль по финансированию инновационной деятельности отведена бизнесу. Докризисное соотношение расходов на научные разработки, осуществляемых бизнесом, и общегосударственных расходов на НИОКР представлено в Таблице 3.

Глобальный финансово-экономический кризис негативно отразился на объеме корпоративных инвестиций в НИОКР, осуществленных крупнейшими компаниями мира. В 2009 г. их общий объем составил 503 млрд долл. США (на 2% ниже уровня 2008 г.), что прервало устойчивый рост предыдущих пяти лет. В то же время, указанное сокращение было значительно меньше, чем совокупное падение объемов продаж компаний (10%), капитальных вложений (17,5%) и прибылей (21%)¹¹⁶.

---

¹¹⁵ R&D Funding Forecast 2013 / Battelle Memorial Institute / http://battelle.org/docs/r-d-funding-forecast/2013_r_d_funding_forecast.pdf?sfvrsn=0

¹¹⁶ Кондратьев, В.Б. Компании и инновации: локальный взгляд на глобальные изменения / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы //

В силу специфики политического и социального развития Россия несколько отстает от ведущих стран Запада в плане государственно-частного партнерства.

В 2010 г. соотношение расходов западных корпораций на НИОКР и общегосударственных расходов на те же цели составляло более 65%. В государствах-членах ОЭСР в среднем данный показатель был примерно равен 70%. Большинство корпораций осуществляли исследования не только прикладного, но и фундаментального характера. Причем, на долю корпораций приходится значительная часть всего объема финансирования фундаментальных исследований: США – свыше 25%, Япония – 38%, Южная Корея – 45%. В нашей стране от общего объема финансирования НИОКР на крупные предприятия приходится порядка 20%. Отечественный бизнес естественно уступает своим западным конкурентам по затратам на НИОКР (Таблица 4). В список 1400 компаний-мировых лидеров по расходам на НИОКР в абсолютном выражении, который составляет Евросоюз ежегодно, в 2010 г. от нашей страны попали лишь 3 компании – Газпром (83 место), АвтоВАЗ (620) и ЛУКОЙЛ (632). Для сравнения: в рейтинге Fortune Global 500 среди 500 компаний мира по объемам выручки российских компаний вдвое больше – 6, а среди 1400 ведущих мировых компаний по выручке представителей России несколько десятков¹¹⁷.

Показательно, что суммарный объем затрат российского корпоративного сектора на НИОКР более чем в 2 раза уступает бюджету на исследования и разработки такой единственной компании, как «Фольксваген» (2,2 млрд евро против 5,79 млрд евро соответственно)¹¹⁸. Это еще один пример, иллюстрирующий слабую реальную заинтересованность российского предпринимательского сообщества в инновационном участии.

---

http://www.perspektivy.info/rus/gos/kompanii_i_innovacii_lokalnyj_vzglad_na_globalnyje_izmenenija_2011-06-22.htm

¹¹⁷ «Эксперт»-Инновации. Сборник аналитических материалов. – М.: ЭКСПЕРТ медиахолдинг, 2011. С. 8.

¹¹⁸ The 2010 EU Industrial R&D Investment Scoreboard / European Commission // <http://iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard10.html>

Также основным условием успеха в развитии и промышленного комплекса любого государства и каждой его отрасли является рациональная выверенная научно-техническая и инвестиционная политика власти. Для концентрации научных разработок и централизации материально-технических средств на самых важных направлениях и видах производства большую роль играют научно-технологические и инвестиционные программы, для чего каждое государство создает органы по управлению НИОКР. Задачами таких общегосударственных органов является распределение финансов по программам и проектам, а также организациям, выработка принципов политики в сфере науки и технологий, поиск магистральных путей развития НИОКР. В США в число подобных организаций входят НАСА, Национальный научный фонд, Министерство обороны и здравоохранения и др.; в Японии – Министерство экономики, торговли и промышленности, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий, Агентство по науке и технологиям; в Евросоюзе – Комитет по научно-техническому сотрудничеству, Совет министров ЕС.

Перед управленческими структурами НИОКР (несмотря на разнообразие их форм в экономически развитых странах) стоит одна главная цель – достичь передовые рубежи НТП для своей страны, увеличить конкурентоспособность местной промышленности и поднять благосостояние своего народа.

Опыт мировой экономики показывает, что из 150 стран, следующих по пути рыночных преобразований и инноваций, только 10–15 можно присвоить статус развитых; 7–8 стран отнести к высокоразвитым (именно они держат первенство в развитии 50 макротехнологий, им принадлежит 92% мирового объема наукоемкой продукции: США – 39%, Япония – 30%, ФРГ – 16%, Китай – 6%). По прогнозам на 2015 год, мировой рынок наукоемкой продукции будет равен примерно 6 трлн долл. США в год, причем $\frac{1}{3}$ его объема (около 2 трлн долл. США) составят информационные и телекоммуникационные услуги. России, чтобы получить статус развитой страны, следует освоить 8–12% (250–360 млрд долл. США в год) этого рынка. Ежегодно объем торговли лицензиями на объекты интеллектуальной

собственности в мире растет на 12% при росте промышленного производства не более 3% в год¹¹⁹.

Одной из главных задач государства является построение НИС, т.е. инновационной системы государства. Безусловно, необходимо учитывать возможности муниципальных, корпоративных и иных инновационных систем, которые действуют в том или другом регионе, а также социальную структуру экономики: первая составляющая требуется для создания стабильных связей и их верной конфигурации в системе; вторая составляющая – чтобы определить, на какой вид собственности можно опираться, а какой следует развивать.

Термин НИС был введен К. Фрименом в 1987 г. Ученый использовал его для трактовки существующих различий у стран в достигнутом ими уровне развития технологий¹²⁰. Спустя почти десятилетие на Западе стали пользоваться определением НИС, сформулированным С. Меткалфом¹²¹, которое со временем стало классическим.

С. Меткалф охарактеризовал НИС как сеть институтов, отдельно и совместно участвующих в разработке и передаче новых технологий и образующих основу для выработки и реализации государственной инновационной политики. Основными функциями НИС являются при этом генерация, хранение и последующее распространение новых знаний, навыков и артефактов, определяющих новые технологии.

Данное определение было взято за основу российскими учеными и в последующем несколько адаптировано и переформулировано, однако принципиально его смысл сохранился. Обобщение основных подходов к определению понятия НИС было произведено В.В. Новохатским.

Для целей настоящего диссертационного исследования под НИС понимается совокупность субъектов и институтов, которые вместе и в отдельности участвуют

---

¹¹⁹ Митякова, О.И. Международная инновационная деятельность: монография. – Н. Новгород: Нижегородский гос. технический ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2007. С. 45.

¹²⁰ Freeman, C. *Technology Policy and Economic Performance*. London, Pinter Publishers, 1987. P. 1–5.

¹²¹ Metcalfe, J.S. *Evolutionary Economics and Technology Policy* // *The Economic Journal*, 1994. – Vol. 104. – № 425, pp. 931-944.

в воспроизводстве, сохранении, распространении и использовании знаний для получения новых высокотехнологичных продуктов и сервисов, призванных удовлетворить индивидуальные и общественные потребности¹²².

Составляющими элементами НИС являются:

- источники инноваций – союзы разработчиков, производителей и технологических управленцев;
- инфраструктурные элементы, которые обеспечивают инновационную цепочку от идеи до серийного выпуска, – коммерческие офисы, центры передачи технологий, бизнес-инкубаторы, инновационные техноцентры, технопарки и другие виды и формы организации сотрудничества между бизнесом и наукой;
- элементы инфраструктуры (информационные центры, выставочные фирмы, консалтинговые компании), обеспечивающие выход инновационных продуктов и технологических разработок на рынок;
- источники финансирования инновационной деятельности (инвестиционные банки; государственные фонды, проекты и программы; сети бизнес-ангелов; фонды венчурных инвестиций);
- источники, за счет которых покрывается потребность в управленческих и производственных кадрах для инновационной деятельности;
- органы госвласти и местного самоуправления, которые управляют движением по инновационной цепочке.

НИС формируется под влиянием многих объективных факторов, которые характерны для данной страны, включая площадь государства, исторические особенности его развития, богатство и разнообразие природных ресурсов, уровень трудовых кадров, существующие в стране формы предпринимательства. Данные факторы являются долгосрочными детерминантами направления и скорости эволюционного развития инновационной активности. Также каждой национальной инновационной системе присуща характерная структура и

---

¹²² Новохатский, В.В. Инновационное развитие Дальнего Востока России: теория и практика: монография. – Хабаровск: Хабаровская гос. акад. экономики и права, 2006. С. 84–85.

определенная степень упорядоченности, предполагающие достаточный уровень стабильности институционального взаимодействия (вместе с этим в каждой стране складывается национальная конфигурация институциональных элементов).

Опыт показывает, что степень развития инновационной сферы (наука, технологии, наукоемкие отрасли) создает базу для стабильного экономического роста и для обретения страной определенного политического веса, выявляет границы между богатыми и бедными странами. Следовательно, процесс формирования НИС является основным фактором, обеспечивающим в долгосрочной перспективе рост мирового народного хозяйства. Деятельность НИС регламентируют законодательные и нормативные акты, инструкции и нормативы. Важно отметить, что для успешного существования НИС принципиально наличие следующих факторов:

- конкурентоспособного предпринимательского сектора в виде крупных корпораций;
- приоритета политики государства по формированию в стране передовых образования и науки, развития сферы высоких технологий, созданию институтов, обеспечивающих комфортные условия для продолжительного инновационного роста;
- интеграции в мировую инновационную сферу¹²³.

Сегодня в мире существуют три основные модели научно-инновационного развития развитых государств.

Первая модель – инновационного лидерства и самодостаточности.

Эта модель предусматривает реализацию государством крупных инновационных проектов с использованием собственных ресурсов, а также самостоятельное использование результатов инновационных исследований без раскрытия их широкой общественности. При правильном подходе эта модель дает государству безусловные преимущества перед конкурентами и обеспечивает ему

---

¹²³ Аверченков, В.И., Ваинмаер, Е.Е. Инновационный менеджмент: учебное пособие для вузов. – М.: ФЛИНТА, 2011. С. 69; Хозяйственные системы инновационного типа. Теория, методология, практика. – М.: Экономика, 2011. С. 15.

лидирующие позиции по данным инновационным направлениям. США являются ярким примером страны, которая следует указанной модели.

Стимулирование НТП является одним из приоритетов политики США. Фундаментальные научные достижения на официальном уровне признаны основой экономического роста, так как (по имеющимся в США оценкам) один доллар, инвестированный в научные исследования, дает девятикратный прирост внутреннего валового продукта.

Экономический бум в 1990-х гг. в Америке можно объяснить технологическими изменениями – инновациями, которые привели к созданию новых и улучшенных в производственно-потребительском плане продуктов и услуг при меньших ресурсных затратах. Инновации проникли и в производство продуктов питания и лекарств с заранее заданными качествами (новые биотехнологии), в торговлю (Интернет-торговля), банковскую сферу (электронная коммерция), позволили поднять уровень автоматизации в промышленном производстве (роботы), создали новые формы досуга (развлечения с использованием цифровых технологий) и привели к возникновению новых методов научных исследований (виртуальные лаборатории, компьютерное моделирование). Эксперты из США в области науковедения полагают, что инвестиции в развитие новых технологий, которые были сделаны в 1990-х гг. и так оживили экономику США, – по сути, лишь «прелюдия» к дальнейшему научному и технологическому прогрессу¹²⁴.

В документах официальных организаций и учреждений США (Белый дом, Конгресс, Совет по конкурентоспособности) определены основные направления государственной научной и технологической политики Америки с целью повысить в XXI в. конкурентоспособность науки, технологий и, как следствие, экономики США на глобальном уровне.¹²⁵ При этом роль, отведенная государству, предусматривает:

---

¹²⁴ Рассадина, А.К. Американский опыт государственного регулирования научно-технологической сферы в условиях новой экономики. – М.: МАКС Пресс, 2003. С. 219.

¹²⁵ Емельянов, С.В. США: государственная политика стабилизации инновационной конкурентоспособности американских производителей / Менеджмент в России и за рубежом. –

1. обеспечение за счет эффективных политических мер стимулирования гражданских НИОКР в соответствии с приоритетными направлениями развития науки и техники на долгосрочную перспективу;
2. формирование инвестиционного климата, благоприятного для проведения НИОКР;
3. активизация создания и успешного функционирования альянсов бизнеса и науки для стимулирования производственных инноваций;
4. ориентация при создании федеральных программ на удовлетворение потребностей экономики исходя из возможностей бюджета;
5. стимулирование федеральным правительством самостоятельной научно-исследовательской деятельности образовательных учреждений (в начале 90-х гг. прошлого века поддержка составляла 55%, в то время как в 80-е гг. – 67%, а в 70-е гг. – свыше 70%, что свидетельствует о росте объемов финансирования, привлекаемого образовательными организациями самостоятельно).

Чтобы реализовать инновационные конкурентные преимущества, требуется обеспечить функционирование сложного механизма базисной науки, достижения которой являются прорывными, создают новейшие технологии и обеспечивают их коммерциализацию через производство новых изделий и процессов. Отметим, что фундаментальная наука не может всецело находиться в сфере рыночных отношений: рынок не всегда полноценно обеспечивает инновационный процесс, так как изобретения достаточно легко копируются и заимствуются. Конечно, эта проблема отчасти решается через механизм защиты интеллектуальной собственности и патентование. Однако основную нагрузку фундаментальных научных исследований несут нерыночные организации (например, федеральные лаборатории Национального института здравоохранения США и университеты –

академические центры). Безусловно, и корпорации в своих лабораториях проводят научные исследования, но они имеют обычно прикладной характер¹²⁶.

Эффективность процесса коммерциализации определяется следующими аспектами¹²⁷:

1. необходимо наличие защищенного от внешнего вмешательства взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований, которое, можно обеспечить, например, через сотрудничество университетских центров и фирм;
2. требуется такая защита прав интеллектуальной собственности, которая поощряет предприятия делать большие вложения в долгосрочные научные исследования, прежде чем продукция появится на рынке.

Поддержку в США получают те формы альянсов бизнеса и университетской науки, в которых бизнес выполняет прикладные исследования, а университетские научные центры – фундаментальные. При этом университеты наделены правом патентования и через бизнес имеют возможность коммерциализировать результаты своих исследований и разработок. Именно патентование обеспечило значительную часть финансирования фундаментальной науки. Подобный пример таких связей бизнеса и академической науки не похож на ситуацию в большинстве европейских стран, где университеты являются государственными учреждениями и их контакты с частным сектором ограничены. Европейские университеты будучи, как правило, государственными структурами, не наделены правами самостоятельного осуществления коммерческой деятельности и при этом не могут выступать патентодержателями результатов своих же собственных научных исследований.

---

¹²⁶ Акимов, Ю.П., Галактионов, В.В. Система образования Соединенных Штатов Америки (аналитический доклад). – М.: Мин-во образования Российской Федерации, Центр инноваций в инженерном образовании Московского автомобильно-дорожного ин-та (гос. технического ун-т), Институт «Открытое о-во»; Фонд Сороса Система образования Соединенных Штатов, 2002. С. 72.

¹²⁷ Завлин, Н.П. Роль региональных органов власти в развитии науки США // Инновации: Новые технологии, маркетинг, инвестиции, внедрение. – 2005. – № 7–8; Никонова, Я.И. Сравнительный анализ государственной инновационной политики в США и Японии // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4-5. – С. 42.

В США по данным Национальной ассоциации губернаторов существуют следующие меры государственной инновационной политики по поддержке инновационного предпринимательства, которые выливаются в конечном итоге в создание среды, благоприятной для инноваций:

- обеспечение инфраструктуры инновационной деятельности;
- совершенствование законодательных механизмов регулирования;
- введение благоприятных налоговых режимов, налоговых льгот;
- упрощение регистрации и лицензирования;
- аккумулярование интеллектуального капитала в вузах;
- доступ к обширным инвестиционным ресурсам;
- создание индустриальных кластеров;
- техническое и организационное содействие на всех уровнях;
- эффективное регулирование в сфере инвестиций и ценных бумаг;
- образовательные программы для предпринимателей;
- ИТ-поддержка предпринимателей;
- признание общественностью заслуг предпринимателя¹²⁸.

Сегодня проблемы увеличения конкурентоспособности промышленного производства США находятся в ведении многих федеральных органов. Одной из основных таких структур в составе федеральных органов США наряду с Советом по конкурентоспособности выступает созданное при Министерстве торговли Управление по технологической политике, к компетенции которого относятся вопросы конкурентоспособности индустрии и формирования НИС США. В этом органе обсуждаются ключевые вопросы в инновационной области на федеральном уровне, разрабатываются предложения по соответствующей государственной политике и законодательству, направленные на то, чтобы стимулировать инновационную деятельность и сформировать благоприятную инновационную среду.

---

¹²⁸ Емельянов, С.В. США: государственная политика стабилизации инновационной конкурентоспособности американских производителей / Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 3 // <http://www.mevriz.ru/articles/2002/3/1008.html>

Действенным механизмом, применяемым Управлением по технологической политике в целях реализации политики по повышению конкурентоспособности промышленности, может быть признана специализированная программа инновационного партнерства. Данная программа предусматривает в качестве своей цели интеграцию всех ресурсов индустрии, академического сообщества, а также органов власти всех уровней для взаимоувязки всех существующих программ поддержки инновационного развития. Регулярно проводится мониторинг научной и технологической политики других стран, для того чтобы провести бенчмаркинг для американской промышленности на мировом рынке высокотехнологичной продукции и сделать своевременные выводы по ее правильному позиционированию и укреплению конкурентоспособности.

Специальные налоговые режимы для бизнеса, реализующего государственные программы научных исследований или собственные, являются важным механизмом косвенного стимулирования инновационной деятельности. Опыт США наглядно свидетельствует: экономический рост региона определяется совокупностью факторов, среди которых географическое расположение и высококвалифицированные трудовые ресурсы имеют существенное значение, однако не исключительное. Более того, ни наличие в регионе высокотехнологичных индустрий, ни структура самой отрасли не определяют всецело экономический рост региона. Наиболее динамичное развитие происходит в тех регионах, где сформировались индустриально-инновационные кластеры (как альтернатива отраслевому подходу) – комплексы предприятий, научно-исследовательских учреждений и центров, органов госуправления, объединившиеся в результате концентрации на конкретной территории специализированных сетей производителей, поставщиков (посредников) и потребителей, взаимоувязанных в единую технологическую цепочку.

Индустриально-инновационные кластеры возникают в рамках конкретной территории на устойчивой системе распространения новых знаний, технологий и продукции, т.е. на технологической сети, и опираются на совместно используемую научно-исследовательскую базу. Предприятия, образующие

кластер, получают дополнительные конкурентные преимущества за счет того, что у них возникает возможность осуществлять внутреннюю специализацию и стандартизацию, проводить минимизацию расходов на внедрение инноваций. Специфической особенностью индустриально-инновационных кластеров является наличие в них гибких с т.з. взаимной адаптации и создания взаимосвязей предпринимательских структур, что позволяет формировать источники инновационного развития.

Их значение для развития предпринимательства определяется тем, что они гарантируют высокую степень специализации и облегчают доступ к инвестиционному капиталу, так как территориальная концентрация фирм в рамках кластера притягательна для венчурных капиталистов и «бизнес-ангелов», многие из которых построили свою карьеру в соответствующих отраслях промышленности. Компактное географическое размещение значительного числа компаний стимулирует выработку инновационных идей и ускоряет обмен ими между специалистами предприятий кластера.

Неслучайно президент США Б. Обама в самом первом после своего избрания выступлении перед Конгрессом отметил важность использования кластеров как основы национальной инновационной стратегии.

Все уровни государственной инновационной политики предполагают помощь венчурным предпринимателям.

Обычно инвестиции в венчурные проекты осуществляются на срок от 5 до 8 лет, т.е. являются среднесрочными, и сопряжены с высокими рисками их невозврата, но одновременно они обещают и более высокий уровень рентабельности. Те предприятия, акции которых не участвуют в торгах на фондовой бирже, и являются объектом венчурных инвестиций. Преимущественно венчурные инвестиции предназначены для проведения НИОКР, наращивания оборотного капитала, покупки долей в новых фирмах. В случае успеха венчурного проекта венчурный инвестор ожидает получить прибыль за счет последующей продажи доли своего участия в бизнесе специализированным фондам.

Самыми деятельными участниками венчурного бизнеса являются инвесторы-частники и большие финансовые организации, создающие венчурные фонды и привлекающие управляющую компанию, которая от имени инвесторов и будет осуществлять инвестиции во вновь создаваемые малые и средние предприятия, ориентированные на разработку и реализацию высокотехнологичной продукции. Если необходимо профинансировать стратегические высокотехнологичные и наукоемкие проекты, то в США преимущественно используют схемы партнерского участия государства и частных инвесторов, через образование специальных венчурных фондов на паритетных началах: с одной стороны, бюджетные средства, а с другой – так называемые «длинные деньги»: ресурсы страховых, пенсионных, банковских и иных финансовых структур.

Результативное участие государства в укреплении конкурентоспособных позиций частного сектора промышленного производства США подразумевает широкое использование практически всего набора косвенных механизмов регулирования НТП с целью привлечения частных инвестиций в сферу науки и высоких технологий. К подобным механизмам можно отнести перечисленные далее¹²⁹.

1. Политика в сфере внешней торговли, обеспечивающая привлечение прямых зарубежных инвестиций и регулирующая при этом доступ к иностранным технологиям для американских фирм и доступ иностранного капитала к результатам национальных научных исследований и разработок.
2. Нормативное регулирование как эффективный инструмент стимулирования частных инвестиций в инновации, предполагающий определенную гибкость методов и учет возможных последствий бизнеса (например, экологического характера).
3. Стимулирование использования коммерчески обоснованных стандартов, предполагающее одновременно с этим их максимальное упрощение.

---

¹²⁹ Там же.

4. Патентная политика и политика по охране авторских прав, особенно актуальная в случаях государственно-частного партнерства.
5. Антимонопольное регулирование и защита конкурентоспособности национального бизнеса в условиях мировых глобальных процессов и усиления роли международных бизнес-альянсов.
6. Контрактное законодательство, предусматривающее для государства роль крупного заказчика на рынке высокотехнологичных товаров и услуг.
7. Учет мнений и интересов всех акторов государственной инновационной политики при анализе ее результатов за конкретный период и последующей корректировке стратегического вектора ее реализации.

Вторая модель – распространения (диффузии) инноваций. Данная модель характерна для большинства стран Евросоюза. Ее суть четко описывают принятые в 1983 г. «Критерии Райзенхубера» (названы так по имени бывшего министра по науке ФРГ), которые определяют характер важнейших для ЕС исследований, в частности:

- большие расходы, непосильные для одной страны;
- осуществление проекта дает большой экономический эффект на многосторонней основе, что влияет на различные сектора экономики во множестве регионов;
- позитивное влияние на создание единого рынка ЕС, что способствует социальному и экономическому объединению членов сообщества;
- содействие координированию политики в научной области и в сфере технологий между странами ЕС;
- стимулирование мобильности и роста коммуникативности научно-технических кадров в рамках ЕС.

Перечисленные критерии показывают, что одной из ключевых задач инновационной политики ЕС является стремление превратить результаты научных исследований и инновационных проектов в достояние всех стран-членов ЕС (независимо от участия в финансировании) и максимизировать социальный

эффект, в т.ч. для вновь принятых государств Евросоюза. Помимо этого в инновационной модели ЕС ясно видна руководящая роль государства, которое создает стратегию инновационного развития и осуществляет ее за счет прямых и косвенных инициатив.

Следование ЕС подобной модели во многом можно объяснить особенностями научно-технического потенциала и развития науки в этом регионе мира:

- бизнес в меньшей степени участвует в финансировании НИОКР, чем в США;
- фундаментальная наука развита больше, чем прикладная;
- наукоемкость в прикладных отраслях меньше, чем в США и Японии;
- уровень обеспеченности научно-техническими кадрами ниже.

С 1984 г. в Европе успешно функционирует наднациональный механизм Рамочных программ по научным исследованиям. Они разрабатываются по предложению Европейской Комиссии и утверждаются Европейским Советом и Европарламентом. Этим программам отведено ведущее место в междисциплинарных исследованиях и поддержке совместных научных инициатив. Механизм рамочных программ основан на принципе «скользящего планирования», т.е. последние 2 года действия предыдущей программы являются началом последующей. Несмотря на то, что за счет бюджета Седьмой Рамочной программы (на 2007-2013 гг. – 50,5 млрд евро) финансировалось лишь 5% всех проводимых исследований, данный механизм рамочных программ играет важную интегративную роль в создании общеевропейского общества знаний, повышении конкурентоспособности и благосостояния стран-членов ЕС.

По своей структуре Седьмая Рамочная программа состояла из 4 самостоятельных программ:

Программа «Сотрудничество» с бюджетом в размере почти 32,5 млрд евро подразделялась на 10 самостоятельных тематических направлений: здравоохранение; продукты питания, биотехнологии и сельское хозяйство; нанотехнологии, технологии связи и передачи информации, материаловедение; экология и окружающая среда (включая климатические изменения); энергетика;

транспорт; космос; безопасность; социальные, гуманитарные и экономические науки. С целью проведения совместных, в т.ч. международных, исследований были предложены разные варианты осуществления финансирования, как, например, в рамках сетей передового научного опыта, масштабных научно-исследовательских проектов, проектов по осуществлению координации и оказанию поддержки.

Программа «Идеи» с бюджетом в 7,5 млрд евро ориентирована на выявление и финансирование передовых, принципиально новых, «прорывных» идей, повышение динамизма проводимых в Европе научных исследований, формирование условий работы в Евросоюзе, привлекательных для талантливых ученых из других стран. Для реализации указанной программы был специально создан Европейский исследовательский совет (состоит из Научного совета и исполнительного органа), проводящий конкурсы на получение соответствующих грантов.

Программа «Кадры» с бюджетом 4,7 млрд евро (на 50% больше, чем в Шестой Рамочной программе) ставит своей целью стимулирование развития кадрового потенциала: повышение мобильности европейских исследователей и поддержку их дальнейшей профессиональной карьеры. Реализация программы «Кадры» обеспечивается 5 основными инструментами:

- образование для молодых ученых в начале их научной карьеры;
- обучение на протяжении всей научной карьеры;
- партнерство науки и промышленности;
- международное партнерство;
- специальные программы.

Программа «Возможности» с бюджетом почти 4,1 млрд евро призвана приумножить исследовательские и инновационные возможности в Европе по следующим семи направлениям:

- развитие в целом науки в обществе;
- системный подход к реализации государственной инновационной политики;

- расширение инфраструктуры научных исследований и разработок;
- формирование регионов знаний и инновационных кластеров в регионах;
- расширение инновационных возможностей наиболее перспективных территорий в рамках Евросоюза;
- содействие проведению научных исследований для малого и среднего бизнеса;
- международная научно-исследовательская деятельность.

Еще одной программой, заслуживающей внимания, являлась Программа Евратом по вопросам ядерной энергии с бюджетом на 2007-2011 гг. в размере почти 2,8 млрд евро, включавшая в себя две различные подпрограммы, одна из которых ставила своей задачей оказание косвенной поддержки научным изысканиям в области радиационной защиты, ядерного синтеза и распада, а вторая – прямые меры и инициативы в ядерной сфере.

Кроме того, в ЕС действуют следующие программы финансирования среднего и малого бизнеса:

1. «Объединение коммерческих организаций» – межгосударственные синдикаты, которые созданы для того, чтобы поддерживать малые предприятия, вовлеченные в инновационные проекты.
2. По программе «Начальный капитал» образовано и действует 24 фонда стартового капитала; они предоставляют льготные ссуды создаваемым малым предприятиям.
3. Фонд «Евротех-капитал» образован с целью финансирования транснациональных проектов, у которых выявлен высокий уровень технологического прогресса; он оказывает помощь тем предприятиям, в которых 50% долевого участия имеют собственники из стран Евросоюза, численность сотрудников не более 500 человек, а крупные фирмы имеют не более трети в уставном капитале.

В Италии поддержка малого и среднего бизнеса преимущественно осуществляется через субсидирование и льготное кредитование; на них тратится ежегодно примерно 300 млн евро. На новые проекты кредиты выдаются на срок

до 15 лет, а при модернизации или расширении действующих предприятий сроком до 10 лет; процентная ставка (с учетом объема кредита) равна 35–60% рыночной.

Практика зарубежных стран (например, Швеции), показывает, что в условиях глобальной конкуренции достичь статуса промышленно развитой страны является не самым сложным делом, но вот удержаться на достигнутом уровне очень трудно.

По сведениям ОЭСР, за 1981–2001 гг. Швеция поднялась с пятого на второе место в рейтинге стран, которые инвестируют в научную исследовательскую деятельность и технологические разработки. В последнее время эта страна продолжает сохранять высокие позиции по показателю «доля расходов, направляемых на НИОКР, к величине ВВП»: около 3,6% в период в 2011–2013 гг.¹³⁰ Широкий ассортимент высокотехнологичной и наукоемкой продукции позволяет Швеции уверенно чувствовать себя на международном рынке. Особенных успехов королевство добилось в биомедицине и в высоких технологиях, что было бы невозможно без сотрудничества представителей науки в лице университетов и промышленности как основного заказчика¹³¹.

Экономика ЕС есть симбиоз крупных корпораций, средних и малых предприятий. Несмотря на процессы концентрации и централизации производства и капитала, малый бизнес продолжает играть важную роль в создании новых рабочих мест, охватывает сферу оказания услуг (правда, не в таких масштабах, как в США). Малые предприятия можно сравнить с той лабораторией, где осваиваются новые наукоемкие технологии.

В ЕС мелкие и средние фирмы привлекаются крупными предприятиями в основном как: а) субпоставщики и субподрядчики разных уровней, б) провайдеры спецуслуг (ремонт, наладка, информатика, дизайн, маркетинг, консалтинг, услуги социальной сферы и т.д.), в) пилотные предприятия по доводке новой техники. Но

---

¹³⁰ R&D Funding Forecast 2013 / Battelle Memorial Institute // http://battelle.org/docs/r-d-funding-forecast/2013_r_d_funding_forecast.pdf?sfvrsn=0

¹³¹ Опыт поддержки малого и среднего предпринимательства некоторых развитых стран // Эксперт. – 2006. – № 1. – С. 5–6.

их отношения строятся, как правило, на договорной основе, а не на акционировании, без переплетения собственности и директоратов, что характерно для России. Это обусловлено тем, что согласно законодательству Евросоюза крупные фирмы лишены права владеть более чем 25% капитала мелких и средних фирм, которые претендуют на господдержку. Это делается для того, чтобы избежать присвоения крупным бизнесом льгот, которые государство дает малому бизнесу. Также в некоторых странах закон принуждает крупные корпорации, работающие с государственным заказом, в пределах до одной пятой объема государственного заказа передавать среднему и малому бизнесу, привлекая их как субподрядчиков, субпоставщиков, консультантов, инспекторов и т.д.

В Евросоюзе принят обязательный для всех стран – членов и для кандидатов в члены регламент, который устанавливает границы государственной помощи малым и средним предприятиям.

Качественно иной уровень взаимодействия большого и малого бизнеса в странах ЕС проявляется и при образовании региональных центров поддержки малого бизнеса, где концентрируются усилия всех сторон, заинтересованных в увеличении числа малых предприятий и повышении общей эффективности их работы. Органы власти страны и на местах выступают за увеличение общей занятости граждан и за рост налоговых поступлений от малого бизнеса, а крупные компании – за полное и рациональное использование всех возможностей малых предприятий при решении своих корпоративных интересов¹³².

Подобные центры создаются при поддержке органов власти за счет привлечения финансовых ресурсов различных фондов, ориентированных на оказание помощи малым предприятиям. Крупные корпорации при этом покрывают (полностью или частично) расходы центров, помогают в оргработе. К возможным способам поддержки можно также отнести предоставление субсидий и налоговых льгот.

---

¹³² Захарова, Н.В. Экономика стран Евросоюза: особенности развития и будущее европейского строительства: монография. – М.: РГТЭУ, 2007. С. 128.

Примером регионального центра поддержки инноваций может служить центр при Университете г. Гента, среди учредителей которого – мэрия города, региональное правительство, коммерческие банки, организации поддержки малого бизнеса федерального и регионального уровней, крупные фирмы («Хонда», «Вольво»). Представители всех перечисленных структур входят в руководство центра, что обеспечивает возможность выработки согласованных управленческих решений, при этом общее руководство осуществляется фламандским правительством, что свидетельствует о его большой значимости. Центр создан с целью решения двух задач: оказания содействия малому бизнесу, а также коммерциализации результатов научно-исследовательской работы преподавателей и ученых университета. При этом интересы университета учитываются при решении обеих задач, так как работать и проводить исследования в центре могут желающие начать свой бизнес студенты и выпускники университета, профессорско-преподавательский состав и научные работники. Благодаря центру большинство нововведений будут доведены до выпуска конкретного инновационного продукта, в котором очень заинтересованы крупные корпорации. Последние способны наладить серийный выпуск данного продукта, многократно увеличив масштаб от результатов интеллектуального труда малых фирм. Однако в связи с тем, что доля представителей университета не превышает 25% всех участников центра, его нельзя отнести к чисто университетским.

Наконец, третью, комбинированную, модель инновационного развития можно охарактеризовать как совмещение экспорта инновационной продукции при достаточно закрытом режиме самих инновационных исследований внутри страны. Наиболее ярким представителем, реализующим комбинированную модель, является Япония.

Очень подробно о НИС и государственной инновационной политике Японии изложено в исследовании В.Н. Киселева, Д.А. Рубвальтера, О.В. Руденского¹³³. По мнению авторов, в период 1960-1990-х гг. НИС Японии была сфокусирована главным образом на воспроизведении и оптимизации продуктов и процессов, разработанных в других странах. В этот период сформировались межфирменные инновационные связи, содействующие росту интеллектуального потенциала, и высокий профессионализм рабочей силы в инновационных фирмах. НИС Японии в этот период в основном строилась на принципах самодостаточности и закрытости японского бизнеса, пожизненном найме работников, а также на обучении персонала внутри фирмы. Самодостаточность поддерживалась и замкнутой системой финансирования, включающей отдельный банк для каждой крупной компании.

До сих пор количество иностранных филиалов инновационных фирм в промышленном и научно-технологическом секторах Японии одно из самых низких среди стран ОЭСР. Если, например, в обрабатывающей промышленности Ирландии их доля составляла 75%, то в Японии – 3%, в сфере научных услуг Ирландии – 40%, а в Японии – менее 1%.

Хотя в ключевых секторах экономики Япония и достигла глобальной конкурентоспособности своей инновационной продукции к 2001 г., занимая второе место после США по экспорту высокотехнологичной продукции, к настоящему моменту страна потеряла мировое лидерство в производстве целого ряда инновационных разработок – ноутбуков, полупроводников, телекоммуникационного оборудования и биотехнологической продукции. Снижение уровня конкурентоспособности Японии на рынке инновационных товаров продолжалось при высоком уровне затрат на НИОКР (более 3% ВВП). Однако низкий возврат на вложенные инвестиции привел к серьезной переоценке принципов инновационной деятельности в стране.

---

¹³³ Киселев, В.Н., Рубвальтер, Д.А., Руденский, О.В. Инновационная политика и национальные инновационные системы Канады, Великобритании, Италии, Германии и Японии // http://www.csrs.ru/inform/iab/iab6_2009.pdf

В Японии государство оказывает помощь среднему и малому бизнесу в объеме примерно 1,75 млрд долл. США в год. Финансирование малых предприятий происходит также из министерских и ведомственных источников (на основании специальной статьи), и по специальным бюджетным счетам в рамках программы госинвестиций и госзаймов; такие средства выдаются малым предприятиям через кредитные учреждения на коммерческой основе, в частности, через Банк развития Японии и Японскую финансовую корпорацию малого бизнеса, созданную при участии правительства Японии. Предоставляются долгосрочные кредиты с низкой процентной ставкой компаниям, чьи инвестиции, как ожидается, будут способствовать совершенствованию отраслевой структуры японской экономики, созданию новой отрасли или повышению уровня занятости.

Ежегодно малым и средним предприятиям выделяются кредиты на общую сумму свыше 200 млн долл. США¹³⁴.

Государственное финансирование осуществляется также косвенными способами через разветвленную систему из 52 префектурных ассоциаций кредитного поручительства, обеспечивающих предоставление поручительств по кредиту, а также страхование малых инновационных фирм. Ассоциации кредитного поручительства, будучи де-факто общественными организациями, осуществляют при этом коммерческую деятельность. В обмен на выдаваемое поручительство по кредиту ассоциация получает от малого предприятия средства в размере 1% суммы кредита. За счет платы за предоставление поручительства и членских взносов участников ассоциации формируется страховой фонд. Каждое поручительство покрывает до 80% кредита, при этом ассоциация в случае возможной неплатежеспособности малого предприятия берет на себя обязательства по покрытию его долга, правда частично, поскольку обладает и правом на возмещение ущерба и за счет самого малого предприятия. В специальной литературе часто говорится об определенных типах японских

---

¹³⁴ Бердашкевич, А.П. О поддержке инновационной деятельности в Японии // Инновации: Новые технологии, маркетинг, инвестиции, внедрение. – 2002. – № 7.– С. 41-48.

банков, которые специализируются на работе с малыми и средними предприятиями:

1. местные банки в главных городах префектур;
2. сого-банки в регионах специализируются на работе с предприятиями малого бизнеса;
3. банки-кооперативы, пайщиками и основными клиентами которых выступают собственники предприятий малого и среднего бизнеса; объем кредитования физических лиц, не являющихся пайщиками кооперативного банка, не может превышать 20% объема всего кредитного портфеля.

Представленные модели научно-инновационного развития, а также практика основных развитых стран показывают, что приоритет в инновационном развитии государства следует отдавать наукоемким технологиям, в разработке которых главную роль играет национальная наука.

Но кроме стремления к достижению политического и социально-экономического прогресса, в инновационной стратегии многих государств есть и специфическая «субъективная» мотивация.

§ 2. Модель государственной инновационной политики США: проблема обеспечения униполярности

Политика лидерства в инновациях присуща государствам, не понесшим серьезных потерь в период Второй мировой войны: Великобритании и США. Хотя первоначально условия в этих странах отличались в достаточно высокой степени (прежде всего, по масштабности страны и уровню развития фундаментальных наук в ней), немаловажную роль в выборе ориентации сыграли цивилизационные особенности. Дело в том, что североамериканская цивилизация, «вышедшая» из предшествовавшей ей западноевропейской, является инновационной по своей природе, в связи с чем дух мирового первенства и соревновательности исторически пронизывает все сферы общественной жизни в США. Именно на инновационной мотивации США – «глобальное лидерство» – и вытекающей из нее инновационной стратегии следует остановиться подробнее.

США доминируют по всем главным направлениям научных исследований и разработок: за последние 50 лет ими было внедрено 60% всех инноваций в мировом масштабе, в особенности это касается оборонных, природоохранных, биологических и ИТ-технологий.

Страна стремится к лидерству во всех сферах научных знаний, укреплению связей фундаментальных наук и национальных целей, к успешному партнерству государства, промышленности и академических кругов, подготовке высококлассных инженерных и научных кадров для страны в XXI в. Все это происходит на общем фоне роста уровня научно-технических знаний населения страны.

В масштабах страны сохранение высокой динамики инновационного развития может рассматриваться как залог успеха и поддержания глобальной конкурентоспособности государства при одновременном стремлении его элит

сохранить за собой право на гегемонию и униполярность на геополитической карте мира.

Для бизнеса всех уровней, в первую очередь, крупного, высокая инновационная активность является источником дополнительных прибылей и эффективной защитой от конкурентов.

Если в самом начале нынешнего столетия доля США в общемировых расходах на НИР составляла примерно 40%, то сегодня ситуация немного изменилась. Мировые расходы на фундаментальную науку и НИОКР в 2013 г. выросли на 3,7% и превысили почти 1,5 трлн долл. США по-прежнему остаются безусловным лидером по этому показателю уже 40 лет подряд (затраты в этой области составили в 2013 г. 28% общемировых расходов, т.е. 423,7 млрд долл. США, что порядка 2,7% объема американского ВВП), но их доля в общемировых расходах на НИОКР в последние годы снижается: 2011 г. – 29,6% общемировых расходов на НИОКР; 2012 год – 29%, 2013 год – 28,3%¹³⁵. При этом серьезные темпы роста набирают страны Азии, в особенности Китай.

В структуре американского ВВП на промышленное производство приходится 26% (в т.ч. на обрабатывающие отрасли – всего 18% ВВП), однако США сильно опережают другие государства по объему НИОКР и масштабам промышленных инноваций. Примерно две трети расходов на НИОКР в стране приходится на частные корпорации, которые активно финансируют не только прикладную науку, но и фундаментальные исследования. Также необходимо отметить, что с точки зрения географической принадлежности свыше 70% всех вложений крупного американского бизнеса в НИОКР приходятся на исследования внутри своей страны, и до 30% – на исследования за рубежом.

Страны Большой семерки без учета США направляют на финансирование гражданских НИОКР примерно на 18–20% больше, чем США. Несмотря на значительные масштабы совокупных государственных вложений в НИОКР по отдельным научно-технологическим направлениям США отстают от других

---

¹³⁵ R&D Magazine. 2013 Global R&D Funding Forecast, December 2012, pp. 3-4 / http://battelle.org/docs/r-d-funding-forecast/2013_r_d_funding_forecast.pdf?sfvrsn=0

стран. Но при этом США уверенно удерживают лидирующие позиции в мире по общему объему трансфера технологий, а также по производству и поставкам ИТ-продукции, включая мощные суперкомпьютеры, оптоэлектроники, авиаракетной техники, атомных реакторов и лазеров (Рисунок 3).

Государственная инновационная политика в США подвергалась корректировке по мере смены руководства страны, но принципиальная установка сохранялась неизменной в силу, во-первых, «генетической обусловленности», а во-вторых, устоявшейся практики.

Назовем отличительные черты политики инновационного лидерства.

- идеологическая установка на достижение лидирующего положения с максимальным личным комфортом для каждого гражданина этой страны;
- глубокое осознание на всех уровнях власти необходимости НТП;
- сотрудничество власти и промышленного капитала в реализации крупных проектов¹³⁶.

В США основными механизмами государственной инновационной политики являются следующие:

1. госэкспертиза инновационных проектов для оценки возможных эффектов в общеэкономическом масштабе;
2. активное финансирование государством инфраструктурных и стратегических проектов средней стоимостью до 0,5 млрд долл. США, вплоть до возможности 100% финансирования;
3. стимулирование образования венчурных фондов через частичное или полное финансирование в первые годы самых передовых центров научных исследований и разработок, а также венчурных компаний;
4. усиление требований антимонопольного законодательства к тем фирмам, которые препятствуют конкуренции в наукоемких областях.
5. оперативность принятия законодательных актов, стимулирующих развитие инновационной сферы: как правило, университеты в США

---

¹³⁶ Поляков, С.Г. Организация и регулирование инновационной деятельности: взаимодействие государства и предпринимательства. – М.: МИЭТ, 2004. С. 77.

находятся в собственности конкретного штата, в связи с чем оперативное принятие какого-либо закона на уровне штата способствует коммерциализации результатов научных исследований и разработок, полученных в университете.

По мере углубления международной конкуренции в стратегии научно-технологической политики США происходит радикальная перестройка. Элиты США понимают, что для сохранения страной своей экономической и, следовательно, геополитической мощи, обеспечения лидерства в мире, который американские элиты очень бы хотели продолжать видеть униполярным, необходима мобилизация всех ресурсов в прорывных инновационных направлениях. В науке и технологиях государство с середины последнего десятилетия прошлого века в равных долях с частным капиталом обязано финансировать новейшие гражданские технологии, отвечающие мировым стандартам и конкурентоспособные на внутреннем и мировом рынках. Кроме того, стоит отметить, что, наряду с государством, к содействию инновационной политике привлекаются и общественные организации. Чаще всего они специализируются на обеспечении взаимовыгодного сотрудничества бизнеса и научно-исследовательских структур. В этом плане примечательна активность инновационных брокеров, которые помогают налаживать такой диалог.

Еще в своем обращении к Конгрессу 1997 г. президент Б. Клинтон провозгласил, что Америка движется в век технологий, информатики и глобальной конкуренции. Для достижения национальных целей именно развитие науки и технологий приобрело жизненно важное значение. Президент подчеркнул, что технологии являются ядром конкурентных преимуществ страны и что лидерство в технологиях как раз и определяет успешность государства на мировой арене. После кризиса 2008-2010 гг. в инновационной политике США еще более выросла активность администрации США в области координирования и стимулирования инновационных процессов.

Правительство США сконцентрировало свои усилия на поддержке перспективных гражданских технологий следующих поколений, которые

содержат в себе будущий научно-технический потенциал страны в XXI в. Администрация при Б. Клинтоне исходила из того, что государству в условиях рыночной экономики отводится лишь комплементарная роль. За последние десятилетия эта политическая концепция претерпела серьезную трансформацию. Сегодня при Б. Обаме обе политические партии США, признавая важность, а иногда и незаменимость рынком господдержки НТП, заняты разработкой подходов к обеспечению общественного консенсуса в отношении практических принципов распределения госсредств на исследования и разработки в приоритетных для американской экономики направлениях. Можно наблюдать единство обеих партий в вопросе того, что только национальный диалог, объединяющий законодательную и исполнительную власть с наукой, образованием и бизнесом, воплощается в реальные результаты.

НИС США является наиболее развитой в мире и включает в себя более 10 тысяч научных центров, корпоративных лабораторий, университетских исследовательских центров, государственных НИИ, которые занимаются передовыми изысканиями, генерируя инновационные предложения для всех уровней бизнеса¹³⁷. В НИС США можно выделить три ключевых звена.

Первое звено – ведущие образовательные центры (Гарвардский и Стенфордский университеты, Массачусетский технологический институт и др.). Их задача – вести изыскания в фундаментальных и прикладных областях. Эти центры получают существенное государственное финансирование, активно взаимодействуют с венчурными компаниями, осуществляют трансфер технологий в промышленность. Одновременно они являются рекрутинговыми центрами в плане отбора и мобилизации лучших научных кадров со всего мира¹³⁸.

Второе звено – это национальные лаборатории, масштабные НИИ, специализирующиеся на разработке одного из направлений прикладной науки. Кроме того, зачастую инновационный характер носят также исследования

---

¹³⁷ Рыхтик, М.И. Национальная инновационная система США: история формирования, политическая практика, стратегия развития. – Нижний Новгород: НИУ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 6.

¹³⁸ Там же. С. 16.

«мозговых центров», которые нередко тесно взаимодействуют с правительственными структурами. Примерами таких «фабрик мысли» могут служить Брукингский институт, Фонд «Наследие», Институт американского предпринимательства и др.

Третье звено НИС США – инновационные кластеры, главная цель которых состоит в том, чтобы побуждать университеты и НИИ к созданию и коммерциализации инновационной продукции.

По определению профессора Гарвардской бизнес-школы М. Портера, кластером являются сконцентрированные на определенной территории группы компаний, специализированных производителей и поставщиков товаров и услуг, которые при наличии конкуренции в то же время осуществляют сотрудничество между собой¹³⁹. При этом инновационные кластеры достаточно сильно отличаются от своих традиционных «коллег». Их задача – не только обеспечить тесное взаимодействие между фирмами, поставщиками и клиентами, но и связь с НИИ и университетами, которые разрабатывают инновационное знание. Важно также упомянуть и экспортно-ориентированный характер инновационных кластеров, поскольку передовая продукция является весьма востребованной на мировом рынке.

Примечательно, что в США инновационное кластерное развитие «децентрализовано», федеральное руководство может только опосредованно, с использованием косвенных мер, влиять на процесс принятия решений. Конечно, это снижает уровень контроля за ходом инновационных процессов со стороны федеральной власти, но, вместе с тем, служит интенсивному развитию инновационных территорий.

Самым характерным примером эффективного использования кластерного подхода в инновационной деятельности является «Силиконовая долина» в США. На ее территории функционируют около 90 тысяч компаний, ряд исследовательских центров, несколько передовых университетов. Соответственно, в рамках данного проекта удалось обеспечить плодотворный

---

¹³⁹ См., например: Портер, М. Конкуренция. – М.: ИД «Вильямс», 2010.

интеллектуальный и кадровый обмен между исследовательским сообществом и реальным бизнесом. Помимо этого, на территории «Силиконовой долины» оказывают услуги около 180 венчурных фирм и около 700 банков, которые финансируют деятельность предпринимательских структур¹⁴⁰.

Помимо «Силиконовой долины», к ведущим инновационным кластерам США относятся города Сиэтл, Такома, Олимпия (аэрокосмическая техника, информационные технологии); Миннеаполис, Джексонвилль (медицинское оборудование); Питтсбург, Кливленд, Акрон (энергетика); Канзас-Сити (биотехнологии, химия); Бостон (биотехнологии); Даллас, Остин (полупроводники) и др.¹⁴¹

Исторически сложилось, что американская система организации НИОКР является многоуровневой, относительно децентрализованной и многосекторной. Официальная американская статистика называет 5 основных секторов, где ведутся НИОКР.

- федеральное правительство, которому принадлежат и подчиняются научно-исследовательские институты, центры и национальные лаборатории.
- академические и научно-исследовательские центры, принадлежащие частным организациям, но финансируемые федеральным правительством.
- высшие учебные заведения (колледжи и университеты).
- научно-исследовательские отделы и лаборатории фирм и корпораций.
- неприбыльные корпорации, в т.ч. частные фонды.

Финансируют НИОКР большинство министерств и ведомств (Таблица 5)¹⁴². В среднем на НИОКР федеральными ведомствами расходуется более 15% их бюджетов. При этом высокие показатели имеют те ведомства, которые

¹⁴⁰ Рыхтик, М.И. Национальная инновационная система США: история формирования, политическая практика, стратегия развития. – Нижний Новгород: НИУ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 12.

¹⁴¹ См.: Обзор инновационных кластеров в иностранных государствах. – М.: Минэкономразвития, 2011 / Министерство экономического развития Российской Федерации// http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depsvod/doc20110531_04

¹⁴² Sargent, John F. Jr. Federal Research and Development Funding: FY2013, Congressional Research Service, December 5, 2013, 56 pp.

ориентированы на поддержку НИОКР: Национальный научный фонд, Национальные институты здоровья, куда входит 27 институтов и исследовательских центров, Национальное агентство по воздухоплаванию и исследованию космического пространства. Но если за основу брать абсолютные масштабы финансирования науки, то лидирует по этому показателю Министерство обороны, стимулирующее и университетские НИОКР, и малые инновационные предприятия, и крупные корпорации, являющиеся постоянными подрядчиками военного ведомства страны. Министерство здравоохранения и социальных служб находится на втором месте по совокупным объемам финансирования научных исследований, лидируя при этом многие годы по затратам на фундаментальную науку: свыше 50% расходов всех федеральных структур США на эти цели.

Развитие НИР США также отражает «идеологию» американской политической и экономической системы – здесь приоритет отдавался (по крайней мере, в докризисный период) частному бизнесу, а государство выступало «вторым номером».

Сегодня с корпорациями в сфере научных разработок и исследований по затратам, количеству научных кадров, числу полученных патентов ни университеты, ни государственные лаборатории конкурировать не могут.

В условиях обострения в 1990-х гг. конкуренции на международной арене и внутри государства, активного наступления иностранного капитала на национальные интересы США Конгресс, деловые, общественные и политические круги отказались от привычных всем заявлений о преобладающем значении бизнеса в стимулировании НТП в рыночной экономике. Федеральному правительству законодательно придается новая функция: масштабное финансирование НИОКР не только в военной области, но и в гражданских отраслях производства от момента получения инновационной разработки и до ее коммерциализации на внутреннем рынке.

В связи с этим появился целый блок антирыночных законов, принятие которых сместило центр ответственности за реализацию инновационной

политики и отстаивание интересов национального бизнеса на государство, так как бизнес в отсутствие действенной государственной поддержки не способен в одиночку решить задачи поддержки конкурентоспособности, преодоления падения темпов экономического роста, ухудшения показателей производства.

Федеральной инновационной политике США внешне свойственен плюрализм: каждое учреждение на федеральном уровне реализует программу стимулирования НИОКР в соответствии со сферой своей ответственности, что определяется его бюджетом и федеральным законом, но окончательное согласование происходит в Конгрессе и Белом доме.

По законодательству и на основе сложившейся практики разработка ключевых принципов государственной инновационной политики, контроль над ее осуществлением и экономико-правовая регламентация поручены двум специализированным комитетам Конгресса – Комитету Сената по торговле, науке и транспорту и Комитету Палаты представителей по вопросам науки, космоса и технологий. На последнем этапе стратегию развития науки и техники координирует специализированный научный совет президента.

Стержень госполитики в сфере НТП создается внутри научно-технического комплекса, основой которого являются Министерство обороны, NASA, Национальный научный фонд, Министерство энергетики, Министерство торговли и некоторые другие ведомства. На них возложена задача по выработке главных требований и подходов к сфере правового регулирования исследований в области науки и технологий. Данные ведомства тратят примерно 90–95% всех средств, которые ежегодно выделяются из федерального бюджета на госпрограммы НИОКР.

В качестве важной стороны деятельности подобных федеральных ведомств законы об их функциях предусматривают разработку и осуществление собственной научной, технической и промышленной политики.

Разработан и действует пакет федеральных нормативно-правовых актов, который определяет механизм регулирования сферы науки и технологий государством с учетом ключевых экономических и юридических аспектов.

Реализация любых программ в области инновационной политики, проведение фундаментальных научных исследований по госзаказам (как и все формы хозяйственной деятельности государства), любые прикладные исследования в сфере науки и технологий осуществляются четко с соблюдением существующих правовых норм. Все законодательные акты и поправки к ним, судебные прецеденты образуют соответствующие разделы Свода законов США (статутное право), призванные регулировать государственную научно-техническую политику и развитие науки и техники.

Правовое регулирование имеет многоплановый характер, так как многие долгосрочные программы требуют значительных финансовых и других материальных расходов государства, а также необходимо долгосрочное детальное планирование и программирование производства «сверху вниз» и в частном, и в государственном секторах. Во-первых, правовое регулирование четко регламентирует действия участников и, во-вторых, тесно связано с экономической, военной и внешней политикой США.

Следовательно, научно-технологическая и другая хозяйственная деятельность государства имеет государственную правовую основу, опирается на прочный государственный и административный фундамент (три этажа хозяйственной власти): законодательная инициатива и права государственного управления и контроля со стороны Конгресса, власть президента, административные распоряжения Белого дома и государственно-административное внутриведомственное регулирование.

С.В. Сенцов, российский исследователь, пишет о том, что в начале 1990-х гг. деятельность государства в сфере инноваций регулировали более 4300 законов и поправок к ним, а прямую государственную научно-техническую деятельность – более 210 законов и поправок к ним, которые были приняты и актуализированы за истекшие пятьдесят лет.

Можно выделить шесть уровней регулятивных нормативно-правовых актов.

На первом уровне регулирования ведущая роль отводится Закону о федеральном бюджете. Ежегодно бюджет, предлагаемый президентом США,

утверждается Конгрессом. Статьи расходов утвержденного бюджета обязательны к исполнению. После принятия бюджета правительство определяет, какой объем товаров и услуг оно планирует приобрести в предстоящем году с учетом существующих потребностей.

Ко второму уровню относится совокупность нормативно-правовых актов, определяющих цели создания, основные задачи и функции каждого отдельно взятого органа федерального правительства, например, Закон о Министерстве обороны, Закон о Министерстве здравоохранения и социальных служб, Закон о Национальном научном фонде.

Все федеральные программы, нацеленные на поддержку и стимулирование инновационной деятельности и инновационного развития, исследований в области науки и техники, ориентированных на укрепление обороноспособности, национальной безопасности и конкурентоспособности страны, удержание лидирующих позиций по стратегическим направлениям научных разработок, образуют третий уровень.

Четвертый уровень объединяет подзаконные нормативно-правовые акты, связанные с правилами федерального регулирования и определяющие повседневную экономическую деятельность правительственных структур, а также регламентирующие процессы организации, функционирования и управления на государственном рынке товаров и услуг, включая результаты научных исследований и разработок.

Федеральный государственный контракт на проведение фундаментальных или прикладных НИОКР в сфере высоких технологий гражданского или оборонного предназначения находится на пятом уровне регулирования.

Все судебные прецеденты, к которым относятся решения арбитража и апелляционных инстанций, а также различные предписания и распоряжения, формируют шестой уровень, который обеспечивает оперативное управление госконтрактами.

Все эти юридические акты служат экономико-правовой базой, на которую опирается хозяйственная деятельность государства, которое в установленных

данными нормативными документами рамках, формирует госзаказ на проведение НИОКР. При этом государство устанавливает следующие условия корпорациям-поставщикам высокотехнологичной продукции и университетам или научным лабораториям, осуществляющим реализацию научно-исследовательских программ:

- эффективное и рациональное расходование предоставленных государственных финансовых ресурсов, использование выверенных и обоснованных подходов и схем при осуществлении технологического и промышленного производства;
- применение современных управленческих подходов и современной оргтехники, неукоснительное выполнение требований государственной технико-экономической политики;
- усовершенствование методов хозяйствования и управления;
- деятельная реализация госполитики по межотраслевой или внутриотраслевой передаче технологии: внедрение в производство новейших образцов техники и достижений в технологиях, стимулирование НТП;
- оперативные переподготовка и переквалификация кадров;
- перманентная реконструкция (или модернизация) производства, если это требуется для выполнения государственных заказов в наукоемкой и высокотехнологичной сфере.

При этом особое внимание уделяется содействию коммерциализации результатов инновационной деятельности. С этой целью инновационным институтам предоставляются широкие полномочия по коммерческому внедрению результатов интеллектуальной деятельности, в т.ч. полученных за счет государственного бюджетного финансирования. Однако имеются и определенные положения, касающиеся возможности использования инновационных разработок в национальных интересах¹⁴³. Во многом это определяется тем, что государство, с одной стороны, стремится поощрять такого рода активность, а с другой –

---

¹⁴³ Калятин, В.О., Наумов, В.Б., Никифорова, Т.С. Опыт Европы, США и Индии в сфере государственной поддержки инноваций // Российский юридический журнал. – 2011. – № 1.

пытается минимизировать возможность «безнаказанной» утечки инновационного знания.

Основными нормативными актами, регулирующими инновационную деятельность в Соединенных Штатах, являются два закона, принятые еще в 1980 г., в самом начале формирования в стране постиндустриального общества – Закон «Бей-Доула» и Закон «Стивенсона-Уайлдера». Оба закона ориентированы на то, чтобы «сбалансировать» интересы государства и частного сектора в отношении использования передовых разработок инновационного характера. Закон «Бей-Доула» впервые дал право получателям государственного финансирования самостоятельно патентовать созданные ими изобретения и выдавать на них лицензии другим субъектам. В некоторых оговоренных случаях возможность решать, кто станет правообладателем интеллектуальной собственности, закрепляется за правительством. Кроме того, в случае, если права на изобретение остаются у получателя бюджетных средств, для него предусматриваются довольно жесткие ограничения на его последующее использование.

Второй закон – «Стивенсона-Уайлдера» – нацелен на регламентирование сферы правообладания в отношении инновационных технологий и проектов, созданных опять же при (со)финансировании деятельности национальных лабораторий и их персонала со стороны государства¹⁴⁴.

Представляется, что опыт США в части разработанных и действующих механизмов реализации инновационной политики может быть использован в России. В данном случае следует исходить из того, что рынок, используемый как основной инструмент частного сектора, не в силах обеспечить решение тех задач, которые стоят перед экономикой в настоящее время. Настоятельно требуется вмешательство государства, а также применение новых мер госрегулирования в научной и технической областях и в сфере НТП, которые используются в больших масштабах в странах Запада.

---

¹⁴⁴ Там же. С. 138.

НИС США содержит в себе базовые элементы инновационного цикла: фундаментальную и прикладную науку, исследования и разработки, необходимые структуры финансирования, отлаженную систему коммерциализации инновационной продукции¹⁴⁵. Тем не менее, инновационная деятельность, которая является одной из опор политического и экономического могущества США, не предоставлена сама себе. Напротив, несмотря на то, что, казалось бы, ее реализуют в основном частные корпоративные и университетские структуры, государство держит «руку на пульсе» и в целом контролирует инновационный процесс. Правда, такое государственное влияние чаще всего осуществляется косвенно – через информационную поддержку, бюджетное финансирование и правовую регламентацию инновационной сферы.

Таким образом, политическая элита страны, тесно аффилированная с крупными финансовыми и промышленными корпорациями (корпоратократия), определяет стратегический вектор государственного регулирования инновационной деятельности и активно использует для этого нормативно-правовые и экономические механизмы, опираясь в то же время на солидную идеологическую основу – изначально присущий североамериканской цивилизации импульс к новаторству и мировому первенству, «заложенный в крови» у каждого американца.

---

¹⁴⁵ Рыхтик, М.И. Национальная инновационная система США: история формирования, политическая практика, стратегия развития. – Нижний Новгород: НИУ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011. С. 20.

§ 3. Модель инновационной политики ФРГ и Франции: путь к «обществу потребления»

Страны Западной Европы претендуют на то, что они создали так называемое постиндустриальное общество; его характерные черты: следование законам, открытость экономики, строгое соблюдение норм экологии, стремление к здоровому образу жизни, высокая степень информатизации общества, постоянное повышение качества жизни, защита интересов каждого гражданина, наличие солидарности в обществе. Развитие науки также находится среди главных ценностей и на национальном уровне, и на всеевропейском уровне¹⁴⁶.

Страны Европейского Союза (в отличие от США и ряда других стран – Великобритания, Япония, территориально обособленных от ЕС) – соседи и издавна развивали сотрудничество. Помимо этого, необходимо отметить, что европейские страны имеют небольшие площади, обладают слабым запасом сырьевых ресурсов и ограниченными бюджетами, что не позволяет им реализовывать крупномасштабные проекты силами отдельно взятого государства. Поэтому европейские правительства были вынуждены идти по пути максимальной оптимизации научно-технического потенциала и укрепления взаимовыгодного сотрудничества с соседями. И хотя страны имеют разные цели (Франция считает приоритетом постоянное повышение занятости населения, Германия – исследование и внедрение перспективных наукоемких технологий), инновационная мотивация, выбранная инновационная стратегия, а также применяемые механизмы реализации государственной инновационной политики в странах-лидерах Евросоюза похожи, эффективность их использования, как считают европейские эксперты, приблизительно одинакова.

Особое внимание к НИОКР в Евросоюзе объясняется тем, что две трети инновационных предприятий постоянно используют результаты НИОКР, а

---

¹⁴⁶ Проблемы и перспективы технологического обновления российской экономики / А.Г. Гранберг, А.А. Дынкин, В.В. Ивантер и др. – М.: МАКС Пресс, 2007. С. 59.

фундаментальные научные исследования – основополагающее условие успеха инновационной деятельности. Европейское сообщество ставит 2 основные задачи:

1. поддержка научных исследований в государственном и частном секторах;
2. создание условий для успешного внедрения и трансфера результатов исследований в производство.

Основные страны Евросоюза примерно 90% продукции производят для использования на внутреннем рынке. Инвестиции национальных компаний в экономику своей страны намного превышают сумму прямых зарубежных инвестиций и инвестиций национальных компаний за границей.

По различным данным Европа в сфере научных исследований, по сравнению с главными конкурентами, имеет замечательные результаты, а вот в области инноваций и разработок, которые проводятся непосредственно предприятиями, отстает. Процессы получения новых прикладных разработок и их последующей коммерциализации протекают с определенными трудностями. Подобный феномен получил название «европейский парадокс». Только немногие высокотехнологичные и инновационные предприятия малого и среднего бизнеса имеют быстрый рост, что соответствующим образом влияет на производство в стране в целом. Эти проблемы имеют очень важный статус в европейской экономической политике и рождают повышенное внимание к вопросам организации и функционирования малых и средних предприятий в сфере высоких технологий и наукоемкой продукции.

В последнее десятилетие XX в. правительства европейских стран фокусируют свое внимание на помощи действующим кластерам и на образовании новых сетей компаний, которые ранее не вступали в кооперацию между собой. При этом государство не просто обеспечивает формирование кластеров, но и само становится непосредственным участником сетей. Подобные кластерные стратегии активно используются в Германии, Нидерландах, Финляндии, Дании и ряде других стран. В Германии с 1995 г. реализуется госпрограмма формирования кластеров биотехнологий «Био Регио».

Именно сетевая форма взаимодействия обеспечивает постоянный доступ к другим организациям и компаниям, как в той же самой отрасли, так и в смежных с ней¹⁴⁷. Из-за повышения уровня комплексности технологических решений увеличения разнообразия требуемых ресурсов инновационные проекты все чаще развиваются, управляются и попадают на рынок скорее благодаря механизму сетевого взаимодействия между организациями, нежели благодаря отдельно взятым предпринимателям или фирмам. Сетевой принцип делает возможным разделение риска и высоких расходов на проведение НИОКР между членами сети.

Исследования высокотехнологичных и инновационных малых и средних предприятий в Дании и Швейцарии показывают, что существование внешних связей и четкое распределение знаний положительно коррелируют с продвижением инновации и облегчают доступность к финансированию. В конечном счете эффект использования сетевого принципа может способствовать появлению феномена «силиконовой долины».

Как говорит в своей работе ведущий немецкий эксперт в сфере инновационного и проектного финансирования М. Хайт, в целом кооперация и сетевая активность инновационных малых и средних предприятий проявляются относительно часто. Далее кратко представлены некоторые результаты исследований.

При проведении общеевропейского опроса (участвовало 351 технологическое предприятие) 75% его участников указали, что состоят как минимум в одном стратегическом альянсе. Подобные объединения делают возможным разделить расходов на НИОКР между членами, использовать дополнительные мощности и успешно завоевывать новые рынки.

Еще в одном исследовании (участвовало 3 тыс. предприятий ЕС), которое вышло за рамки опроса только инновационных малых и средних предприятий,

---

¹⁴⁷ Хайт, М. High-tech малые и средние предприятия: проблемы и решения на опыте Европы // <http://www.finance-dms.com/high-tech.pdf>

сетевая деятельность определялась 63% респондентов как «важная» и «очень важная».

В Австрии в инновационной кооперации участвуют поставщики оборудования и материалов и клиенты, но заметен рост сотрудничества с исследовательскими организациями.

Примерно аналогичная ситуация наблюдается в Италии, где инновационные малые и средние предприятия являются главным каналом к получению передовых знаний и наукоемких технологий.

Компаративный анализ положения дел в Португалии демонстрирует: особенно важными для молодых технологических предприятий являются семья, друзья и неформальные отношения с клиентами.

В Люксембурге почти половина предприятий, которые проводили НИОКР, заключили соглашения о кооперации с другими предприятиями. В первых рядах здесь были предприятия той же отрасли, поставщики и клиенты.

В Голландии практически половина малых, инновационных и молодых IT-предприятий вступают в кооперацию в рамках инновационной деятельности и в первую очередь с предприятиями своего сектора. Большинство высокотехнологичных предприятий вступают в вертикальные сети, вне этих сетей производственные связи возникают обычно случайно и спонтанно.

В Испании почти половина малых и средних предприятий утверждают, что результатов в инновационной деятельности они достигли через кооперацию с поставщиками и клиентами, хотя только 15% малых и средних предприятий работают с использованием такого метода. Случаев кооперации со специализированными институтами мало.

Если вернуться к инновационному развитию регионального потенциала, то следует отметить, что распространение новых технологий между национальными фирмами, которые производят одинаковую продукцию, происходит намного быстрее, чем при диверсифицированном национальном (региональном) производстве. Региональная специализация предполагает следующие тенденции:

- в рамках развития образования в регионе осуществляется подготовка трудовых кадров только востребованных экономикой региона профессий;
- специализация отдельно взятых малых и средних предприятий задается общей специализацией региона, соответственно опыт управления производством накапливается у этих предприятий именно в рамках общей специализации региона;
- экономический эффект от внедрения новых технологий для всего региона возрастает за счет сокращения затрат на их освоение.

Отличительной особенностью государственной инновационной политики в Евросоюзе является создание благоприятных условий для ускорения процесса распространения (диффузии) инноваций в рамках региональных кластеров.

Также в европейских странах особую поддержку получают совместно организованные научно-исследовательские институты, поскольку предпочтение отдается технологиям именно «общего пользования», для которых вероятность дать конкурентные преимущества отдельной фирме очень мала.

Основные направления госстимулирования инновационной области в странах Евросоюза:

- обеспечение высокого уровня науки;
- поддержка тех исследований, которые направлены на стабильность и устойчивое развитие государства при ограничениях по энергетике, экологии и рациональном использовании ресурсов;
- первоочередная помощь малым и средним инновационным предприятиям;
- поощрение кооперации научных центров университетов и организаций-производителей через создание центров технологий на базе университетов, которые призваны повысить эффективность совместных исследований и обеспечить нужный кадровый потенциал;
- адресная государственная финансовая поддержка тех структур, которые занимаются инновациями в сфере новейших технологий¹⁴⁸.

---

¹⁴⁸ Там же.

Приоритетными считаются исследования в тех областях, которые способствуют укреплению технологического потенциала Евросоюза. Также государством субсидируется создание общедоступного научно-технического продукта, который не нарушает сложившиеся на рынке отношения между фирмами.

В марте 2000 г. началось объединение стран Евросоюза в единую гиперсеть. Европейский Совет предложил программу, которая включала создание инфраструктуры знаний, активизацию инноваций и экономических реформ, модернизацию систем соцподдержки и реформы образования. Основной целью этой программы было формирование компетентной и динамичной экономики, основанной на знаниях, чтобы обеспечить мировое лидерство ЕС. На первый план вышла концепция создания в Европе единого исследовательского пространства, для чего требовалось решить две глобальные задачи.

1. За счет концентрации национальных и общеевропейских усилий на поддержке научных исследований получить максимум инновационных преимуществ.
2. Организовать дружественную среду для старта и дальнейшего развития инновационного бизнеса.

Нужно отметить, что пока инновационной интеграции в рамках ЕС не произошло. Это объясняется достаточно жесткой конкуренцией между ведущими европейскими странами в области передовых технологий и «нового знания», поэтому делиться такой информацией даже с партнерами по Евросоюзу никто не стремится. Более того, поскольку регулирование в области инновационной деятельности относится к исключительной компетенции национальных правительств, активность ЕС проявляется, преимущественно, в режиме открытой координации, который предусматривает в основном принятие нормативных актов рекомендательного, но не обязательного характера.

Для более тесной связи интеллектуальных центров с промышленным сектором по инициативе Еврокомиссии была создана Европейская сеть центров обмена информацией, которая в настоящий момент объединяет 68 центров в 30

государствах Европы. Эти центры фактически представляют собой технологических брокеров, которые содействуют передаче бизнесу инновационных технологий от научно-исследовательских структур¹⁴⁹. Кроме того, в рамках ЕС принят целый ряд важных рекомендательных документов, относящихся к развитию инновационной экономики. Из таковых можно отметить: «Лиссабонскую стратегию» (2000 г.), «Инвестиции в исследования: план действий» (2003 г.), «Инновационная стратегия – внедрение знаний в практику» (2006 г.), «Руководство по возможностям, предоставляемым ЕС в области исследований и инноваций» (2008 г.) и др.

Анализ роли университетов в европейских странах требует отдельного рассмотрения.

Европейскими университетами накоплен значительный объем знаний, который постоянно пополняется и расширяется. Согласно эмпирическим исследованиям процессы взаимодействия и обмена знаниями между ними и высокотехнологичными и инновационными малыми и средними предприятиями протекают вяло, значение образовательных и исследовательских структур как источника знаний для малого и среднего бизнеса весьма ограничено:

- в ЕС только примерно 10 % инновационных предприятий заключили соглашения о кооперации с университетами или государственными исследовательскими институтами;
- предприятия Германии, которые получили капитал по ориентированным на технологию поддерживающим программам, оценивают трансфер технологий из государственных институтов как умеренно эффективный;
- в Италии практически нет высокотехнологичных малых и средних предприятий, рассматривающих университеты в качестве источника знаний, что можно объяснить следующим образом: итальянские предприятия недооценивают знания и научный потенциал, которыми располагают университеты и государственные исследовательские институты;

---

¹⁴⁹ Калятин, В.О., Наумов, В.Б., Никифорова, Т.С. Указ соч. С. 138.

– в Швейцарии систематические процессы кооперации университетов или государственных исследовательских институтов с высокотехнологичными малыми и средними предприятиями в рамках НИОКР очень редки.

Слабо развитые отношения между университетами и экономикой выражаются также в малом числе предприятий, созданных при университетах.

В Австрии всего 14% университетов рассматривают образование новых предприятий той формой, которая подходит для взаимодействия с бизнесом.

В Дании тоже слабо развиты университетские спин-офф и наблюдается низкая готовность исследовательских учреждений к созданию предприятий. Это объясняется, во-первых, теми проблемами, которые есть в предпринимательском климате страны, во-вторых, отсутствием возможностей для организации долгосрочного финансирования. В Исландии возникновение спин-офф университетов тоже редкое явление, что рассматривается управленцами инновационных предприятий как убыток для собственных предприятий и для национальной экономики в целом.

Потенциал европейских университетов не востребован по-настоящему малыми инновационными предприятиями. При этом последние не ощущают результатов деятельности университетов и не видят возможностей для предприятия использовать научные и исследовательские ресурсы или просто не ценят качество знаний. Здесь можно назвать несколько причин:

- разные цели: для университетов и исследовательских институтов важны научные, а не практические результаты исследований, высокотехнологичные малые и средние предприятия стремятся получить реальную отдачу;
- различные организационные структуры: структуры предприятий и университетов имеют принципиальные различия; в университетах отсутствует способность мыслить по-предпринимательски, предприятия не обладают научным способом мышления; также между ними есть различия в «языке», оценке фактора времени и в отношении необходимого финансирования;

- отсутствие должной прозрачности университетов и научно-исследовательских институтов: предприятия считают, что наличие большого количества высокоспециализированных малых единиц и отделов в университетской системе сильно усложняет ее; это действительно и для большинства исследовательских организаций с разной долей государственного участия;
- дефицит у малых и средних предприятий необходимых ресурсов: для развития кооперации с университетами предприятиям потребовался бы значительный объем ресурсов (научный персонал, финансы, техническое оснащение), которого у малых предприятий зачастую нет.

Если сравнивать европейскую систему «обмена» бизнеса и академической науки с системой США, где «обменные» отношения между ними более развиты, то это позволит установить следующие различия.

- университеты США больше децентрализованы и поэтому имеют большую «гибкость»;
- в США выше конкуренция между научно-исследовательскими организациями;
- американская университетская система отличается более высокой степенью «внутренней» дисциплины;
- институциональные условия делают возможной повышенную личную мобильность науки и экономики.

В целом названные факторы улучшают способность университетской системы для кооперации с бизнес-структурами.

Ясно, что для эффективного использования университетов и исследовательских институтов в качестве богатого источника знаний и новых технологий необходимы мероприятия по усилению связей между ними и малыми предприятиями. Необходимо заметить, что среди всего прочего существует также потребность в обновлении традиционного восприятия малыми предприятиями роли университетов.

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению опыта Германии.

Среди 28 стран-членов Евросоюза главным драйвером интеграционного процесса выступает Германия. ФРГ оказывает весомое, если не определяющее, экономическое и политическое влияние на функционирование ЕС, а также обеспечивает 26,4% поступлений в бюджет Евросоюза, что значительно превышает доли других ведущих стран (Франция – 17,2%; Италия – 13%, Британия – 13,5%). При этом в рейтинге глобальной конкурентоспособности ФРГ стабильно занимает позицию между 5 и 8 местами.

Совокупные расходы на НИОКР в Германии составляют более 66,7 млрд евро, что делает страну крупнейшим научным центром в Европе. По такому показателю, как удельный вес расходов на научные разработки в составе ВВП, Германия в последние годы стабильно усиливает свои позиции (2009 год – 2,80%, 2010 год – 2,82%, 2011 год – 2,84%), но пока не решила главной задачи, которая определена Лиссабонской стратегией ЕС – увеличить данный показатель до 3% ВВП.

Спецификой немецкой инновационной политики является активное участие государства в финансовой поддержке «профильных» исследований и проектов. До 80% НИР вузов осуществляется через гранты, выделяемые пятью ведущими научными обществами. Кроме того, правительство берет на себя инициативу в финансировании долгосрочных и рискованных проектов в наиболее важных отраслях экономики, понимая, что частный бизнес вряд ли захочет инвестировать средства в такие перспективные разработки. Правда, нельзя не отметить и попытки руководства ФРГ все же привлечь предпринимателей к финансированию этой сферы. С 2004 г. в Германии действует Закон о стимулировании рискованного капитала, который предусматривает существенные льготы участникам, в частности, сокращение налогов на 50%¹⁵⁰.

Кроме того, в ФРГ уделяется серьезное внимание информационной поддержке инновационной сферы. В этом плане нужно отметить работу

---

¹⁵⁰ Алиева, Л.А. Политика стимулирования инноваций в странах ЕС / http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Economics/15_85099.doc.htm

Патентного ведомства Германии, а также свыше 20 существующих в стране патентно-информационных структур и служб.

Одновременно в ФРГ существует отлаженная система господдержки реализации запатентованных проектов и изобретений. Например, Гамбургский патентно-информационный центр активно взаимодействует с исследовательскими учреждениями и является де-факто брокером в интересах малого и среднего бизнеса¹⁵¹.

Также в Германии имеется разветвленная сеть научно-технологических парков. В частности, лидером среди них считается технопарк Берлин-Адлерсхоф, который объединяет 220 инновационных структур и полтора десятка исследовательских центров.

Финансовыми ресурсами, достаточными для проведения масштабных инновационных исследований, обладают только крупные предприятия, давно вышедшие за границы страны и превратившиеся в транснациональные компании. Так, список компаний-лидеров по объему инвестиций в НИОКР возглавляет «Фольксваген» (Таблица 6).

В Германии доля малых и средних предприятий в финансировании НИОКР равняется менее 19% расходов частного сектора, направляемых на эти цели. Проводившиеся исследования говорят, что только 10,5% малых и средних предприятий постоянно ведут НИОКР, 9,6% занимаются этим от случая к случаю, а 79,6% не занимаются научными разработками вообще.

Причин такого положения дел, что вообще-то нетипично для большинства развитых промышленных стран, множество. Но, как считают эксперты, главных всего две: жесткость налоговой политики государства и нехватка венчурного капитала; объемы последнего в Германии оцениваются в 0,034% ВВП, что ничтожно мало.

В продукции ФРГ, идущей на экспорт, 42% добавленной стоимости создано не в Германии, что позволило немецкому экономисту Г.В. Зинну назвать

---

¹⁵¹ Калятин, В.О., Наумов, В.Б., Никифорова, Т.С. Указ соч. С. 139.

германскую экономику «базарной», не способной обеспечить ни стабильный рост, ни создание новых рабочих мест.

По обеспеченности высококвалифицированными кадрами некоторых отраслей «новой экономики» (в первую очередь, это предприятия информационных технологий) Германия, как ведущая страна мира, также имеет далеко не лучшие показатели: мало программистов, математиков, биологов, в последнее время промышленность испытывает недостаток даже инженеров. В аналитических докладах Ассоциации германских ученых указывается на слабую школьную подготовку по математике и физике, что является одной из основных причин сокращения почти на 15% в последние годы количества студентов по естественно-научным и техническим специальностям в вузах по сравнению с началом 1980-х гг.¹⁵² При 4 млн официальных безработных экономика ФРГ лидирует среди экономик всех других стран Евросоюза по числу предложений о работе в секторе высоких технологий.

После проведения анализа повышения инновационной конкурентоспособности экономики Германии немецкие эксперты дали рекомендации правительству ФРГ принять меры, стимулирующие НИОКР: увеличить финансовую поддержку, модернизировать системы образования, профобучения и повышения квалификации; создать более привлекательный для частного бизнеса климат для проведения научно-исследовательской работы. Запланированная налоговая реформа является важным шагом в этом направлении; предполагается уменьшить бремя налогов, для малого и среднего бизнеса ввести налоговые льготы, которые будут стимулировать их инновационную деятельность.

Вопрос структурных реформ поднимается в стране далеко не впервые. В конце 1990-х гг. под девизом «обновления» под руководством Г. Шредера пришла к власти коалиция социал-демократов и зеленых, за 7 лет пребывания у власти

---

¹⁵² Горбунова, Л.И. Инновации в образовательной деятельности: российский и зарубежный опыт: материалы Международной научно-методической конференции, 2 марта 2007 года / ред. кол.: Горбунова Л.И. и др. Хабаровск: Дальневосточная акад. гос. службы, 2007. С. 12–13.

которой программа реформ «Повестка дня – 2010» так и осталась во многом декларацией о намерениях.

Сегодня правительству А. Меркель необходимо решать, в сущности, те же задачи, которые стояли перед правительством Г. Коля в начале 1980-х гг.: санация государственных финансов, реформа социальной системы, дерегулирование рынка труда, актуализация налоговой политики, стимулирование активности бизнеса. Однако «правые» политики, опасаясь падения рейтингов из-за проведения болезненных, но необходимых мероприятий, вместо радикальных реформ предпочитают все-таки терапевтические меры, которые не дают должного эффекта. Кстати, это не спасает от падения популярности, свидетельством чему является ряд поражений ХДС на региональных выборах весной – осенью 2011 г., а также недостаточно успешное выступление «правых» в федеральной кампании 2013 г., когда им не удалось создать «однородное» правительство и пришлось заключать альянс с главными конкурентами – социал-демократами.

Вместе с тем, несмотря на множество указанных проблем, в 2002 году Федеральное министерство образования и научных исследований при участии Федерального министерства экономики и труда разработало Единую концепцию инновационной политики в Германии, основная цель которой – стимулирование инновационной деятельности и повышение уровня занятости населения. Данная концепция была призвана стать главной движущей силой развития экономики. Основной фокус при этом был сделан на образование и научную деятельность.

Главной задачей стратегии было формирование необходимых рамочных условий для поддержания и укрепления международной конкурентной позиции промышленных предприятий. К компетенции министерства были отнесены вопросы финансирования инноваций, в частности предоставление кредитных средств и венчурных финансовых инструментов, оказание прямой поддержки на проведение НИОКР малым и средним предприятиям, содействие развитию консалтинговых услуг в области технологий и патентов, антимонопольного контроля и либерализации рыночной системы.

Очевидно, что последующая реализация избранной государством инновационной политики принесла желаемый эффект, в особенности в самый разгар глобального экономического и финансового кризиса.

Так, начиная с 2005 г., расходы на научные исследования и разработки в Германии стабильно росли и увеличивались ежегодно в среднем на 4,6%.

При этом инвестиции частного сектора в НИОКР за период с 2005 по 2008 гг. в целом возросли на 19%, достигнув в 2008 году отметки в 7,4 млрд евро.

Общая численность исследователей, лабораторных работников и прочего технического персонала, занятых в промышленных НИОКР, за период 2004-2008 гг. увеличилась на 12% и составила к 2008 году 333 тыс. человек.

По результатам отчета ассоциации торгово-промышленных палат Германии, опубликованного летом 2009 года, более 30% всех немецких компаний связывают повышение своей инновационной активности с инновационной политикой, проводимой на федеральном уровне¹⁵³.

Среди всех государств-членов ЕС Германия за период 2008-2010 гг. занимала 1 место по доле инновационных предприятий в общей численности предприятий в стране (79,3%). За ней следовали Люксембург (68,1%) и Бельгия (60,9%).

Многие немецкие компании за период с начала 2000-х гг. улучшили свои бизнес-процессы, оптимизировали затраты, одновременно увеличив при этом расходы на исследования и разработки. Основным драйвером при этом стали высокотехнологичные экспортно-ориентированные отрасли промышленности Германии: приборостроение и химическая промышленность, электроника и, конечно же, автомобилестроение.

В целях дальнейшего улучшения динамики исследований и инвестиций в НИОКР на федеральном уровне в 2010 году была утверждена Стратегия высокотехнологического развития до 2020 года, которая выходит просто за рамки научно-технической политики и ориентирована на комплексный характер

---

¹⁵³ Ideas. Innovation. Prosperity. High-Tech Strategy 2020 for Germany / Federal Ministry of Education and Research // http://www.bmbf.de/pub/hts_2020_en.pdf, S. 8

взаимодействия науки и бизнеса с целью максимального удовлетворения потребностей рынка в наукоемкой продукции¹⁵⁴.

Одним из весьма удачных механизмов немецкой государственной инновационной политики был перевод финансирования научных исследований на тендерную основу. Конкурсы проходят на федеральном, региональном и местном уровнях. Кроме того, правительства федеральных земель также имеют свои собственные программы: гранты, венчурное финансирование, страхование. Важно отметить, что за счет предоставляемого на НИОКР финансирования оказываются услуги и по патентованию.

Оказание поддержки проектам малого бизнеса осуществляется в Германии через национальную сеть бизнес-ангелов, членами которой выступают частные инвесторы, которые готовы вкладывать средства в перспективные инновационные проекты, а также давать консультации и обмениваться опытом в области управления инновационными проектами.

В дополнение к исследовательской и образовательной политике, а также промышленности, значительное внимание было уделено государственной политике в области защиты прав интеллектуальной собственности, как важного инструмента распространения знаний и новых технологий.

В частности, система патентной защиты и охраны промышленных образцов в Германии считается сильнейшей в развитых странах мира и во многом образцом для других государств и Европейского патентного ведомства. По общему числу зарегистрированных действующих патентов, отвечающих потребностям мирового рынка, ФРГ опережает многие развитые страны – 509 879 в 2008 году (6-е место в мире). По патентной активности (количество поданных заявок на патент) в 2012 году Германия находилась на 5 месте в мире (59 444 поданные заявки).

Еще одной особенностью государственной инновационной политики в Германии является ее ориентированность на развитие регионов. В последнее

---

¹⁵⁴ Игнатущенко, Е.И. Инновационная Германия в экономике Европейского Союза в эпоху мирового экономического и финансового кризиса / Е.И. Игнатущенко // Молодой ученый. – 2012. – №7. – С. 78-82.

время локализация в политике инноваций и технологий превратилась в важнейшую часть проводимой в Германии политики децентрализации. Ее цель – поддержать инновации и развитие субъектов хозяйствования, активизируя тот потенциал и инновационные возможности, которые есть в регионе или городе, улучшая условия ведения бизнеса.

При этом стоит отметить, что бюджеты на НИОКР некоторых регионов – германских федеральных земель превосходят по величине бюджеты на НИОКР отдельно взятых государств (Таблица 7). К примеру, бюджет Баварии существенно превышает размер всех российских инвестиций в данную область. Районы вокруг Штутгарта, Карлсруе, Тюбингена и Дармштата, являющиеся уникальными в Европе, осваивают внушительные бюджеты на НИОКР в быстроразвивающиеся отрасли промышленности и смежные с ними отрасли. 8% общего объема бюджета на научно-исследовательские изыскания в Европе приходится именно на этот географический кластер.

Значительное место в инновационной политике Германии занимают коммуны, которые отвечают за экономическое и инновационное развитие и представляют собой локомотив в реализации этой политики. Но практика показывает, что инновационная политика в регионах результативна лишь при условии, что наряду с коммунами действуют и местные субъекты хозяйствования – торгово-промышленные палаты, предприятия, финансовые учреждения, учебные заведения и исследовательские учреждения.

Благодаря своей государственной инновационной политике Германия была единственной из всех стран ЕС, которая, несмотря на мировой финансово-экономический кризис, сумела сохранить в 2012 году высокий рейтинг кредитный Standard & Poors – AAA со стабильным прогнозом.

Наряду с Германией драйвером и локомотивом развития Евросоюза всегда выступала Франция.

Франции для своего экономического развития требуется прибегать к инновациям, чтобы быть удержаться в конкурентной борьбе на мировом уровне. Франция интегрирована в мировую экономику, в первую очередь благодаря

корпорациям-лидерам («Карфур», «Бэ-Эн-Пэ Париба», «Тоталь-Фина-Эльф», «Вивенди», «Фраматом»). Однако без участия государства осуществление в полной мере государственной инновационной политики невозможно.

Во Франции действует набор механизмов для поддержки инноваций через объединение потенциала науки, образования и бизнеса. На базе большинства университетских центров существуют технопарки; идет целенаправленная поддержка молодых специалистов и носителей проектов и предприятий, предоставляющих рабочие места высококвалифицированным выпускникам.

Кроме того, во Франции разработано законодательство, позволяющее контролировать и направлять инновационные процессы. В этом плане нельзя не отметить разработку специального Исследовательского кодекса, который, правда, еще находится в стадии доработки. Соответственно, пока действуют прежние «инновационные» законы и нормативные акты. В частности, права работников на созданные изобретения по-прежнему регулируются положениями Кодекса интеллектуальной собственности, причем данные нормы распространяются на сотрудников как государственного, так и частного сектора.

Особое внимание в правовом обеспечении инновационной деятельности уделяется университетским и академическим структурам, которым предоставляются существенные льготы по коммерческому освоению результатов соответствующих проектов. Так, им разрешается выполнять заказы на проведение исследовательских работ, использовать запатентованные изобретения, коммерциализировать полученные научные достижения. Более того, им даже разрешено создавать дочерние фирмы и компании.

В этом плане французское руководство даже пошло на послабления для работников государственных НИИ, которым как госслужащим запрещено заниматься коммерческой деятельностью. В то же время, согласно Исследовательскому кодексу, они все же могут принимать участие в создании предприятия, в задачи которого входит оценка исследовательских работ, которые они выполняли как госслужащие. Кроме того, работнику НИИ разрешено владеть акциями предприятия, как при его создании, так и позже, в пределах 49%

капитала при условии того, что он за последние 5 лет в качестве госслужащего не осуществлял никаких контролирующих функций в таком предприятии и не принимал участия в утверждении контрактов, заключаемых между предприятием и государственным НИИ¹⁵⁵.

Особо стоит остановиться на налоговом стимулировании исследовательской деятельности. Законодательство Франции предусматривает налоговые вычеты на научные исследования в размере тридцати процентов от затрат фирмы на НИОКР (в пределах 100 млн евро) плюс пяти процентов от затрат сверх этой суммы. Имеются налоговые послабления и в отношении расходов на патенты.

Немалые усилия направлены на решение кадрового вопроса в инновационной сфере. В частности, предпринимаются инициативы по привлечению к сотрудничеству молодых специалистов. Например, Министерство науки разработало ряд мер, ориентированных на заключение партнерств, которые предлагаются компаниям, студентам и университетам:

- приглашение молодого студента-технаря участвовать в проекте продолжительностью до одного года, что предусматривает получение субвенции предприятием – организатором проекта;
- продолжительные стажировки студентов, где они могут приобрести необходимый опыт, а предприятие и образовательное учреждение получают за это финансовую поддержку;
- трудоустройство будущих инженеров для написания дипломной работы под руководством опытного специалиста при условии, что учащийся выбирает тему, важную для предприятия, и т.д.¹⁵⁶

Подобные схемы партнерства позволяют:

- привлечь в инновационную сферу молодых людей, когда перед ними встает вопрос о выборе профессии;

---

¹⁵⁵ Калятин, В.О., Наумов, В.Б., Никифорова, Т.С. Указ соч. С. 156.

¹⁵⁶ Горбунова, Л.И. Инновации в образовательной деятельности: российский и зарубежный опыт: материалы Международной научно-методической конференции, 2 марта 2007 года / ред. кол.: Горбунова Л.И. и др. – Хабаровск: Дальневосточная акад. гос. службы, 2007. – С. 19-21.

- предприятиям получить возможность расширить связи с научными центрами;
- исследователям воплотить в жизнь свои разработки;
- государству создать новые рабочие места и повысить эффективность экономики в целом.

Поэтому необходимо помнить, что приоритетная задача при организации взаимодействия науки, образования и бизнеса состоит в том, чтобы научные открытия и достижения не остались «внутренней историей» науки.

При этом следует отметить, что особенностью государственной инновационной политики Франции является ориентация на регионы. Регионам недавно была предоставлена бóльшая автономия в выработке своей политики, в т.ч. в экономике и в области инноваций, что дает им равные возможности для использования своих особенностей.

Создание в регионах технопарков, которые ориентированны на производство высокотехнологичной продукции, является одним из направлений государственной инновационной политики. Компании, получившие право работать в технопарке, должны проводить исследования, внедрять свои новые разработки в сфере высокотехнологичного производства. Взамен они получают земельные участки и офисы по низким тарифам, различные налоговые, финансовые и административные льготы и другую помощь государства и региональных властей¹⁵⁷.

«София-Антиполис» на Лазурном берегу – пример такого технопарка: направленность на промышленность региона, специализация на информационных технологиях и коммуникациях позволяет избежать негативных колебаний на мировом экономическом рынке.

Подобно Силиконовой долине, София-Антиполис притягивает к себе самых лучших специалистов Франции и иных стран. Многие компании перебираются сюда из Парижа и других крупных городов, переводят свое производство в этот

---

¹⁵⁷ Прокшин, К. Открыто по техническим причинам // Коммерсант. Приложение «Аутсорсинг». 2005. – 10 марта.

специализированный полюс, и это неудивительно, потому что инвесторам оказывается техническая поддержка, они обеспечиваются квалифицированным и мотивированным персоналом. Все это приводит к существенной экономии ресурсов, если сравнить с мегаполисами¹⁵⁸.

Когда определенное число компаний переводит в регион свое производство, сказывается эффект «снежного кома». И крупные, и небольшие компании среди причин, которые подтолкнули их принять решение о переезде, отмечают наличие фирм-партнеров (эффект «близлежащей синергии»)¹⁵⁹.

Эксперты не устают повторять, что рост мобильности людей, производства, финансов (особенно внутри Евросоюза) требует иметь не только передовые технологии и фирмы, но, прежде всего, сами регионы, которые готовы принять и обеспечить их деятельность. В развитых странах за последние десятилетия, можно сказать, произошла «региональная революция», следствием которой является трансформация экономического пространства. Возникшая сетевая модель проецирует производственные отношения на территорию. Сети, привязанные к определенному месту, состоят из автономных и взаимозаменяемых звеньев – производственных комплексов и предприятий, которые на основе кооперации и образуют производственный кластер. Жесткая специализация в подобных регионах уступает место инновациям и отраслевой гибкости. По мнению многих, именно такие региональные образования способствуют стабильному развитию и росту конкурентоспособности страны на мировом рынке. Помимо этого, привлечение человеческих ресурсов – самого ценного капитала – активизирует деятельность по созданию постиндустриальных зон: торговых, рекреационных, развлекательных, образовательных и т.д.¹⁶⁰

---

¹⁵⁸ Деминг, Э. Новая экономика: простые механизмы, которые приведут вас к росту, инновациям и сильному положению на рынке / пер. с англ. и ред. Т. Гуреш. – М.: Эксмо, 2006. С. 63–66.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Княгинин, В.Н. и др. Управление развитием муниципальных образований (стратегическое планирование. Территориальное планирование): учебное пособие / науч. ред. О.Р. Перцовский, А.А. Черненко. – М.: АНХ, 2007. С. 48–50.

В качестве примера можно назвать город Монпелье (центр департамента Эро и региона Лангедок-Русильон). Многие годы (и даже столетия) Монпелье был провинциальным университетским городом, винодельческой и сельскохозяйственной столицей приморского региона. Его не коснулись первые волны промышленной революции. Однако с 1970-х гг. в нем наблюдается удивительный рост и развитие. За последние 50 лет население агломерата Монпелье возросло приблизительно в 2 раза (и павно теперь примерно 275 тыс. чел.). Одновременно с этим местные власти модернизировали транспортную инфраструктуру города и построили новые кварталы. Умная реализация проектов с привлечением иностранных партнеров, использованием местных особенностей дала должные результаты: в технопарке «Монпелье-ЛР» на 800 предприятиях создано 17 тыс. рабочих мест. Они специализируются в области фармакологии, химии (технопарк «Евромедицина»), в информационных технологиях (в том числе и «Ай-Би-Эм»). Университеты задействованы в разработках в области агрономии, виноделия. Действуют бизнес-школы, в т.ч. в области международной торговли, что привлекает в регион иностранных студентов. Одновременно город использует преимущества всего региона, поскольку его собственных возможностей недостаточно, чтобы выдерживать конкуренцию, например, с такими центрами, как Барселона¹⁶¹.

Подобное происходит и во многих других городах и регионах Франции: в Ницце, Гренобле, Ренне и др. Важно подчеркнуть, успехи страны и ее регионов в инновационных областях в немалой степени обязаны имиджу страны как центра передовых научных идей и разработок. Культура страны, с одной стороны, привлекает туристов, а с другой – ведущих ученых и специалистов.

Во Франции есть платформы местной инициативы, которые через определение особенностей региона или местного сообщества разрабатывают механизмы, позволяющие обеспечивать устойчивое развитие территории. Автономность решения достигается благодаря деятельности местных заемных фондов, разнообразному составу участников (инициаторы проектов, инвесторы,

---

¹⁶¹ Захарова, Н.В. Указ. соч. С. 142.

эксперты), разделению функций между органами, осуществляющими финансирование и управление, а также самостоятельности в определении того, какие типы предприятий стоит поддерживать.

Визитной карточкой Франции в части инновационной политики является сотрудничество регионов и муниципалитетов. Подобные объединения обладают очевидными достоинствами:

1. эффективное использование общих коммуникационных и транспортной сетей;
2. высокий уровень мобильности персонала;
3. большие возможности для первоначального привлечения серьезных ресурсов.

Участники подобных территориальных союзов согласуют политику в отношении инвесторов (социальную, налоговую), совместно определяют приоритетные направления инновационной деятельности. В Европе такие партнерства существуют и между соседними регионами нескольких стран («Еврорегион» объединяет испанскую Каталонию, французские Юг-Пиренеи и Лангедок-Руссильон, такой же «Еврорегион» действует по обеим сторонам пролива Па-де-Кале), и между отдаленными регионами с высоким уровнем развития промышленности («Четыре двигателя Европы» – Рона-Альпы, Баден-Вюртемберг, Ломбардия, Каталония)¹⁶².

Кроме того, во Франции существует политика, ориентированная на укрепление конкурентоспособности передовых высокотехнологичных фирм на внутреннем и на глобальном рынках через создание и поддержку полюсов конкурентоспособности.

Полюс конкурентоспособности – крупный научно-производственный комплекс, объединяющий в пределах какой-либо территории предприятия любых размеров, исследовательские лаборатории и учебные заведения в целях синергии

---

¹⁶² Towards a European Research Area Science, Technology and Innovation. Key Figures 2007 / European Commission, Directorate-General for Research, Communication Unit // ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/era/docs/keyfigures_2007.pdf

и развития отношений сотрудничества. Могут привлекаться и другие партнеры, например, государственные органы, как национальные, так и местные, а также компании – поставщики услуг.

На конкурс на получение статуса полюса конкурентоспособности, объявленный осенью 2004 года и объединивший усилия восьми министерств, было подано более 100 крупных заявок; первые полюсы были созданы в 2006 г.

В настоящее время во Франции действуют 74 полюса конкурентоспособности, 19 из них имеют международный статус. Особенное внимание уделяется следующим отраслям; авиация, разработка программного обеспечения, медицина, биотехнологии, нанотехнологии. Помимо этого, приоритетными проектами признаны комплексы предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности, железнодорожного транспортного строительства и автомобилестроения, а также создания новых материалов¹⁶³.

Какие возможности появились у французских предприятий в результате создания полюсов конкурентоспособности? Прежде всего, они получили финансовую поддержку: на субсидирование новых комплексов в 2006–2008 гг. властями было выделено 1,5 млрд евро; около 300 проектов в 2006 г. получили порядка 230 млн евро со стороны местных властей и почти 425 млн евро государственного финансирования.

Подобные средства поступают предприятиям различными путями. Например, с помощью т.н. кредитных интервенций, т.е. через предоставление льготных кредитов для закупки оборудования и расширения производства. Другие проекты государство может финансировать напрямую. Еще одно преимущество для участников полюсов конкурентоспособности – значительное сокращение налогов. Если предприятие занято в проекте, который тем или иным способом связан с научными исследованиями и развитием технологий, и одновременно является участником какого-либо зарегистрированного полюса, то оно на протяжении 3 лет с момента своего создания освобождается от уплаты

---

¹⁶³

налога на прибыль, а в следующие 2 года будет платить этот налог в половинном размере. Помимо этого, предприятия на 5 лет освобождаются от уплаты налога на недвижимость и некоторых местных налогов. Значительные налоговые льготы действуют для персонала, который связан с реализацией инновационных проектов. Так, для определенных категорий работников полюсов (исследователи, менеджеры, инженеры, прочие специалисты) снижается ставка социального налога, в связи с чем работники предприятий малого и среднего бизнеса имеют возможность сэкономить до 50%, а работники крупных компаний – до 25% от обычных соотношений в течение 6 лет. Важным фактором государственной инновационной политики является также оказание административной помощи: каждому полюсу конкурентоспособности назначается чиновник-куратор. Предприятия, желающие совместно с государственными научными центрами участвовать в фундаментальных исследованиях, должны обратиться в Национальное агентство по науке, которое призвано производить отбор и субсидировать разработку технологий, если их коммерческое использование возможно лишь в перспективе. Но если коммерческая реализация возможна раньше (в течение 5 ближайших лет), то финансовая поддержка будет оказана адресно из специализированных фондов. Такими фондами заведует особая госструктура – Межведомственная генеральная дирекция предприятий.

Еще одна структура – Государственный инвестиционный банк Франции, созданный 31 декабря 2012 года и призванный наряду с Национальным банком Франции стимулировать экономический рост и содействовать развитию инновационных проектов в стране. Капитал банка составляет 20 млрд евро при размере кредитного портфеля – до 30 млрд евро. Финансовые ресурсы для создания инвестиционного банка были направлены из трех организаций – специализированной инвестиционной государственной компании, фонда национального благосостояния и банка развития малых и средних предприятий OSEO. Функции контрольного характера на паритетных началах распределяются между специализированной инвестиционной компанией и государством.

OSEO, в свою очередь, была создана в 2005 г. посредством слияния Агентства инноваций и Банка развития малых и средних предприятий, чтобы оказывать поддержку инновациям в рамках осуществления региональной и национальной политики. Основной целью OSEO является финансовая помощь малому и среднему бизнесу, а также венчурным фирмам на ключевых стадиях развития: создание, рост, выход на новую ступень / продажа бизнеса. OSEO берет на себя часть рисков малых предприятий и обеспечивает им доступ к банковскому кредитованию и к средствам инвесторов.

В деятельности OSEO можно выделить три направления:

- поддержка и финансирование тех проектов, которые основаны на инновационных решениях и имеют действительные коммерческие перспективы;
- привлечение банков к финансированию и управлению жизненным циклом инновационного проекта;
- предоставление гарантий при финансировании банками или инвесторами.

Результаты своей деятельности OSEO в виде отчетов предоставляет Министерству экономики и финансов и Министерству высшего образования и исследований Франции.

Партнерами OSEO являются финансовые институты, банки, инвесторы, университеты, исследовательские лаборатории, инженерные школы, торгово-промышленные палаты, гильдии, крупные компании, сети поддержки стартапов, а также частные организации и государственные структуры¹⁶⁴.

Наиболее крупные (свыше 10 млн евро) проекты находятся под патронажем Агентства промышленных инноваций.

Первоначально проект проходит отбор внутри полюса конкурентоспособности. Самые актуальные заявки отбирает руководство полюса. На втором этапе заявка утверждается финансовой комиссией региона, которая отвечает за данный полюс. На третьем (и последнем) этапе необходимо получить

---

¹⁶⁴ Государственный инвестиционный банк Франции // <http://www.bpifrance.fr/>

одобрение соответствующих министерств и ведомств, после этого участники проекта получают доступ к налоговым послаблениям, государственным дотациям и проч. преференциям. Благоприятный экономический климат для развития инновационного бизнеса привлекает международные корпорации, и они с охотой участвуют в подобных проектах, предоставляя работу примерно 27% занятых в экономике полюсов. К активным участникам т.н. новой экономики принадлежат всемирно известные компании – «Эли Лилли», «Ай-Би-Эм», «Бомбардье», «Эс-Эй-Пи», «Моторола». Компании из России, развивающие высокие технологии, пока не участвуют в подобных программах, но власти Франции заинтересованы в наших инвесторах, есть интерес и со стороны российских компаний. Филипп Фавр, руководитель Агентства по иностранным инвестициям во Франции, посетил Россию в апреле 2008 г. Он встречался с российскими бизнесменами и с оптимизмом рассказал о возможностях совместного бизнеса России и Франции в инновационных разработках, по его словам, компании смогут вести исследования и разработки с выгодой для себя, впоследствии они получат возможность зарегистрировать свою продукцию в странах Евросоюза, где проживает 500 млн потребителей. Первый этап программы создания полюсов конкурентоспособности завершился в середине 2008 г.

Реализация второй фазы развития полюсов началась в 2009 г. и получила название «Полюс 2.0». С 2013 г. начата реализация третьей фазы развития полюсов, под которую предполагается задействовать средства специальной государственной программы – «Инвестиции в будущее».

Каждый «полюс конкурентоспособности» представит свои технологические и инновационные задачи и целевые рынки новому Национальному совету промышленности в проекте, включающем количественные и качественные показатели, которые в тесной увязке с компаниями по трансферу технологий и инноваций позволят добиться предприятиям ускоренного экономического роста благодаря инновационному развитию.

Данные задачи лягут в основу индивидуализированного контракта эффективности в соответствии с амбициями и потенциалом каждого «полюса конкурентоспособности» в расчете на ближайшие шесть лет.

Также в 2010 г. во Франции стартовала Национальная инвестиционная программа с бюджетом 35 млрд евро, целью которой является повысить конкурентоспособность бизнеса во Франции и реализовать инновации в стратегически важных секторах экономики¹⁶⁵.

В мире Франция занимает одну из лидирующих позиций в привлечении прямых инвестиций. В 2009 году она заняла 3-е место в мире и 1-е место в Европе по объему прямых иностранных инвестиций, в цифровом выражении – 65 млрд. долл. США¹⁶⁶. Во Франции работают свыше 2,5 млн компаний, с 2002 г. по настоящее время их количество увеличилось на 1 млн. Промышленность Франции создает более 25% ВВП, в сфере по предоставлению услуг сегодня производится 70% ВВП и создано 75% рабочих мест. Франция находится на 4 месте на мировом рынке экспорта услуг. Эта страна является первым производителем сельхозпродукции в Западной Европе и вторым экспортером в мире (после США). В ее сельском хозяйстве, которое является многоотраслевым высокотехнологичным сектором экономики, занято 5% трудоспособного населения. К середине первого десятилетия XXI в. Франция обогнала Германию по суммарному объему экспорта прямых капиталовложений и теперь занимает 3-е место в мире (после США и Великобритании). Но по данным Евростата в совокупном объеме прямых иностранных инвестиций, полученных Россией (более 1 трлн долл. США), на долю Франции приходится лишь «незначительный» объем – чуть более 4 млрд долл. США¹⁶⁷.

Здесь Франция уступает Великобритании, Нидерландам, США и Германии. Если учесть, что Росстат регистрирует менее половины объема прямых

---

¹⁶⁵ Любимская, А. Инвестировать по-французски / ЭКСПЕРТ online // <http://expert.ru/countries/2011/10/nvestirovat-po-frantsuzski/>

¹⁶⁶ Директор российского представительства Агентства по привлечению инвестиций во Францию Жером Клозен: «В России – лучшие умы мира» / Бюджет.RU // <http://bujet.ru/article/116490.php>

¹⁶⁷ Франция в новостях // <http://www.clubfrance.ru/#SG>

иностранных инвестиций, вложенных в реальную экономику нашей страны, (хотя учитывает псевдоиностранные инвестиции, например, с Кипра), то доля Франции составляет примерно 1,5 %.

Тем не менее, в последние годы произошла активизация внешнеполитического, оборонного и внешнеэкономического партнерства России и Франции. Так, в марте 2010 г. в Париже тогдашний Президент России Д.А. Медведев на встрече с представителями французских и российских деловых кругов сообщил, что объем накопленных французских инвестиций в Россию превышает 10 млрд долл. США и что с 2003 по 2008 г. товарооборот вырос в 5 раз.

Необходимо сказать о том, что государство обязано рассматривать научно-технический прогресс как условие экономического развития отдельных регионов, государства в целом, мирового хозяйства, а также как фактор политического баланса. В долгосрочной перспективе реализация продуманной промышленной политики и проведение мероприятий, которые связаны с технологическим совершенствованием, позитивно влияет на экономику.

Опыт инновационной политики Франции в регионах может быть полезен России, где уже началось продвижение в использовании промышленных, научных, технологических, образовательных и трудовых ресурсов в регионе (как это происходит при создании особых экономических зон).

Несмотря на некоторые успехи применительно к России (если сравнивать с той же Францией) пока рано говорить, что в нашей стране существует системная инновационная политика, направленная на результативное использование научно-промышленного потенциала регионов.

* * *

Ведущие страны Запада (США и лидеры Евросоюза) в настоящее время ведут интенсивный поиск способов оптимизации функционирования экономических и политических систем в соответствии с вызовами наступившего столетия; основной акцент они делают на инновационном направлении. И хотя финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. осложнил ситуацию в этих

странах, но они по-прежнему стремятся (в т.ч. за счет активизации инвестиционной деятельности и развития НИОКР) найти «эликсир прогресса», чтобы сохранить свои передовые позиции в мире, а также подтвердить мировое политическое лидерство (США) или обеспечить своим гражданам комфортную (в социально-экономическом плане) жизнь (Франция, Германия).

При этом отличительными чертами западной инновационной политики являются:

- ставка на четкую организацию и правовое регламентирование инновационных процессов;
- активное вовлечение в инновационную сферу университетских центров и бизнеса (особенно это заметно в США);
- косвенное государственное регулирование инновационной деятельности через распределение финансирования и налогообложение.

В то же время, кризис 2008-2010 гг. и последующие непростые для Запада события внесли определенные коррективы в его инновационную политику. Во-первых, все большее значение в ней стал играть «социальный фактор», который зачастую мешает сбалансированному политико-экономическому развитию, во-вторых, резко возросла роль государства в проведении в жизни инновационного курса, что поставило под вопрос одну из базовых догм либерализма – минимизацию роли государства в общественной и экономической жизни.

Однако в мире существуют и альтернативные модели модернизации и инновационного обновления, реализуемые вне западной парадигмы политического и социально-экономического развития. В этом плане примечателен опыт стран третьего мира, лидером среди которых сейчас по праву считается Китайская Народная Республика.

Глава 4. Инновационная мотивация «незападных» государств как поиск самобытного пути модернизации XXI века

§ 1. Стратегия борьбы за глобальное лидерство: опыт КНР

После крушения «биполярной» системы миропорядка в связи с распадом СССР в экспертном сообществе и политическом истеблишменте начались активные дискуссии относительно возможной глобальной политической и экономической альтернативы влиянию США.

Сперва, в 1990-е гг., в качестве таковой рассматривался еще только формируемый Европейский союз, который изначально задумывался именно как альянс экономически развитых и инновационно ориентированных государств, обладающий существенным «кумулятивным» эффектом.

Вместе с тем, ЕС не выдержал «бремя альтернативы», с одной стороны, в силу недостатка геополитической инициативы, а с другой – ввиду целенаправленного противодействия со стороны США, которые умело играли на понижение статуса своих партнеров-конкурентов из Старого света. Так, например, во многом Вашингтоном были инспирированы кровопролитные войны на Балканах, которые существенно дестабилизировали европейское пространство и привели к появлению целого ряда противоречий: от национально-религиозных до экономических. Кроме того, есть основания полагать, что именно с подачи США был запущен проект форсированной евроинтеграции слабых в экономическом отношении постсоветских государств, а также процесс их форсированного вступления в НАТО. Все это привело к нарастанию внутреннего дисбаланса в ЕС, а также к осложнению отношений Брюсселя и Москвы, и это при том, что российское руководство практически с 1991 г. выступало за

углубление партнерства с европейскими коллегами и Западом в целом. Однако такое взаимодействие РФ и ЕС могло привести к созданию исключительно мощного блока, основанного не на абстрактных идеях, а на рациональном и взаимовыгодном политико-экономическом сотрудничестве (хотя бы даже в рамках формулы «энергоресурсы в обмен на инновационные технологии»), поэтому США предприняли максимально возможные усилия, чтобы воспрепятствовать такому консенсусу. В итоге Евросоюз так и не сумел реализовать своего изначально имевшегося потенциала и не стал «глобальной альтернативой» США. Более того, как показали события 2000-х гг., в условиях экономического спада и внутренних неурядиц лидеры Евросоюза предпочли (после недолгой фронды Шредера – Ширака) вернуться в лоно Вашингтона в статусе безынициативных «младших братьев», фактически поступившись своим суверенитетом.

Однако с середины-конца 1990-х гг. появляется новый претендент на роль глобального лидера – Китайская Народная Республика, которая после подавления оппозиционной фронды начала активное восхождение в политическом и экономическом плане.

При этом надо специально отметить, что Китай вступил на модернизационный, а затем инновационный путь не только в условиях неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры (фактически находясь во «враждебном окружении»), но и в условиях всеобщего научного и методологического скепсиса относительно реформаторского потенциала «несвободных» стран. Дело в том, что победное шествие либеральной демократии в 1980–1990-е гг. привело к формированию в политической науке устойчивых стереотипов. Так, транзитология того времени практически отказывала «тоталитарным» государствам, наподобие КНР, даже в шансах дожить до XXI в., не говоря уже о том, чтобы занять в следующем столетии место среди «избранных».

В частности, большинство политологов тех лет отрицали серьезный «модернизационный потенциал» тоталитарных (и даже «недемократических»)

государств, отмечая тот факт, что «тоталитарная реконструкция не решила проблем, ради которых она проводилась»¹⁶⁸. В этом плане особо активные дискуссии велись относительно модели «сталинской модернизации» в СССР, взятой на вооружение и режимом Мао Цзэдуна в послевоенном Китае. Одновременно в политической науке господствовала точка зрения, что социалистическая модель и коммунистическая идеология являются архаичными и неадаптивными, особенно с учетом трансформаций конца XX в. При этом авторы считали, что развитие при социализме концентрировалось лишь вокруг политических императивов, тоталитарной власти, сильного государства. Поэтому, как отмечал В.Г. Хорос, в социалистических обществах индустриализация и экономический рост не работали или работали крайне слабо на массовый потребительский спрос, на создание полноценного внутреннего рынка и межотраслевой пропорциональности¹⁶⁹. Правда, при этом указывалось, что применительно к советской России нельзя отрицать того, что социалистические преобразования 1930–1950-х гг. принесли элементы, которые принято включать в процесс модернизации (индустриальный рост, урбанизация, развертывание массовой системы образования и здравоохранения, развитие коммуникаций и т.п.).

В то же время, по мнению сторонников либерального пути развития, внедрение отдельных элементов модернизации еще не означало реализации модернизации в целом. В частности, их жесткую критику вызывало то обстоятельство, что экономический подъем в СССР не сопровождался политическим обновлением, созданием демократических институтов. Одновременно подчеркивалось, что некоторые социальные достижения тоталитаризма были основаны на принципе уравнительности, искусственном ограничении доходов; право подменялось волюнтаризмом и бюрократическим

---

¹⁶⁸ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Рук. авт. кол.: Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. – М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 394.

¹⁶⁹ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. Хорос В.Г. Рос. акад. наук. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений – М.: Наука, 1996. С. 308.

произволом; коллективизм подавлял личность. Кроме того, отмечалось, что, в отличие от «позитивной модернизации» в западных странах, «негативная модернизация» в СССР гораздо более решительно и безжалостно разрушила структуру традиционного общества, а также в зародыше оказались ликвидированы первые результаты буржуазной модернизации – предпринимательство, система демократических учреждений и т.п.¹⁷⁰

Также ученые либерального направления, подобно немецкому исследователю фон Лауэ, считали, что модернизация есть процесс революционный и «становление Запада было главной мировой революцией», а «всевозможные «измы» – коммунизм, фашизм, маоизм – это реакция на эту революцию, попытка отстающих стран, идя своим путем, преодолеть отсталость»¹⁷¹.

Не менее существенным являлся и вопрос о темпах модернизации, ее последовательности и поступательности. В частности, подчеркивалось, что первичная модернизация Великобритании осуществлялась изнутри на основе фазового, многотактового, самостоятельного развития политического, культурного и экономического рынка. При этом индустриальный «скачок» становился возможным лишь по мере того, как «человек традиционный» превращался в «человека рыночного»¹⁷². Форсированные же темпы модернизации, характеризующие историю СССР и ряда других стран «незападного типа» (в том числе, КНР), по мнению либеральных транзитологов, приводили лишь к «перекосам» и неорганичности их развития. Конечно, они признавали, что форсированная советская модернизация 1930–1940-х гг. позволила советскому государству заимствовать и даже в некоторой степени развить технологические, инструментальные достижения западных обществ, однако отмечалось, что при этом не удалось создать «адекватных социальных механизмов их саморазвития (рыночная экономика, институты гражданского общества, политическая

---

¹⁷⁰ Там же. С. 309.

¹⁷¹ Von Laue, Th. H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y., Oxford, 1987. P. 35.

¹⁷² Тоталитаризм как исторический феномен. – М.: Философское общество СССР, 1989. С. 87.

демократия)»¹⁷³. Соответственно, делался вывод о противоречивости и ущербности советского варианта модернизации.

Главные проблемы, на которые обращается внимание в политологии при изучении процессов модернизации, а затем и инновационного развития, состоят в определении характера политических институтов, которые, с одной стороны, обеспечивают наибольшую эффективность социально-экономических преобразований, с другой – содействуют стабильности при резко возрастающей вследствие модернизации динамичности социальных процессов.

С этой точки зрения надо признать, что тоталитарные институты КНР (хотя, конечно, при всем своем формально коммунистическом характере Китай после Мао Цзэдуна вряд ли можно относить к тоталитарным режимам) продемонстрировали не только волю к жизни, но и адаптивность к реалиям рубежа XX–XXI вв. Кроме того, устойчивость политической системы КНР была обусловлена политико-культурными приоритетами населения страны.

Одной из важнейших черт политической культуры восточного типа является стремление к организации общества на патерналистской и патриархальной основе. Советская модель государственности в значительной мере отвечала данным запросам. Коммунизм представлял собой всеобщую организацию населения страны в систему отношений начальствования и подчинения. Здесь власть выступала как средство самоорганизации масс и вырастала из потребности обеспечить существование страны как единого социального организма¹⁷⁴. Коммунистическое государство по своей природе тотально, в сферу его компетенции входят все без исключения аспекты жизни страны, контролирующая и регламентирующая функции государства приобретают всеобщий характер. Необходимо отметить, что даже левоцентристская западная общественность со своей тягой к свободе, индивидуальности, распылению власти не могла принять подобной модели, которая по многим своим основаниям противоречила

---

¹⁷³ Вишневский, А.Г. Вишневский, А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. С. 418.

¹⁷⁴ Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. С. 318.

классическому марксизму. Венгерские исследователи Л. Белادي и Т. Краус критиковали И. Сталина за то, что он «рассматривал государство исключительно с точки зрения его прочности и силы... По его мнению, оно должно быть централизованным, управляемым сверху, должно проявлять заботу, благодетельствовать»¹⁷⁵. Противопоставляя сталинской модели государства марксистское видение роли и характера государственного управления в обществе, они отмечали, что в классической теории «социалистическое общество исключало возможность бюрократической централизации», а государство подлежало медленному умерщвлению¹⁷⁶. В то же время в тоталитарных теориях государство, напротив, мыслилось как истинный гарант прав человека и коллектива, как мощный регулирующий и арбитражный институт, обладающий к тому же определенной сакральной ценностью. В свою очередь, резкой критике подвергалось государство «релятивистское», которое «не ставит никаких положительных целей, не руководствуется никакими стабилизированными принципами»¹⁷⁷. К такого рода задачам относились освобождение людей от личной борьбы за существование путем формирования максимально развитой материально-технической базы жизни; создание высшей культуры, которая воплощала бы в себе идею общечеловеческого достоинства и в то же время максимально служила бы проявлению национальных и местных особенностей; вовлечение в экономическое, политическое, социальное строительство возможно большего числа граждан.

Одновременно вполне соответствовала национальным традициям Китая и однопартийная модель, предполагавшая политический моноцентризм и жесткую иерархию. И это опять же было связано с мировоззренческими приоритетами элиты и рядового населения КНР, которые в силу относительно позднего создания современной китайской государственности (1949) предпочитали простые политические схемы. А однопартийная модель сужает до минимума

---

¹⁷⁵ Белادي Л., Краус, Т. Сталин. – М.: Политиздат, 1989. С. 310.

¹⁷⁶ Там же. С. 313.

¹⁷⁷ Исаев, И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.) – М., 1991. С. 315.

политическое пространство, упрощает правила политической «игры», что в условиях становления политической системы лишь облегчает задачу «поддержания порядка» и утверждения стабильности. С другой стороны, данная модель позволяет и населению, и элите, не имеющих серьезного опыта политической борьбы (ввиду отсутствия подобной возможности в условиях колониальной зависимости), чувствовать себя комфортно и уверенно, принимать простые политические решения. Кроме того, эта система позволяла эффективно бороться с «явными и затаившимися врагами», «неконструктивной оппозицией», а также любым идейно-политическим соперником, что было немаловажным для государств и народов, совсем недавно находившихся под гнетом колонизаторов и где проблема противоборства в системе координат «мы – они» была весьма актуальной. Примечательно, что хотя согласно неофициальной статистике примерно 50% всех жителей Китая полуграмотны, тем не менее, власти удалось выстроить эффективный канал коммуникации – информирования граждан страны о позиции государства как единственно приемлемой и «абсолютной» точки зрения. Со всей наглядностью это проявилось после событий в 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. СМИ тогда передали, что это были действия экстремистски настроенных групп людей и уголовников. Все события были поданы как нечто, инспирированное идеологическим противником из Вашингтона. Также большое значение для победы имело воздействие через СМИ на европейскую и американскую китайские диаспоры.

В немалой степени население постколониальных государств испытывало тягу и к коллективистским формам организации жизни при недемократических политических режимах, и к господству моноидеи в виде идеократии. Массовая политическая социализация, имевшая место в данных странах после освобождения от колониальной зависимости и утверждения суверенитета, в условиях слабой ориентации населения в политических процессах, приводила к его консолидации и доминации коллективных форм политического участия. Кроме того, отсутствие собственных политических интересов, неопределенность мировоззренческих приоритетов и опять же недостаток соответствующего опыта

давали возможность тоталитарной власти легко манипулировать общественным мнением в постколониальных странах, увлекать большинство населения простыми, зачастую мифологизированными идейно-теоретическими формулировками. В свою очередь, подобная простота и доступность тоталитарных идей вела к их популярности и востребованности в широких слоях населения. В то же время импортируемая в постколониальные страны западная либеральная идеология нередко наталкивалась на сопротивление местных верований, обычаев, традиций, базовых ценностей, в результате чего она либо вытеснялась иной идеологической и мировоззренческой системой, либо претерпевала серьезные трансформации.

Примечательно, что, преодолев догматизм, но не отказавшись в целом от идеологии марксизма, китайское руководство достаточно легко сумело найти его сочетание с традиционными мировоззренческими схемами, в том числе в деле обеспечения инновационного развития. Современный Китай отличает органичное сочетание новаций и традиций. По большому счету такая мировоззренческая конструкция была заложена еще знаменитым философом Конфуцием, который выступал с позиций сбалансированности знания и этики в жизни человека. Также и современная инновационная политика КНР базируется не на принципе «модернизация ради модернизации», но уделяет большое внимание человеческому фактору, воспитанию «благородного мужа», гармонично развитой и образованной личности, способной решать не только личные, эгоистические, но и общественные задачи. Недаром в настоящее время в Китае Конфуций почитается как мыслитель и духовный наставник сферы науки и образования, а конфуцианство выступает в качестве идеологической основы китайского общества¹⁷⁸.

Одновременно в результате долгих дискуссий китайской элите удалось достичь консенсуса относительно руководящего курса, с одной стороны,

---

¹⁷⁸ Константинова, М.А. Философские основы современного китайского образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. – №4. – Ч.1. – С.72-74.

позволяющего проводить реформы, с другой – сохраняющего незыблемость базовых основ государства и общества. Появилась концепция нового авторитаризма, или неоавторитаризма, главный смысл которой заключался в том, что демократия и рыночные отношения вызревают в стране постепенно под кураторством сильной и жесткой власти, в то же время ориентированной на реализацию модернизационного пути. Сторонники такого подхода настаивали на том, что новый авторитаризм принципиально отличается от прежнего. Старый авторитаризм, с их точки зрения, – это режим, функционирующий в рамках замкнутых циклов, где сильная власть постепенно подрывается и взламывается растущими противоречиями в экономике и обществе, за которыми следуют беспорядки и хаос, подавляемые новой сильной властью. А неоавторитаризм ставит своей целью не сохранение статус-кво, а динамичное развитие общества. В итоге будут созданы условия для демократических преобразований, но преобразований мирных, эволюционных. Китайские сторонники неоавторитаризма настаивали на том, что перейти к демократии можно лишь путем всеобъемлющей модернизации, правда, модернизации не одномоментной, а поэтапной и разноплановой, в результате которой и будут созданы экономические, социальные и психологические предпосылки для демократии и свободы в Китае. Тем самым, с их точки зрения, завершился бы тот модернизационный процесс, который начался в Китае с середины XIX в. и по-разному интерпретировался (в том числе и в немалой зависимости от понимания его соотношения с характером режима) Кан Ювэем, Сунь Ятсеном, гоминьдановцами и коммунистами.

Однако вне контекста этих «внутренних» дискуссий «недемократическое» и традиционное общество на рубеже XX–XXI вв. могло существовать и развиваться только при тщательном сохранении своего суверенитета и обеспечении лояльности подавляющего большинства населения. Более того, «особость» китайского политического режима лишь подталкивала его руководство к инновационному пути развития, поскольку после падения Советского Союза элиты США и Европы вступили на путь «либерального мессианства» и объявили

войну любым политическим альтернативам. При этом использовался самый широкий инструментарий для дезавуации политических и идеологических оппонентов (от технологий «оранжевых революций» до прямого силового вмешательства). В этом плане можно вспомнить и бывшую Югославию, и Афганистан, и Ирак, и Ливию, и Грузию, и Украину и другие проекты «принуждения к демократии», реализованные Западом в 1990–2000-е гг.

Следовательно, выжить и процветать в условиях такого давления суверенный Китай мог лишь в случае динамичной реакции на инновационную повестку дня и опережающих темпов развития. Конечно, подкрепить свой суверенитет инновационными достижениями пытались многие страны (Иран, Сирия, Венесуэла), но в полной мере это удалось пока лишь КНР. Как отмечает в своей диссертации В.В. Севальнев, «Китай не стоял на месте, постоянно занимался поиском своего, особенного пути развития, добившись значительных успехов в построении современной экономики, основанной на заимствовании иностранных и развитии на этой основе собственных инновационных наработок»¹⁷⁹.

Именно наличие самостоятельности на международной арене и обладание внутренним суверенитетом отличают глобальную сверхдержаву от обычной страны и даже от так называемых государств – региональных лидеров. Как пишет Е.Г. Богданова, «Китай часто рассматривают как последний бастион Вестфалья или поборника вестфальской концепции абсолютного суверенитета. Это вполне объяснимо: стремление китайцев закрепить в международной политике принцип приоритета национального государства прослеживается во всех внешнеполитических действиях КНР, будь то борьба за лишение легитимности далай-ламы, тайваньский вопрос или притязания на владение островами в Южно-Китайском море»¹⁸⁰. При этом несмотря на активную внешнюю критику такой позиции именно жесткая позиция в отношении своего суверенитета позволяет китайскому руководству обеспечивать необходимую для инновационных

---

¹⁷⁹ Севальнев, В.В. Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Севальнев Вячеслав Викторович. – М., 2012. С. 3.

¹⁸⁰ Богданова, Е.Г. Современная теория МО о взглядах Китая на суверенитет // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 82.

преобразований внутреннюю стабильность и, как ни парадоксально, привлекать инвесторов. Более того, проведенная внутривластная мобилизация позволила КНР в достаточно короткие сроки выйти на позиции глобальной великой державы, причем как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Примечательны слова бывшего председателя КНР Ху Цзинтао, сказанные им во время встречи с китайскими учеными в январе 2006 г., о том, что на период до 2020 г. в области развития науки и технологий перед Китаем стоит задача превратиться в государство инновационного типа, что в таком государстве мощь науки и техники будет способствовать экономическому и социальному развитию и обеспечивать национальную безопасность, при этом сочетание фундаментальных научных исследований и изучения передовых технологий будет усиливать и позволит достичь таких результатов научно-исследовательской деятельности, которые были бы всемирно востребованы¹⁸¹. Руководством КНР не только определена цель, но и указаны жесткие сроки и выработаны надежные критерии, которые проверяются эконометрически. К 2020 г. Китай должен увеличить долю в ВВП, которая направляется на научные исследования и разработки, с 1,34% (2005) до 2,5%, долю вклада технологического развития в ВВП до 60%, при этом снизив зависимость от иностранных технологий до 30%.

Следующим шагом китайской экспансии будет инновационная модель развития: сначала КНР стала мировым сборочным цехом, сейчас там идет модернизация, которая в дальнейшем превратится в новый локомотив роста. Такой шаг важен для диверсификации экономики. В настоящее время Китай доминирует на рынке в качестве производителя дешевых и часто некачественных товаров, а ориентация на инновации позволит ему сделать рывок и экспортировать не только качественные товары, но и технологии. Поэтому Н. Солабуто, управляющий активами УК ФГ БКС, считает, что с учетом того что китайские власти научились создавать благоприятный климат для претворения

---

¹⁸¹ Программный документ по реформированию и развитию образовательной системы Китая. <http://russian.people.com.cn/31857/94147/95070/index.html>

своих идей в жизнь, светлое технологичное будущее Китая не за горами¹⁸². Этой же точки зрения придерживаются и авторы монографии «Научная и инновационная политика. Россия и МИР. 2011-2012», которые рассматривают современную инновационную политику сквозь призму технологической конкуренции Китая и Запада¹⁸³.

Необходимо отметить, что Китай подошел к инновационному проекту последовательно, но при этом реализовывал его форсированно, преодолевая один этап политико-экономического становления за другим.

С этой точки зрения можно выделить три этапа развития КНР с 1949 г. по настоящее время.

Первый этап (1949 – середина 1980-х гг.) характеризуется формированием политической системы «нелиберального» типа, а также активной индустриализацией и оформлением национальной экономической модели.

В условиях социалистического планового режима в Китае доминировала линейная, иерархичная модель создания инноваций, предполагавшая ведущую роль государства в процессе экономической модернизации. Правительство выступало здесь в качестве координатора, а государственные исследовательские институты играли основную роль в процессах развития. В период 1950 – начала 1980-х гг. НИИ создавались на разных административных уровнях для решения в том числе инновационных задач. При этом ведущую роль играла Китайская академия наук, которая совместно с рядом других научных центров (Пекинский университет и Синьхуа) осуществляла фундаментальные исследования. Кроме того, под эгидой отраслевых министерств была выстроена целая система промышленных НИИ, осуществлявших прикладные проекты и разработки. Далее в инновационной иерархии шли региональные государственные научные центры, которые решали более локальные задачи. Вследствие своей относительной слабости сектор высшего образования играл второстепенную роль, лишь

---

¹⁸² Королева, А. Китайские инновации / ЭКСПЕРТ online
// <http://expert.ru/2011/05/6/kitajskie-innovatsii/>

¹⁸³ Научная и инновационная политика. Россия и МИР. 2011-2012. / под ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. – М. : Наука, 2013. С. 426.

периодически ассистируя в разработках исследовательским институтам. Большинство университетов КНР в этот период концентрировались на подготовке квалифицированных кадров и научно-исследовательской деятельностью практически не занимались. Кроме того, ряд образовательных центров имели «отраслевую» привязку, т.е. они работали на потребности отдельных отраслей промышленности.

Промышленные же предприятия в принципе не участвовали в инновационном поиске, поскольку в рамках плановой модели выполняли иные функции, в основном связанные с производством и реализацией продукции.

Что же касается вывода технологических новинок и передовой продукции на рынок, то опять же в соответствии с плановым характером экономики эту функцию брало на себя государство. Основным инструментом политики служили планы экономического и научно-технологического развития на очередной год и пятилетку.

Для институтов развития существовала относительно сложная система разделения полномочий при принятии решений. Так, Государственный комитет по планированию (ныне – Государственная комиссия по развитию и реформам) отвечал за распределение производственных заказов по предприятиям и внедрение новых технологий в экономику. Министерство науки и технологий составляло научно-технологические планы.

При этом инновационные разработки во многом несли на себе печать политических приоритетов правящего класса КНР, поэтому они были ориентированы не столько на стратегические прорывы, сколько на обеспечение внутренней и внешней стабильности. Прежде всего, инновационный «точечный» поиск шел в рамках ВПК, а также в некоторых других отраслях (например, в здравоохранении, где был создан искусственный инсулин).

Конечно, подобная система не избежала традиционных издержек плановой экономики и тоталитарного руководства. В частности, предприятия ориентировались в основном на экстенсивный рост производства, практически не имея стимулов к повышению эффективности своей деятельности или увеличению

рентабельности, защита интеллектуальной собственности и авторских прав практически не осуществлялась, а результаты инновационных исследований редко доходили до реального сектора экономики.

Одновременно стоит подчеркнуть, что серьезных инновационных задач КНР в этот период не ставила, а ориентировалась на создание относительно современной промышленной технологической базы. Требовалось создать «прожиточный минимум», для того чтобы выстоять в непростой международной ситуации и создать основу для дальнейшего развития страны.

Однако по мере развития политической и экономической системы КНР, а также в связи с новыми глобальными вызовами руководству страны пришлось кардинально изменить подходы к стимулированию инноваций, при этом не отказавшись от государственного контроля и регулирования.

Второй этап (конец 1970-х – середина 2000-х гг.) связан с промышленной модернизацией КНР и встраиванием ее экономики в мировую систему разделения труда.

Третий пленум ЦК КПК по сути заложил основу для проведения реформ в Китае, которые предполагали переход от экономики советской модели к построению в стране социалистического строя, учитывающего китайскую специфику. Индикатором эффективности был провозглашен экономический рост, Коммунистическая партия Китая признала госплан и рынок средствами экономического регулирования, а не идеологическими и экономическими антиподами, разрешила многоукладность и товарный характер экономики. Тем не менее ведущие и стратегические отрасли народного хозяйства оставались под контролем государства. Претерпел трансформацию в самой КПК и механизм политического руководства. «Социализм с китайской спецификой» был провозглашен начальным этапом построения в стране социализма. Предпринятые внутри КПК трансформации сделали партию стержнем властной вертикали в стране, важнейшим органом государственного управления, признаваемым всем обществом. КПК в течение последних нескольких десятков лет удалось выстроить эффективную политическую модель, одновременно с этим восстановив

традиционный подход осуществления руководства жизнью общества – через силу авторитета, но не через авторитет силы¹⁸⁴.

При этом начинал реформы Китай в некомфортной ситуации. После смерти Мао Цзэдуна в стране наблюдалось политическое брожение, в том числе звучали требования демонтажа коммунистической системы. Не имелось глобальных союзников, которые бы протянули руку помощи в деле реформ, поскольку и с Западом, и с СССР КНР находилась фактически во враждебных отношениях. Ресурсный потенциал Китая был не слишком велик: значительная часть территории страны (59,37%) – это гористая местность, а наиболее удобные для жизнедеятельности земли составляют всего 31% всей площади.

В этой ситуации власти КНР фактически отказались от принципов пролетарского интернационализма и сделали выбор в пользу идеи «китайского единства». В частности, с призывом помочь Родине власти обратились к зарубежному китайскому этническому бизнесу (многие из предпринимателей бежали из Китая после победы коммунистов в 1949 г.), причем на небескорыстной основе – инвесторам были обещаны колоссальные льготы. Создававшиеся репатриантами предприятия на несколько лет практически полностью освобождались от налогов. Кроме того, к их услугам была невзыскательная дешевая рабочая сила, которая стоила в разы меньше, чем в Гонконге или на Тайване и привыкла к жесткой дисциплине.

Конечно, отдать страну целиком на откуп «капиталистам» правящий режим не решился, поскольку это было бы чревато серьезной политической турбулентностью и стало бы фактическим отказом от самостоятельного, «коммунистического» пути развития. Для реализации инновационного эксперимента были отведены 18 специальных экономических зон, получивших инвестиционные и налоговые льготы. Эти СЭЗ и стали фактически «точками роста» КНР и центрами притяжения иностранных инвестиций. Только за 30 лет

---

¹⁸⁴ Чудодеев, Ю.В. Россия – КНР: динамика отношений. Вызовы глобализации и перспективы сотрудничества изменения // http://www.perspektivy.info/book/rossija__knr_dinamika_otnoshenij_vyzovy_globalizacii_i_perspektivi_sotrudnichestva_2012-02-03.htm

реформ КНР привлекла в свою экономику 860 млрд долл. США прямых иностранных инвестиций. За это же время было создано 650 тыс. предприятий с иностранным участием, которые не только устранили зависимость ряда отраслей экономики от импорта, но и стали ведущими поставщиками продукции на мировой рынок. В результате Китай вышел на первые позиции по поставке высокотехнологичной машиностроительной продукции, обеспечив 500-процентный рост экспорта промышленных товаров от уровня 2002 г. Кстати, данный прогресс явился результатом и соответствующей экономической политики поддержки экспорта¹⁸⁵.

В 1982 г. принимается специальная программа инноваций в социально-экономической сфере, так называемые штурмовые планы. Результатом одного из первых таких «штурмов» стала идея создания научных парков, которые были призваны ликвидировать научно-технологическое отставание КНР от ведущих стран Запада¹⁸⁶. Первый из таких парков был организован в Шэньчжэне в 1985 г., который был расположен весьма удачно – недалеко от Гонконга, который стал источником технологий и инвестиций. Научно-технологическую поддержку парку оказали как местный университет, созданный в 1984 г., так и многие другие исследовательские и образовательные центры КНР. Место в парке предоставлялось не всем желающим, а только фирмам, обладавшим передовыми или новыми технологиями и имевшим возможности для их внедрения. Обязательными были также наличие рыночной ниши для продукции и экспортная ориентация производства. За десять лет работы парка «Шэньчжэнь» в нем было создано более 90 новых технологий и продуктов, некоторые из них стали элементами национальной научно-технической стратегии в области передовых технологий. Другие технологии, такие, как, например, китайская интегрированная компьютерная система «Чжучжэнь», портативная рентгеновская установка «Ксентон» и т.п. стали лучшими в мире.

---

¹⁸⁵ Кириллов, С. Инновации в Китае – развивать и покупать // <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/1925/>

¹⁸⁶ Инновации в строю // <http://www.kommersant.ru/doc/666549>

Одновременно в КНР начала складываться система венчурного финансирования, которая ведет свой отсчет от 1985 г. На конец 2004 г. в стране насчитывалось уже более 180 различных венчурных инвестиционных компаний, из них 90% – правительственные, 8% – иностранные, а оставшиеся 2% – совместные. Общая сумма их капиталовложений превысила 3,5 млрд долл. США¹⁸⁷.

При этом опять же «сверху» спускались для реализации целевые программы и планы. Несмотря на то что и по названию, и по директивности они вполне соответствовали различным иным «кампаниям» коммунистической эпохи, тем не менее, своей целью они имели как раз инновационное развитие КНР.

В 1986 г. началось осуществление утвержденной китайским правительством программы «Искра», целью которой являлось содействие развитию сельской экономики благодаря разработкам в сфере науки и технологий. Финансирование программы происходило путем предоставления кредитов банками, а также за счет денежных средств, собранных народными коммунарами, при дополнительной финансовой помощи государства. В 1990 г. был введен в действие государственный план приоритетного внедрения научно-технических достижений, источниками финансирования которого являлись в основном общественные средства, средства отраслей или провинций, банковские займы, инвестиции в капитал, средства самих предприятий.

Ввиду того, что форсированная модернизация Китая долгое время проводилась в жизнь без учета потребностей граждан, к середине 1990-х гг. стало ясно, что без интенсивной социальной политики инновационный проект может потерпеть поражение. В 1996 г. была принята научно-техническая программа социального развития. Она охватывала такие направления, как коммунальное хозяйство, медицинское обслуживание и санитарии, здоровье, рациональное природопользование, защиту окружающей среды, предотвращение и упреждение стихийных бедствий.

---

¹⁸⁷ Там же.

В 1998 г. руководство КНР сконцентрировало внимание на программе интеллектуального новаторства, в которую было направлено за три года около 600 млн долл. США. В том же году правительство КНР выделило около 120 млн долл. США на создание Фонда поддержки малого и среднего бизнеса, занятого в наукоемком производстве. Фонд был ориентирован на внедрение механизма венчурных инвестиций, поддержки воплощения научно-технических достижений в реальном производстве.

В марте 1986 г. была запущена программа «863», которая была ориентирована на развитие высоких технологий, чтобы в период после 2000 г. подготовить почву для обеспечения стабильного роста экономики страны. В программе в качестве приоритетных были выделены восемь областей развития: энергетика, автоматика, освоение космоса, биотехнологии, новые материалы, ИТ-технологии, лазеры, освоение Мирового океана. С конца 1990-х гг. в КНР осуществляется программа, нацеленная на содействие коммерциализации достижений в области высоких и новейших технологий, индустриализации производства товаров с применением высоких и новейших технологий и интернационализации индустрии этих технологий. Основным источником финансирования программы «Факел» являются аккумулированные общественные средства. В рамках этой программы правительство Китая участвует в финансировании только отдельных проектов. Основные направления деятельности программы:

- строительство и поддержание деятельности научных технопарков;
- создание и обеспечение функционирования технологических бизнес-инкубаторов, поддерживающих формируемые стартапы;
- финансовая поддержка предприятий малого и среднего бизнеса посредством учрежденного в 1999 г. инновационного фонда.

Под управлением центра «Факел» в КНР создано и успешно функционирует 89 национальных зон высоких технологий¹⁸⁸.

---

¹⁸⁸ Россия и Китай договорились о сотрудничестве в сфере науки и инноваций / Центр новых медицинских технологий // http://www.nptemp.ru/news_show/185

Все эти инициативы руководства КНР также можно считать вложениями в «человеческий капитал» и социальным стимулированием участия граждан в инновационных процессах.

В КНР с начала модернизации присутствовала долгосрочная стратегия развития экономики: импорт технологий, создание экспортных зон, рабочие места в сельскохозяйственных регионах, строительство городов и повышение внутреннего спроса, строительство инфраструктуры, модернизация ВПК.

Правительство КНР применило модель параллельного развития различных экономических укладов при сохранении доминирующей роли госсектора, что обеспечивалось сильным бюрократическим аппаратом, сохранившимся от периода Мао, но получившим новые ориентиры и задачи.

Наконец, третий этап (середина 2000-х – настоящее время) связан с движением Китая в инновационном направлении. Для достижения данной цели руководством Китая был выделен ряд наиболее важных вопросов: 1) построение НИС; 2) выработка и реализация политических мер, благоприятных для развития собственных инноваций; 3) создание базовой научно-технической системы.

В плане намечены приоритеты во многих отраслях, в т.ч. эффективное использование и увеличение доступности к энергетическим и гидроресурсам, развитие т.н. экологических технологий, технологий по защите прав интеллектуальной собственности. Главными направлениями на длительный срок объявлены авиакосмическая промышленность, авиация и морские технологии, биотехнологии.

На основе этого планируется создать научную базу для результативного развития китайской экономики и общества, а также для независимого научного развития. В дальнейшем Китай сможет реализовать прорыв в области инноваций, что выведет китайскую науку на новый уровень и превратит Китайскую академию наук в государственную организацию мирового уровня.

Кстати, на протяжении всех 2000-х гг. Китай активно вкладывался в науку, постоянно наращивая финансирование на данном направлении.

В частности, расходы на науку и технику в Китае за период 2000–2008 гг.

увеличились с 12,9 до 65,3 млрд долл. США, а доля НИОКР в ВВП достигла 1,52%. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что по данному показателю КНР отстает от других «сильных мира сего»: в США этот показатель составил в 2008 г. 2,68%, а в Японии и Республике Корея – более 3%¹⁸⁹. При этом в мировых расходах на НИОКР в 2009 г. КНР занимала почетное третье место (11%, 123,7 млрд долл. США), впереди были только США (35%, 389,2 млрд долл. США) и Япония (12,6%, 139,6 млрд долл. США). На состоявшемся в октябре 2007 г. XVII съезд КПК говорилось об актуальности и важности активизации процесса создания системы развития. Этот съезд выдвинул цель создания государства инновационного типа, но отметил, что успешная национальная инновационная система требует как развитых систем образования и науки, так и благоприятных институциональных условий.

Китайский экономист Ху Аньган считает, что стабильное увеличение технико-технологического уровня производства в процессе формирования национальной инновационной системы является определяющим фактором в переходе Китая от экстенсивной к интенсивной модели экономического роста. Китай, как страна «запоздалой» индустриализации, имеет т. н. преимущество отсталости, что проявляется, например, в быстром и более дешевом преодолении технического отставания от развитых стран за счет импорта их технологий и развития на их основе своих НИОКР. В Китае можно назвать три источника технологических инноваций:

1. Прямые иностранные инвестиции – получение и освоение зарубежной техники и технологий.
2. Импорт новых зарубежных технологий, в т.ч. авторских прав и высокотехнологичных средств производства.
3. Национальные технологические инновации, которые получены за счет увеличения расходов на НИОКР¹⁹⁰.

---

¹⁸⁹ Министерство науки и технологий КНР / Официальный Интернет-портал // www.most.gov.cn

¹⁹⁰ Авдокушин, Е.Ф. «Новая экономика» и формирование национальной инновационной системы Китая // Вопросы новой экономики. – 2010. – № 1. – С. 30.

К перечисленным источникам можно отнести и промышленный шпионаж, который КНР не афиширует, но активно практикует во внешней среде. Еще в середине 1980-х гг., когда Дэн Сяопин выбирал стратегию китайских реформ, Министерство государственной безопасности КНР представило ему на рассмотрение программу извлечения финансовых ресурсов и добычи передовых технологий средствами внешней разведки. При этом лидер КНР не просто одобрил предложения, но и принял стратегическое решение о приоритетном финансировании и укреплении МГБ как инструмента обеспечения реформаторского курса в Китае.

В частности, экономической и научно технической разведкой занимались (и занимаются) как подразделения МГБ, так и структуры Разведывательного управления Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая, а также спецотделы КПК. На них работали не только штатные сотрудники и иностранная агентура, но практически все частные компании, ведущие бизнес с иностранными партнерами. И с течением времени главенствующую роль в подъеме китайской экономики стала играть не классическая экономическая разведка, осуществляемая уполномоченными на это государственными структурами, а промышленный шпионаж – разведка, осуществляемая частными компаниями и пользующаяся поддержкой тех самых госструктур.

Примечательно, что ныне в КНР легально действует Общество деловой разведки Китая. Это профессиональная государственная ассоциация практиков и исследователей в сфере деловой разведки, официальными целями которой являются: защита законных прав практиков и исследователей в сфере деловой разведки; организация общения и обмена опытом среди исследователей теории деловой разведки и практиков; распространение знаний в области деловой разведки внутри общества; развитие международного сотрудничества и коммуникаций по специальности; придание консалтинговым услугам деловой разведки профессионального статуса. В Общество деловой разведки Китая входят как порядка 350 индивидуальных членов, так и более 100 организаций, в том числе НИИ научно-технической информации КНР, Государственный

информационный центр, Всекитайская ассоциация предпринимательства и менеджмента, Китайский международный совет содействия торговле, Всекитайское агентство новостей, Пекинский университет, Северный научно-исследовательский институт научно-технической информации, Китайская международная инженерно-консалтинговая корпорация, Китайская консалтинговая корпорация международной торговли, Шанхайский НИИ научно-технической информации и т.д.¹⁹¹ Как бы то ни было, но уже сейчас по базовым параметрам, определяющим развитие науки и техники, КНР вышла на передовые позиции, что обеспечивает ей национальный суверенитет и стабильный рост конкурентоспособности. При этом экономический рост и инновационное развитие «парадоксально» не только не сдерживаются авторитарным характером политического режима, но в некотором плане даже обусловлены его наличием. Дело в том, что в условиях патерналистской политической культуры китайского общества лишь жесткая власть может проводить в жизнь непопулярные реформы, обеспечивать стабильность и мобилизовывать население для достижения «инновационного прорыва». В целом же модель экономического роста в Китае основывается на определяющей роли государства в обеспечении рыночной конъюнктуры, макроэкономическом регулировании, централизованном распределении ресурсов, очень рациональному отношению к иностранным инвестициям (на технологическую модернизацию, увеличение экспорта, приумножение валютных резервов), экспортной ориентации экономики.

Кроме того, нельзя не отметить, что руководство КНР, несмотря на сохранение коммунистического режима, сумело модернизировать его весьма гибко. При этом, как считает известный синолог А.В. Виноградов, европейские страны затратили на процесс перехода в современное общество естественно-историческим путем несколько поколений, изменяя при этом традиционные ценности по мере адаптации к новым условиям. Китаю же, напротив, удалось их в значительной мере сохранить. Европейская техногенная традиция, по мнению

---

¹⁹¹ Промышленный шпионаж: тайная сторона китайской модернизации // <http://gidepark.ru/user/3548645175/content/793815>

исследователя, которую традиционная культура создать не могла, была воплощена социализмом, а вот европейский индивидуализм Китай не принял. Признавая при этом взаимосвязь, существующую между отсталостью в материально-техническом плане и традициями культуры, которые препятствовали возникновению динамичного народного хозяйства, новых орудий труда и производственных отношений, Китай поместил различия между капитализмом и социализмом в культурную сферу, подвергнув критике чисто экономический подход к характеру общественных отношений¹⁹².

Одновременно инновационное развитие стимулируется чисто рыночными реформами. В связи с этим можно отметить профильные налоговые преференции – льготы по налогу на прибыль (для резидентов и компаний с долей иностранного капитала), по НДС, по НДФЛ (для индивидуальных предпринимателей), налоговые кредиты.

После того как были приняты «Основы государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006–2020 годы», спектр налоговых льгот в КНР существенно расширился: за образец был принят опыт США и Южной Кореи. Особо гибкой является система налогообложения прибыли. Компаниям со 100-процентным иностранным участием в Китае предоставляется освобождение от налога на прибыль с момента начала их деятельности как минимум на два года. В течение последующих трех лет компания платит данный налог по льготной ставке (16,5% от прибыли). В северо-западных областях КНР (Ганьсу, Синьцзян) иностранные компании вообще освобождают от налога на прибыль на срок до восьми лет.

Для стимулирования инновационной деятельности применяется еще один важный инструмент – особые экономические зоны, в КНР их насчитывается несколько видов:

1. свободные торговые зоны – порты вместе с прилежащими к ним территориями вдоль восточного побережья страны, основной

---

¹⁹² Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М.: НОФМО, 2008. С. 329.

деятельностью которых является экспорт и хранение грузов. Особенностью экономических зон этого типа является отсутствие пошлин на экспорт и импорт товаров и услуг и совершение платежей, как в национальной, так и в иностранной валюте. Ставка налога на прибыль предприятий в них снижена до 15%;

2. специальные экономические зоны – города на юге Китая: Хайнань, Шэньчжэнь, Сямень, Чжухай. Эти города имеют право на принятие собственных нормативных актов по вопросам экономики. Так же, как и в свободных торговых зонах, ставка налога на прибыль в них снижена до 15%;
3. открытые города – местные власти этой зоны также имеют право самостоятельно принимать свои правила по вопросам ведения бизнеса. Целью создания открытых городов является развитие и внедрение новых технологий. Внутри них находятся зоны развития высоких технологий, которые обычно создаются на базе крупных университетов. Зоны развития высоких технологий курируются Министерством науки и технологий Китая. Ставка налога на прибыль составляет 15%;
4. зоны развития экономики и техники – города в северных районах КНР. Местные власти имеют право регулировать собственные проекты, если их стоимость не превышает 30 млн долл. США. Размер ставки налога на прибыль составляет 15% для долгосрочных капиталовложений (сроком более 10 лет) и 24% – для капиталовложений сроком менее 10 лет;
5. частные инвестиционные зоны – совместные проекты китайских и иностранных фирм, предусматривающие предоставление в аренду крупных земельных участков. Китайское законодательство предъявляет к иностранным предприятиям, желающим организовать частную инвестиционную зону, следующие требования:
  - использование передовых технологий и оборудования;
  - налаживание производства новых видов продукции, в т.ч. импортозамещающей;

- применение энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий;
- налаживание производства продукции, аналогичной импортируемой в КНР¹⁹³.

На начальном этапе развития инновационного сектора экономики КНР (1980-е гг.) особые экономические зоны сыграли положительную роль в развитии инновационного сектора. Однако впоследствии (конец XX – начало XXI в.) все чаще стали возникать диспропорции в экономическом развитии отдельных территорий КНР, участились случаи злоупотреблений налоговыми льготами и преференциями, возросла коррупция, что потребовало пересмотра принципов налогового регулирования инновационной деятельности КНР и постепенного перехода от территориально ориентированного предоставления налоговых льгот к целевому, ориентированному на хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в инновационном секторе, независимо от места регистрации и деятельности на территории КНР.

В целом Китай демонстрирует впечатляющие результаты в модели инновационного развития. Согласно статистике МВФ в 2010 г. по показателю ВВП КНР обошла Страну восходящего солнца (почти 5,9 трлн долл. США против 5,5 трлн долл. США), став второй в мире (после Америки, 14,7 трлн долл. США) (Таблица 8). Кроме того, Китай находится на первом месте по объемам золотовалютных резервов (3 трлн долл. США), за ним следуют Япония (1,14 трлн долл. США) и РФ (521 млрд долл. США). Еще в 2009 г. Китай (1,2 трлн долл. США) вышел на 1-е место в мире и по объему экспорта (ФРГ – 1,12 трлн долл., США – 1,05 трлн долл.) (Таблица 10) и на 2-е по импорту – 1 трлн долл. (США – 1,6 трлн долл., ФРГ – 938 млрд долл.) (Таблица 11).

Тем не менее, у официальных данных по ВВП КНР есть некая «субъективная изнанка».

Во-первых, экономика Китая при расчетах ВВП по паритету покупательной способности (ППС) уже с середины 1990-х гг. по общим масштабам находится на

---

¹⁹³ Налоговая система Китая: налоги для иностранных предприятий // <http://btimes.ru/finansy/nalogovaya-sistema-kitaya-nalogi-dlya-inostrannykh-predpriyatii>

втором месте в мире (в настоящее время приблизительно 55% от экономики США, Таблица 9). Здесь необходимо заметить, что все прогнозы, где говорится о том, что КНР по абсолютным размерам экономики приблизительно к 2015–2020 гг. выйдет на уровень США, основываются именно на показателе ВВП по ППС.

Во-вторых, когда в 1992–1993 гг. валютный фонд и Мировой банк выдвинули КНР на ведущие позиции в мире на основании расчетов ВВП стран мира по ППС национальных валют, в самом Китае эту информацию встретили сдержанно, т.к. страна была не готова к жесткой конкурентной борьбе с США и не хотела испортить отношения с глобальным лидером. Напрямую об этом не говорилось, просто с экономических позиций подверглись критическому анализу недочеты показателя ВВП по ППС. Кроме технических претензий, одним из главных аргументов против применения показателя ВВП по ППС для анализа китайской экономики был следующий: данный показатель автоматически приравнивает все произведенные в стране товары и услуги к товарам и услугам, которые прошли сквозь «горнило» купли-продажи на мировом рынке, чем завышаются качество и степень международной конкурентоспособности, а значит, и стоимость всей продукции, произведенной в Китае, хотя бóльшая ее часть этого не заслуживает. В какой-то степени подобные претензии актуальны и сегодня.

В-третьих, использование показателя ВВП по ППС по сравнению с показателем ВВП по официальному курсу нацвалют к доллару сильно увеличивает объемы и доли в мировой экономике менее развитых стран, где относительно низкий уровень цен объясняется невысокими уровнями доходов и покупательной способности населения. Это практически в равной степени верно и для Китая, и для России, поэтому соотношение их ВВП, рассчитанных по ППС и по официальным курсам нацвалют к доллару США, отличаются мало, так, в 2001 г. в первом случае оно составило 3,97 и во втором – 3,74.

Также явный прогресс в последнее время можно видеть в КНР в экспортной деятельности. За первых десять лет XXI в. (до 2011 г.) экспорт КНР рос

приблизительно на 30% в год (в долл. США), т.е. в 2 раза быстрее, чем вся мировая торговля. Динамика экспорта и импорта Китая увеличились после его вступления 11 декабря 2001 г. в ВТО. В мировом экспорте товаров доля Китая равна приблизительно 5,9%, в мировом импорте товаров – 5,3%, немного ниже доля КНР в мировой торговле услугами (Таблица 12).

Справедливости ради, стоит сказать, что структура китайского экспорта пока не является по своему характеру «инновационной». Однако здесь следует учитывать специфику политической системы КНР, которая является относительно закрытой и внутренне мобилизационной. Следовательно, она стремится скорее к закрытости и «персональному» использованию своих достижений, чем к их выводу на внешние рынки. Основные торговые партнеры Китая представлены в Таблице 13.

В 2011 г. ситуация практически не изменилась, только указанные выше экономические партнеры Китая расположились в следующем порядке: ЕС, США, Гонконг, АСЕАН, Япония, Республика Корея, Индия, Россия, Тайвань.

Хотим отметить, что в стратегии развития экономики КНР на среднесрочную перспективу предусмотрено «облагораживание» структуры народного хозяйства при значительном увеличении в нем сектора высокотехнологичных, перерабатывающих, наукоемких отраслей. Взят курс на то, чтобы среднегодовые темпы прироста продукции перерабатывающей промышленности на 1% были выше темпов прироста ВВП, темпы прироста в машиностроении были тоже на 1% выше, чем в перерабатывающих отраслях в целом. Вклад Китая в 2002 г. в мировой прирост продукции перерабатывающих отраслей составил 29% при том, что доля страны в мировой переработке равнялась приблизительно 5%. Поэтому превращение КНР в «мировую фабрику» становится все более вероятным и будет сопровождаться проникновением китайских товаров и услуг на новые этажи и ниши мирового хозяйства. Эксперты полагают, что в ближайшее время зоной китайского «прорыва» станут биотехнологии, а также судо- и автомобилестроение. Согласно стратегии развития китайской экономики на 2006–2020 гг. биотехнологиям отводится ведущая роль, после нее идут

информационные технологии и технологии новых материалов. Это обусловлено тем, что в самой крупной развивающейся стране мира существует проблема дефицита ископаемых и энергетических ресурсов, а также остро стоят вопросы загрязнения окружающей среды. Зависимость Китая от импорта составляет 47% и ежегодно туда импортируется 160 млн тонн нефти.

В Китае функционирует 20 биотехнологических парков. Сектор биотехнологии играет ключевую роль в Китайской академии наук. Фармацевтической биотехнологией в Китае занимаются 300 компаний, освоено промышленное производство 21 препарата и вакцин. Китай разрабатывает новые медицинские лекарства, каждый 5-й препарат – новый. Средняя продолжительность жизни в Китае выросла почти в два раза за 60 лет. Широко распространена сельскохозяйственная биотехнология, благодаря которой, в частности, ежегодно дополнительно снимается урожай в 350 млрд кг риса, выведен сорт хлопка, который противостоит болезням, что привело к увеличению дохода от хлопка на 2,4 млрд долл. США ежегодно.

Особое внимание Китай уделяет промышленной биотехнологии, которая во многом содействует медицине, в том числе с учетом результатов расшифровки генома, и производит глютаминовую и лимонную кислоты, витамин С, пиво и многое другое. В этой отрасли работают более 1,5 тыс компаний, сбыт их предприятий превышает 21,2 млрд долл. США. Порядка 20% общего промышленного продукта приходится на эти предприятия, которые довольно стремительно растут: промышленный рост превышает 10% в год.

26 марта 2010 г. отраслевой портал bionity.com сообщил о том, что Китай занял 5-е место среди мировых «биотехнологических держав» – после США, Великобритании, Германии и Австралии. По мнению аналитиков, государственное стимулирование, невысокие расходы по заработной плате и высокообразованный персонал привели к появлению большого количества

небольших инновационных биотехнологических фирм, которые и «приподняли» КНР в данной области¹⁹⁴.

Правильность стратегии развития, избранной Китаем, получает подтверждение в виде постоянного роста доли затрат на НИОКР. В 2013 г. по существующим оценкам страна потратила на научные исследования и разработки 220,2 млрд долл. США, или 1,65% ВВП (в 2012 г. – 197,3 млрд долл. США). КНР в настоящее время прочно занимает второе место в мире по расходам на НИОКР, потеснив в 2010–2011 гг. Японию которая в 2013 году истратила на НИОКР 161,8 млрд долл. США, или 3,48% ВВП (в 2012 г. – 159,9 млрд долл. США). Доля азиатских стран в общемировых затратах на НИОКР продолжает увеличиваться. Такая тенденция впервые появилась примерно 10 лет назад, в первую очередь, из-за того, что Китай наращивает и продолжает наращивать расходы на науку в среднем на 10% в год. Ежегодно растет доля наукоемкого экспорта.

Правительство КНР удалось убедить компании Microsoft и Google создать научно-исследовательские центры в Китае. По всей стране были построены комплексы научных парков в надежде на появление китайской Силиконовой долины. Например, в Пекине в научном парке «Чжонггуанчун» находятся тысячи высокотехнологичных предприятий.

Китайские образовательные учреждения также включены в программу инновационных разработок. У НИИ и университетов Китая есть право создания и технопарков, и инновационных предприятий. Фирма «Фаундер Групп», занимающая второе место в стране по объемам поставок компьютеров, была создана за счет средств Пекинского университета. Стремительный рост продаж фирмы был обусловлен инновационной разработкой Вана Сюана по набору иероглифических символов с помощью лазерного луча¹⁹⁵.

Ежегодно растут масштабы международного сотрудничества в сфере академических обменов. В конце 1970-х гг. китайской молодежи был разрешен

---

¹⁹⁴ Китай вышел на 5 место по развитию биотехнологий в мире // <http://gccnews.ru/Rus/Pharmaceuticals/?ID=78319>

¹⁹⁵ Инновационные системы стран БРИК // <http://www.sibai.ru/innovacionnyie-sistemyi-stran-brik-kitaj.html>

выезд за рубеж с целью получения образования. Начиная с того момента и до 2011 г. общая численность выезжавших с образовательными целями превысила 220 млн человек. Количество граждан, выехавших на обучение в 2011 г. более чем в сто с лишним раз превысила аналогичный показатель 1990 г.: 340 тыс против 3 тыс человек соответственно. По абсолютной численности студентов, обучающихся за рубежом, КНР занимает в мире лидирующие позиции. При этом наблюдаются два основных тренда: ежегодный рост числа выезжающих для получения образования и постоянное снижение возрастной планки, означающее что китайцы едут за границу уже не только за высшим, но и за средним образованием.

При этом руководство КНР не опасается «утечки мозгов» (как показывает опыт, возвращается лишь пятая часть уехавших), поскольку китайский менталитет предполагает патриотизм по отношению к «исторической Родине». И в этом плане китайские студенты, аспиранты, ученые, «оседающие» за рубежом, – чаще всего не «потерянное поколение», а, напротив, «агенты влияния» Поднебесной в иностранных государствах, которые не только делают персональную карьеру, но стремятся всячески помочь лоббировать интересы КНР.

Во многих вузах, особенно ведущих, в настоящее время действует схема обучения «2+2» и «3+2», когда первые два-три года студенты бакалавриата учатся в китайском университете, а затем продолжают свое обучение в университетах других стран. Например, в Столичном университете экономики и бизнеса (г. Пекин) есть специальное подразделение – Колледж обучения в КНР и за рубежом, в котором студенты двух специальностей, «Экономика и бизнес» и «Информационные технологии», обучаются первые два года на базе колледжа, а затем продолжают учебу в университетах США, Великобритании и Австралии. Уже на первых курсах колледжа студентов частично обучают преподаватели из вышеуказанных и других англоязычных стран для облегчения процесса адаптации к обучению за рубежом.

С 1994 г. в КНР были инициированы государственные программы по репатриации высококвалифицированных специалистов – этнических китайцев. Различия между программами заключались в возрасте и квалификационных требованиях к ученому, продолжительности нахождения за границей, конкретному полученному трудовому опыту.

Таким образом, несмотря на то, что у многих, в том числе, представителей интеллектуального сообщества, КНР зачастую отождествляется с достаточно «дремучей» и необразованной страной, нужно констатировать, что в области развития образования, так необходимого для подготовки инновационных кадров, Китай продвинулся далеко. В этом плане примечательны «путевые впечатления» одного из видных российских экспертов О. Матвейчева: «Китайское образование – это особая тема. Когда видишь столько людей, занимающихся низко квалифицированной работой, то приходит на ум одно: они все необразованные. И это ошибка. Образование в Китае бесплатное. И по заверению самих китайцев и здешних русских – лучше, чем в России и Европе. Китайский школьник легко поступает в любой университет мира. И, наоборот, в китайских вузах все иностранцы-двоечники. У китайцев обучается по пятьдесят человек в классе. Тут не до баловства и «индивидуального подхода». Жесткие стандарты и жесткие требования. Очень большая нагрузка. Кто не выдерживает, становится троечником, уровень которого все равно выше уровня американского отличника, кто выдерживает, тот уходит в высшие сферы, в руководство, в топ-менеджмент великой корпорации «Китай»¹⁹⁶.

И, конечно, нужно отметить достижения КНР в области обороны страны, особенно в области создания новых систем вооружений. Как уже говорилось ранее, китайское руководство весьма трепетно относится к любым попыткам ущемить свой суверенитет, поэтому стремится подстраховать свою политическую и экономическую систему силовым фактором. И если ранее Китай предпочитал политику копирования наиболее современных зарубежных образцов вооружений (в связи с чем многие государства, в том числе и Россия, в итоге отказались

---

¹⁹⁶ Матвейчев, О.А. Китай. На стыке тысячелетий. – М.: Звездная лига, 2004. С. 17-18.

поставлять КНР новинки своего ВПК), то ныне он самостоятельно создает самое передовое оружие. Показательна в этом плане военно-космическая отрасль, в которой Пекин является главным конкурентом США. В 2006 году в рамках доклада Конгрессу США Пентагон сделал заявление о наличии у КНР помимо современных межконтинентальных ракет, мощных лазерных установок, позволяющих ослеплять и уничтожать космические летательные аппараты. С помощью оптического локатора китайцы уже четырежды облучали американские спутники. Похожая система была испытана в СССР в 1984 г. – с помощью лазерной установки в Сары-Шаргане был направлен лазерный луч на американский шаттл. Энергией лазера можно не только уничтожить (оплавить) спутник, но и вывести из строя его навигационную и радиотехническую систему путем ослепления, что из всех космических держав наибольшую угрозу представляет для США. Дело в том, что космическая разведка США организована за счет четырех спутников типа «Ки Хоул», оборудованных высокотехнологичной оптикой.

Следует отметить, что в своих стратегических разработках китайская сторона продолжает военно-космические исследования, начатые еще Советским Союзом. Спутники-ликвидаторы, лазеры производились в СССР практически до рубежа 1990-х гг. НПО «Астрофизика» на тот момент почти завершило разработку орбитального боевого корабля, оснащенного лазерным оружием, получившего название «Скиф-Д». В планы Советского Союза входило также начать выпускать мини-спутники боевого назначения, а также формировать специализированные авиаэскадрильи, оборудованные противоспутниковыми ракетами. После развала Советского Союза производственная кооперация распалась, а разработки были заморожены. Что же касается Китая, то он как раз весьма успешно работает на данном инновационном военно-космическом направлении.

Еще одним, может быть, не столь очевидным, но важным достижением современной китайской модели можно считать создание «групп поддержки» и лоббизма за пределами страны. Во-первых, речь идет об активной работе с

китайскими диаспорами, которые становятся форпостами «Поднебесной» в иных политических, экономических и культурных средах.

Китайская диаспора была и остается главным орудием распространения влияния КНР за рубежом. Этому способствует то обстоятельство, что китайцы, проживающие за границей, полностью никогда не ассимилируются и, более того, продолжают ощущать себя представителями «исторической Родины», которой всегда готовы помочь как политически, так и экономически. Это чувство исторической национальной общности является мощнейшим стимулом и в большинстве случаев лежит в основе сотрудничества иностранных китайцев (так называемых хуацяо) с разведслужбами КНР, тем более, что зачастую само это сотрудничество на практике осуществляется не с «рыцарями плаща и кинжала» как таковыми, а формально с китайскими бизнесменами, и выглядит это как помощь (причем зачастую небезвозмездная) китайской фирме в получении секретов иностранной компании или в лоббировании национальных китайских интересов¹⁹⁷.

Нередко «зарубежные китайцы» добиваются статусных позиций, что в разы усиливает их лоббистские возможности. Так, по некоторым данным, избранный в конце 1996 г. главой администрации Гонконга владелец судоходной фирмы «Ориент оверсиз интернейшнл» Тун Чжихуа работал на МГБ КНР, при этом занимаясь активной бизнес-деятельностью. В частности, он обеспечивал торговлю между материковым Китаем и Тайванем, поскольку его суда, зарегистрированные в Гонконге (в ту пору являвшемся еще британской колонией), могли заходить в порты обеих сторон. Примечательно, что именно Тун Чжихуа обеспечил мирное и безболезненное воссоединение Гонконга с КНР¹⁹⁸.

Даже на территории своего «вероятного противника» США КНР имеет мощные лоббистские и разведывательные возможности. К настоящему времени численность китайской диаспоры в Америке превышает 1,3 млн человек,

---

¹⁹⁷ Промышленный шпионаж: тайная сторона китайской модернизации // <http://guidepark.ru/user/3548645175/content/793815>

¹⁹⁸ См., например: Китайские спецслужбы // <http://www.agentura.ru/dossier/china/>

основная часть ее сосредоточена на Тихоокеанском побережье, где китайские спецслужбы имеют настолько сильные оперативные позиции, что их американские коллеги не способны контролировать активность китайцев в Лос-Анджелесе, Хьюстоне, Сиэтле и Сан-Франциско. Показательным стал факт избрания Ло Цзяхуэя на пост губернатора штата Вашингтон, столица которого – г. Сиэтл – представляет собой двери эмиграции китайцев в США¹⁹⁹. Кроме того, при согласованной активности китайского бизнеса и спецслужб китайское лобби в Америке содействует расширению за счет эмиграции диаспоры китайцев, продвигает на рынок дешевые китайские товары, проводит разведку передовых инновационных технологий для китайской индустрии, проникает в правоохранительные, информационные, банковские и государственные структуры.²⁰⁰

Во-вторых, можно говорить о целенаправленной политике китайского руководства в плане покупки лояльности стран «третьего мира» (за счет развития торгового сотрудничества, инвестиций, гуманитарной помощи, политической поддержки и пр.). Все это позволяет не просто создавать инновации, но и продвигать их на мировых рынках, а также с успехом презентовать свою модель «китайского экономического чуда». По мнению российского исследователя В.В. Михеева, «Китай превратился в мощный полюс мировой экономики и теперь нацеливается на лидерство в мировой политике»²⁰¹. При этом немаловажным обстоятельством в претензиях КНР на лидерство среди стран «третьего мира» является экономический, финансовый и инновационный фактор. Сейчас отношения Китая со своими «незападными» партнерами вступили в новую стадию. Если раньше основу китайского экспорта составляли дешевые товары массового спроса, то сейчас в нем быстро растет доля промышленного оборудования, сложной бытовой техники и транспортных средств с высокой

---

¹⁹⁹ Примечательно, что в настоящее время Ло Цзяхуэй (он же Гэри Локк) является послом США в Китае.

²⁰⁰ Роль Китая и его спецслужб в формировании новой мировой геостратегической ситуации // http://asiapacific.narod.ru/countries/china/rol_kitaya_i_ego_spessluzb.htm

²⁰¹ Михеев, В.В. Роль Китая в глобализирующемся мире // Отечественные записки. – 2003. – № 8. – С. 46.

добавленной стоимостью и степенью обработки. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется на латиноамериканском рынке²⁰² (в отличие, скажем, от африканского, нуждающегося в более «простой» продукции): Китай уже в состоянии предложить развивающимся странам не только машины и оборудование кондиционного и высокого качества, причем, по ценам ниже, чем у конкурентов, но и обеспечить адекватное банковское сопровождение соответствующих бизнес-сегментов²⁰³. В частности, значительно расширяется практика предоставления связанных кредитов. Два крупных китайских банка подписали с бразильской компанией Vale, разрабатывающей гигантское железорудное месторождение Карахас в долине Амазонки, договор о предоставлении этой компании кредита в 1,23 млрд долл. США, который будет направлен на закупку в КНР 12 большегрузных судов для перевозки железной руды из Бразилии на сталелитейные заводы восточного побережья Китая²⁰⁴.

Растет число китайских экономических акторов, находящихся в «третьем мире» сферы приложения финансово-инвестиционного, а главное – производительного капитала. И это еще одна новая черта поведения Пекина в отношении развивающихся стран. Новый цикл экономического сотрудничества Пекина с «третьим миром» выражается и в расширении китайского инвестирования в инфраструктуру и промышленность развивающихся государств, что стало возможным благодаря быстрому росту экономики КНР и появлению у нее избыточного капитала, а также компаний-производителей, способных выйти за рубеж.

Тем не менее, у КНР, несмотря на высокие темпы экономического роста и инновационных показателей, имеется ряд существенных (объективных и субъективных) проблем.

---

²⁰² Яковлев, П.П. Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=67279>

²⁰³ Дайер, Дж. Мировая экономика: Китайский цикл // <http://www.assessor.ru/forum/index.php?t=1250>

²⁰⁴ Дайер, Дж. Мировая экономика: Китайский цикл // <http://www.assessor.ru/forum/index.php?t=1250>

Во-первых, инновации в большей степени работают на китайское государство, чем на самих граждан, уровень жизни которых до сих пор в большинстве случаев не достиг показателей процветания. По номинальному душевому доходу (4382 долл. США) в 2010 г. КНР находилась лишь на 94 месте в мире. Одновременно КНР чрезвычайно зависит от экономического роста и любое его замедление чревато резким всплеском безработицы. Практика показывает, что снижение экономического роста в КНР на 1% эквивалентно росту числа безработных на 4 млн человек. Вместе с тем, данный показатель с 1985 г., хотя и относительно небольшими темпами, но постоянно рос. На тот момент был зафиксирован минимальный за последние четверть века уровень безработицы – 1,8%. В первое десятилетие 2000-х гг. он составлял порядка 4-4,3%, что является вполне допустимым для рыночной экономики²⁰⁵. Однако достаточно высокая численность безработных и не полностью занятых жителей в сочетании с ежегодным приростом на 10–12 млн человек численности трудоспособного населения очевидно является фактором, провоцирующим политическую нестабильность. В итоге государство вынуждено создавать миллионы новых рабочих мест для нейтрализации угрозы социальных потрясений. Конечно, пока такого рода проблемы не создают «критической массы» и не способны поколебать основы современной китайской государственности (особенно при «подданнической» ориентации большинства населения), однако в перспективе возможно возникновение серьезных конфликтов. Более того, против такой модели инновационного развития играет распространение «гедонистических» и «материалистических» идеалов среди китайской молодежи, а также сохранение идеологически не вполне актуальной коммунистической «надстройки». Справедливости ради надо отметить, что при всех этих перекосах, жизнь рядового китайца все же постепенно улучшается, причем этому даже не сумел помешать глобальный финансовый кризис 2008–2010 гг.

---

²⁰⁵ Index Mundi. China Unemployment Rate: http://www.indexmundi.com/china/unemployment_rate.html

Во-вторых, бурное инновационное развитие КНР требует регулярной «подпитки», причем не только креативными проектами и новыми технологиями, но и «банальными» энергоносителями. В последнее время в Китае ощущается энергетический дефицит, поэтому руководство страны стремится найти дополнительные источники поставок сырья, прежде всего углеводородного.

По данным китайских экспертов, из 45 самых необходимых видов минеральных ресурсов потребности Китая могут быть удовлетворены за свой счет: в 2010 г. по 21 виду, 2020 г. – только по 6 (в 2004 г. КНР импортировала 122,7 млн т сырой нефти, 26,3 млн куб м древесины, 208 млн т железной руды). По некоторым оценкам, в 2020 г. Китай придется импортировать 150–200 млн т нефти.

Решение данного комплекса задач потребовало модифицировать стратегию развития внешнеэкономических связей Китая в последние годы. В 2000 г. Китаем была провозглашена концепция выхода национальных производителей на внешние рынки, т.е. за пределы страны. Если в предшествующие 20 лет локомотивами экспортно-ориентированного развития выступали государственные структуры, которые специализировались на внешней торговле, то сейчас движущей силой экспортного прорыва Китая должны стать сами промышленные предприятия и компании разных форм собственности.

Приведем свежие цифры: в прогнозе Международного энергетического агентства говорится, что Китай уже к 2013 г. займет третье место в мире по потреблению газа после США и России. В ближайшие пять лет спрос на газ в Китае возрастет более чем в два раза, – со 130 млрд куб м в 2011 г. до 273 млрд куб м в 2017 г.²⁰⁶

В-третьих, еще более острыми представляются «перекосы» в развитии города и деревни. В ходе реформ вложения в аграрный сектор оказались несоразмерно малыми по сравнению с огромными инвестициями в городе. Научно-технический прогресс до сих пор практически не коснулся китайского села. Более того, в

---

²⁰⁶ IEA report sees bright future for natural gas over next 5 years // <http://www.iea.org/newsroomandevents/pressreleases/2012/june/name,27383,en.html>

отдельные периоды можно было наблюдать явную нехватку объемов производства зерна внутри страны, в связи с чем возникавший дефицит Китай вынужден был ликвидировать за счет импорта²⁰⁷.

В-четвертых, важной особенностью экономического развития страны является достаточная низкая деловая активность на внутреннем рынке. Модель потребительского поведения населения исторически предполагает накопление и сбережение, особенно в условиях наблюдающейся коммерциализации жизни в КНР. Хотя в последние годы положение дел начало меняться, но до сих пор спрос потребительский сильно уступает спросу инвестиционному, что, в свою очередь, может негативно отразиться и на динамике инновационных процессов.

В-пятых, критическим для инновационного развития являются источники привлечения инвестиций. Обследование инновационной деятельности КНР, проведенное специалистами ОЭСР в конце 2007 г, одним из выводов показало, что существующие механизмы привлечения инвестиций не в полной мере удовлетворяют потребности экономики. По данным исследования за счет инвестиций из-за рубежа (включая Тайвань, Макао и Гонконг) в настоящее время проводится как минимум одна пятая часть всех НИОКР в КНР, главным образом в сферах информационных технологий, биотехнологий и фармакологии. Принимая во внимание скорость, с которой в крупных зарубежных фирмах появляются научно-исследовательские подразделения, обозначенное Планом развития страны до 2020 г. требование делать ставку на национальные инновации, как фундамент народного хозяйства, становится больше рекомендацией, нежели соответствует существующему положению дел. К тому же китайские предприятия испытывают настоящий кадровый голод, в стране не хватает высококвалифицированных кадров, которые способны эффективно проводить НИОКР и использовать на практике результаты исследований. Кадровый голод объясняется недостаточными вложениями бизнеса в образование и обучение работников, а также тем, что госпредприятия обладают меньшими, чем иностранные, возможностями привлекать высококлассных менеджеров и

---

²⁰⁷ Чудодеев Ю.В. Указ соч.

талантливых исследователей. Китайская экономика еще сильно зависит от импорта технологий.

В-шестых, отсутствие в достаточном количестве квалифицированных образованных кадров также мешает форсированному инновационному развитию. КНР существенно отстала в уровне развития фундаментальных научных исследований. Для населения страны характерен в целом низкий уровень культуры и образования. Высшее образование имеют сегодня только лишь 3% населения. Однако в абсолютном выражении это примерно 40 млн человек²⁰⁸. Тем не менее, ежегодно этот показатель растет, хотя и не слишком высокими темпами²⁰⁹.

В-седьмых, при относительно эффективном государственном руководстве инновационным процессом, тем не менее, «этатистский» характер реформ создает и определенные трудности. У госпредприятий слишком слабы стимулы к инновациям, а государственные коммерческие банки не стремятся оказывать кредитную поддержку малому и среднему бизнесу, в т.ч. инновационной деятельности и тем более венчурной активности.

Что же касается экспертной оценки инновационного развития Китая, то здесь мнения расходятся.

Российские специалисты в своем большинстве весьма высоко оценивают достижения КНР в области форсированной модернизации и инновационного развития (особенно на контрасте с перестройкой М. Горбачева и радикальными экономическими реформами Б. Ельцина). Примечательно, что о «китайском чуде» весьма комплиментарно отозвался даже один из идеологов перестройки в СССР Ф. Бурлацкий. В частности, в своей статье в газете «Известия» в 2003 г. он отметил, что модели реформ в России и в КНР были прямо противоположны, причем в КНР реформы происходили снизу вверх – начиная с мелкого производства и заканчивая в итоге крупными финансовыми преобразованиями в

---

²⁰⁸ Михеев, В.В. Роль Китая в глобализирующемся мире // Отечественные записки. – 2003. – № 8. – С. 48.

²⁰⁹ Борисова, А. Экзамены в Китае – единые и тестовые // http://www.gazeta.ru/science/2012/05/31_a_4607705.shtml

масштабе страны. В России реформа осуществлялась, согласно Ф. Бурлацкому, сверху вниз, начавшись с «шоковой терапии» Е. Гайдара и приватизации наиболее привлекательных с экономической точки зрения активов. Одновременно с этим доля малого и среднего бизнеса осталась на уровне 20–30 %. Если Китай был ориентирован на экономическую трансформацию – рост промышленного производства (ежегодно на 9%), то Россия ставила себе задачей создание новой политической элиты из числа бывших функционеров и недопущение возврата к социализму путем формирования крупных монополий. За все время реформ уровень промышленного производства так и не достиг дореформенного значения 20-летней давности, а реальные доходы населения сократились в 2-3 раза²¹⁰. При этом в выводах по итогам проведенного анализа ощущается определенная доля растерянности эксперта, который традиционно тяготел к либеральным ценностям: вопреки всем теориям либеральной демократии («конец истории» Ф. Фукуямы и пр.), «тоталитарный Китай» не только не потерпел крах, но и достиг статуса одного из ведущих государств мира.

Западные эксперты в области инноваций более сдержанно относятся к оценке достижений КНР в данной области. Они полагают, что Китай мало какие достижения может продемонстрировать миру, чтобы сломить стереотипы восприятия. Для большинства КНР остается страной дешевой рабочей силы, не способной на прорывные научные исследования и самостоятельное развитие. Помимо этого западные критики не верят, что Китай готов к осуществлению инновационных технологий своими силами, они говорят, что даже самые успешные китайские компании (например, Lenovo и Baidu) не в состоянии производить дешевые варианты западной продукции или приспособливать инновации Запада для китайского рынка. По их мнению, китайские венчурные компании только и могут что вкладывать деньги в традиционные отрасли народного хозяйства (гостиницы и сельское хозяйство).

Хотя некоторые из критиков со снисхождением и покровительственно относятся к Поднебесной. Д. Брежниц и М. Мерффри (Технологический институт

---

²¹⁰ Бурлацкий, Ф. Китайское экономическое чудо // Известия. – 2003. – 27 февраля. С. 4.

Джорджи) считают, что отсутствие оригинальных разработок вовсе не ставит крест на инновационной деятельности в стране. В книге «Бег Красной королевы» они пишут, что нельзя ставить знак равенства между инновациями, связанными только с изобретением новых продуктов, в разных странах. Другие формы инновационной деятельности в развивающейся экономике способны принести больше прибыли, например т. н. инновационный процесс: постоянное усовершенствование заводов и распределительных систем²¹¹.

Несколько лет назад на очередном совещании Американо-китайской комиссии по экономике и безопасности (создана в 2000 г. по инициативе Конгресса США), в Стэнфорде состоялась дискуссия по этому вопросу уже на топ-уровне. Часть ее участников признали, что КНР становится все более заметным игроком в области разработки новых технологий и даже начинает представлять заметную экономическую угрозу для США. Другие отметили, что специфика авторитарной страны, ее закрытость тормозят процесс превращения КНР в инновационное государство. А бывший министр обороны Уильям Перри и вовсе выразил сомнение в том, что Китай в ближайшее время откажется от практики «некорректного» использования западных технологий и инноваций и встанет на путь создания собственных. Однако были и те, кто верит в перспективы форсированного инновационного развития Китая. В частности, Карл Эверетт, партнер фирмы венчурного капитала Accel Partners, заявил, что китайские технологические компании накапливают опыт, как некогда тайваньские, и уже становятся экспертами, например, в области производства полупроводников и что в будущем существенная часть инноваций в этой отрасли станет приходить из Китая. На том же совещании были отмечены успехи китайской компьютерной индустрии. Китайские компании, как, например, Lenovo, стремятся расширить свое присутствие на мировом рынке. В то же время многие ИТ-компании США открыли в Китае свои научно-исследовательские

---

²¹¹ Королева, А. Китайские инновации // <http://expert.ru/2011/05/6/kitajskie-innovatsii/>

центры, и сейчас растущий китайский экспорт ИТ-продукции начинает вызывать все большее беспокойство профильных американских профсоюзов²¹².

При этом «комплиментарная» часть отзывов западных специалистов касается важных, но второстепенных с точки зрения глобального лидерства инновационных моментов в развитии страны. В частности, в их работах подчеркивается, что в последнее время китайские компании стали мировыми лидерами в массовом производстве и логистике. Приводятся соответствующие позитивные примеры. Так, производящая телекоммуникационную аппаратуру компания Huawei является асом рекомбинирующих технологий и с небывалой она оперативностью доводит их до рынка. Foxconn (штаб-квартира на Тайване) создает iPad и подобную продукцию в Китае из-за доступности и дешевизны рабочей силы (в производственном комплексе в Шеньчжень трудятся 270 тыс. чел.). В китайских университетах в большом количестве готовят специалистов для научно-технической сферы, имеющих «промышленную» специализацию (тяжелое машиностроение, горнодобывающая промышленность).

В то же время утверждается, что нет лучше китайских компаний, когда дело доходит до адаптации новых технологий для карманов и предпочтений 1,3 млрд китайских потребителей. Поэтому Lenovo научился производить и продавать дешевые компьютеры небогатым людям, Baidu научился предоставлять Интернет с учетом китайской специфики²¹³. После чего эксперты делают вывод, что Китай идеально подходит для роли посредника в мире: он довольно-таки близок к границе с действительно передовыми технологиями и квалифицированно адаптирует новые идеи для массового потребителя.

Но представляется, что такое «принудительное позиционирование» КНР в рамках мирового разделения труда (отражающее, прежде всего, желание западных элит) вряд ли отвечает амбициям китайского руководства, которое

---

²¹² Инновации в строю // <http://www.kommersant.ru/doc/666549>

²¹³ Там же.

стремится выйти из предназначенного ему Западом экономического «гетто» и в полной мере обеспечить свой государственный суверенитет²¹⁴.

Особо хотелось остановиться еще на двух «субъективных» причинах, обусловивших успешность китайских инновационных преобразований.

Во-первых, это своего рода автаркизм и внутренняя замкнутость китайской цивилизации. Несмотря на активное участие в глобальной политической и экономической жизни население КНР выступает в качестве самодостаточного субъекта, для которого сохранение национальных традиций является высшим приоритетом. Отсюда и предельный прагматизм и даже «эгоизм» поведения Китая «вовне». Так, анализируя активизацию экономических отношений КНР с другими государствами, Л. Зевин высказывает позицию, что содержание понятие процесса китайской глобализации определяет как единое целое всех его участников: начиная с предприятия, подотрасли, отрасли и заканчивая экономикой страны. Исходя из данного содержания процесс китайской глобализации необходимо трактовать как взаимодействие с глобальным сообществом, а не встраивание в него²¹⁵. Об эффективности избранной Китаем стратегии и результативности внешней политики интеграции в мировое сообщество свидетельствуют достигнутые страной в период с 1975 по 2005 гг. результаты²¹⁶.

Во-вторых, нельзя не учитывать, что руководство КНР проводит в жизнь инновационную политику с тонким учетом психологии и мировоззренческих устремлений китайцев. Отсюда проистекает стремление КПК подать модернизацию как реализацию заветной «китайской мечты». Об этом прямо говорит лидер КНР Си Цзиньпин: «Несмотря на то, что китайская нация пережила многочисленные трудности и бедствия, однако она испокон веков исполнена дерзаний, неуклонно стремится в будущее, никогда не готова опустить руки и

---

²¹⁴ Машкина, О.А. Китай: перспективы инноваций и образования // История и современность. – 2010. – № 2(12). – С. 144-158.

²¹⁵ Зевин, Л. Национальные экономические системы в глобальных процессах. // Мировая экономика и международные отношения – 2003 – № 11. – С. 17-24.

²¹⁶ Чуланова, З. Китай и мировая экономическая система: взаимное влияние // Казахстан в глобальных процессах. – 2008. – № 1(15). – С. 46.

расстаться со страстным стремлением к прекрасной мечте. Китайская мечта, в основе которой лежит реализация великого возрождения китайской нации, является заветным желанием китайского народа, начиная с периода новой истории». При этом мечта не является продуктом индивидуальной самореализации гражданина. В разъяснениях к словам председателя КНР утверждается следующее: «для того, чтобы осуществить китайскую мечту, необходимо обладать китайским духом, а его важной стороной выступает патриотизм». Соответственно, судьба каждого китайца тесно связана с судьбой государства и нации ²¹⁷.

---

²¹⁷ Си Цзиньпин: для осуществления «китайской мечты» необходимо прочно опираться на народ // <http://russian.people.com.cn/31521/8171029.html>

§ 2. Инновационная стратегия преодоления бедности и технологической отсталости (Бразилия, Малайзия, Индия)

Несмотря на то что бедность и технологическая отсталость традиционно являются бичом стран «третьего мира», тем не менее, в последние десятилетия эти факторы приобрели существенное политическое звучание, поскольку нищета и беспросветность на контрасте с «гедонистическим идеалом» стран Запада порождают серьезные социальные дисбалансы и ведут к подрыву стабильности в странах мировой периферии. Более того, интенсивный рост мирового народонаселения (преимущественно в слаборазвитых странах) приводит к актуализации продовольственного вопроса. Сегодня, как и десятилетия назад, весьма острой является проблема голода. Несмотря на развитие прогрессивных аграрных технологий, сейчас около трети населения мировой периферии живет либо «по-минимуму», либо вообще впроголодь, а еще 500 млн человек стоят на пороге смерти от истощения. Смертность от голода в таких странах колоссальная, она достигает ежегодно 10 млн человек²¹⁸.

В свою очередь, развитые страны при перманентном сокращении численности населения во много раз превосходят мировую периферию в плане потребления, что ведет к нарушению баланса в мире и создает угрозу мощного социального взрыва. В Докладе о развитии человечества ООН подсчитано, что это богатство в 2001 г. исчислялось следующим образом: человечество в целом в этом году произвело продукции на 45 000 млрд долл. Если бы это богатство было справедливо разделено, то каждая семья с 3 детьми, будь то в Америке или в Африке, имела бы ежемесячный доход, как минимум, 2260 евро²¹⁹. Одновременно сообщается, что 10% наиболее богатых жителей планеты обладают в 124 раза большим доходом, чем 10% ее беднейших жителей.

---

²¹⁸ Белдер, Б. ООН публикует обвинительный документ // <http://left.ru/2005/1/belder118.phtml>

²¹⁹ Там же.

Еще одним катализатором возможного «столкновения цивилизаций» является несоразмерность цен на промышленные товары «первого мира» с ценами на сырье и продовольственные товары «мира третьего». В результате таких диспропорций последний задолжал первому гигантские суммы, которые выплатить не в состоянии в обозримом будущем. В результате это порождает ситуацию долговой кабалы, а между кредиторами и должниками возникает взаимная отчужденность и недоверие.

Развивающиеся страны сильно уступают в своем развитии экономики промышленно развитым, способов преодоления данного разрыва в ближайшей перспективе не предвидится. Весьма остра на мировой периферии и жилищная проблема. Значительная часть ее обитателей живут в антисанитарных условиях, многие (особенно на африканском континенте и в Латинской Америке) являются обитателями трущоб и фавел, не имеют бытовых удобств, канализации и прочих минимальных удобств цивилизации. Более того, 1,5 млрд населения планеты лишены элементарной медицинской помощи, а недостаток в обычной питьевой воде испытывают около 2 млрд людей.

Проанализируем причины, препятствующие странам «третьего мира» преодолеть проблему бедности:

1. Отстающие страны, по преимуществу, являются аграрными странами, на долю которых приходится свыше 90% всего мирового сельского населения. Вместе с тем, возможности прокормить себя у этих стран нет, т.к. естественный прирост населения опережает выпуск продукции сельскохозяйственного производства.
2. Экономическая отсталость этих стран приводит к их неконкурентоспособности на мировом рынке, невозможности принимать участие в мировой торговле, и, соответственно, к деформациям в развитии собственных экономических моделей, что не позволяет им осваивать новые технологии, развивать промышленность, сферу услуг.
3. Использование в качестве источников энергии преимущественно традиционных: тягловой силы животных, различных органических

материалов и древесины, что в силу низкого коэффициента полезного действия препятствует серьезному росту производительности труда в сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, сфере услуг.

4. Высокая степень зависимости от мировой конъюнктуры.
5. Быстрый рост внешней задолженности по отношению к странам-лидерам, что серьезно препятствует преодолению отсталости и обрекает развивающиеся страны на вечное догоняющее развитие.
6. Преимущественно низкий образовательный уровень населения. В реалиях сегодняшнего дня экономическое и социальное развитие невозможно без повышения образовательного уровня населения и освоения передовых достижений научно-технического прогресса. Вместе с тем, для этого требуются солидное финансирование системы образования, а также соответствующие высококвалифицированные научно-технические и педагогические кадры, чего большинство развивающихся стран себе позволить не могут.

В итоге бедность и низкий уровень культуры, помноженные на демографические диспропорции, создают реальную угрозу мировой стабильности. Именно с неравномерностью распределения ресурсов на Земле во многом связан и феномен терроризма и экстремизма на современном этапе, и «цветные революции» 2000-х гг.

Самым наглядным образом данный тренд подтвердили события «арабской весны» 2011–2012 гг., в ходе которых оппозиции удалось поднять массы против действующей власти под лозунгами достижения справедливости и борьбы с коррупцией. Одновременно в ходе агитационной кампании в Тунисе и Египте противники режимов активно рекрутировали молодежь, соблазняя ее перспективами достижения западного уровня жизни и формирования «социальных лифтов».

Единственным способом преодолеть исторически сложившуюся нищету для ряда стран «третьего мира» становится инновационный путь развития. Конечно, Руанда или Эквадор при всем желании вряд ли смогут совершить

модернизационный рывок и попытаться за счет достижений в науке и технике снять или хотя бы «приглушить» проблему бедности. Однако в мировой практике рубежа XX–XXI вв. имеются и весьма позитивные примеры инновационного развития ранее, казалось бы, безнадежных стран мировой периферии. В частности, речь идет об Индии, Бразилии и Малайзии.

Социальная ситуация в этих государствах до сих пор остается весьма непростой. В индексе экономического неравенства Джини Бразилия занимает пятое место, пропустив в «лидеры» только Намибию, Ботсвану, Гаити и ЮАР. В Индии же другая беда – низкий доход населения: так около 80% граждан страны живут менее чем на 2 долл. США в день, а более 200 млн человек страдают от голода²²⁰. Такая ситуация в начале XXI в. неизбежно ведет к серьезным политическим и общественным «издержкам», что осознают лидеры указанных государств. Особенно проблема нищеты болезненна для Бразилии, где, в отличие от многих других государств Латинской Америки, у власти не находятся леворадикалы. В случае же если бедность не удастся преодолеть самым кардинальным образом, не исключен «красный поворот», который приведет к власти в стране сторонников Че Гевары и Уго Чавеса. В этом плане примечательно, что 16 апреля 2008 г. Индия и Бразилия даже заключили ряд соглашений относительно обеспечения продовольственной безопасности и борьбы с бедностью. Соглашения были подписаны президентами двух стран во время визита президента Индии Пратибхи Патил в Бразилию. В свою очередь, глава Бразилии Луис Игнасио Лула да Сильва, подводя итоги встречи, подчеркнул, что две страны могут поделиться опытом в области борьбы с бедностью. «Мы прекрасно понимаем, насколько трудно будет победить крайнюю бедность. Но мы постепенно создаем условия для более достойной жизни наших народов», – заявил он²²¹.

---

²²⁰ Белдер, Б. ООН публикует обвинительный документ // <http://left.ru/2005/1/belder118.phtml>

²²¹ Бразилия и Индия будут вместе бороться с бедностью // <http://lenta.ru/news/2008/04/17/memorandum/>

Обратимся к опыту Бразилии. Бразилия – крупнейшая по территории и населению страна Латинской Америки. Исторически сложившаяся экономическая система привела к тому, что в бразильской экономике большую роль играло сельское хозяйство (Таблица 14), прежде всего, производство кофе, какао и сахарного тростника. Хотя роль Бразилии как кофейного экспортера на мировом рынке постепенно падает (80% – в начале XX в., 60% – в 1939 г., 43% – в 1965 г., 33% – в 1975 г. и т.д.), но кофе по-прежнему остается важнейшей статьёй национального дохода. По производству какао Бразилия занимает второе место в мире после Ганы. На третьем месте идет сахарный тростник, по добыче которого Бразилия в 1980 г. стояла на первом месте в мире. Зависимость от колебаний цен на кофе на мировом рынке, монополия иностранного (прежде всего американского) капитала вели к нестабильности экономической ситуации. Неравномерное распределение экономических благ, сосредоточенных в руках богатейших семей, поддерживалось военными, установившими в стране жесткую диктатуру.

Более 70% населения Бразилии живет в городах. В 1985 г. экономически активное население Бразилии составляло 55,1 млн человек, в том числе 36,6 млн мужчин и 18,5 млн женщин. В сельском хозяйстве было занято 28,5% экономически активного населения, в обрабатывающей промышленности – 14,8%. При этом в стране насчитывалось более 12 млн безработных.

Исторически социальная поляризация в Бразилии находилась на критически допустимом уровне, достигая по коэффициенту Джини 0,6 (в Западной Европе он, как правило, ниже 0,3). Однако, начиная с президентства Фернандо Энрике Кардозо, руководство страны стало проводить «социально ориентированный» курс, который стал приоритетным в годы правления Луиса Инасиу Лулы да Силвы.

Эпоха экономических реформ в Бразилии началась с президента Жозе Сарнея (1985–1990), который сумел совершить переход от военного правления к конституционному гражданскому режиму. Правда, при этом армия все равно продолжала претендовать на роль «гаранта политической стабильности».

Новое руководство первым делом обратилось к социально-экономической сфере. С политической точки зрения это было вполне объяснимо – если даже военным не удалось «усидеть на штыках», то гражданскому правительству, чтобы сохранить стабильность, пришлось завоевывать доверие населения. Именно с этим во многом были связан предложенный им план реформ. В частности, было объявлено о намерении решить проблемы внешнего долга, инфляции, экономического развития с учетом интересов населения. Для достижения стабильности предлагалось заключить «социальный пакт» между трудящимися, предпринимателями и властями. Начали действовать планы борьбы с голодом, по созданию рабочих мест, развитию отсталых районов, улучшению здравоохранения; было разработано новое трудовое законодательство. При этом важное место в планах правительства занимали преобразования в сельскохозяйственном секторе экономики. По проекту аграрной реформы предполагалось за 15 лет наделить землей 7 млн семей.

В 1986 г. началось осуществление плана «Крузадо», ориентированного на стабилизацию экономической ситуации, в соответствии с которым были заморожены уровень цен и заработной платы, введена новая валюта – крузадо, равный 1 000 старых крузейро. В итоге удалось уменьшить выплаты по внешнему долгу.

С 1984 г. в Бразилии наблюдается ускорение экономического развития. ВВП в 1987 г. увеличился на 7%, в 1986 г. – на 8,2%. Производство в обрабатывающей промышленности в 1985 г. увеличилось на 7%, в 1986 – на 11,3%. Добыча нефти возросла вдвое (30 млн т в год), что позволило уменьшить зависимость страны от импорта. Производство стали увеличилось в 1,5 раза – до 22 млн т в 1987 г. Развитие промышленности позволило создать в 1986 г. 1 млн рабочих мест.

Большое внимание уделялось передовым технологиям. В 1986 г. была образована компания «Орбита» для производства ракет, запуска спутников и военных ракет. Началось строительство космодрома. Бразилия стала одним из крупных экспортеров современного оружия и военной техники, получив от этого только в 1986 г. 1,5 млрд долл. США. Одновременно бразильское руководство

быстро сориентировалось с перспективностью компьютерного рынка – в стране оперативно было налажено производство компьютеров. Уже в 1986 г., фактически на заре развития компьютерных технологий в этой отрасли было занято 250 тыс человек. Таким образом, за несколько лет Бразилия обеспечила свои потребности в компьютерах и стала их экспортировать.

Однако на первом этапе преобразований рыночный либерализм правительства Бразилии, несмотря на вышеуказанные достижения, привел к определенным «перекосам». Высокие темпы роста экономики, требовавшие капиталовложений, было трудно совмещать с выплатой процентов по внешнему долгу, приблизившемуся к 120 млрд долл. США, и социальной поддержкой населения. В ноябре 1986 г. был принят план «Крузадо-2», ужесточивший меры по экономии. Это вызвало волну протестных акций, в которых участвовало до 9 млн человек. Одновременно пренебрежение социальной стороной реформ привело к падению популярности реформаторского руководства.

Усугубило ситуацию то, что жесткие меры себя не оправдали. Инфляция увеличилась с 148% в 1986 г. до 816% в 1988 г. и 1500% в 1989 г. В начале 1987 г. Бразилии пришлось ввести временный мораторий на погашение процентов по внешнему долгу, в 1989 г. платежи снова приостановили, рост экономики практически прекратился и достиг в 1989 г. нулевой отметки. Ситуация осложнялась быстрым демографическим ростом: с 93 млн человек в 1970 г. до 153 млн человек в 1989 г. Задуманная аграрная реформа также провалилась.

Однако «правым» пока еще удавалось обеспечивать доверие граждан. Это продемонстрировали президентские выборы 1989 г., на которых их выдвиженец Фернандо Коллор сумел одержать победу над «левым» оппонентом, в том числе за счет популистских обещаний. Он также объявил своей целью ликвидацию отсталости и модернизацию страны. Министром финансов в новом правительстве стала Зелия Кардозу, профессор-экономист из Университета Сан-Паулу. Первостепенной задачей стало преодоление инфляции и бюджетного дефицита. Весной 1990 г. началась «шоковая терапия» по-бразильски: на 1,5 года были заморожены практически все банковские вклады, благодаря чему из обращения

удалось изъять две трети денежной массы. Также были заморожены цены и зарплата, восстановлено обращение крузейро – прежней денежной единицы, введен свободный курс доллара. В краткосрочном плане это дало положительный эффект: инфляция упала с 90% в марте почти до нуля в апреле.

Одновременно началось сокращение расходов государственного сектора через приватизацию госкомпаний и «дебюрократизацию». Количество министерств сократилось с 23 до 12. Началась «образцово-показательная» борьба с коррупцией: с аукционов продавались лимузины, служебные квартиры и виллы представителей высшей администрации.

Реформаторы отказались от протекционистской политики. В 1990 г. были отменены государственные дотации, внешнеторговые ограничения, существенно сокращены налоги и пошлины на импорт. Правительство планировало, что национальные предприятия будут модернизировать производство и снижать себестоимость продукции. Бразилия возобновила выплаты по внешнему долгу, хотя и в ограниченных масштабах. Одновременно в счет погашения задолженности руководство страны продавало акции предприятий госсектора.

При этом «шоковая политика» в городе сопровождалась попытками обеспечить себе поддержку на селе. Здесь опять были предприняты попытки «социальных» реформ в аграрном секторе: с тем чтобы в течение пяти лет наделить землей полмиллиона бедных семей, был введен специализированный налог на необрабатываемые территории плантаторов; земли, где обитали индейские общины, отдавались в их собственность.

Уменьшив инфляцию и бюджетный дефицит, «шоковая терапия» привела к кризису производства, падению реальной зарплаты, росту безработицы, банкротству большого числа бразильских бизнесменов; ВВП снизился на 4,6%, объем промышленного производства сократился на 9%. В конце 1990 г. инфляция вернулась на прежний уровень и составила 20% в месяц, а по итогам года достигла 2000%.

Все это привело к правительственному кризису, отставке ключевых министров, росту политической нестабильности. Даже меры по смягчению

экономической политики не помогли – вывести экономику из кризиса так и не удалось. Инфляция в 1991 г. составила 480%, а в 1992 г. – 1142%, превысив совокупный уровень всей остальной Латинской Америки. Ее подстегивало взвинчивание цен картелями-монополистами. Промышленное производство за 1992 г. снизилось на 4,7%. Финансовая политика правительства Коллора негативно повлияла на деятельность и доверие предпринимателей, также населения к власти. Высокий уровень налогов препятствовал развитию производства, но не помогал ликвидировать бюджетный дефицит. 65% бюджетных средств расходовалось на выплату внешней (120 млрд долл. США) и внутренней (100 млрд долл. США) задолженности. Из-за падения покупательной способности населения сократился внутренний рынок и вырос импорт, что приводило к разорению местных производителей, особенно мелких и средних. У черты абсолютного разорения оказался ВПК вследствие углубления экономического кризиса и окончания холодной войны. Были значительно урезаны расходы на здравоохранение и образование, затраты на научные исследования и разработки упали в пять раз, поставив на грань выживания научный потенциал Бразилии. За 1990–1992 гг. официальная безработица выросла с 8,7% до 13% (от числа экономически активного населения), в условиях абсолютной бедности проживало 45% населения.

Недовольство охватило не только широкие слои населения, но и бразильский бизнес. Руководители крупнейших промышленных фирм в сентябре 1992 г. выступили с «алармистским» заявлением, что выполнение правительственной программы будет означать полный крах национальной экономики.

Едва ли не всеобщее недовольство экономической и социальной политикой правительства Коллора привело к тому, что палата депутатов 29 сентября 1992 г. высказалась за объявление импичмента президенту. 2 октября Сенат отстранил его от исполнения обязанностей на время расследования. Президентские полномочия были переданы вице-президенту Итамару Франку. Фернандо Колор отказывался уйти в отставку вплоть до конца года, и лишь накануне вынесения Сенатом решения о его смещении, 29 декабря, заявил о «добровольной» отставке.

Новым президентом стал Итамар Франку, которому предстояло находиться на этом посту до истечения конституционного срока полномочий Колора – до 1 января 1995 г.

В политике нового президента наметились серьезные изменения социального характера. Франку заявил, что модернизация и продолжение экономических реформ не должны проводиться ценой обнищания населения, и что стабилизация экономики должна идти без шока и потрясений. Акцент в реформах был смещен с финансовых мероприятий на стимулирование производства и решение социальных задач. Правительство рассчитывало оживить производство снижением налогов и процентных ставок, поощрением экспорта, поддержкой малого и среднего бизнеса. Приватизация убыточных предприятий госсектора продолжалась, за исключением стратегических отраслей (нефтедобыча, энергетика, телекоммуникации), при широким участии их персонала в приобретении акций. Часть выручки от приватизации необходимо было направить на создание новых рабочих мест и на осуществление социальных программ. В частности, был усилен контроль над сбором налогов, введен временный налог на банковские операции, установлены госцены на основные продукты и предметы первой необходимости.

Отход от неолиберальной модели реформирования вызвал критику внешних акторов, прежде всего мировых финансовых организаций. С учетом их приоритетной ориентации на США, где любые отклонения от либерального курса воспринимались едва ли не как прямой вызов влиянию Запада, усилилось их экспертное и информационное давление на Бразилию. Соответственно, предсказывался провал реформ и крах нового курса. Поначалу прогнозы этих экспертов, казалось бы, сбывались: в 1993 г. инфляция подскочила до 2500%. С другой стороны, положительной тенденцией стала остановка экономического спада: впервые за несколько лет наметился рост ВВП на 4,5%, промышленное производство выросло на 9%, вырос объем внешней торговли. Золотовалютные запасы достигли 30 млрд долл. США. Опираясь на продолжающийся в 1994 г. экономический рост, правительство начало борьбу с инфляцией через серию

бюджетных, налоговых и валютных мер. Был принят план «Реал», предполагающий уже в начале 1994 г. резкое снижение бюджетного дефицита с дальнейшим установлением контроля над инфляцией и динамикой курса валют. Сокращение бюджетного дефицита сопровождало временное замораживание зарплат (но в целом кардинального сокращения пенсий и социальных выплат не произошло). Чтобы преодолеть инфляционные ожидания, с марта 1994 г. была введена «реальная единица стоимости», привязанная к доллару США, курс которой ежедневно устанавливался Национальным банком Бразилии. В июле 1994 г. была выпущена новая национальная валюта – бразильский реал, который полностью покрывался золотовалютными резервами страны и котируемые на внешних рынках акциями госкомпаний. Также была введена конвертируемость реала с фиксацией обменного курса к доллару («валютный коридор»).

Примечательно, что именно в этот период в стратегии развития Бразилии происходят едва ли не главные «инновационные» перемены. Ранее руководство страны (во время диктатуры военных в 1964–1985 гг.) делало ставку на создание ядерного оружия и вхождение в т.н. ядерный клуб²²². В принципе понять смысл таких планов было несложно: с одной стороны, хунта ощущала неустойчивость своего положения и стремилась «подстраховаться» от давления извне (а, как показывает практика, ядерная бомба является одним из самых надежных гарантов суверенитета), с другой – создание «супероружия» резко подняло бы ее авторитет среди населения и стало бы серьезным политическим «козырем». Однако у «ядерных» планов бразильской элиты были и серьезные издержки. Во-первых, это требовало колоссальных расходов, которые эта страна в то время не могла себе позволить, во-вторых, претензии Бразилии на вхождение в «ядерный клуб» встречали противодействие со стороны «великих держав», которые были не заинтересованы в распространении технологий массового уничтожения. Кстати, во многом под давление со стороны США в 1991 г. Бразилия и Аргентина отказались от «ядерного соперничества», а их программы развития «мирного

---

²²² См., например: Nuclear Weapons Programs // <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/brazil/nuke.htm>

атома» были взяты под контроль МАГАТЭ. Справедливости ради, следует сказать, что по мере роста экономического благополучия и укрепления своих позиций на международной арене, бразильское руководство, судя по всему, предприняло попытку возобновить программу создания ядерного оружия. Уже в середине 2000-х гг. возникли подозрения относительно таких планов. В мае 2006 г., несмотря на официально «безъядерный» статус Бразилии, в стране открылся завод по обогащению ядерного топлива в Резенди (штат Рио-де-Жанейро)²²³. Это вызвало вопросы со стороны МАГАТЭ (где опять же очень сильны позиции США) и требования этой международной организации относительно проверки центрифуг, обогащающих уран. В итоге дискуссий был найден компромисс, но проблема осталась. Более того, в августе 2012 г. Бразилия после многих лет обсуждений и подготовки заявила о начале реализации ядерных проектов в военной сфере. Уже в обозримом будущем ВМС страны получат атомную подводную лодку. По сообщению аналитического издания Jane's, проектирование корабля займет около 3 лет, само строительство – около 6 лет²²⁴. В принципе все возможности у современной Бразилии для этого есть. Ядерная программа страны основана на разветвленной сети центров, которая включает в себя обогатительный завод в Резенди, научно-исследовательский институт Арамар в городе Иперо (также имеющий собственные обогатительные мощности), военно-технический центр в Гуаратиба, располагающий мощностями по производству обогащенного плутония, и ряд лабораторий, ведущих работы в различных отраслях ядерной физики. Кроме того, «в теме» департамент аэрокосмической науки и технологий, у которого есть собственная программа ядерных исследований, в том числе, по некоторым данным, в области разработок ядерных энергетических установок сверхмалой мощности для космических аппаратов. Также существует Качимбо – испытательный полигон, который был законсервирован в 1990 г.

---

²²³ Kingstone, S. Brazil joins world's nuclear club // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/4981202.stm>

²²⁴ Бразильский немирный атом // <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/71701/>

Однако в 1990-е гг., когда Бразилия находилась в числе депрессивных государств «третьего мира», отказ от ядерной программы был весьма смелым, но мудрым шагом. Таким образом, с одной стороны, руководство страны «примирилось» с Вашингтоном, который, как бы то ни было, но весьма чтит «доктрину Монро» и не позволяет окончательно выходить из-под контроля ни одному американскому государству, с другой – инновации в гражданской сфере позволили привлечь зарубежные легальные инвестиции. Все это позволило Бразилии развивать космическую программу. В феврале 1993 г. с космодрома «Алкантара» с помощью американского носителя был выведен первый орбитальный спутник, а в марте того же года состоялся пуск первой бразильской ракеты²²⁵.

Важную роль в новой экономической политике играл министр экономики, известный экономист и социолог Фернанд Энрике Кардоз, в молодости придерживавшийся левых взглядов. Достигнутые им успехи обеспечили ему победу на состоявшихся в октябре 1994 г. выборах главы государства.

Достижениями плана «Реал» стали снижение инфляции (в 1994 г. – более 1000% годовых, в 1995 – 22%, в 1996 – 10%) и рост к 1996 г. среднедушевого дохода на 40%. Также был взят курс на создание открытой экономики, хотя приходилось маневрировать пошлинами для осторожного использования иностранной конкуренции для стимулирования бразильского производства. Следствием этого стал приход на местный рынок иностранных инвесторов (в основном средства вкладывались в автомобилестроение и производство товаров широкого потребления), более трети из них составляли прямые инвестиции. Во многом приток инвестиций был связан с приватизацией, выручка от которой за 1997–1998 гг. составила 45,7 млрд долл. США (по данному показателю Бразилия вышла на первое место в мире).

Одно из главных оснований динамики роста бразильской промышленности – высокий показатель капиталовложений (за 1990-е гг. промышленное

---

²²⁵ Афанасьев, И., Воронцов, Д. Трудная дорога к небу // <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6687/>

производство выросло на 25%), особенно быстро шло развитие производства потребительских товаров длительного пользования, прежде всего автомобилей. Ускоренно развивались станкостроение, судостроение, сельскохозяйственное машиностроение, авиастроение, выпуск военной техники. Промышленное развитие дало свои положительные результаты и в структуре экспорта: доля промышленных товаров выросла до 55% (при этом на машины и оборудование приходилось до 15% экспорта), в то время как сырьё – снизилась до 27%.

Такой экономический подъем позволил руководству страны заняться (с 1996 г.) решением социальных проблем. Произошла интенсификация государственных программ борьбы с бедностью, были реализованы программы социального обеспечения, образования, здравоохранения, программы поддержки индивидуального жилищного строительства. Однако в социальной сфере успехи Бразилии в условиях либерального экономического курса (который не предполагает активной государственной социальной политики) оказались очень скромными – сохранялась сильная разница в доходах населения: 10% самых бедных имели лишь 2% национального дохода, в то время как на 10% самых богатых приходилось 51% национального дохода. Наиболее сильным имущественное расслоение было в аграрном секторе: 20% пахотных земель принадлежали 20 латифундистам, а 11 млн крестьянских хозяйств вообще не имели земли.

Также острой оставалась проблема занятости, прежде всего в сельском хозяйстве. Правительство активно вмешивалось в земельные отношения, конфискуя земли латифундистов, которые злостно нарушали законодательство и нецелевым образом использовали пахоту, для передачи их безземельным крестьянам. Но процесс шел медленно из-за сопротивления традиционно влиятельных в Латинской Америке земельных магнатов. Коррупция в госаппарате продолжала оставаться серьезной проблемой, вследствие чего госсредства, выделенные на решение социальных проблем, часто не доходили до своих адресатов.

При всех успехах либеральные реформы 1990-х гг. имели немало отрицательных сторон, а с таким трудом достигнутая политическая стабильность была недолговечной. Отрицательное сальдо торгового баланса пришло на смену положительному (торговый баланс в 1995 г. имел дефицит в размере 3,5 млрд долл. США, в 1996 г. – 5,5 млрд долл. США, а в 1998 г. – 6,6 млрд долл. США). Отрицательное сальдо платежного баланса по текущим операциям составило 35,2 млрд долл. США. В 1998 г. подобные проблемы дополнились дефицитом бюджета (8% ВВП к концу 1998 г.) и ростом внутреннего госдолга (360 млрд долл. США, или 42% ВВП). Все вместе стало причиной того, что бразильская экономика не смогла защититься от азиатского (а затем и российского) финансового кризиса 1998 г.

В то время как большинство стран Латинской Америки во второй половине 1998 г. ощутили на себе лишь отголоски мировых экономических потрясений, ситуация в Бразилии сразу после российского дефолта начала резко ухудшаться (Таблица 15). При этом несмотря на то что в первом полугодии уже было зафиксировано снижение до 1,1% темпов экономического роста, еще до середины августа 1998 г. складывалось впечатление, что в экономике происходят изменения в лучшую сторону. Так, в июле 1998 г. бюджет государства пополнился на более чем 19 млрд долл. США за счет успешной продажи частным инвесторам государственной компании «Телебраз», причем цена продажи на более чем 5,5 млрд долл. США превысила первоначально установленную правительством цену.

Вместе с тем, запланированные осенью 1997 г. меры по сокращению госрасходов не были реализованы, сумма внутреннего долга и дефицит бюджета росли, принятие нужных законодательных актов из-за длительного обсуждения или вносимых в них серьезных изменений откладывалось. Очередная волна кризиса серьезно ударила по бразильской экономике. Совокупное падение биржевых индексов превысило к концу августа 40%. Отток капитала из страны за август-сентябрь составил более 25 млрд долл. США.

Страны «Большой семерки» высказались в пользу готовности оказать через МВФ и Всемирный банк финансовую помощь Бразилии на сумму в 41,5 млрд

долл. США. Указанные меры позволили временно выправить положение дел, наблюдалось даже некоторое оживление фондового рынка и приток частного капитала в страну. Непродолжительное снижение покупательной способности национальной валюты удалось прекратить благодаря интервенциям Национального банка Бразилии на рынке валюты.

Решение Белого дома выделить Бразилии помощь в объеме 5 млрд долл. США не было поддержано Конгрессом, что сразу же подорвало уверенность инвесторов, как внутри самой страны, так и за ее пределами. Новая биржевая паника и очередная волна бегства капитала за рубеж последовали вслед за объявлением одностороннего 90-дневного запрета второго по населению штата Минас-Жерайс в отношении ликвидации долга федеральному центру. Золотовалютный запас даже в условиях получения первого транша финансовой помощи от МВФ к началу 1999 г. сократился до 36 млрд долл. США.

Валютный коридор реала был отменен и правительство осуществило переход к плавающему курсу, интервенции Национального банка Бразилии, ориентированные на поддержку курса, были прекращены. Смена политики в отношении валютного курса была воспринята положительно биржами, вследствие чего вновь начался рост котировок акций бразильских компаний. В то же время указанные меры имели своим следствием обесценивание реала и существенный отток капитала из страны.

Финансовый кризис в Бразилии привел к падению промышленного производства в стране на 2,3% (впервые с 1993 года), в особенности товаров длительного пользования – более чем на 20%. Реализация годовой программы приватизации в 20 млрд долл. США была сорвана. Сразу же сократился поток прямых зарубежных инвестиций.

После завершения мирового кризиса экономика Бразилии начала «оживать», чему отчасти способствовал и аргентинский дефолт, обесценивший песо и приведший к перетоку капиталов из экономики Аргентины в Бразилию. В 2000 г., по данным Министерства труда Бразилии, занятость населения увеличилась на 3,2% по сравнению с 1999 г. В течение года было создано 657,6 тыс. новых

рабочих мест. В то же время уровень безработицы сократился с 7,56% экономически активного населения в конце 1999 г. до 7,46% – в конце 2000 г.

Однако ситуация в экономике далека от оптимальной. На начало 2002 г. общий размер государственного долга Бразилии составил около 355 млрд долл. США, из которых 220 млрд долл. США приходилось на внешние займы. Дефицит бюджета страны составил 5,4% ВВП, размер золотовалютных резервов – около 40 млрд долл. США, инфляция – 7,5%, безработица – 7,5%. Стоимость гособлигаций Бразилии снизилась на треть, а курс реала по отношению к доллару США – на четверть. Международные рейтинговые агентства Moody's и Standard&Poor's понизили рейтинг Бразилии на одну ступень до B2 и B+ соответственно, приравняв ее к таким странам, как Никарагуа и Гондурас. (Для сравнения: в России в преддверии дефолта 1998 г. размер внешнего долга составлял около 150 млрд долл. США, дефицит бюджета – 6%, размер золотовалютных резервов – около 13 млрд долл. США, безработица – 11%, инфляция – не более 10% в год.). Динамика основных показателей экономического развития Бразилии за последние годы представлена в Таблице 16.

Можно выделить две основных причины неустойчивого экономического и финансового состояния Бразилии в 1980–1990-е гг. Во-первых, ее высокая зависимость от циклов экономики США и малоэффективная система государственных финансов, приводившая к постоянному дефициту бюджета и растущему государственному долгу. Неоспоримые успехи Бразилии в развитии собственной промышленности не привели к изменению структуры потребителей бразильских товаров. Основными потребителями продукции Бразилии по-прежнему являлись США и страны Латинской Америки, от состояния экономик которых Бразилия сильно зависела. Падение спроса на товары экспорта Бразилии снижало доходы госбюджета и приводило к росту его дефицита, что создавало трудности с обслуживанием госдолга, а также приводило к падению промышленного производства в стране. Ситуация усугублялась к тому же нерациональным распределением денежных средств между регионами и центром, а также между различными социальными группами.

Опыт Бразилии 1980–1990-х гг. наглядно свидетельствовал о том, что экономика не может эффективно развиваться без независимой сбалансированной политики государства. Как только государство выходило из управления экономикой, рыночные механизмы влекли за собой бегство капиталов, рост социальной напряженности, стагнацию и падение производства. И наоборот, обозначение государством приоритетов экономического развития, концентрация средств на перспективных точках роста, уменьшение рисков путем поиска новых рынков и потребителей национальной продукции приводили к положительному эффекту.

Все это в начале 2000-х гг. поставило вопрос о необходимости проведения активной государственной экономической политики, в т.ч. в сфере инноваций. Из этого следует, что в 1980–1990-х гг. инновации находились в Бразилии на втором плане, за исключением ядерных разработок и космических программ. В то же время эти достижения не могли снять социальную напряженность в обществе, преодолеть общую отсталость страны, обеспечить политическую и социально-экономическую стабильность.

Однако с приходом к власти «левого» президента Луиса Игнасио Лула да Силвы правительство вновь возвращается к формированию долгосрочной государственной политики в сфере развития науки и технологии. Во многом это было связано с необходимостью выполнения предвыборных обещаний о преодолении бедности. Одновременно в условиях кризиса «однополярного мира» у руководства Бразилии появилась надежда на возможность повышения своего статуса на международной арене, недаром с 2001 г. страна фигурировала в качестве составной части неформального клуба быстроразвивающихся государств БРИК.

Новая индустриальная (фактически инновационная) политика была разработана не волюнтаристским и догматическим путем, как ранее, но стала итогом продуктивной академической и политической дискуссии о приоритетах развития, методах реформ и их эффективности. В сентябре 2003 г. несколько

ключевых ведомств издали совместный документ, где были обозначены три основных приоритета:

1. совершенствование и развитие инфраструктуры;
2. повышение эффективности производства, особенно экспортных товаров;
3. повышение инновационного потенциала фирм, особенно ориентированных на экспорт²²⁶.

Косвенно этот документ признавал отставание НИС Бразилии и постулировал необходимость прорыва в данной сфере на основе государственно-частного партнерства. Из других инновационных актов можно отметить принятый в 2006 г. Инновационный закон, а также т.н. «Хороший» закон (2005 г.), который предоставлял налоговые стимулы для осуществления частных инвестиций в НИОКР.

Но опять же инновационная инициатива в Бразилии принадлежала государству, поскольку бизнес видел в данных программах слишком высокие риски и не хотел без гарантий работать на перспективу. Соответственно, в стране государственный сектор всегда доминировал в финансировании науки и технологий, правда, при возрастающей доле финансовой нагрузки частного сектора (к 2005 г. доля частного сектора в данной сфере составила 50%).

Государственные же проекты начались с реализации программы «народный компьютер» в 2005 г. С ее помощью государство стремилось, с одной стороны, обеспечить широкое применение цифровых технологий, а с другой – разработать собственные программные продукты. В частности, в рамках программы ее инициаторы отказались от дорогой лицензионной операционной системы Microsoft, поставляя бесплатную Linux с бразильскими настройками. Одновременно предпринимались попытки создать дешевый доступ в Интернет, однако, они не достигли успеха.

Но знаковым с точки зрения реализации перспективного развития Бразилии XXI в. стал 2006 г., когда был принят закон об инновациях. Он был ориентирован

---

²²⁶ См.: Федеративная Республика Бразилия. Национальная инновационная система // <http://www.gmu-countries.ru/america/brazilia/brazil-nis.html>

на то, чтобы обеспечить трансфер технологий от исследовательского центра до массового производства. Более того, правительство Бразилии хотело бы видеть инновации не в качестве элитных экспериментов, а в качестве широкой повседневной практики на предприятиях. Для реализации столь амбициозных задач Банком развития Бразилии была открыта специальная программа финансирования тех предприятий, которые хотят увеличить расходы на НИОКР, вводят новые продуктивные бизнес-процессы или новую высокотехнологичную продукцию.

Одновременно произошло окончательное оформление инновационной инфраструктуры. В настоящий момент она выглядит следующим образом.

За проведение в жизнь инновационной политики несет ответственность Министерство науки, технологий и инноваций, созданное 15 марта 1985 г. Основная цель – превратить сектор науки и технологий в стратегический драйвер социально-экономического развития Бразилии, обеспечив одновременно с этим равномерное распределение положительных результатов от внедрения инноваций между всеми членами общества.

Министерство объединяет два наиболее важных агентства, отвечающих за стимулирование научных исследований в стране – Национальное агентство по финансированию исследований и проектов и Национальный совет по научному и технологическому развитию, а также их исследовательские подразделения.

Кроме того, в систему министерства также входят Центр управления и стратегических исследований в области науки; Национальная атомная энергетическая комиссия; Бразильское космическое агентство; 19 исследовательских подразделений в сфере науки, технологии и инноваций, а также 4 государственных предприятия по атомной энергетике, космосу и электронным технологиям.

Что же касается фундаментальных исследований инновационного характера, то они реализуются в основном в государственных университетах и исследовательских центрах, изредка в частных вузах и НКО.

Прикладные разработки также в основном осуществляются в государственных НИИ и университетах. Это обусловлено, с одной стороны, неразвитостью частного рынка образовательных и исследовательских услуг, а с другой – доминанцией в сфере высоких технологий крупных международных компаний, которые не слишком мотивированы на внедрение на бразильской почве инноваций и в своем большинстве не имеют «профильных» инновационных подразделений. Исключением из правил являются телекоммуникации и информационные технологии. С учетом перспективности бразильского рынка услуг в данной сфере частные компании ведут инновационные разработки. Еще в 1970-х гг. в Бразилии был открыт исследовательский центр «Ай-Би-Эм», а затем аналогичные подразделения открыли «Моторола», «Самсунг», «Нокиа». Государство, заинтересованное в развитии данных технологий XXI века, оказало им существенную помощь, приняв т.н. закон по информационным технологиям, освобождавший высокотехнологичные фирмы в сфере телекоммуникаций, цифровой электроники и персональных компьютеров от ряда налогов. Указанные послабления привели к тому, что ежегодно в бразильский сектор частных исследований вкладывается более 1,5 млрд долл. США инвестиций. В своем докладе от Ruyamid Research Фернадно Фария заявил, что общий объем поступлений в телекоммуникационную сферу Бразилии в 2008 г. уже достиг 55,8 млрд долл. США, что на 7,4 млрд долл. США больше, чем в 2007 г. Ожидается доход в 64 млрд долл. США уже к 2013 г.²²⁷.

Быстрыми темпами развивается и банковская сфера, в которой также существенную роль играют новые технологии, в том числе, инновационного характера. «Формальные» показатели весьма впечатляющи:

- в стране действует 243 тыс. точек банковского обслуживания (полностью охвачены все города);
- выпущено 175 млн кредитных и 226 млн дебетовых карт;
- по кредитным картам осуществляется 2,9 млрд транзакций;

---

²²⁷ Шульгинов, Д Рост бразильского телекоммуникационного рынка // <http://allmobile.ua/forum/drugie-strany/9379-rost-brazil-skogo-telekommunikacionnogo-rynka.html>

- 5,2 млрд транзакций проходит через каналы самообслуживания;
- 37,8 млн Интернет-пользователей выполняют 43% общего числа банковских операций;
- 6 млн клиентов используют 197 млн электронных платежных поручений.

Особая роль в современной экономике Бразилии отводится электронным платежам и каналам дистанционного банковского обслуживания: они не только упрощают и ускоряют проведение финансовых операций и обеспечивают их прозрачность, но и являются «зелеными» и энергосберегающими.

Особо стоит отметить стремление бразильского руководства с помощью инновационных разработок ИТ-характера оптимизировать систему управления. С 2009 г. в стране работает «электронное правительство»: 11 тыс веб-страниц госорганизаций предоставляют более 2 тыс различных услуг, которыми пользуются 81 млн граждан (42% населения страны). В частности, физические и юридические лица подают налоговые декларации преимущественно в электронном виде, и до 98% налоговых сборов оплачивается через Интернет. Кроме того, Бразилия является первой в мире страной, где для выборов чиновников высшего ранга и президента с 2010 г. используется аппаратно-программная электронная система голосования.

Одновременно активно развивается аэрокосмическая промышленность — одно из наиболее инновационных и важных направлений бразильской экономики. В области авиастроения и развития космической отрасли Бразилия в настоящий момент вне конкуренции в Южном полушарии.

В авиапроме особое место занимает компания Embraer — мировой лидер в производстве региональных коммерческих самолетов вместимостью до 120 мест и один из ведущих бразильских экспортеров. В конце сентября 2011 г. компания насчитывала свыше 17 тыс сотрудников, а ее заказы на поставку самолетов уже достигли 16 млрд долл. США. Среди основных технологических новаций

компания — Iraneta, первый в мире коммерческий самолет на биотопливе. Самолеты Embraer летают в 78 странах на пяти континентах²²⁸.

Начало создания аэрокосмического кластера было положено еще в 1950 г., когда был основан Военно-воздушный технологический институт в Сан-Жозе-дус-Кампусе, который стал специализироваться на подготовке специалистов для авиационного машиностроения. При этом он тесно связан с департаментом аэрокосмических исследований и технологий Министерства обороны Бразилии.

Бразильский национальный институт космических исследований работает в системе Министерства науки, технологий и инноваций. И здесь нельзя не отметить его плодотворное сотрудничество с китайскими коллегами по тематике мониторинга и исследования климатических изменений. Для прогнозирования погоды здесь используется один из восьми существующих в мире суперкомпьютеров.

Нельзя не отметить еще один «совместный» проект инновационного характера – программу создания китайско-бразильского спутника для изучения ресурсов Земли. Она ведет свою историю с подписания соглашения о сотрудничестве в космосе с КНР в 1988 г. Партнерство уже привело к запуску трех спутников в 1999, 2003 и 2007 г., которые «сканируют» изображения, необходимые для контроля вырубке леса и пожаров в бассейне Амазонки, а также отслеживают водные ресурсы и сельскохозяйственные угодья. Более того, было применено следующее ноу-хау: изображения находятся в свободном доступе в сети Интернет и передаются также в африканские страны, оказывая помощь в мониторинге пожаров и засухи на «черном континенте». К 2014 г. планируется запустить еще два спутника.

Новый этап развития инноваций в Бразилии начался в январе 2012 г. Именно тогда Министерством науки, технологий и инноваций Бразилии было опубликовано положение о Национальной стратегии в сфере науки, технологии и инноваций на 2012–2015 гг. Стратегия определяет приоритетные программы развития отрасли, основные проблемы, источники финансирования и цели на

---

²²⁸ Мельников, Ф. Деньги из воздуха // <http://www.kommersant.ru/doc/1833612>

ближайшие четыре года. На реализацию Стратегии планируется выделить около 40 млрд долл. США. Из них 16 млрд долл. США составят средства Министерства науки, технологий и инноваций, 12 млрд долл. США – средства других министерств и ведомств, 7 млрд долл. США – средства федеральных госкомпаний (BNDES, Petrobras и Eletrobras) и 5 млрд долл. США – средства штатов, управляемые местными Фондами.

В данной стратегии выделены отрасли, научно-техническое развитие которых имеет приоритетное значение для бразильской экономики: информационные технологии и телекоммуникации, фармакология и медицина, нефтегазовый и военно-промышленный комплексы, авиация и космос, атомная энергетика, а также сферы, связанные с созданием и использованием экологически чистых источников энергии и поступательным социально-экономическим развитием страны.

В Стратегии также отмечаются: сокращение научно-технического отставания от экономически развитых стран; расширение и укрепление бразильской экономики, основанной на естественно-научных знаниях; увеличение научной базы для устойчивого развития окружающей среды; занятие страной достойного места в мировом сообществе; преодоление бедности и сокращение социального и регионального неравенства. Для реализации вышеперечисленных задач правительство Бразилии планирует стимулировать инновационное развитие страны, подбор и подготовку квалифицированных рабочих кадров, укрепление научно-исследовательской базы и создание современной инновационной инфраструктуры²²⁹.

Что же касается финансирования инновационного сектора, то здесь опять же доминирует государство – более чем на 90% финансирование фундаментальных исследований идет по правительственной линии.

В целом же можно выделить шесть основных источников финансирования перспективных исследований и инноваций в Бразилии.

---

²²⁹ <http://www.customsonline.ru/2368-obzor-ekonomiki-brazilii-v-pervoy-polovine-marta-2012-g.html>

1. Правительственные (федеральные, государственные и муниципальные) источники. К ним относятся государственные структуры, созданные еще в середине XX в. с целью прямого продвижения и финансирования научных исследований: Национальный совет по научному и технологическому развитию и Национальное агентство по финансированию исследований и проектов как часть Министерства науки, технологий и инноваций. Федеральные гранты выдает Национальный совет по научному и технологическому развитию. На уровне регионов практически в каждом штате действуют общественные фонды, финансирующие науку. По данному показателю лидирует Сан-Паулу, в котором в 1962 г. был создан подобный фонд финансовой поддержки научных исследований – FAPESP. Следствием формирования указанных фондов стало внесение поправок в конституции бразильских штатов в 1980-х и 1990-х гг.
2. Косвенное финансирование происходит через бюджеты университетов, как государственных, так и частных. В ряде университетов существуют собственные подразделения, оказывающие финансовую поддержку студентам и преподавателям, осуществляющим научно-исследовательские разработки.
3. Госкомпании, такие как Embrapa (бразильское предприятие сельскохозяйственных исследований), которые аналогичным образом финансируются за счет правительственных источников путем распределения средств бюджета по министерствам и ведомствам.
4. Предприятия в сферах промышленности, торговли и сферы услуг, имеющие собственные научно-исследовательские центры и получающие налоговые преференции от государства.
5. Национальные частные и некоммерческие организации, а также индивидуальные пожертвования физических или юридических лиц. В качестве примера здесь можно привести фонд Национального банка Бразилии.

6. Финансирование инновационной деятельности зарубежными организациями, такими, как, например, Всемирный банк, Межамериканский банк развития, Фонд Форда, Фонд Рокфеллера, Программа развития ООН, ЮНЕСКО, Всемирный фонд дикой природы, Всемирная организация здравоохранения, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Фонд Келлога, Национальный научный фонд США, Фонд «Фольксваген».

Во многом благодаря инновационному развитию экономика Бразилии в XX в. оказалась самой быстрорастущей: ее ВВП за столетие увеличился в 78 раз. Сегодня Бразилия занимает передовые позиции в мировом авиастроении, биоэнергетике, на глобальном рынке продовольствия²³⁰.

Однако, несмотря на существенный «прорыв в будущее», в целом показатели инновационности современной Бразилии в глобальном масштабе пока еще относительно средние. По версии Всемирного экономического форума, страна в рейтинге глобальной конкурентоспособности находится на 58 месте из 139 стран, правда, опережая, например, Россию (63 место)²³¹. Более того, по такому параметру, как «инновации и развитие экономики знаний» Бразилия занимает вполне солидное 38 место (для сравнения Россия – на 80). В то же время эта латиноамериканская страна отстает по таким базовым показателям, как, например, уровень развития здравоохранения и начального образования (только 87 место в мире). Однако количество собственных разработок в Бразилии несколько превышает количество покупаемых лицензий (29 место в мире по технологической самостоятельности и способности к инновациям), та же позиция у страны по показателю «инвестирование частных компаний в НИОКР». По уровню качества научно-исследовательских учреждений Бразилия находится на

---

²³⁰ Независимая газета. 2012. 13 декабря.

²³¹ По данным IMD World Competitiveness Yearbook, в 2012 г. Бразилия занимала 46 место в мире по конкурентоспособности. См.: <http://gtmarket.ru/news/2012/05/31/4423>

42 месте, а по уровню обеспеченности научными и инженерными кадрами – на 68 месте²³².

Однако при этом в области борьбы с бедностью, в том числе за счет инновационного развития у Бразилии имеются несомненные успехи. Количество бедных в стране сократилось с 1994 г. на 67,3%. Таким образом, руководству страны удалось значительно перевыполнить «План тысячелетия» ООН, в соответствии с которым уровень бедности должен был сократиться в 1990–2015 гг. на 50%. Об этом в 2011 г. было заявлено в докладе, который обнародовал бразильский фонд изучения общественного мнения и социальных исследований имени Жетулиу Варгаса (FGV). Если доходы самых бедных жителей страны в 2001–2009 гг. увеличились на 52,59%, то 10% самых обеспеченных бразильцев смогли нарастить свой капитал только на 12,8%. Как считают специалисты FGV, если такая тенденция сохранится и дальше, в течение ближайших 30 лет Бразилия сможет встать в один ряд с развитыми странами, такими, как США, а также добиться относительной социальной справедливости. В настоящее время разрыв между богатыми и бедными в стране уменьшился до минимальной с 1960 г. отметки²³³. По данным заместителя директора Института Латинской Америки РАН, доктора политических наук Б. Мартынова, «в последние годы, во времена президентства Луиса Инасиу Лула да Силвы, Бразилия сделала колоссальный рывок вперед. Из состояния бедности было поднято 30 миллионов человек. Это колоссальное достижение. Бразилию уже многие записали в восходящие державы XXI века. И по многим показателям так и есть»²³⁴. «Бразилия два года была мировым лидером по иностранным инвестициям, темпы роста экономики были прекрасные»²³⁵. В немалой степени это объясняется эффективным сочетанием

---

²³² Всемирный экономический форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности 2011-2012 // <http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330>

²³³ Бразилия перевыполнила «План тысячелетия» ООН по сокращению бедности // <http://www.km.ru/v-mire/2011/05/04/braziliya-perevypolnila-plan-tysyacheletiya-oon-po-sokrashcheniyu-bednosti>

²³⁴ Баусин, А. В Бразилии бунтуют не жители фавел, а средний класс // http://www.gazeta.ru/politics/2013/06/27_a_5395485.shtml

²³⁵ Там же.

инновационного компонента в политико-экономическом курсе правительства страны с социальным.

Тем не менее, в социально-экономическом развитии Бразилии до сих пор имеются существенные проблемы. Несмотря на усилия правительства по повышению инновационного потенциала страны, тормозят преобразования не слишком благоприятные макроэкономические условия, высокие процентные ставки, негибкая налоговая политика и недостаточная скоординированность действий основных участников инновационного процесса. Дает о себе знать и «обратная сторона» политики борьбы с бедностью. Проводя активную социальную политику и создав тем самым относительно массовый средний класс, правительство Бразилии столкнулось с новой проблемой. Став более состоятельными, многие бразильцы попали под влияние «потребительских» настроений, одновременно вырос уровень «социального паразитизма». Все это вылилось в протестные акции, участники которых теперь представляли не интересы «низов», а «среднего» слоя бразильского общества. В июне 2013 г. во многих городах страны прошли массовые беспорядки против проведения в Бразилии чемпионата мира по футболу – население предъявило руководству страны претензии относительно того, что на международный футбольный форум планируется потратить слишком много средств, которые можно было направить на повышение жизненного уровня граждан²³⁶. В принципе такая «гедонистическая» позиция народных масс создает потенциальную угрозу и инновационному развитию страны, которое требует существенных финансовых инвестиций и вложений. Не исключено, что под «охлократическим» давлением власти страны вынуждены будут урезать «инновационные» траты.

Перейдем к рассмотрению опыта Малайзии. Население Малайзии составляет 23,2 млн человек и поделено на три основных расовых группы: этнические малайцы и близкие им народы (66%), известные как «сыновья земли», китайцы (25%) и индийцы (7%). Примечательно, что именно этнические малайцы

---

²³⁶ «Футбольный бунт» в Бразилии: штурм МИД и «бегство» президента // <http://top.rbc.ru/society/21/06/2013/862739.shtml>

составляли наибольшую часть бедного населения Малайзии в силу изначально невыгодного расселения и специфики менталитета. И именно на преодоление бедности среди титульного населения в основном были направлены усилия руководства страны в 1970–2000-х гг.

Динамика, с которой развивалось народное хозяйство Малайзии в период с 1970-х по 1990-е гг., была преимущественно обусловлена государственной политикой, ориентированной на поддержание долгосрочной стабильности в сфере сельского хозяйства и опережающих темпов роста экспортоориентированной промышленности. По аналогии с Бразилией, страна предполагала первоначально сформировать мощную экономическую базу и лишь затем переходить к инновационному развитию.

В основе этой политики по экономической модернизации Малайзии лежал подход максимального задействования существующих финансовых источников внутри страны. В середине 1990-х гг. наблюдалось бегство капитала за рубеж, при этом норма сбережений выросла до 37%, а норма инвестиций – до 39%, тогда как в 1960-е гг. эти же показатели были 28% и 14%, соответственно. Одновременно «реформаторское» правительство активно привлекало иностранные инвестиции, добившись наивысшего значения доли последних в основной капитал среди стран Юго-Восточной Азии (не считая Сингапура) – 26%.

Аграрный сектор экономики получал и получает поддержку путем субсидирования закупок сельхозпродукции, централизованного ценового регулирования, выдачи субсидий на закупку удобрений и сельхозоборудования. Как следствие принятых мер начиная с 1990-х гг. наблюдался постоянный рост выпуск сырья для нужд промышленности и сельхозпродукции.

С середины 1990-х гг. промышленная политика Малайзии во многом также базируется на регулирующей и арбитражной роли государства, однако масштаб госвмешательства последовательно снижается. Даже с учетом того, что соотношение расходов бюджета и ВВП уменьшилось с почти 60% до 25% за период с 1981 по 1996 гг., соответственно, приоритетные секторы экономики продолжили получать льготное кредитование и прямое государственное

финансирование системно значимых инфраструктурных проектов. Опережающими темпами росла и обрабатывающая промышленность, благодаря чему, в свою очередь, доля машиностроения в ВВП в 2000-е гг. превышала уже 40%.

Однако протекционистская политика руководства Малайзии не была иррациональной, в частности, она не предусматривала создания искусственных барьеров для импорта, что в целом сохраняло здоровую конкурентную среду.

В 1980–1990-х гг. в Малайзии сформировалось народное хозяйство индустриально-аграрного типа, сориентированное на экспорт. Объем разрешенного экспорта составлял в середине 1960-х гг. примерно половину всего ВВП, а в последующие двадцать лет он вырос до четырех пятых ВВП. В итоге, хотя Малайзия и осталась крупнейшим поставщиком на мировой рынок сырья (каучук, пальмовое масло, олово, какао-бобы, тропическая древесина, нефть, газ), с середины 1980-х гг. ведущей статьёй малайзийского экспорта становится продукция электроники. В частности, именно в этот период Малайзия вышла в лидеры по объемам производства полупроводников (наряду с США, Южной Кореей, Японией и Тайванем).

Однако высокая степень зависимости народного хозяйства страны от мировой конъюнктуры на полупроводники стимулировала дальнейшую диверсификацию экспорта промышленной продукции. Именно поэтому начиная с где-то с 1995 г. Малайзия начала попытки выхода на мировой рынок автомобильной продукции, кроме того, резко увеличились производство и экспорт бытовой электроники, текстиля и одежды.

Благодаря эффективной экономической политике правительства Малайзия гораздо более легко, в сравнении со странами-соседями, справилась с последствиями финансового кризиса в регионе. Упреждая возможный «перегрев» экономики и усиление диспропорций за счет высокой динамики развития, правительство страны в середине 1990-х гг. ужесточило надзор за финансово-банковским сектором, ограничив при этом расходы госбюджета и повысив ставку рефинансирования. Привлечение краткосрочных кредитов для финансирования

реального сектора экономики также осуществлялось не столь активно, как в других странах региона.

В 1990-е гг. в духе модной тогда политики рыночных реформ малайзийское руководство попыталось начать процесс либерализации, которая предусматривала ослабление регулирования экономики со стороны государства, приватизацию государственных предприятий и т.п., что, однако, не самым лучшим образом сказалось на экономике – в конце 1990-х гг. ВВП Малайзии снижался примерно на 5% в год.

Тем не менее, в отличие от других стран Юго-Восточной Азии Малайзия мудро отказалась от содействия МВФ и сделала ставку на самостоятельный выход из кризиса посредством активизации торговли внутри страны, приоритетной финансовой поддержки отдельных ключевых отраслей экономики, в т.ч. путем увеличения дефицита бюджета.

В 2001 г. экономика Малайзии столкнулась с внешним шоком, связанным с уменьшением потребительского спроса в США на электронные товары, являвшиеся одной из основных статей экспорта страны. Для того чтобы в связи с этим предотвратить значительное снижение ВВП, специалисты министерств и ведомств предложили премьер-министру страны несколько вариантов корректировки экономической политики. В итоге был выбран вариант, предусматривавший снижение учетной ставки и увеличение числа выходных дней с тем, чтобы стимулировать внутренний туризм и расходы населения и тем самым в какой-то степени восполнить сокращение совокупного спроса.

А в 2002 г. правительство предприняло ряд шагов по стимулированию национальных инвесторов и стало более осторожно подходить к приватизации госсобственности, чтобы избежать неоправданных финансовых потерь. В противовес ранее существовавшим планам по разгосударствлению нефтегазовой компании Petronas, была подтверждена линия на сохранение в руках государства этого важнейшего источника мобилизации доходов в госбюджет. Более того, трудности с промышленным развитием правительству Малайзии удалось подстраховать за счет благоприятной сырьевой конъюнктуры. Во многом

благодаря экспорту энергоносителей Малайзия, несмотря на общемировую тенденцию к снижению темпов прироста промышленного производства, завершила 2001 г. с положительным сальдо торгового баланса в 14,2 млрд долл. США, при этом экспорт сжиженного газа равнялся 3,36 млрд долл., или 3,8% всего экспорта, а нефти – 3,02 млрд долл. США (3,4%). В настоящее время валовый национальный продукт Малайзии растет быстрее, чем ее население. По росту ВВП на душу населения она находится на третьем месте в Юго-Восточной Азии после государств-«карликов» – Сингапура и Брунея.

Особо стоит подчеркнуть, что успех индустриализации Малайзии во многом обязан наличию в стране природных ресурсов (пальмовое масло, каучук, нефть, газ). По запасам нефти (около 800 млн т) Малайзия занимает 27 место в мире, газа (2,3 млрд куб м) – 16. В принципе запасы достаточно скромные, но «углеводородные деньги» использовались чрезвычайно эффективно. На них в 1980–1990-х гг. были построены системно значимые инфраструктурные объекты: автодороги и мосты, скоростные магистрали и аэропорты, железнодорожное сообщение и энергетические мощности, морские порты, в т.ч. глубоководные.

В 2002 г. страна громко заявила о себе, запустив свою собственную космическую программу. Более того, было заявлено, что Малайзия к 2020 г. надеется отправить своего космонавта на Луну²³⁷.

В результате уровень бедности в Малайзии снизился с 16,5% в 1990 г. до 8% в 2000 г. (Таблица 17). Доля же тех, кто живет в крайней нищете (с доходом ниже 50% черты бедности (134 долл. США), снизилась до 1%²³⁸.

Более того, преодолев свои экономические и социальные проблемы, страна вступила на путь инновационных преобразований. Даже глобальный экономический кризис не смог поколебать ее стремления к развитию. Так, в целях создания условий минимизации влияния на экономику страны негативных тенденций мирового рынка премьер-министр Малайзии Наджиб Разак объявил о

---

²³⁷ Kent, J. Malaysia has high hopes for moon // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4192166.stm>

²³⁸ Устойчивое развитие. Информационно-аналитический бюллетень для организаций Казахстана и Центральной Азии. 2003. Март – апрель. № 2 (37). С. 18.

разработке новой экономической модели, рассчитанной на обеспечение роста ВВП в 2011–2020 гг. на уровне не ниже 6,5% годовых.

Задача-максимум, поставленная правительством, – превратить Малайзию в страну с высокими доходами и развитым внутренним рынком. Малайзия намерена достичь роста доходов на душу населения до 15 тыс. долл. США (сегодняшний показатель – 7 тыс. долл. США). Предусмотрено также осуществление мер по развитию наукоемкой продукции в целях ослабления зависимости от нефтяной и газовой отрасли. Расходы на образование также должны быть увеличены; намечены меры по стимулированию предпринимательской активности. Сокращение бедности тоже является одним из приоритетов, хотя на 2011 г. уровень бедности в стране не превышал вполне «безобидных» 7%. Тем не менее, поставлена задача существенно снизить уровень бедности всех слоев населения независимо от этнической принадлежности²³⁹.

В целом политика малайзийского руководства свидетельствует о сохранении Куала-Лумпуром курса на защиту национальных интересов в мировой экономике и сохранении государственного контроля за экономическими процессами внутри страны.

В то же время нельзя не отметить, что в рамках экономических преобразований ощущался этнический фактор, поскольку, хотя Малайзия и является страной многонациональной и многоконфессиональной, но титульная нация ярко выражена. Поэтому одновременно с развитием госсектора происходило перераспределение в пользу коренного населения экономического потенциала страны. Как только государственные предприятия выходили на показатели экономической эффективности и окупаемости, происходила передача прав на пользование ими малайским предпринимателям, которые при этом находились в состоянии острой конкуренции с китайскими и тамильскими бизнесменами. Как отмечал в своей книге экс-премьер Малайзии в 1981–2003 гг. Махатхир Мохамад, ситуация в стране в начале XXI в. кардинальным образом отличалась от той, в которой он начал работать в 1970-х гг.: «Сегодня не

---

²³⁹ Поляков, Б. Малайзия сегодня // Форум. – 2011. – 11 июня.

приходится сомневаться в деловых качествах малайцев. Предприятия под их руководством успешно развиваются, а их бизнес больше не зависит от контрактов и инициатив правительства, в которых по-прежнему нуждаются некоторые начинающие компании... В современной Малайзии крупные малайские предприятия, а также частные предприниматели-малайцы зачастую покупают большие компании немалайцев. И такие компании нередко сохраняют свои немалайские названия»²⁴⁰.

Малайзия активно использовала эффективное планирование в борьбе с бедностью (Таблицы 18 и 19). В начале 1990-х гг. руководство страны формулирует стратегический план поэтапного развития Малайзии «Видение 2020», который предполагает, что к 2020 г. Малайзия станет «единой нацией с сильными моральными и этническими ценностями, живущей в демократическом, либеральном, экономически справедливом и равноправном, прогрессивном и процветающем обществе, основанном на конкурентной, динамичной и здоровой экономике».

Первым этапом на пути к достижению поставленных целей стала «Новая политика развития» на 1991–2000 гг. Она продолжала активную политику борьбы с бедностью и предусматривала реструктуризацию общества с целью корректировки социального и экономического дисбаланса. Однако новым являлось то, что основной акцент в борьбе с бедностью теперь делался именно на ликвидации крайней нищеты, в политике занятости усилия были сконцентрированы на вовлечение коренных малайцев в современные технологичные отрасли. Кроме того, предусматривались развитие частного сектора и вовлечение его в качестве партнеров, а также человеческое развитие, как основа достижения роста и равноправного распределения.

Следующим этапом развития стал проект «Новая политика видения», призванный подойти максимально близко к ориентирам «Видения 2020». Основными целями плана развития на 2001–2010 гг. являлись, во-первых, снижение количества бедных в 2005 г. до 0,5%; во-вторых, усиление адресности

---

²⁴⁰ Мохамад, М. Путь вперед. – М.: Харвест, 2009. С. 75.

при оказании помощи в отдаленных регионах; в-третьих, фокусирование внимания на нижнем, 30%-м, слое населения; в-четвертых, повышение дохода семьи до 316 долл. США. При этом базовыми задачами определялись предоставление доступа к услугам здравоохранения, образования, обучение профессиональным навыкам для повышения занятости в городах, строительство дешевого и доступного жилья, наделение властью местных органов. Кроме того, это предусматривало осуществление оперативного и эффективного мониторинга и анализа политической и социально-экономической ситуации, развитие информационной базы по каждой целевой группе населения.

Проводимая в течение последних трех десятков лет правительством Малайзии целенаправленная стратегия экономического роста и инновационного развития привела к расширению экономических возможностей малоимущего населения и более равномерному распределению капитала. Жесткая борьба с коррупцией в госаппарате Малайзии также способствовала сокращению бедности и улучшению качества услуг в государственном секторе экономики. Все эти меры привели к тому, что Малайзия сейчас входит в число передовых стран Юго-Восточной Азии. Более того, страна находится на подъеме и по данным глобальных рейтингов. По данным рейтинга глобальной конкурентоспособности 2011–2012 гг. Малайзия заняла 21 место, поднявшись, по сравнению с предыдущим годом на 5 позиций²⁴¹. Одновременно данное государство занимает вполне солидные позиции в мировом рейтинге «Индекс развития человеческого потенциала»²⁴².

Тем не менее, преодоление бедности парадоксально сказалось на экономическом развитии страны. Помимо многочисленных «плюсов», оно имело также некоторые «минусы».

Во-первых, рост ВВП на душу населения и увеличение зарплат перевели Малайзию в категорию стран со средними доходами. В этой связи страна теряет

---

²⁴¹ Всемирный экономический форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности 2011-2012 // <http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330>

²⁴² См.: Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future For All, N.Y., 2011. P. 128.

свою привлекательность у инвесторов, поскольку затраты на ведение бизнеса уже не такие низкие, как это было прежде. Кроме того, в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона Малайзия конкурирует еще и с Китаем. Обозначилась специализация других стран региона в международном разделении труда: Южная Корея и Сингапур – высокие технологии, Таиланд – электроника, Индия – производство ИТ-оборудования, Вьетнам – пошив и производство одежды. Размещать производственные мощности в Малайзии для инвесторов не столь выгодно. По данным Министерства статистики страны, объем иностранных инвестиций в ВВП за последние 30 лет сократился вдвое – с 40% до 21%.

Во-вторых, страна «достигла потолка» в копировании зарубежных технологий и разработок. При этом число собственных научных исследований в Малайзии незначительно.

В-третьих, экономика Малайзии переинвестирована. С конца 1990-х гг во всех секторах экономики показатель рентабельности капитальных вложений не превосходил 6%, что ниже в среднем аналогичного показателя по развивающимся странам (8%). По мнению экспертов Международного валютного фонда, переломить ситуацию может только появление новых перспективных и быстрорастущих отраслей в экономике, которые были бы привлекательны для инвесторов.

Переходя к анализу опыта Индии, нужно заметить, что она традиционно относится к странам с исключительно высоким уровнем бедности и социального расслоения. Такие реалии усугублялись и закреплялись еще жестко фиксированной социальной иерархией (кастовая система) и перенаселенностью. Кроме того, бедность являлась и следствием колониальной политики Великобритании, которая была нацелена, с одной стороны, на жесткую эксплуатацию ресурсного потенциала своих владений (а Индия до 1949 г. находилась под английским владычеством), с другой – на реализацию принципа «разделяй и властвуй» как в социальной, так и национальной политике. Все это влекло за собой нищету подавляющего большинства населения при гипертрофированном богатстве немногочисленного «правлящего класса».

Однако по мере государственного «созревания» Индии, роста ее политических и социально-экономических амбиций и активизации ее участия в международной жизни возникает потребность в преодолении указанной социальной разбалансировки. Как показывает мировая практика, странам «третьего мира» можно войти в мировую элиту только при условии инновационного рывка, в противном случае они обречены на бесперспективный «догоняющий путь развития». «Лишь наука может решить проблемы голода и бедности, антисанитарии и безграмотности, беспросветных суеверий и обычаев, когда огромные ресурсы растрачиваются впустую, а богатую страну населяют умирающие от голода бедняки...», – так говорил Джавахарлал Неру, первый премьер-министр независимой Индии²⁴³.

При этом для проведения в жизнь инновационных инициатив требуются квалифицированные кадры и хотя бы относительно высокий уровень грамотности населения. В связи с дефицитом времени, отведенным Индии на указанные преобразования, реализация государственной инновационной политики шла рука об руку с реформой образования, которая предполагала, с одной стороны, повышение общей грамотности граждан, а с другой – формирование собственной научно-исследовательской элиты.

При этом ставка делалась, прежде всего, на развитие технических направлений. Показательно, что всего в Индии около 250 университетов, из которых можно выделить 20–30 лучших, чьи выпускники высоко котируются на рынке труда. Следует заметить, что среди технических вузов Индии 7 технологических институтов имеют свое особое место. Они постоянно получают большие гранты правительства и заказы на проведение НИОКР от частных компаний. Некоторые выпускники уже сейчас занимают высокие должности: в их числе один из основателей Sun Microsystems, нынешний CEO Vodafone, член совета директоров Citibank и вице-президент Microsoft. Диплом этих вузов из-за высокого уровня получаемого здесь образования действительно настолько высоко котируется, что многие, получившие его, сразу находят работу за границей.

---

²⁴³ Неру, Дж. Воспоминания. Исследования. – М.: Наука, 1989. С. 34.

Можно выделить четыре этапа в формировании и развитии НИС Индии.

Первый этап формирования НИС (1942–1970-е гг.)

О начале формирования национальной инновационной системы Индии можно говорить, по большому счету, лишь начиная с обретения страной независимости от британского господства (1947). Однако первый важный элемент инновационной структуры появился еще в 1942 г., когда по инициативе центрального руководства страны был образован Научно-промышленный исследовательский совет – автономная организация, являющаяся и сегодня ведущим в Индии центром НИОКР. С 1947 г. он руководит национальной системой научно-исследовательских лабораторий. Совет не только привлекает значительные государственные финансовые средства, но и активно взаимодействует с промышленными компаниями и предприятиями.

При этом в первые годы независимости Индия с целью преодоления постколониальной зависимости от бывшей метрополии стремилась обрести возможности «автономного» развития. Именно на это были ориентированы протекционистские меры, получившие название «лицензионного права». Они надолго определили развитие инновационного потенциала страны. Одна из таких мер – замещение импорта – предполагала организацию производства собственных товаров взамен ввозимых из-за рубежа. Импорт технологий требовал процедуры получения государственного разрешения. При этом индийское патентное законодательство косвенно поощряло копирование западных технологий, что обеспечивало полулегальное процветание многих индийских предприятий, особенно фармацевтических концернов.

А в 1974 г. индийское руководство впервые приняло пятилетний план научно-технического развития, разработанный Национальным научно-техническим комитетом. Данная программа предполагала содействие внедрению и адаптации новых технологий и развитие собственных производственных мощностей. Фактически это была централизованная государственная программа НИОКР, объединившая усилия более чем 2 тыс. ученых, занятых планированием развития технологий в 24 секторах промышленности.

Второй этап формирования НИС (1980-е гг.)

1980-е гг. ознаменовались повышенным вниманием руководства страны к развитию науки и технологий. В частности, при кабинете министров была создана Консультативная комиссия по науке – координирующий орган, целью которого являлось определить перспективные направления развития индийской НИС.

А в 1982 г. правительство Индии создает при Департаменте науки и техники Национальное бюро развития научно-технических предприятий, ориентированное на поддержку создания наукоемких и высокотехнологичных предприятий. Так Бюро разработало программу «Парк научно-технических предприятий», реализация которой началась в 1984 г. Программа предусматривала создание особых экономических зон для высокотехнологичных предприятий. С 1985 г. базовой площадкой для этой программы стал город Бангалор в штате Карнатака, т.н. индийская Кремниевая долина²⁴⁴.

В 1983 г. вышло Положение о технической политике, поощрявшее НИОКР в частном секторе, создание независимых лабораторий, которые сотрудничали бы с государственными организациями. Одновременно был сформирован Совет по прогнозированию и анализу технической информации (1988). Он занимается прогнозированием востребованности технологий, анализирует тенденции их развития, поддерживает инновации путем проведения сетевых мероприятий в отдельных технических отраслях национального значения. Государство также постаралось обеспечить пополнение фонда венчурного капитала путем обложения импортируемых технологий 5% налогом. Финансированием собственных технологических разработок из полученных средств занимался Индийский банк индустриального развития.

В целом второй этап развития НИС характеризуется развитием государственно-частного партнерства, процессами постепенной либерализацией в

---

²⁴⁴ В 2000-е гг. в Бангалоре работали уже более 250 тыс ИТ-специалистов. Это больше, чем в калифорнийской Кремниевой долине, где, что примечательно, 40 % работников ИТ индийского происхождения.

области торговли и импорта, поощрением частной инициативы в сфере развития новых технологий и созданием государственной системы специальных институтов для поддержки инноваций.

Третий этап формирования НИС (1990-е – начало 2000-х гг.)

Несмотря на то, что начало 1990-х гг. ознаменовалось для Индии серьезным экономическим кризисом, тем не менее, в этот период были проведены весьма важные инновационные реформы либерального характера. Так было отменено промышленное лицензирование (оно сохранилось в урезанном виде в нескольких отраслях), иностранные инвестиции объемом до 51% уставного капитала одобрялись автоматически, неэффективные государственные предприятия были реорганизованы или приватизированы. Тем не менее, присутствие государства в инновационном секторе все равно было значительным – оно финансировало до 70% научных разработок. При этом расходы на НИОКР были ниже 1%, а объем иностранных инвестиций рос медленно.

Одновременно активизация международного взаимодействия заставила руководство Индии провести реформу законодательства об интеллектуальной собственности. Закон 1970 г. «О патентах» претерпел существенные изменения в 1990, 2002, 2005 гг. и с этого времени стал отвечать мировым правовым стандартам.

Четвертый этап формирования НИС (2000-е – 2010-е гг.)

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось для Индии мощным экономическим подъемом и ускорением в развитии инновационной сферы. Это было обусловлено как завершением предварительной стадии подготовки экономики страны к инновационному этапу, так и появлением необходимой «критической массы» образованных индийцев. В 2004 г. численность населения Индии с высшим образованием достигла 53 млн человек (4,5% населения). Следовательно, страна получила необходимое количество неплохо обученной, но относительно бедной молодежи, которая владеет английским языком и имеет возможность (благодаря исторически сложившимся связям) проходить стажировку в США и Великобритании. Это также формировало инновационный

профиль Индии как ведущего мирового центра ряда услуг, в т.ч. софтверных, бизнес-аутсорсинга и инжиниринга²⁴⁵. В середине 2000-х гг. на Индию приходится приблизительно 45% рынка бизнес-аутсорсинга и примерно 65% рынка ИТ-аутсорсинга.

Все это позволило руководству страны приступить к следующему этапу преобразований. В 2003 г. правительство Индии обнародовало очередные инициативы, ориентированные на инновационное развитие страны. В частности, они предполагали деbüroкратизацию и привлечение к управлению профильными министерствами и департаментами ученых и представителей академического сообщества; увеличение объема инвестиций в НИОКР до 2% ВВП к 2007 г., предоставление университетам и научным лабораториям права передачи технологий (раньше на это требовалась санкция государства). Также анонсировалось создание финансовых стимулов в системе НИОКР, как собственных, так и аутсорсинговых, и проведение реформы законодательства об интеллектуальной собственности²⁴⁶.

Особый акцент делается на формировании соответствующей инновационной инфраструктуры, оказание «профильным» предприятиям технической, информационной и консультационной помощи, государственное софинансирование «прорывных» проектов и технологий²⁴⁷.

Кроме того, несмотря на то, что инновационная политика обращена «внутри» страны, Индия активно привлекает к сотрудничеству зарубежных партнеров. В этом плане примечательна деятельность созданной еще в 1992 году Индийской ассоциации венчурного инвестирования, которая объединяет в своих рядах как «местных», так и американских, и европейских участников²⁴⁸.

В последние годы руководство страны существенное внимание уделяет также вопросам правового обеспечения инновационной деятельности. Значимым

---

²⁴⁵ Стерлигов, И. Инновационный потенциал стран БРИК // http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=223&d_no=12033#.UjJmnn_qWSo

²⁴⁶ См.: Республика Индия. Национальная инновационная система // <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html>

²⁴⁷ Калятин, В.О., Наумов, В.Б., Никифорова, Т.С. Указ соч. С. 140.

²⁴⁸ Там же.

шагом в этом направлении стала разработка в 2008 г. «Национального инновационного пакта». Он ориентирован на стимулирование инновационной активности в стране.

Организационная инфраструктура государственной поддержки и развития инноваций в Индии в 2000–2010-е гг. продолжала формироваться и в настоящее время представляет собой сложную систему. Она включает в себя центральные министерства, министерства при правительствах штатов, организации при муниципальных образованиях (институты, университеты, школы, обучающие центры), комитеты национального уровня и регионов, сеть юридических институтов, законотворческих организаций. При этом зачастую многие из этих учреждений дублируют функции друг друга и нередко мешают проведению в жизнь «централизованной линии».

В целом управление политикой в сфере инноваций условно можно разделить на три подсистемы (причем данная система еще больше «дробится» на уровне штатов):

1. Исполнительно-административное управление осуществляется на уровне правительства, министерств и департаментов. На центральном уровне это Министерство науки и технологий, отраслевые министерства и департаменты, такие как Департамент по атомной энергетике, Министерство образования. Основная задача этих организаций – координация и контроль за исполнением программ и деятельности в области научно-технического развития, обеспечение этих процессов нужной инфраструктурой. Плановая комиссия Индии выполняет функцию управления научно-техническим развитием страны с помощью планирования и бюджетирования расходов.
2. Финансовое управление. В Индии нет специального единого фонда для финансирования научно-технического развития. Частично финансирование осуществляется через несколько малых фондов при министерствах и департаментах. Однако таких фондов немного и их ресурсы ограничены. Другой источник – это фонды экономической

реструктуризации, фонды по предотвращению и ликвидации последствий национальных катастроф и фонды, финансирующие масштабные инфраструктурные проекты. С помощью этих фондов создается спрос на наукоемкие товары, используемые как в государственном, так и в частном секторе.

3. Рыночное управление. Достаточно перспективное направление с точки зрения эффективности привлечения инвестиций и вовлечения в процесс инновационного развития страны промышленности и научных учреждений. Чаще всего это происходит через объединение благотворительных фондов, корпоративных научно-исследовательских учреждений, профессиональных сообществ в общественные структуры, которые занимаются привлечением инвестиций, координацией и контролем над их использованием. Однако в Индии эти инициативы только начинают развиваться. Роль координатора научно-технических программ пока выполняют административные органы (министерств и департаментов).

В условиях недостатка квалифицированных научных кадров и стремления руководства страны к оперативной отдаче от инноваций, акцент в преобразованиях был сделан на патентовании и коммерциализации инноваций, которые стимулируются посредством многочисленных государственных и общественных программ.

Например, существовала Программа по поддержке предпринимательства в сфере инновационных технологий, предполагавшая, что все имеющие оригинальные ноу-хау могут получить финансовую поддержку государства в размере примерно 1 тыс долл. США на реализацию своих идей. Это привело к тому, что за 8 первых лет с начала программы было профинансировано и реализовано более 150 проектов, преимущественно в области медицины и создания товаров народного потребления.

Еще один проект – Программа развития и демонстрации технологий (TDDP) помогает изобретателям и рационализаторам быстро завершить этап от

концептуального прототипа до опытного производства. Существуют также программы, нацеленные на увеличение масштаба производства инновационной продукции и предоставляющие возможность получения льготного кредитования в пределах половины требуемый на проект суммы²⁴⁹.

Такая целенаправленная политика государства по поддержке инновационных проектов способствует и активному привлечению инвесторов. В 2007 г. в Индии были зафиксированы 299 сделок с прямым инвестированием в венчурные проекты, при этом объем прямых венчурных инвестиций достиг 7,5 млрд долл. США в год. Эти инвестиции привлекают в основном наиболее продвинутые отрасли: информационные и коммуникационные технологии, ритейл и биомедицина.

Одновременно государство доминирует в финансировании НИОКР, хотя в последние годы несколько возросла доля вложений со стороны частных компаний и вузов. В целом 74,1% расходов на НИОКР несет государство, 25,9% – частный сектор.

Нельзя не отметить и инвестиционную активность зарубежного бизнеса. Во многом это связано с тем, что Индия имеет в развитых странах Запада мощные «группы поддержки», кроме того, индийцы, добившиеся за границей делового успеха, в своем большинстве являются патриотами исторической родины и выступают в качестве эффективных лоббистов на высшем уровне²⁵⁰. Многие венчурные фонды Силиконовой долины, где работают индийцы-менеджеры, открывают офисы в Бангалоре и других центрах ИТ-индустрии, участвуя в проектах, ориентированных на потребности индийского среднего класса (численность которого достигает 300 млн человек).

Дальнейшие планы инновационного развития Индии были отражены в 11-м пятилетнем плане на 2007–2012 гг.: государство запланировало значительные инвестиции в развитие инфраструктуры и сферы образования.

---

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ См., например: Котин, И.Ю. Процессы формирования южноазиатской диаспоры (XIX–XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. – СПб., 2007.

В итоге на 2012 г. Индия занимала восьмое место в мире по объемам инвестиций в инновационный сектор. С 1995 г. объемы инвестиций росли примерно на 8 % в год, а страна приобрела позитивную репутацию у венчурных инвесторов.

Отечественные и зарубежные вложения позволили Индии резко интенсифицировать свою инновационную политику, особенно в таких отраслях, как автомобилестроение, разработка программного обеспечения, телекоммуникации и биотехнологии.

Примечательно, что такого рода инвестиционная подстраховка помогла стране относительно благополучно пережить глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. Так, хотя от кризиса серьезно пострадали рынки США и ЕС, в том числе автомобилестроение и ИТ, в Индии эти отрасли, напротив, продемонстрировали рост. Настоящей сенсацией стало то, что в самый пик кризиса в 2009 г. индийский автомобильный концерн Tata запустил в производство самый дешевый в мире автомобиль «Нано», на который сразу поступило 120 тыс заявок²⁵¹. Кроме того, в условиях кризиса руководству страны удалось привлечь в местный автопром иностранные компании, которые заинтересованы в промышленной сборке своих моделей на территории Индии ввиду наличия здесь относительно квалифицированной и дешевой рабочей силы.

Еще один инновационный прорыв был совершен в телекоммуникационной сфере. И здесь темпы роста оказались феноменальными: за один фискальный год с 2007/08 по 2008/09 «прибавка» сектора телекома составила 103 %. В целом надо сказать, что рынок телекоммуникационных услуг Индии – один из самых быстрорастущих в мире (после КНР). Индийское руководство активно стимулирует использование инноваций в телекоме. В стране получили широкое распространение протоколы 3G и Internet Protocol Television Services. А прямые

---

²⁵¹ См.: Индия: научно-технологическое развитие и инновации / Информационно-аналитический журнал «Политическое образование». 30.05.2012 // www.lawinrussia.ru/node/119856

иностранные инвестиции в индийский телекоммуникационный сектор за 11 лет (с апреля 2000 г. по март 2011 г.) составили более 9,7 млрд долл. США.

Также нельзя не отметить, что интерес инвесторов к индийскому телекому подогревает активное подключение к рынку новых потребителей и пользователей. За указанные 11 лет здесь было зарегистрировано 852 млн беспроводных подключений к Интернету. По этому показателю Индия обошла даже США, хотя и отстала от КНР.

Третьим сектором, устоявшим перед лицом кризиса и даже прибавившим в этот период, стал сектор информационных технологий, доля которого в индийском ВВП составила 5,8% в 2008/09 г. При этом ряд компаний продемонстрировали в 2008–2010 гг. существенный рост. Такие фирмы в области ИТ, как Tata Consultancy Services, Wipro, Infosys, HCL и Tech Mahindra-Satyam, «подросли» на 15–20% за 2007/08 – 2008/09 гг. И это при том, что рост таких мировых лидеров, как Microsoft, IBM, Cisco, Oracle, Intel и Adobe, за тот же период составил всего от 1 до 10%.

Предполагается, что расходы индийских предприятий на информационные технологии во всех вертикальных отраслях в совокупности достигнут почти 35 млрд долл. США по итогам 2012 г., что на 16,4% больше аналогичный расходов в 2011 г. Правда, часть указанного роста будет обеспечена ростом рупии по отношению к ослабленному доллару США. Но в любом случае среднегодовой темп прироста расходов вплоть до 2016 г. составит 8–9%²⁵².

Существенную роль в инновационном развитии Индии играет сеть технопарков. Она начала формироваться еще в 1984 г. и постоянно росла. На данный момент только за счет действий специализированного государственного Агентства по созданию научно-технологических парков и поддержке науки и технологий создано более 30 парков. Создание технопарков является серьезной мерой поддержки предприятий, которые ориентированы на экспорт высокотехнологичных и наукоемких продуктов. Для организаций-резидентов технопарков установлены таможенные и налоговые льготы; стимулируется их

---

²⁵² В Индии строят свое «Сколково» // http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ-рынок_Индии

сотрудничество с высшими учебными заведениями, в т.ч. зарубежными; созданы необходимые условия по размещению (инфраструктура, доступ в Интернет, офисные площади). Одновременно технопарки обеспечивают развивающимся предприятиям ключевую инфраструктуру и позволяют им быстро встать на ноги.

Предприятиям, входящим в состав технопарков, предоставляются следующие льготы:

- снимаются ограничения на привлечение иностранных инвестиций;
- предоставляются налоговые и таможенные льготы;
- обеспечивается необходимая инфраструктура (офисные помещения, Интернет-коммуникации и пр.)²⁵³.

Некоторые технопарки имеют региональное «происхождение». Наиболее известный из них – технопарк в Керале, который обслуживает 110 компаний, где работают 15 тыс человек, есть бизнес-инкубатор и два университета, один готовит программистов, другой – менеджеров. Так как парк специализируется на производстве программного обеспечения, то он располагает и соответствующей инфраструктурой: здесь самый дешевый в Индии интернет-канал с пропускной способностью в 2,4 Тбита и Wi-Fi на всей территории в 31 га²⁵⁴.

Индия активно участвует в процессе т.н. обратных инноваций, когда изобретения, сделанные и реализованные в «третьем мире», затем выводятся на рынки развитых стран. Для индийской инновационной психологии определяющим является поиск эффективных решений при минимуме возможностей, с использованием того, что есть под рукой и по минимальной цене. Среди примеров индийских «обратных инноваций» можно назвать ручной электрокардиограф американской GE; компьютерный ультразвуковой аппарат той же фирмы; переносной, не потребляющий электроэнергию, холодильник ChotuKool фирмы Godrej; самый дешевый в мире автомобиль Tata Nano; недорогие фильтры для воды Swach, созданные также концерном Tata.

²⁵³ Калятин, В.О., Наумов, В.Б., Никифорова, Т.С. Указ соч. С. 140.

²⁵⁴ Информационные технологии / Деловой совет по сотрудничеству с Индией // <http://www.russ-ind.ru/navigator/analytic/652>

Компания Ideacts, воспользовавшись тем, что 37% Интернет-трафика Индии генерируется в Интернет-кафе, создала бесплатную программу Clinck, которая помогает хозяевам заведений управлять бизнесом, но в то же время повышает в 2,5 раза уровень просмотра рекламных объявлений в сети.

Tata Consultancy Services помогает малому и среднему бизнесу сократить расходы на ИТ, начав предоставлять им услуги «облачного сервиса» за небольшую месячную плату. В удаленных деревнях, где нет электросетей, появляются солнечные батареи индийского производства. А Индийский совет по науке стал инициатором создания велорикш, дополненных солнечной батареей, которые можно также подзаряжать на специально созданных электрозаправочных станциях. Эта инновация заметно улучшает жизнь тех, кто занят этим тяжелым трудом, а также помогает уменьшить загрязнение городской атмосферы автомобильными выхлопными газами.

Корпорация Mahindra Group, обнаружив, что большая часть мужчин мигрирует из сел в города, создала специальный трактор для женщин. Эта инновация помогает предотвратить запустение сельскохозяйственных земель и повышает статус женщин²⁵⁵. И таких примеров «приземленного» использования инноваций масса.

Что же касается статуса Индии в глобальной инновационной системе, то показатели пока относительно скромные. Индия находится на 58 позиции в рейтинге глобальной конкурентоспособности 2011 г. (РФ – на 63). По такому параметру, как «инновации и развитие экономики знаний», она занимает 42 место (Россия – на 80 месте)²⁵⁶. А согласно рейтингу ОЭСР, Индия занимает 8 место в мире по объемам инвестиций в инновационный сектор. С 1995 г. объемы инвестиций росли примерно на 8% в год, в 2004 г. их сумма составила более 24 млрд долл. США.

---

²⁵⁵ Инновации по-индийски // Московские новости. – 2012. – 6 июля.

²⁵⁶ Всемирный экономический форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности 2011-2012 // <http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330>

Тем не менее, у инновационной политики Индии имеются и сдерживающие факторы.

Во-первых, серьезной проблемой является наличие т.н. послушного общества и подданнической политической культуры. Ставить под сомнение общепринятые нормы поведения, образования и т.п. в современной Индии, считается неправильным. Уже со школы индийцев отучают мыслить творчески и нестандартно, весь процесс обучения в средних и высших учебных заведениях ориентирован на ретрансляцию точки зрения и знаний учителя.

Во-вторых, в Индии острой является проблема бюрократизации и коррупции. Бюрократизация порождена традиционностью мышления чиновников, их стремлением к воспроизводству прежних методов и стилей менеджмента, а также местничеством и стремлением продвинуть на перспективные позиции родственников или представителей своей касты. А коррупция является традиционным «бичом» сферы управления стран Востока, в Индии она приводит к торможению «неподмазанных» проектов и непрозрачности финансирования инноваций.

В-третьих, недостатком современной Индии является то, что в инновационной сфере слабо ощущается частное финансирование исследовательских проектов. В то же время государственная система финансирования не всегда является эффективной и транспарентной. Правительством в большей степени финансово поддерживаются фундаментальные исследования, а не прикладные, вследствие этого существенное число научных разработок остаются без практической реализации.

В-четвертых, имеется еще одна сугубо психологическая проблема. Индийцы слишком легко отказываются от проектов, реализовать которые не удастся с первой попытки. В то же время инновационная сфера – именно та, которая развивается методом «проб и ошибок»²⁵⁷.

---

²⁵⁷ Почему Индия не поставяет инноваций? // <http://smartsourcing.ru/blogs/keysy/1583>

В-пятых, несмотря на общие успехи в инновационном развитии, Индия продолжает оставаться страной крайней бедности, а такие диспропорции являются сдерживающим фактором в дальнейшем совершенствовании НИС.

§ 3. Инновационная стратегия выживания и успеха в высококонкурентной среде (Южная Корея, Сингапур)

Еще одной мотивацией инновационного развития является «выживание» в неблагоприятной среде или в условиях жесткой региональной конкуренции. В этом случае инновационный путь становится лучшей возможностью продемонстрировать свой модернизационный потенциал и оставить оппонентов далеко позади.

В качестве примеров такой инновационной модели рассмотрим опыт Южной Кореи и Сингапура.

Южнокорейская модель формировалась на контрасте с соседней тоталитарной КНДР. Идеологическое противостояние этих двух государств уходит корнями в 1940–1950-е гг., когда после кровопролитной войны между Севером и Югом произошло размежевание политических и экономических систем. При этом конкуренция между ними носила не только идеологический, но и модернизационный характер. Так «режим чучхе» проводил форсированную «тоталитарную модернизацию», которая основывалась на принципах коллективной собственности, плановой экономики, идеократии и монопартийности. Причем на определенном этапе при помощи СССР и КНР Северная Корея добилась определенных успехов, однако после крушения мировой социалистической системы она вступила в полосу перманентного кризиса. Тем не менее, до сих пор КНДР сохраняет существенный потенциал развития и продолжает холодную войну в отношении соседей.

Традиционно Южной Корее осложняло и осложняет до сих пор ее борьбу с «коммунистическим Севером» имидж «несамостоятельного» государства, сателлита США, закрепившийся за ней с 1940-х гг., когда американские войска взяли «под защиту» ее территорию. И поныне американцы сохраняют здесь серьезное военное присутствие, что негативно воспринимается не только

«левыми» политическими силами, но и корейскими патриотами в целом. Соответственно, инновационные прорывы были призваны не только обойти КНДР в экономической и политической гонке, но и продемонстрировать суверенность развития Южной Кореи.

Что же касается Сингапура, то здесь инновационный путь во многом был обусловлен неблагоприятными условиями для конкуренции этого государства с соседями (небольшая территория, отсутствие ресурсов). Выжить и победить в такой непростой ситуации Сингапuru как раз помогла модернизация, основанная не только на эффективности социально-экономического курса правительства, но и на жесткой гражданской дисциплине. Все это позволило как форсировать инновационное развитие страны, так и перегнать сильных региональных конкурентов. Рассмотрим эти модели подробнее.

Существенный интерес с точки зрения эффективности указанной модели инновационного курса представляет опыт Южной Кореи, в которой, несмотря на недостаток природных ресурсов, экономика динамично развивается. Причем развивается не в последнюю очередь благодаря продуманной политике государства, стимулировавшего инновации и создавшего благоприятный инвестиционный климат. Действительно, без ведущей роли государственной власти было не обойтись, поскольку страна вошла в инновационный проект с весьма неблагоприятными стартовыми позициями (дефицит ресурсного потенциала, жесткая конкурентная среда, технологическая отсталость). В этой ситуации опора на чисто рыночные механизмы продвижения модернизации оказалась бы фатальной. И только целенаправленная государственная политика могла совершить «инновационное чудо». При этом власть, декларируя приверженность капитализму и свободному рынку, изначально сделала ставку на создание под своим патронажем крупных монополий, способных совершить за счет такого своего привилегированного положения совершить инновационный рывок²⁵⁸.

---

²⁵⁸ Корейское чудо – уроки для России // <http://nikitchuk.viperson.ru/wind.php?ID=433250&soch=1>

Необходимо учитывать, что долгое время несмотря на свою принадлежность к антикоммунистическому лагерю Южная Корея развивалась как страна с ярко выраженной плановой экономикой, лишь в конце 1990-х гг. она перешла в полной мере к рыночной модели. А до этого именно государство создавало фундамент для инновационного прорыва, принимая 5-летние планы развития и контролируя их неуклонное выполнение. Всего было разработано семь таких «пятилеток», каждая из которых становилась новым этапом в продвижении страны к инновационным высотам.

Первый пятилетний план (1962-1966 гг.) был ориентирован на создание самостоятельной индустриальной инфраструктуры, электрификацию страны и развитие отдельных приоритетных отраслей экономики. Одновременно был создан Совет экономического планирования с практически неограниченными полномочиями в сфере регулирования экономики

Второй пятилетний план (1967-1971 гг.) делал акцент на ускоренном развитии импортозамещающих индустриальных комплексов (прежде всего, в сталелитейной и химической промышленности)²⁵⁹.

В ходе выполнения третьей «пятилетки» (1972-1976 гг.) произошло создание экспортно-ориентированной индустрии и инфраструктуры с ней связанной. Кроме того, было налажено масштабное производство бытовой техники и электроники, востребованной за рубежом.

Четвертый пятилетний план (1977-1981 гг.) ставил задачу повышения конкурентоспособности южнокорейской продукции на внешних рынках. Также он предусматривал внедрение передовых, интенсивных технологий на базе автоматизации производства²⁶⁰.

Пятый пятилетний план (1982-1986 гг.) стал временем развития новых технологий и информатизации системы управления. Уже тогда ставка делается на инновационный подход в развитии страны.

---

²⁵⁹ Мореходов, М.А. Южная Корея: секреты успеха // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 1. – С. 18.

²⁶⁰ Там же. С. 19.

Шестая пятилетка (1987-1991 гг.) привела к появлению свободных экономических зон как драйверов инновационного роста Южной Кореи. Одновременно усилия государства были направлены на интенсификацию научно-исследовательской работы.

Наконец, седьмая, и последняя пятилетка (1991-1996 гг.) уже приносит первые в полной мере инновационные результаты. Корея выходит на внешние рынки в таких инновационных сферах, как микроэлектроника, биоинженерия, аэрокосмические технологии. И лишь создав такой мощный экономический и технологический задел, страна постепенно переходит к рыночной модели, правда, в некоторых моментах сохраняя элементы хозяйственного планирования²⁶¹.

При этом надо отметить, что на модернизацию Южной Кореи позитивно повлияла конкуренция с соседней коммунистической КНДР, которая имела под собой не только идеологическую, но и вполне рациональную экономическую подоплеку.

Изначально конкурентными преимуществами обладала КНДР, на территории которой было сконцентрировано свыше 60% всей тяжёлой промышленности, при этом Южная Корея обладала более чем 60% всех трудовых ресурсов. Более того, вплоть до 1960-х гг. экономика КНДР развивалась значительно динамичнее южнокорейской. А в начале 1970-х гг. КНДР развернула форсированную модернизационную программу, преимущественно в тяжёлой промышленности, основанную на ввозе передовых технологий из-за рубежа. В тот момент государство было у черты технического дефолта в связи со снижением зарубежного спроса на экспортируемую КНДР продукцию и нефтяным кризисом 1970-х гг.

Несмотря на то что еще в 1979 г. КНДР была в состоянии обслуживать свой внешний долг, в 1980 г. государство объявило о банкротстве по всем обязательствам, за исключением внешнего долга Японии. Через 6 лет совокупный долг КНДР перед социалистическими странами и, главным образом, СССР

---

²⁶¹ Там же. С. 19.

составлял 2 млрд долл. США, а перед кредиторами с Запада – более 1 млрд долл. США. Приблизительно в тот же период о дефолте КНДР объявила и Япония.

Постепенно замедляется и рост экономики КНДР, а во многих отраслях он становится отрицательным. К концу 1979 г. валовой национальный продукт в пересчете на душу населения в КНДР был в 3 раза ниже, чем в Южной Корее. Причины отставания были связаны со значительной внешней задолженностью, с гипертрофированным развитием тяжелой промышленности и оборонного комплекса в ущерб остальным отраслям, политической и вытекающей из нее экономической изоляцией государства. Все это заставило руководство КНДР пойти на определенные «капиталистические» уступки, чтобы путем маневрирования сохранить в стране политическую стабильность. Так, Ким Ир Сен в апреле 1982 г. провозгласил новую экономическую политику, ориентированную на сельское хозяйство и на развитие инфраструктуры, особенно транспортной сети и электроснабжения. В сентябре 1984 г. в КНДР был принят закон о совместных предприятиях, нацеленный на привлечение в страну иностранных инвестиций и передовых технологий.

По мере распада мировой коммунистической системы руководство предпринимает поиск гибких схем, позволяющих, с одной стороны, сохранить нетронутой политическую систему, а с другой – подстроиться под неблагоприятную внешнюю среду. Особенно это стало актуально в связи с резким сокращением помощи со стороны СССР, а затем и КНР. В 1991 г. КНДР сообщила о создании на северо-западе страны особой экономической зоны – Чхонджин. Однако инвестиции было привлечь сложно – им препятствовала неразвитая инфраструктура, административное регулирование, отсутствие гарантий инвестиционной безопасности. Соответственно, с этого времени экономика КНДР стала испытывать серьезные затруднения и страна начала откровенно проигрывать своему южному противнику. Согласно международным экспертам, в период с 1992 по 1998 гг. народное хозяйство страны сократилось вдвое. Это заставило власти КНДР пойти на ограниченные реформы рыночного характера. В декабре 1993 г. руководство страны объявило о введении в

экономике переходного трехлетнего периода, в ходе которого планировалось устранить перекос между отраслями, стимулировать рост сельского хозяйства, легкой промышленности, а также внешнюю торговлю. Но описанные меры не принесли успеха, более того, в КНДР еще и произошел энергетический кризис, вообще остановивший значительную часть промышленного производства.

Эпоха относительно кардинальных реформ началась в КНДР в начале 2000-х гг. В 2002 г. Ким Чен Ир осуществил преобразования экономики тактического характера, был открыт Кэсон – новый промышленный регион, введена система хозрасчета на первых предприятиях. Такая политика позволила привлечь в страну и иностранные инвестиции, прежде всего китайские, поскольку КНР, став одним из глобальных «полюсов», была заинтересована в поддержке союзников. В итоге китайские инвестиции в северокорейскую экономику выросли с 1 млн долл. США в 2003 г. до 200 млн долл. США в 2004 г.

Отношения между Северной и Южной Кореей также начали налаживаться благодаря политике «солнечного тепла», начатой президентом Ким Дэ Чжуном и продолженной Но Му Хеном. В КНДР стали поставляться горюче-смазочные материалы и продовольственные товары, кроме того, были запущены совместные инвестиционные проекты. Примечательно, что в начале XXI в. Северную Корею посетил президент корпорации Daewoo и достиг договоренности о строительстве промышленного комплекса в Нампхо. Другой же крупной южнокорейской корпорации – Hyundai Asan – было дано согласие на развитие туристического бизнеса в Кымгансане – привлекательном прибрежном районе. А рядом с городом Кэсон поблизости от демилитаризованной зоны был создан индустриальный парк общей площадью чуть более 3 кв. км, объем инвестиций в который превысил 1 млрд долл. США. А после встречи в верхах руководителей обеих стран, произошедшей в 2000 г., стороны приняли решение восстановить участок железной дороги по маршруту Пхеньян – Сеул, проходящий через указанную демилитаризованную зону. В дополнение к этому было объявлено о прокладке автомагистрали в четыре полосы, которая должна пройти вблизи деревни Пханмунджом – места, в котором завершилась Корейская война. С момента

завершения указанного проекта северокорейский индустриальный парк будет иметь прямой доступ к южнокорейским портам и рынкам. Следует отметить, что, помимо Кымгансана и Кэсона, в Северной Корее начали функционировать и другие специальные административные регионы, целью которых был эксперимент по введению в стране рыночной экономики, например, у границы с КНР – Синьджу и у границ с Китаем и Россией – Расон. В порт Расон ОАО РЖД был возведен пирс, изначально запланированный для отгрузки угля с Дальнего Востока России.

Положительным эффектом от политики «солнечного тепла» было заметное смягчение КНДР своего внутри- и внешнеполитического курса, политическая элита КНДР была настроена на создание конфедерации с Южной Кореей, которая сохранила бы при этом политические системы обеих стран. Но с приходом к власти нового южнокорейского лидера от правой партии – Ли Мён Бака – вновь привела к ужесточению отношений между обеими странами, т.к. Южная Корея не намеревалась за счет своих инвестиций спонсировать режим чучхе, жертвуя благосостоянием своих граждан. КНДР, в свою очередь, начала испытания ядерного оружия. Таким образом, как можно заметить, становление инновационного проекта в Южной Корее шло под знаком жесткой конкуренции двух принципиально разных политических и экономических систем и являлось фактически вынужденным.

Южнокорейское руководство приступило к инновационной модернизации еще в 1960–1970-х гг. Причем для этого потребовалось волевое решение авторитарного лидера страны Пак Чон Хи, который фактически принудил элиту включиться в процесс качественных экономических и технологических преобразований²⁶².

Пак Чон Хи, будучи, как и Ким Ир Сен, лидером авторитарного конфуцианского типа, рассматривал государство как послушный инструмент власти и воплощения собственной политической воли. Демократия американской модели, к которой он перешел под давлением администрации Дж. Кеннеди, им

---

²⁶² Селищев, А.С., Селищев, Н.А. Китайская экономика в XXI веке. – СПб.: Питер, 2004. С. 135.

воспринималась как непродуктивная и неудобная. Роль и функции его аппарата были скопированы с Белого дома США. Аппарат играл роль второго кабинета министров.

До 1972 г. политический режим в Южной Корее был умеренно авторитарным. Существовали парламентская система, ограничивающая определенные политические права и либеральные свободы, партийный плюрализм, избирательная система, предполагавшая всеобщее прямое, тайное голосование, при этом авторитарный режим не вмешивался непосредственно в процесс выборов²⁶³.

Процессы концентрации и централизации капитала в экономике страны привели к созданию крупных финансово-промышленных групп (чеболей), возникших на основе крупных торговых компаний и превратившихся в многоотраслевые конгломераты. Около пятидесяти чеболей играют ключевую роль в экономике страны, среди них известные корпорации Hyundai, Samsung, Daewoo, LG и др. Отличие стратегии чеболей от обычного бизнеса заключалось в их стремлении не просто извлечь прибыль в текущий момент времени, но удержать рынок и захватить новые его сегменты, двигаясь в направлении все более высокотехнологичных. Их опыт показывает, какими успешными могут быть вложения в наукоемкое производство. Чеболи – многопрофильные экспортно-ориентированные холдинги – строились по образцу японских «дзайбатсу». Однако южнокорейские компании отличались от японских «коллег» своей подконтрольностью государству и зависимостью от государственных денежных вливаний. Чеболи не имели собственных банковских структур и получали финансирование по линии госбанков, причем поддержку получали только те из них, которые четко соответствовали правительственным планам по развитию перспективных производств²⁶⁴.

---

²⁶³ Асмолов, К. Генерал Пак Чон Хи. Очерк политической биографии // Сеульский вестник. – Июнь–ноябрь 2003. – № 77–80.

²⁶⁴ См., например: Кони́на, Н.Ю. Реструктурирование деятельности финансово-промышленных групп Южной Кореи в условиях кризиса // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 3. – С. 31-37.

Государству первоначально была отведена ведущая роль в экономике Южной Кореи, которое осуществляло свои протекционистские функции по отношению к национальной продукции, поддерживая экспорт и лицензируя импорт. А с 1960-х гг. государство установило зависимость объема ввозимой продукции от величины экспортной выручки предприятий. Однако данное условие распространялось только на потребительские товары. В то же время в отношении ввоза станков, машин и оборудования существовали определенные льготы и преференции.

Соответственно, компании получили право импортировать товары, стоимость которых не превышала величину экспортных поступлений. В отличие от потребительских товаров, импорт оборудования и промежуточных товаров освобождался от каких-либо пошлин и пользовался льготными тарифами. Такая система стимулировала производство внутри страны и, в то же время, поощряла компании, работающие на экспорт.

Однако, подобная экономическая стратегия вызвала серьезные структурные проблемы. Ориентация экономики на экспорт влечет за собой жесткую зависимость от мировых рынков, что в свою очередь создает риски «обвалов» в случае неблагоприятного изменения мировой конъюнктуры. Кроме того, из этого следует подверженность экономики страны внешним воздействиям, а также ограничение размеров и эффективности внутренней стабилизационной политики.

К концу 1990-х гг. модель экономического развития, связанная с монополией государства на финансирование, породила тотальную коррупцию, которая привела к снижению конкурентоспособности, поскольку для достижения успеха бизнес-структурам было проще «договориться» с госчиновником, чем вкладываться в развитие. К 1996 г. пятьдесят чеболей, которые генерировали практически весь ВВП страны, имели чистый убыток²⁶⁵.

Особенно коррупция стала расцветать после гибели авторитарного, но авторитетного у элиты президента Пак Чон Хи, застреленного в 1979 г. Его

---

²⁶⁵ Матвейчев, О.А. Указ. соч. С. 7.

преемники не смогли справиться с коррупционным валом, захлестнувшим экономику страны, а также монополизмом чеболей.

Одновременно по мере роста влияния чеболей, которые все более выходили из-под контроля руководства страны, происходила их деградация с точки зрения эффективности деятельности. В частности, компании совершили ряд ошибок, связанных с избыточными капиталовложениями в нерентабельные проекты, произошла чрезмерная диверсификация направлений деятельности чеболей, эффективность расходования полученных государственных кредитов снижалась, а задолженность росла высокими темпами. Показательно, что у многих компаний объем задолженности превышал размер собственного капитала более чем в пять раз. В итоге такое положение вещей привело к атаке на корейскую вону, завершившейся девальвацией валюты и сильнейшим кризисом 1997–1998 гг.

Кризис вызвал снижение конкурентоспособности корейской экономики, которую при полной импортозависимости по энергоносителям и сырью стали отличать завышенные ставки по кредитам, высокие производственные затраты, а также необоснованный рост оплаты труда, высокие расходы на транспорт и стагнация в инновационном развитии.

При сужении внутреннего спроса рискованная инвестиционная политика финансово-промышленных групп, которые неоправданно пользовались льготными кредитами, вызвала перепроизводство в некоторых отраслях (химическая, автомобильная, сталелитейная) и снижение рентабельности производства в целом.

Из-за финансового кризиса сократились способы привлечения валютных средств, началось масштабное бегство иностранного капитала, стала расти стоимость кредита (свыше 30%), валютные резервы сократились до 5 млрд долл. США и, как следствие, в ноябре – декабре 1997 г. случился обвал обменного курса нацвалюты по отношению к доллару (почти в 2 раза).

Последствия финансового кризиса во многом привели к власти в декабре 1997 г. оппозиционного лидера Ким Дэ Чжуна, сумевшего воспользоваться тем, что большинство южнокорейцев были недовольны экономической политикой

правлящей партии. Новый президент в экономической программе, прежде всего, сделал акцент на предотвращение ухудшения жизненного уровня граждан страны и на формирование модели либеральной рыночной экономики, которая была бы ориентирована на поддержание малого и среднего бизнеса. Новая южнокорейская администрация также запланировала структурные реформы промышленности, ускоренную либерализацию денежно-финансового рынка, и дальнейшее развитие высокотехнологической сферы.

Кризис также вызвал массовое банкротство южнокорейских компаний, выявив таким образом целый комплекс «хронических заболеваний» экономики Южной Кореи и наиболее серьезное из них – неоправданно высокую концентрацию капитала в руках малого числа финансово-промышленных групп, проводивших бесконтрольную политику в сфере займов и инвестиции, т.к. находились в привилегированном положении и могли влиять на правительство. Подобное безответственное поведение привело к гигантскому росту долговых обязательств и перекосам в экономике. Также очень важной проблемой оставалась неподготовленность общества к политике форсированной либерализации и ускоренной глобализации.

После того, как внутренний рынок был открыт, многие южнокорейские компании, которые были обременены краткосрочными долгами и не сумели найти место в мировом интеграционном процессе, стали жертвами резких изменений международной рыночной конъюнктуры (особенно в период азиатского кризиса). Банкротства в столь больших масштабах просто парализовали финансовую сферу южнокорейской экономики и дестабилизировали кредитно-денежную систему страны.

При глобализации любая экономика экспортного типа подвергается и негативным, и позитивным влияниям мировой рыночной конъюнктуры, поэтому следует внимательно изучить антикризисную практику Южной Кореи.

Выход из кризиса Ким Дэ Чжун и его команда видели в последовательном проведении реформ по примеру стран Запада, предполагавшего одновременное развитие демократических институтов и механизмов рыночной экономики, с тем,

чтобы приблизить экономическую модель страны к американской и отойти от азиатской. Стабилизационная программа МВФ также содержала подобные рекомендации, и правительство Южной Кореи (с некоторыми оговорками) следовало им в течении прошедшего года. Программа валютного фонда основывалась на неоконсервативной модели государственного регулирования, что предусматривает, в частности, обеспечение регулирующих функций рынка через стимулирование предложения.

Продолжающийся кризис рынка ценных бумаг (из-за высоких процентных ставок) заставил правительство в январе 1998 г. воспользоваться 1 млрд долл. США, которое оно получило от Азиатского банка развития на обеспечение гарантий по кредитам для мелких и средних фирм. В апреле был выделен еще один заем в 1 млрд долл. США на приобретение за рубежом сырья и материалов.

Однако уже тогда стало ясно, что монетаристские рекомендации МВФ не помогут решить большинство проблем южнокорейской экономики. Социальные проблемы, которые резко обострились из-за банкротств массового характера (свыше двадцати тысяч компаний к октябрю разорились), и упорное нежелание крупных финансово-промышленных групп взять на себя часть бремени по реформированию производства вынудили правительство пойти на ужесточение государственного регулирования экономики. Затем упор в экономической политике администрации был сделан на методах и способах стимулирования эффективного спроса через снижение стоимости кредита, увеличение бюджетного финансирования, контролируемую эмиссию, ускоренную реструктуризацию крупных картелей, снижение уровня безработицы и т.д.

При реформировании в корпоративном секторе самым важным событием явилось соглашение между правительством и пятью крупными корпорациями, по которому предусматривались продажа ими своих нерентабельных дочерних компаний, перераспределение их сфер влияния в основных отраслях, а также план мероприятий корпораций по улучшению своего финансового положения. Согласно новой экономической политике Южной Кореи предполагалось использование до 70% бюджетных средств на финансовую поддержку

государственных программ в образовании, строительстве и в сфере высоких технологий.

Реформы правительства в организационно-правовом плане сосредоточивались на следующих направлениях.

1. Чтобы сократить число отраслей, полностью или частично закрытых для зарубежных инвесторов, отменили ограничения для зарубежных юридических и физических лиц приобретать национальный бизнес посредством недружественных слияний и поглощений, также начал действовать новый закон, поощряющий прямые иностранные инвестиции и предусматривающий налоговые и другие льготы зарубежным инвесторам.
2. Мировых стандартов достигли уровни управления предприятиями и компаниями; в законодательство о банкротстве были внесены дополнения; был упразднен гарантийный механизм при долговых обязательствах в случае с дочерними фирмами.
3. Финансово-банковский сектор претерпел реформирование, в результате чего 96 финансовых институтов закрылись или приостановили операции.
4. Были осуществлены реформы в корпоративном секторе, вследствие чего расширились права держателей акций, улучшилось финансовое положение корпораций, состоялся переход на международную систему отчетности, укрепились кооперационные связи между крупным и мелким бизнесом.
5. Реформа в сфере трудовых отношений позволила принять новый Закон о труде, после чего рынок рабочей силы стал более гибким; этому также способствовали поправки, которые предусматривали и массовые увольнения, и возможность организации сильных профсоюзов в отраслях.
6. Государственные расходы и на республиканском, и провинциальном уровнях были сокращены, также правительством была начата

приватизация государственных предприятий, приняв план приватизации, где предусматривалась поэтапная продажа акций крупных компаний.

Кроме того, эффективность работы чиновничьего аппарата была пересмотрена: половина предписаний и требований правительства были отменены, к 2000 г. число госслужащих всех уровней снизилось на 11%.

К началу 2000 г. золотовалютные резервы страны выросли до 50 млрд. долл. США, что и позволило правительству говорить о наступившей стабилизации финансовых рынков. Также шло снижение инфляции до 8% в год, хотя индекс потребительских цен увеличился за 11 мес. лишь на 6,8%.

Конечно, пример государственной антикризисной политики в Южной Корее далеко не безупречен. Однако, некоторые меры оказались весьма действенными, например, эффективное привлечение инвестиций и продуманное их распределение. Весьма показательно и то, что правительство обращало особое внимание на социальные проблемы населения, предпринимало активные меры по борьбе с безработицей, увеличивало социальные пособия. Это не только уберегло Корею от массовых народных волнений, но и стимулировало потребительский спрос, а следовательно, и экономику.

Одновременно надо сказать, что в этот период страна достигает и необходимого образовательного уровня для реализации большого инновационного проекта XXI в. Общая грамотность населения в 2003 г. приблизилась к 98%. После Канады и США страна заняла в мире третье место по распространенности высшего образования. Численность обучавшихся в 1390 вузах студентов составляла порядка 3,5 млн человек. Ежегодный университетский выпуск инженеров превышал 80 тыс человек. При этом к началу 2003 года резко возросли ассигнования на НИОКР и персонал, занятый в этой сфере (Таблица 20).

В национальном активе Южной Кореи числятся крупнейшие высшие учебные заведения Азии, которые готовят выпускников с навыками и знаниями, отвечающим требованиям всех передовых промышленно развитых стран мира. Большинство вузов Кореи имеют сильную материальную базу и технологически оборудованы по последнему слову науки, что является гарантом успешной

самореализации студента. Сама корейская система образования соответствует стандартам западной системы образования, что отражается в активном обмене студентами, преподавательским составом и в возможности продолжения обучения в странах Запада. Таким образом, страна обеспечивает свой рынок труда компетентными кадрами²⁶⁶.

Безусловно, изначальная ориентация экономики Южной Кореи на сектор высоких технологий сама по себе уже являлась мощным стимулом к интенсивному развитию. Специфика наукоемкого сектора заключается в том, что, во-первых, он требует большого внимания, так как малейшее упущение или отставание может стать критическим в условиях жесткой конкуренции, во-вторых, при грамотной поддержке и регулировании высокотехнологичное производство приносит предприятиям, а следовательно, и государству, серьезные дивиденды и, наконец, в-третьих, это стимулирует рост уровня жизни в стране. Соответственно, кризис конца 1990-х гг. заставил руководство Южной Кореи форсировать инновационный курс, при этом сделав его более гибким и компромиссным.

В рамках политики преодоления последствий кризиса руководство Республики Корея разрабатывает и начинает реализацию специальной программы, целью которой становится, с одной стороны, восстановление докризисного уровня развития, а с другой – инновационные прорывы. Первоначально это был достаточно локальный проект, ориентированный на поддержку местной промышленности в городах Тэгу, Пусане и Кванжу и провинции Кенгсаннам-до. Однако уже в скором времени к нему подключились 9 дополнительных участников, и теперь данный проект известен как схема «4+9» (стартовые субъекты и территории, присоединившиеся к нему позже).

Основная идея инициативы «4+9» заключалась в формировании серии экономических кластеров, каждый из которых имел бы определенную специализацию. Например, г. Дэджон отвечал и отвечает за информационные технологии, биопроизводство, производство высокотехнологичных деталей и

---

²⁶⁶ http://www.minpred.ru/content/pya/pya_2012/pya/pya_2012_2011/m,98,23175/

материалов, роботостроение, а портовый город Пусан стал центром логистики и туризма.

Примечательно, что данный проект предусматривал не просто поддержку территорий и использование их «естественных» преимуществ, но был ориентирован, в том числе на их динамичное развитие. В частности, примерно половина выделенных средств на каждом этапе программы была инвестирована в создание инфраструктуры для инноваций и улучшение качества трудового капитала.

Новая промышленная стратегия Южной Кореи окончательное оформление получила в 2004 г. Она опирается на проект «4+9» и тесно связана с его результатами. Согласно этой стратегии был образован Совет по региональным инновациям, куда вошли предприятия, научно-исследовательские институты, вузы и негосударственные некоммерческие организации от каждой провинции. На Совет возложена обязанность разрабатывать стратегию и программу мероприятий с учетом региональной специфики. Помимо этого, постоянно проводятся ярмарки инноваций на местах, которые способствуют распространению и обмену новыми знаниями и идеями, становлению деловой культуры и практики. Особенностью стратегии можно считать то, что расширение инновационного потенциала регионов происходит за счет укрепления инновационного потенциала и конкурентоспособности локальных вузов. В Корее вузы – это источник кадровой базы производства. Всячески поощряется сотрудничество вузов и промышленных предприятий.

На основе ключевых отраслей местной промышленности, которые были выбраны в регионах исходя из их динамики роста, показателей экономической эффективности и доли сегмента рынка в долгосрочной перспективе, определилась структура производства новой инновационной индустриальной экономики до 2020 г.

Проект «4+9» предполагает финансирование не столько тех или иных приоритетных направлений, сколько мероприятий по развитию у регионов способности воспринимать новые знания и передовые технологии. На создание

инновационной инфраструктуры и улучшение квалификации трудовых ресурсов на каждом из этапов выделялась как минимум половина от совокупного программного бюджета.

На основе сформулированных задач реформирования экономики руководством Республики Корея была определена стратегия нового индустриального развития страны, которая предполагает три взаимосвязанных этапа реализации²⁶⁷.

I этап. Формирование основ для инновационного развития национальной экономики. Данная стадия предусматривает структурирование производственно-технической базы, механизмов и инвестиционного климата для инновационного развития. В этих рамках реализуются мероприятия по следующим векторам (Таблица 21):

- создание системы инноваций на уровне регионов, в первую очередь, на базе отраслей местной промышленности, сконцентрированных на данной территории, и на основе стимулирования предприятий и научно-исследовательских организаций для НИОКР, а также через формирование институциональных основ и благоприятной среды для развития инноваций на локальном уровне. Курирует данное направление Совет по региональным инновациям, включающий в себя представителей компаний, вузов, НИИ от каждой провинции. Его основная задача – разработка стратегии и практических мер реализации программы инновационных преобразований на региональном уровне. Одновременно Советом ведется работа по распространению и взаимообмену передовыми знаниями и идеями, становлению соответствующей деловой культуры и этики;
- увеличение инновационного потенциала регионов через укрепление научного потенциала и повышения уровня конкурентоспособности местных вузов (как источников кадров для производства). Правительство предполагало потратить 1 млрд долл. США на первом этапе программы на

---

²⁶⁷ Абдурасулова, Д. Промышленная политика Южной Кореи // <http://institutiones.com/industry/897-promyshlennaya-politika-yuzhnoj-korei.html>

- мероприятия по повышению качества трудовых ресурсов и профессиональной подготовки и переподготовки специалистов на местах, содействию занятости выпускников вузов в регионах, увеличению бюджетных ассигнований на региональные НИОКР (с 27 до 40%) для финансирования проектов по удовлетворению нужд местной промышленности, привлечению высококвалифицированных специалистов в провинцию, формированию интегрированных информационных баз локальных НИОКР, в которых содержатся данные о наличии технологий, квалифицированных кадров, основных фондах производства, текущих исследовательских проектах (и о их результатах), с целью объединить их в единую сеть. Тем самым создаются необходимые условия для возникновения на локальном уровне «точек роста» – технопарков, центров технологических инноваций и региональных исследовательских центров;
- укрепление сетевых контактов между промышленными предприятиями, вузами, НИИ как основными участниками инновационного процесса. Это направление предусматривает содействие учебным заведениям, которые могут эффективно совмещать обучение кадров и прикладные исследования, отвечающие и интересам науки, и задачам производства. Для создания благоприятного климата совместной деятельности вузов и предприятий создаются промышленно-образовательные кооперативы, интегрирующие и координирующие исследовательские проекты вузов, а также обеспечивающие вывод их продукции на рынок. Адресная помощь осуществляется по отношению к креативным проектам, нацеленным на усиление обмена опытом и новыми знаниями между хозяйствующими субъектами;
  - развитие инновационных кластеров на местах через реализацию пилотных проектов. В качестве примеров можно назвать формирование в технополисе Дэдук инновационного кластера на базе научно-исследовательского центра, перевод шести производственных комплексов в городах Ульсан, Джангвон, Кванджу, Гуми, Вонджу, Бангвон-Шива на инновационные рельсы, а также

строительство инновационных «городов будущего» по образцу создаваемого наукограда Седжон-сити²⁶⁸. Последний проект стартовал в 2010 г. (хотя был заявлен еще в 2005 г.). Предполагается, что он станет научно-образовательным центром страны. Общий объем инвестиций в этот проект оценивается в 14,6 млрд долл. США. При этом крупнейшие бизнес-группы страны – Samsung, Hanwha, Woongjin и Lotte Group – уже подписали соглашение о перемещении в новый наукоград части своих подразделений. Samsung намерен инвестировать в город около 1,8 млрд долл. США: компания планирует построить там заводы по производству солнечных батарей, а также разместить подразделения по производству светодиодной фоновой подсветки, элементов питания и биомедицинских устройств. Иностранным инвесторам власти готовы предоставить около 1,9 млн кв. м под строительство объектов. Участникам проекта правительство обещает различные льготы: сокращение налогов, государственные субсидии, а также недорогие земельные участки. Власти возьмут на себя возведение дорог, парков и объектов культуры²⁶⁹.

II этап. Формирование основ для самоподдерживающегося развития депрессивных регионов. Данная стадия ставит своей целью двукратный рост доходной части бюджета дотационных провинций и, в первую очередь, «негородских» населенных пунктов (высокогорные селения, рыбацкие поселки, деревни и пр.). На этом этапе планируется проведение таких реформ:

- помощь остальным регионам осуществляется не за счет расширения потока государственных субсидий, а через оказание поддержки уже действующим местным программам развития, для чего каждые 3 года, основываясь на специально созданной системе показателей, происходит отбор проблемных регионов, выявляются реализуемые в них проекты, которые возможно так или иначе дублируют друг друга или имеют общие задачи и схожие

---

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Южная Корея потратит 15 миллиардов долларов на «научный» город // <http://www.segodnya.ua/world/juzhnaja-koreja-potratit-15-milliardov-dollarov-na-nauchnyj-horod.html>

- инструменты. Подобные проекты соединяются в одну большую программу, а территория получает дополнительные финансовые льготы и стимулы;
- развитие инновационных систем в рыболовецких, высокогорных населенных пунктах, деревнях реализуется за счет «закрепления» местных жителей за вузами соответствующих провинций. Тем самым фактически создается система непрерывного пожизненного обучения для занятых в первичном секторе. Тем самым улучшается качество трудовых ресурсов даже на низовом уровне, кроме того, это способствует повышению эффективности последующей технической обработки и сбыта продукции, увеличению добавленной стоимости. Одновременно эффективная реализация таких проектов позволит обеспечить и дополнительные источники средств для пополнения местных бюджетов. Также в отсталых регионах реализуется специальная программа «5 и 2», которая предусматривает перенацеливание внутреннего туристического потока в наиболее депрессивные регионы Кореи. Такой оригинальный подход к проблеме «выравнивания территорий» уже приносит свои плоды: с успехом действует инновационный кластер Асанг и плантация зеленого чая Посон-гун²⁷⁰;
  - активизация роста экономики в регионах предполагает, что каждый регион должен исходить из своих особенностей и конкурентных преимуществ, в т.ч. ориентированных на туристический рынок. Соответственно, как основные инструменты решения этой задачи применяются создание и продвижение уникального туристического продукта этих районов и формирование их субкультуры со всеми местными особенностями. Например города Кванджу, Кенгджу и Пусан позиционируются в качестве городов культуры, истории, кинотеатров, соответственно. Такого рода проекты поддерживаются властью, в т.ч. за счет налоговых льгот и иных форм поощрения локальной специализации провинций Республики Кореи. Такая стратегия ставит своей целью преодоление дисбалансов в развитии территорий. Тем самым намечено не только сократить межрегиональную дифференциацию, но и в

---

²⁷⁰ <http://www.uadream.com/tourism/Entertainment/element.php?ID=35284>

конечном счете искоренить существенные издержки очень высокой степени концентрации жителей, ресурсов и производственных факторов в столичном округе, в чем республика не имеет аналогов мире.

III этап. Формирование новой территориальной структуры. Данный этап направлен на развитие взаимодействия с соседними государствами в соответствии с политикой «открытых дверей». С целью оптимизации межрегионального размещения производительных сил эти планы нацелены на строительство транспортной системы, которая позволит добраться в новую административную столицу республики из любой точки страны за два часа. Для это требуется:

- строительство сети автомобильных дорог в виде прямоугольника с диагоналями должно соединить все регионы страны и, в первую очередь, портовые города на побережье Желтого моря, что укрепит базу для развития международной логистики в стране. Это предопределяет необходимость строительства автомагистрали, соединяющей юго-восточные и юго-западные регионы страны по вертикали и диагонали с действующим транспортным коридором на севере;
- завершение строительства горизонтальной оси автомагистрали, соединяющей юго-западную и юго-восточную части страны посредством строительства автодорог Хамянг-Ульсан и Джечон-Тэбак;
- формирование инфраструктуры для углубления внешнеэкономических связей. Планируется трансформировать свободные экономические зоны в главные механизмы инновационной инфраструктуры, которая основана на транспортных коммуникациях, покрывающих всю территорию страны. Для этого требуется провести работы по установлению связей свободных экономических зон с центральными железными дорогами соседних государств: Транскитайской, Трансманьчжурской, Трансмонгольской, Транссибирской.

Рассмотрим предварительные итоги начального этапа инновационного развития Южной Кореи. Промышленная политика страны оказалась эффективной с самого начала: было инициировано сразу несколько успешных направлений. В

первую очередь, следует указать на происходящие изменения в индустриальном развитии в регионах и столице. Темпы роста обрабатывающей промышленности столицы упали с 9,5% (1999–2002) до 6,5% (2003–2005), а в провинциях страны за то же время они вырос с 7,1% до 9,5%, соответственно. Похожие изменения наблюдаются и по другим показателям: общая производительность факторов производства на местах (3,02%) более чем в 2 раза превысила этот показатель в Сеуле (1,48%), а по секторам (по охваченным программой отраслям) в регионах она выросла с 2,56% до 5,09%. По отдельным факторам (например, по труду) наблюдался рост в регионах (с 6,12% до 9,48%) при уменьшении в столице (с 6,6% до 5,65%). Соответственно, происходило «сглаживание» разрывов в развитии территорий.

Определенных позитивных результатов удалось достичь и на микроуровне. В частности, увеличились как продажи продукции, так и объемы инвестиций в НИОКР тех предприятий, которые охвачены программой, по сравнению с хозяйствующими субъектами, оставшимися вне ее: темпы роста названных показателей у фирм-участниц равны 9,9 и 7,8% соответственно против 8 и 2,8% у аутсайдеров²⁷¹.

Особо стоит отметить активную налоговую политику стимулирования НИОКР. По этому показателю Южная Корея занимает 2-е место в мире (Таблица 22).

Осуществление стратегической программы мер до 2020 г. предполагает достижение результатов по ключевым макроэкономическим показателям. Необходимо достичь среднегодовых темпов роста промышленности 4,9% и ВВП 4,1–5,1%, что обеспечит повышение ВВП до 45 тыс долл. США. Долю передовых отраслей обрабатывающей промышленности в экспорте нужно увеличить до 75%, что позволит стране выйти к 2020 г. на седьмое место в мире по объему торговли. Также запланировано увеличить общий уровень занятости населения до 67%, создав одновременно с этим более 3,5 млн новых рабочих мест.

---

²⁷¹ Абдурасулова, Д. Указ. соч.

Регулированию деятельности свободных экономических зон в Южной Корее посвящен Закон об учреждении и управлении свободными экономическими зонами от 30.12.2002 г. Согласно Закону под свободной экономической зоной понимается «зона, учрежденная с целью создания благоприятного делового климата для предприятий с иностранными инвестициями, а также условий жизни для иностранных граждан». Рассмотрением вопросов, связанных с развитием и функционированием свободных экономических зон, занимается Комитет при Министерстве экономики знаний Южной Кореи²⁷².

Первые из свободных экономических зон были созданы еще в первой половине 1970-х гг. На данный момент успешно работают уже 10 зон, причем три последние были созданы по инициативе правительства страны в апреле 2008 г. под общим названием «Свободные экономические зоны Желтого моря».

При этом иностранные инвестиции стимулируются через налоговые льготы и достаточно низкую арендную плату. Кроме того, зарубежным инвесторам разрешено 100-процентное владение предприятиями в свободных экономических зонах и репатриация прибыли. А все бизнес-структуры, занятые в сфере высоких технологий, на 5 лет освобождаются от налогов «с возможностью последующего освобождения от половины налогов еще на 2 года»²⁷³.

В процессе инновационной модернизации Южной Кореи нельзя не отметить и зарубежный фактор. Программа рывка изначально выстраивалась на творческом «копировании» зарубежных технологий. И таких форм заимствований было много: контракты «под ключ», лицензирование, консультативные услуги. Приобщение к иностранному опыту осуществлялось, в основном, путем создания совместных венчурных компаний с японскими партнерами. На сегодняшний день, при том что Южная Корея является безусловным лидером по экспорту ряда высокотехнологичных продуктов, сохраняется зависимость государства от

---

²⁷² Особые (свободные) экономические зоны в Корее // <http://newinspire.ru/lektcii-po-mirovoy-ekonomike/osobie-svobodnie-ekonomicheskie-zoni-v-uzhnoy-koree-1698>

²⁷³ Мореходов, М.А. Южная Корея: секреты успеха // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 1. – С. 20.

ввозимых зарубежной техники и технологий в связи с неразвитостью базовых технологий внутри страны.

Существенную роль в инновационном продвижении страны сыграла и продуманная система патентования, признанная одной из наиболее передовых в мире. И опять же здесь были сильны элементы заимствования иностранного опыта – Корейское ведомство по интеллектуальной собственности с 1997 г. в своей деятельности во многом ориентировалось на базовые принципы регулирования патентной деятельности в США. «Либеральная» патентная политика способствовала инновационной активности малого бизнеса и университетских предприятий.

К сожалению, кризис 2008–2010 гг. существенно затормозил амбициозное инновационное развитие Республики Корея, а показатели роста ее экономики снизились.

Тем не менее, Южной Корее удалось выйти из кризиса без существенных социальных издержек. Более того, в 2009 г. в стране удалось создать более 200 тыс новых рабочих мест, запустив программу по реконструкции и сохранению водных ресурсов на 4 крупнейших реках страны²⁷⁴. В итоге уже в середине 2010 г. произошла экономическая стабилизация, за которой последовало возобновление экономического роста.

В заключение надо констатировать, что по итогам реализации инновационных преобразований страна вышла в мировые лидеры в автомобиле- и судостроении, производстве электроники и бытовой оргтехники, сталелитейной промышленности. На момент пика инновационного развития в 2006 г. экономика страны ежегодно росла на 4,8%, а уровень инфляции не превышал 2,2%. Южная Корея была на 11 месте в мире по показателю ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, – почти 1,2 трлн долл. США, и на 46 месте в расчете на душу населения – более 24 тыс долл США на человека. В России аналогичный индикатор был вдвое ниже – 12 тыс долл. США, в КНР – примерно втрое меньше – 7,6 тыс долл. США на человека.

---

²⁷⁴ Cho Chung-un. Korea Unveils Four-River Master Plan // The Korea Herald. 2009. April 28.

Таким образом, основными слагаемыми южнокорейского инновационного «чуда» можно считать совокупность следующих факторов:

- определяющей и эффективной роли власти в инициировании и проведении реформ;
- разработки и внедрения стратегии экспортного ориентирования из-за недостатка собственного сырья;
- наличия рынка дешевого труда;
- либерального патентного законодательства;
- грамотной государственной политики по привлечению иностранных инвестиций;
- заимствования передовых западных технологий;
- благоприятного для деловой активности международного климата.

Перейдем к анализу государственной инновационной политики Сингапура. Сингапурское экономическое чудо – результат успешного сочетания социальных и экономических преобразований.

Профессор Массачусетского технологического института По Кам Вонг выделяет 4 этапа становления НИС Сингапура.

1 этап – индустриальный толчок (с 1965 г. до середины 1970-х гг.), который характеризовался высокой зависимостью от трансфера технологий мультинациональными компаниями и развитием трудоемкой промышленности;

2 этап – усиление местных технологических способностей (с середины 1970-х гг. до конца 1980-х гг.), что характеризовалось быстрым промышленным ростом;

3 этап – экспансия прикладных научных исследований (с конца 1980-х гг. до конца 1990-х гг.), обусловленная быстрым расширением прикладных научных исследований мультинациональных компаний, а также созданием новых государственных НИИ;

4 этап – переход на высокотехнологичное производство и в основном на научные исследования (с конца 1990-х гг.), характеризующийся ставкой на

местные возможности технологических инноваций, создание новых местных высокотехнологичных предприятий и развитие основанных на науке индустрий²⁷⁵.

Что же касается старта инновационного развития Сингапура, то он был связан с эффективным проведением масштабной жилищно-коммунальной реформы, по завершении которой более 90% граждан страны стали жить в возведенных государством многоквартирных домах. Жилищное строительство несмотря на небольшую площадь страны и очевидность жилищной проблемы стало драйвером стремительного развития экономики Сингапура. В нем с самого начала участвовал малый и средний бизнес, получая заказы от государства на те или иные виды работ.

Поскольку плотность населения приближалась к 5 тыс человек на кв. км, политическим руководством страны был выбран вариант высотной застройки микрорайонов домами до 20–25 этажей. Сразу после получения Сингапуром независимости в 1959 году было организовано Министерство национального развития, которое за весь период своей деятельности построило порядка одного миллиона квартир, для чего был предложен чрезвычайно простой и эффективный финансовый механизм.

Был учрежден Центральный фонд взаимного страхования, в который каждый гражданин Сингапура ежемесячно обязан направлять пятую часть своего дохода. Также 20% обязана переводить на счет фонда и организация, в которой он работает. Сбережения, поступившие в фонд, не облагались налогами, более того, на их сумму начислялись проценты в инвестиционном банке. При выходе на пенсию накопленная сумма денежных средств выдавалась гражданину на руки. Однако до этого момента у него всегда было право изъять до 75% своих сбережений из фонда для приобретения жилья и до 25% – для оплаты лечения. Для приобретения жилья было достаточно накопить в фонде пятую часть стоимости, остальную же сумму можно выплатить в рассрочку. Также семьям и родственникам разрешалось объединять средства, накопленные в фонде, для

---

²⁷⁵ Нармания, Д., Схиерели, М. По стопам Сингапура // <http://bizzone.info/articles/1344631928.php>

приобретения жилья. Более того, если по истечении пяти лет с момента переезда в новое жилье оно полностью оплачено, то его можно реализовать по рыночной стоимости без каких-либо ограничений.

Описанная программа льготного приобретения жилья действовала только в отношении граждан Сингапура.

Благодаря Центральному фонду взаимного страхования, совокупный объем которого превышает в настоящий момент 60 млрд долл. США, Сингапур успешно реализует также программы по развитию здравоохранения, социального и пенсионного обеспечения. Доля сбережений в Сингапуре – 48% ВВП признана при этом самой высокой во всем мире²⁷⁶.

Благодаря результатам государственной политики жилищного строительства ежегодно Сингапур в состоянии принять до 7 млн туристов, что в два раза превышает численность населения страны.

Одновременно с улучшением жилищных условий граждан руководство Сингапура проводило инновационную политику в сфере высоких технологий. Ли Куан Ю стал инициатором «ИТ-плана», который был принят еще в 1980-х гг. Этот план реализуется в качестве государственной программы развития информационных технологий для комплексной компьютеризации Сингапура.

И опять же определяющей в проведении высокотехнологичного курса стала воля политической элиты во главе с авторитарным лидером, которая предприняла ряд жестких мер для реализации ИТ-программы. Администрация Ли Куан Ю принудительно повысила минимальную зарплату с намерением обанкротить собственников трудоемких производств и переключиться на выпуск наукоемкой высокотехнологичной продукции. Перед страной стоял очевидный выбор: в случае успеха – экономический прорыв, в случае неудачи – экономический крах.

Выполнение ИТ-программы включает реализацию трех стратегических задач:

- посредством масштабных инвестиций в национальное образование добиться 100% компьютерной грамотности в стране;

---

²⁷⁶ Сингапурский опыт // http://expert.ru/kazakhstan/2004/13/13ka-ktema_58071/

- провести полную компьютеризацию госаппарата, подав пример частному бизнесу;
- сформировать в стране компьютерную промышленность, конкурентоспособную на мировом рынке²⁷⁷.

Таким образом, основной упор делается на человеческий фактор и тотальную компьютеризацию. В этом плане заслуживает внимания точка зрения идеолога инновационной политики Сингапура Филиппа Йо, который всегда подчеркивал, что инновации представляют собой насущную необходимость. Сингапур всегда был вынужден выстраивать ориентированную на экспорт экономику в связи с практически полным отсутствием рынка внутри страны. В условиях отсутствия полезных ископаемых единственным ресурсом страны являются сами люди, их интеллектуальный потенциал. Поэтому политика руководства страны заключается в инвестировании в людей, создающих инновации²⁷⁸.

ВВП Сингапура, пересчитанный с учетом паритета покупательной способности, в 2010 г. превысил 290 млрд долл. США, и по этому показателю страна оказалась на 41 месте в мире. А по объему ВВП на душу населения, пересчитанному по паритету покупательной способности, составившему в том же году 62 100 долл. США, Сингапур занял в мировом рейтинге 5 место. Наибольшая доля в объеме ВВП (71,7%) приходится на сферу обслуживания, остальная (28,3%) – на промышленность. Сельское хозяйство в стране, за исключением рыболовства, практически не представлено.

Уровень безработицы в 2010 г. в стране составлял 2,2%, по этому показателю Сингапур находился на 17 месте в мире. По индексу Джини, составившему в 2009 г. 47,8, Сингапур занимал 28 место (в отличие от других, этот показатель оказался не столь радужным).

Внешний долг страны характеризуется тенденцией роста и на начало 2011 г. равнялся 21,82 млрд долл. США (74 место в мире), или 9,8% ВВП. Торговый

---

²⁷⁷ Российская газета. 2011. 10 февраля. № 28 (5404)

²⁷⁸ <http://expert.ru/expert/2011/46/vorovstvo--prekrasnaya-strategiya>

баланс страны в последние годы положительный²⁷⁹. Ежегодный объем чистого экспорта составляет 200 млрд долл. США.

В целом, Сингапур развивается достаточно динамично. Реальный рост ВВП Сингапура в период с 2004 по 2008 гг. в среднем составлял 6,8 %, но в 2009 г. из-за мирового финансового кризиса снизился до 2,1%. Экономика страны начала стабилизироваться в 2010 г. При этом с учетом того, что Сингапур привлекает значительные инвестиции в фармацевтику и медицинское производство, руководство страны продолжает стратегию развития Сингапура как финансового и высокотехнологичного центра Юго-Восточной Азии. Кроме того, в стране развиты производство электроники (как многих известных европейских, американских, японских компаний, так и сингапурских, например Flextronics), судостроение, сектор финансовых услуг. Широко известны в мире авиакомпания Singapore Airlines, сингапурский холдинг Fairmont Raffles Hotels International владеет международной сетью отелей Swissotel. Сингапур – один из ведущих производителей CD-приводов.

Одновременно проводятся перспективные исследования в сфере биотехнологий. Для реализации уникального проекта по достижению мирового лидерства в сфере биотехнологий в юго-западной части острова был построен оборудованный по последнему слову науки и техники научно-исследовательский центр «Биополис». Это комплекс из 7 зданий современного дизайна, объединенных галереями-переходами. Первое время научно-исследовательский центр был частью Национального университета Сингапура, впоследствии вошел в состав Агентства по науке, технологии и исследованиям. Передовые научные исследования в области биотехнологий являются чрезвычайно дорогостоящими. В Америке, где все исследования проводятся на гранты, необходимо пройти сложный процесс отбора, а в случае высоких расходов приходится подавать заявки на несколько грантов. В Сингапуре финансирование исследований идет за счет госбюджета, что дает определенное преимущество в рамках выделенных средств.

---

²⁷⁹ <http://www.mk-kz.kz/article/2012/09/10/746374-singapurizatsiya-kazahstana.html>

Спроектированный в качестве основы для развития биомедицины в Сингапуре, Биополис как исследовательский центр, объединяет ученых и государственных, и частных компаний. Ключевым фактором считается создание возможностей для взаимодействия в его рамках лучших представителей биотехнологических наук. Распоряжение властей о строительстве центра было дано в апреле 2001 г. Первый комплекс Биополиса был официально открыт в 2003 г. и принял более 2 тыс исследователей и ученых. Он включает семь отдельных блоков: Институт молекулярной и клеточной биологии, Институт биоинженерии и нанотехнологии, Институт геномики, Институт биоинформатики (Matrix), Институт биотехнологических процессов и аппаратов, и два корпуса офисов частных компаний-арендаторов. Первые пять институтов имеют статус государственных. Второй комплекс был открыт в 2006 г. Он занял территорию площадью 37 тыс кв. м. Третий комплекс Биополиса предназначен для исследований в области трансляционной медицины и клинических исследований, которые будут дополнять разработки, ведущиеся в первом комплексе Биополиса²⁸⁰.

К преимуществам сингапурской экономики можно отнести благоприятный инвестиционный климат, высококонкурентную среду, высокие места в рейтингах экономической свободы, образованное, компьютеризированное и дисциплинированное население, выросший уровень благосостояния граждан. К уязвимым моментам можно отнести зависимость от импорта продовольствия и энергии, экспортную ориентированность экономической модели, еще ощущающийся дефицит квалифицированных специалистов.

При этом политическая элита Сингапура, стремясь к постепенному освобождению от «иностранной зависимости» и к преодолению имиджа страны как «сборочного цеха» развитых стран, создает в 1991 г. решением Совета по экономическому развитию Национальный совет по науке и технологиям. Впоследствии он был преобразован в Агентство по науке, технологии и

---

²⁸⁰ Сингапур – Азиатская Швейцария // http://rs-trust.ru/blog/singapore/Singapur_Aziatskaya_Shvejcarija/

исследованиям. Ориентируясь на реализацию собственных инновационных проектов, Совет по экономическому развитию совместно с Агентством по науке, технологиям и исследованиям осуществляют поиск, отбор и финансирование научных исследований и разработок внутри страны. Данный механизм продемонстрировал свою очевидную эффективность.

При этом надо отметить, что экономическая модернизация и инновационное развитие вряд ли стали бы возможны в Сингапуре, если бы власти не сумели обеспечить жесткую общественную дисциплину, порядок в стране и беспощадное подавление преступности. Дело в том, что Юго-Восточная Азия традиционно известна распространенностью клановых горизонтальных связей, высоким уровнем коррупции и значительным влиянием организованной преступности (которая ранее нередко становилась «альтернативной властью»). Соответственно, команда Ли Куан Ю, учитывая все эти обстоятельства, подстраховалось карательными мерами в духе китайских «легистов».

Конечно, такая авторитарная политика руководства страны вызывает нарекания мировой либеральной общественности. В России ее в концентрированном виде отразил известный российский политик и предприниматель 1990-х гг. К.Н. Боровой в своем «Живом журнале»: «С момента появления независимого Сингапура там никогда не проводились выборы²⁸¹. Власть в Сингапуре принадлежит государственному совету, который из числа своих членов выбирает премьер-министра. Есть там некое подобие парламента, депутаты которого фактически назначаются премьером. Ноль демократии! Никакого народовластия! Но при этом Запад даже не пытается внедрить в Сингапуре демократию, потому что к этому нет особых причин: там и так все работает как часы – соблюдаются права человека, созданы превосходные условия для бизнеса, жестко запрещены призывы к межнациональной розни, разработано отличное природоохранное законодательство. Значит, демократия – не цель, а только средство и не единственное? Она не нужна там, где и без нее все хорошо?..

---

²⁸¹ Это не совсем так, выборы проводились, но практически тотально на них побеждала правящая партия «Народное действие».

Более того, в настоящее время Сингапур занимает лидирующие места в мировых рейтингах по отсутствию коррупции, экономической свободе и уровню развития. Одновременно в стране практически отсутствует безработица.

Тем не менее, в отличие от рядовых граждан, для которых порядок и благосостояние являются определяющими ценностями, международные правозащитные организации резко осуждают руководство Сингапура за «подавление свобод». При этом критики называют Сингапур фактически однопартийной страной и обвиняют партию «Народное действие» в подавлении политических противников, несмотря на наличие оппозиционных партий в парламенте («Рабочая партия» и «Сингапурский демократический альянс»). А «Репортеры без границ» ставят Сингапур на 135 место в индексе свободы прессы из 179 стран²⁸².

* * *

При всех впечатляющих успехах «азиатских тигров» существуют и определенные сомнения в дальнейших перспективах их инновационного пути. В этом плане примечательная точка зрения профессора экономики Гарварда Д. Родрика. Он полагает, что они уже сейчас близки к «потолку» развития. Свою точку зрения он аргументирует следующим образом. Сам «рывок» Сингапура и Южной Кореи он связывает преимущественно с форсированной индустриализацией и перемещением рабочей силы из сельской местности на промышленные производства, также «копированием» зарубежных передовых технологий, что позволяет сокращать технологические разрывы гигантскими темпами (например, в обрабатывающей промышленности до 3% в год). В то же время этого явно недостаточно, чтобы поддерживать инновационную динамику в течение длительного времени, поскольку при этом указанные государства просто не смогут постоянно инвестировать в человеческий капитал и развивать

---

²⁸² Press Freedom Index 2011-2012 // <http://en.rsf.org/press-freedom-index-2011-2012,1043.html>

институты, следовательно, обеспеченный индустриализацией рост обречен на остановку в обозримом будущем²⁸³.

В качестве примера «торможения» Родрик приводит Индию. В свое время эта страна решила сделать ставку не на производство, а на услуги. В результате сейчас индийские колл-центры и программисты стали известны на весь мир. Однако эти достаточно локальные сектора экономики не могут обеспечить рабочими местами все население Индии, поскольку большей части ее граждан не хватает навыков и образования²⁸⁴.

Еще одним «сдерживающим фактором» для Сингапура и Южной Кореи является резкое ужесточение мировой конкуренции. С одной стороны, им угрожает экономически мощный Китай, который стремится «подмять» под себя фактически весь АТР, с другой – западные страны. Последние в свое время снисходительно наблюдали за успехами «тигров» и не препятствовали их форсированному развитию. В частности, США и европейцы не мешали растущим странам Восточной Азии приобретать западные технологии и использовавших не всегда корректные конкурентные стратегии (субсидии, занижение валютного курса), при этом рынки западных государств оставались открытыми для экспорта. Однако с учетом наследия кризиса 2008–2010 гг. развитые страны уже больше не могут позволить себе «благодущие» и «попустительство» в отношении «вероятного противника». Поэтому есть основания полагать, что с их стороны будут предприняты активные попытки сдержать рост конкурентов и заставить их отказаться от протекционистской политики (в том числе, с использованием механизмов ВТО). При этом обрабатывающая промышленность будет оставаться для бедных стран «эскалатором роста», но его движение станет замедляться, поскольку оптимизация управленческой системы и улучшение человеческого капитала потребует и времени, и существенных инвестиций, и воли руководства стран.

---

²⁸³ Азиатские чудеса заканчиваются // <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=261011>

²⁸⁴ Там же.

Отчасти подтверждает такую точку зрения оперативная статистика. В июле – августе 2012 г. данные по экспорту и промышленному производству продемонстрировали, что азиатский регион стал испытывать серьезные издержки от рецессии Еврозоны и США, соответственно началось замедление роста экономик Китая, Тайваня, Японии и Южной Кореи. Главной причиной снижения показателей в азиатских экономиках эксперты считают ухудшение спроса в Европе и Америке, на которые приходится основной объем их экспорта. Аналитики ожидают, что восстановление благоприятной обстановки в мировой экономике будет достаточно длительным, а это означает трудности для зависящей от зарубежных продаж «азиатской четверки».

* * *

Таким образом, можно отметить следующее.

Во-первых, «незападные» государства добились на пути инновационной модернизации успеха, вполне сопоставимого с ведущими странами Запада. Особенно это относится к КНР, Южной Корее, Индии и Бразилии.

Во-вторых, инновационная мотивация в «незападных» странах была самой разнообразной (от борьбы с голодом и нищетой до борьбы за геополитическое лидерство).

В-третьих, чаще всего «незападный» вариант инновационной модернизации проходил в условиях правления авторитарного типа и базировался на традиционной для этих обществ политической культуре. То есть, модернизация здесь носила спонтанный характер.

В-четвертых, альтернативный опыт инновационной модернизации «незападных» государств чрезвычайно интересен для России, поскольку наша страна является по-сути «синтетической», евразийской цивилизацией, достаточно консервативна и традиционна в мировоззренческом плане, склонна к этатизму и управляемой демократии (с цивилизационной и исторической точек зрения близка авторитаризму, который в последнее время дополняется элементами, присущими либеральной демократии).

Глава 5. Государственная инновационная политика в России: в поисках мотивации и стратегии развития

§ 1. Политические и экономические реформы в Российской Федерации (1990–2000-е гг.): от радикальных трансформаций к стабильности, от стабильности к инновационности

Как бы то ни было, но успехи в деле инновационного «апгрейда» зарубежных государств вызвали аналогичные устремления и у российского руководства, которое осознало, что без выхода на новые горизонты развития наша страна не сможет выдержать сверхконкуренцию, которая стартовала уже в первые годы XXI столетия.

Демократический транзит в Российской Федерации изначально протекал по «отраженному» сценарию. Это было обусловлено целым рядом объективных факторов.

Во-первых, страна проходила через процедуру тотального обновления, включавшую фактический слом прежней политической и экономической модели. При этом данный процесс проходил стихийно, а реформаторские планы разрабатывались в своем большинстве в оперативном порядке, что порождало у нового российского «правлящего класса» стремление взять на вооружение зарубежный опыт, наработки западных (прежде всего, американских) советников и консультантов. То есть на том этапе элиты были и теоретически, и практически не готовы взять на себя миссию поиска «собственного пути обновления».

Во-вторых, в начале 1990-х гг. в России наблюдался внутриэлитный хаос, порожденный утратой идентичности одних элитных групп (бывшая партийно-хозяйственная номенклатура) и массовым приходом во власть «новых людей» (представители зарождавшегося бизнеса, «поколение завлабов», выдвиженцы

криминальных структур, гуманитарная интеллигенция). Это также не способствовало достижению внутриэлитного консенсуса и выработке компромиссного сценария модернизации.

В-третьих, у новой демократической власти отсутствовал необходимый ресурсный потенциал для проявления политической инициативы. Экономический кризис рубежа 1980–1990-х гг., низкие цены на энергоресурсы в условиях деградирующей промышленности, резкое сокращение налогов и сборов фактически вынуждали власть искать помощь «спонсоров», каковыми выступали либо международные финансовые структуры (МВФ, Всемирный банк), либо бизнес-сообщество, которые не были склонны к идеологическим и стратегическим экспериментам и в обмен на экономическое содействие требовали от команды Б.Н. Ельцина придерживаться мировой практики проведения рыночных реформ. Кроме того, власть не могла в полной мере использовать силовой и административный ресурсы для проведения в жизнь собственного видения реформ (поскольку соответствующие элиты были расколоты на сторонников и противников курса нового российского руководства и поэтому слабоуправляемы). Что же касается нормативно-правового ресурса, то он в принципе не работал на том этапе, ввиду, с одной стороны, недостаточно выраженной легальности власти (захват рычагов управления «демократами» де-факто в ходе «августовской революции» 1991 г.), с другой – в силу правового нигилизма населения страны, чему способствовала дезавуация прежних, советских правил игры и отсутствие новых, постсоветских.

В-четвертых, свою роль сыграл также идеологический фактор. Дело в том, что демократические силы, оппонируя КПСС на рубеже 1980–1990-х гг., во многом вели политическую борьбу на контрасте, противопоставляя устаревшей коммунистической системе образ процветающего передового Запада. Поэтому любые сомнения и опасения относительно адекватности тех или иных политических и экономических заимствований для постсоветской России воспринимались как отказ от реформирования или даже как стремление консерваторов повернуть страну вспять. Таким образом, ставка

младореформаторов на кардинальный разрыв с прежней политической и экономической традицией породила своего рода запелляционность и идеологический догматизм в проведении преобразований и блокировала любые попытки дискуссий по поводу пропорций отраженности и спонтанности в российском варианте модернизации, поэтому наиболее оптимальными представлялись схемы и проекты, гарантирующие максимальное преодоление советского наследия.

В-пятых, немаловажным являлось и то, что новые российские элиты в тот период были очень неустойчивы и слабы, не готовы к конфронтации с Западом, который воспринимал себя победителем в холодной войне и в качестве такового едва ли не в директивном порядке экспортировал в постсоветские государства свою политическую и экономическую модель. При этом все отклонения воспринимались как враждебные и неадекватные духу истинных демократических реформ, что, в свою очередь, было чревато для сторонников спонтанной модернизации санкциями и силовым давлением (как это было, например, с Югославией времен С. Милошевича).

Таким образом, период 1991–1999 гг. в целом характеризовался следованием за модернизацией российских правящих элит. В политической сфере он выражался в следующем:

- в стремлении максимально четко и буквально копировать зарубежный институциональный и правовой опыт;
- в разрушении советской политической системы и ее идеологических оснований без реального осмысления ее положительного и отрицательного опыта;
- в жестком следовании идеологии рыночного либерализма и либеральной демократии, отстаивании принципа линейности исторического прогресса, обосновании догоняющего пути развития России;
- в реализации политики радикальных рыночных реформ без учета цивилизационных и исторических предпосылок, национальных традиций и специфики политической культуры населения страны;

- в проведении политики децентрализации и деэтизации, в передаче существенных полномочий и компетенций в ведение квазивластных центров;
- в развитии активного и при этом «подчиненного» сотрудничества российских элит с западными элитами, в сворачивании контактов с традиционными внешнеполитическими союзниками.

Демократизация (или демократический транзит) представляет собой очень сложный, нелинейный процесс движения к демократии различных стран, который проходит несколько стадий: либерализацию, демократизацию и консолидацию. Сам выбор демократического пути развития еще не гарантирует установления демократии в конечном итоге и тем более эффективности функционирования управленческой системы и экономики. Нелинейность процесса демократизации зависит от многих объективных и субъективных факторов: исходного уровня экономического развития, единства или разобщенности общества по отношению к демократии; расклада политических сил, их борьбы или взаимодействия на основе компромиссов; лидеров и элиты, их стратегии демократических преобразований; господства демократических ценностей в общественном сознании, политической и правовой культуры граждан. Раскрывая главное отличие «первоначальной» демократизации в России от западных стран, И.К. Пантин акцентирует внимание на том, что стране предстояло, обзаведясь демократическими институтами, начать строить демократическое общество, создавая предпосылки демократии, в т.ч. слой ответственных собственников, без которых ее существование невозможно. Задача заключалась в формировании демократического этоса, что в России с ее историей, традициями, ментальностью населения требует огромного времени и усилий²⁸⁵.

В 1990-е гг. процесс демократизации развивался стихийно, определенной стратегии у российской политической элиты не было (в условиях де-факто «внешнего управления» страной, т.е. «под диктовку» западных элит, своей стратегии не могло быть по определению), страна находилась в тяжелом

---

²⁸⁵ Пантин, И.К. Судьбы демократии в России. – М.: ИФ РАН, 2004. С. 137.

экономическом кризисе, а население было обречено на самостоятельное выживание без какой-либо социальной поддержки государства. В этих условиях политической элитой была задействована условно называемая В. Лапкиным «стратегия Чубайса», которая использовала власть для приватизации и перераспределения государственной собственности в интересах новой, формирующейся партии власти²⁸⁶. В результате такой стратегии задача отделения власти от собственности так и не была решена, что воспрепятствовало формированию среднего класса, являющегося опорой демократии и гражданского общества.

В начале реформ 1990-х гг. господствовала радикально-демократическая идеология, которая решительно отвергала идею какого-либо экономического регулирования; свободный рыночный обмен товарами и услугами стал наделяться способностью преобразовать экономику России и вывести ее в число передовых стран мира. Преобладала ультралиберальная точка зрения о том, что если государство устранить из политических и экономических процессов, то тут же заработают рыночные механизмы, способные быстро расставить все по своим местам и обеспечить свободу и процветание граждан. В этот период демократические экономисты востребуют наследие Ф. Хайека и М. Фридмана, отвергавших любое государственное вмешательство в общественную жизнь. Более того, декларировался полный отказ от своего прошлого и стремление к тотальному заимствованию западного опыта. Вот что писала тогда известный экономист либерального направления Л. Пияшева: «Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого экономического чуда на нашу территорию. Конституировать, как это сделало правительство Аденауэра, экономический либерализм в чрезвычайные сроки, запретить коммунистическую идеологию, провести Всероссийский процесс покаяния, осудив всех «зачинщиков» хотя бы посмертно, сбросить с себя груз тоталитаризма, захоронить ленинский прах, убрать в музеи всю

---

²⁸⁶ Лапкин, В.В. Итоги и перспективы социально-политического развития России // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №9. – С. 77.

социалистически-коммунистическую символику и высвободить на волю вольную всю уцелевшую и сохранившуюся в обществе предпринимательскую инициативу. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу «дух предпринимательства» возродит в стране и волю к жизни, и «протестантскую этику»²⁸⁷. Активно поддержала данную точку зрения интеллигенция, особенно творческая. Представители культуры исходили из убеждения, что именно рынок выберет самые лучшие фильмы, книги, научные достижения. Массам также внушалась мысль о том, что рынок может утвердиться в России в сжатые сроки, а его введение произойдет без ухудшения материального положения большинства.

Наряду с верой в исключительную силу рынка либерал-радикалы подчеркивали свою приверженность политической демократии, которая предполагала многопартийность, правовое государство, разделение властей, равенство всех в политическом волеизъявлении. Поборники радикализма в своем большинстве отвергали любые формы авторитаризма, например, президентское правление, даже на переходный период экономических реформ.

План экономических преобразований был обнародован в конце октября 1991 г., он предусматривал проведение ряда принципиальных реформ.

Во-первых, разовое введение свободных цен с января 1992 г. должно было определить рыночную стоимость товаров, ликвидировать товарный дефицит, запустить механизм конкуренции, заставить людей и предприятия жить в новых рыночных условиях и зарабатывать деньги.

Во-вторых, либерализация торговли должна была ускорить товарооборот, создать инфраструктуру по сбыту продукции.

В-третьих, широкая приватизация жилья и государственных активов (прежде всего, в сфере легкой, пищевой промышленности, строительства, торговли, общественного питания, бытового обслуживания) должна была превратить массы населения в собственников, создать у них экономические стимулы деятельности.

Государство отказывалось от прямого вмешательства в экономику, но обещало проводить жесткую финансовую и денежно-кредитную политику с

---

²⁸⁷ Интервью Л. Пияшевой // Родина. 1990. № 5. С. 8.

целью избежать инфляции и бюджетного дефицита. Главная роль в преобразованиях отводилась вице-премьеру по экономике Е.Т. Гайдару, стороннику «шоковой терапии». Его модель – сначала отпуск цен, затем – введение свободной торговли, потом – приватизация – во многом была заимствована у американского экономиста Дж. Сакса.

Тем не менее, уже первые результаты оказались неожиданными. Незапланированный резкий рост цен (в 10–12 раз) приводит к тому, что увеличение пенсий и зарплаты на 70%, запланированное в качестве определенной «смягчающей меры», население не ощутило. Более того, многократный рост цен нанес мощный удар по денежным вкладам населения, поставил малоимущих на грань выживания. В январе было освобождено примерно 90% потребительских цен и 80% цен на продукцию производственного назначения. Все это приводило к обострению социальной напряженности в обществе, к активизации оппозиции (прежде всего, коммунистической), к разочарованию в правительстве и рыночных реформах.

Сомнительными оказались и результаты программы приватизации, реализованной Госкомимуществом России (А. Чубайс). По первому варианту работники отчасти бесплатно, отчасти на льготных условиях могли приобрести чуть меньше половины акций своего предприятия. По второму варианту работники предприятий могли по закрытой подписке приобрести 51% (контрольный пакет) акций, но на жестких условиях. Оставшиеся акции поступали в открытую продажу: их могли приобретать все россияне, которым выдавался приватизационный чек (ваучер) номиналом в 10 тыс рублей. Номинальная стоимость ваучеров была определена исходя из оценки имущества российских предприятий на 1 января 1992 г. в 1 трлн 400 млрд рублей, т.е. примерно 60 млн долл. США по курсу на тот момент (реальная же стоимость была многократно выше).

В итоге был выбран ваучерный вариант, который в силу специфики реализации привел к тому, что основные активы госсобственности оказались в

руках олигархических сообществ, а средний класс, который является опорой рыночных реформ, так и не возник.

Вот какие негативные итоги данного варианта приватизации подчеркиваются в книге «Экономика переходного периода» под редакцией В.В. Радаева и А.В. Бузгалина²⁸⁸.

1. Разрыв между поставленными целями и реальными результатами: практически ни одна из поставленных целей приватизации не была достигнута.
2. Несовпадение становления комплекса рыночных механизмов и институтов, необходимых для создания сферы эффективного функционирования приватизированных предприятий, с темпами приватизации.
3. Не была проведена реальная оценка приватизированного имущества, в результате чего допущено его разбазаривание.
4. Формы и способы проведения приватизации не обеспечивали учета разнообразия конкретных условий, в которых находились приватизируемые предприятия, и превратили широкие слои населения пассивных участников развивающихся процессов.

Каковы же были в целом итоги первого этапа реформаторской деятельности в России?

Что удалось:

- сдвинуть с мертвой точки введение в России рыночной экономики;
- провести либерализацию цен и торговли, что привело к наполнению рынка товарами;
- создать стимулы к труду;
- укрепить рубль, покончить с господствовавшим ранее бартером;
- провести масштабную приватизацию.

Но за это была заплачена большая цена:

---

²⁸⁸ Экономика переходного периода / под ред. Радаева В.В., Бузгалина А.В. – М.: МГУ, 1995.

- реальные доходы населения к концу 1992 г. снизились до 44% от уровня начала года;
- в основном денежные средства стали тратить на продукты питания (семьи с детьми и пенсионеры – до 90%);
- рост цен за год в 26 раз, лишение денежных сбережений (прямые потери по денежным вкладам составили порядка 500 млрд рублей);
- сокращение производства;
- снижение уровня потребления;
- усиление неравенства и рост социальной напряженности;
- кризис науки, образования, культуры;
- утечка мозгов²⁸⁹.

Из экономического кризиса либеральным путем России так и не удалось выбраться, что продемонстрировали события августа 1998 г., поставившие под вопрос политическую и экономическую состоятельность правящего режима.

Кризис августа 1998 г. ознаменовал собой крах проекта модернизации заимствования. При этом разочарование в «отраженных» ценностях стало распространяться не только среди рядовых граждан страны, но и в элитных кругах. Происходит разворот российского истеблишмета в пользу проекта обновления на основе национальной специфики (при сохранении рыночного и демократического характера российской государственности). Этому способствовали и некоторые субъективные факторы. В частности, к концу 1990-х гг. российский бизнес, ранее вынужденный играть по западным правилам, настолько окреп, что стал претендовать на самостоятельный статус и в связи с этим перешел на патриотические позиции. То есть в итоге даже в целом либерально ориентированные круги элиты отказываются от неоригинального проекта модернизации и начинают искать ему альтернативу.

---

²⁸⁹ Согрин, В.В. Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. – М.: Издательство «Весь мир», 2001. С. 135.

В 2000 г. президентом страны был избран фактически назначенный Б.Н. Ельциным преемник – В.В. Путин. Многие считают, что у последнего не было никакой программы действий, равно как и у Б.Н. Ельцина. На самом деле в достаточной степени программной можно считать статью будущего президента «Россия на рубеже тысячелетий», где он утверждает, что ключом к возрождению России является сильная государственная власть, в которой страна так нуждается и которая позволит создать сильную государственно-политическую сферу²⁹⁰. Данный тезис следует считать программным, и вся последующая деятельность В.В. Путина на посту президента, безусловно, подтверждает его последовательную реализацию.

С приходом к власти нового президента период революционной ломки общественных отношений закончился, начался новый период – легитимации новой политической элиты, ее объединения, стабилизации экономической и политической жизни, создания сильного государства. Эти идеи, особенно сильной государственной власти и наведения порядка в обществе после разгула демократической анархии 1990-х гг., были востребованы обществом и нашли поддержку россиян. Нельзя не согласиться со следующим тезисом американских политологов: «Отвлеченно люди ценят и свободу, и порядок, но в реальной жизни эти две ценности неизбежно вступают в конфликт. По определению любая политика, отдавая предпочтение одной ценности, ущемляет другую. В демократической стране выбор политики определяется тем, насколько высоко ее граждане ценят свободу и насколько – порядок»²⁹¹. Следуя этой логике, в России в начале XXI в. восторжествовало стремление к порядку, и свобода как ценность уступила ему место.

Пройдя процедуру инаугурации, В.В. Путин приступил к решению первоочередных задач по восстановлению управляемости страной и укреплению вертикали власти. Во-первых, была создана система федеральных округов,

---

²⁹⁰ Путин, В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – 1999. – 30 декабря.

²⁹¹ Джанда, К., Берри, Д.М., Голдман, Д., Хула, К.В. Трудным путем демократии. – М.: РОССПЭН, 2006. С. 49.

возглавляемых полномочными представителями президента (полпредами), которые получили большие полномочия и подчинялись президенту и его администрации.

Во-вторых, Федеральным законом от 29 июля 2000 г. был изменен статус губернаторов, которые могли быть теперь уволены президентом при определенных обстоятельствах. Эта мера была вынужденной, поскольку региональные элиты вели слишком самостоятельную игру, чреватую сепаратизмом и неподчинением решениям федерального центра.

В-третьих, был изменен принцип формирования Совета Федерации Федеральным законом от 5 августа 2000 г., согласно которому главы исполнительной и законодательной власти субъектов федерации отстранялись от участия в работе Совета Федерации, а на их место избирались (назначались) их представители.

В-четвертых, указом от 1 сентября 2000 г. была создана новая структура власти – Государственный Совет Российской Федерации, куда вошли губернаторы, лишившиеся своих мест в Совете Федерации. Был сформирован также Совет законодателей, состоявший из руководителей законодательных собраний регионов. Таким образом, через эти структуры федеральная власть могла советоваться с представителями власти на местах, и соответственно новые структуры имели совещательный характер.

Целью всех предпринятых реформ являлось укрепление вертикали власти и усиление позиций президента в регионах. Эта цель была достигнута. Следующим шагом в деле институционального реформирования стало внесение изменений в организацию и деятельность политических партий. Федеральный закон «О политических партиях» был принят Государственной Думой 21 июня 2001 г. и был направлен на усиление роли партийных структур в общественной жизни страны. В частности, был четко регламентирован процесс формирования партии, обозначен ее «численный» минимум (не менее 10 тыс человек), введено требование о необходимом количестве региональных организаций (более чем в половине субъектов России), определены основы их финансирования,

выработаны конкретные условия прекращения деятельности партий. Принятие этого закона повлекло за собой сокращение количества зарегистрированных партий в 2003 г. до 44, в 2006 – до 33, а на начало 2007 г. перерегистрацию прошли всего 17. Многие политики и политологи подвергли данный закон острой критике за ограничения, жесткую регламентацию деятельности политических партий, антидемократизм. На самом деле закон был необходим, поскольку в партийном пространстве царили хаос и неразбериха, как по форме, так и по содержанию партийной деятельности. Закон установил определенный порядок в этой сфере.

В.В. Путин существенно укрепил «партию власти». Если в 1993 и 1995 гг. сначала «Выбор России», а затем НДР, созданные под премьеров, оказались непрочными и быстро разваливались, то блок «Единство», а затем и партия «Единая Россия» получили прочную опору в лице президента. Начиная с парламентских выборов 1999 г. она увеличивала представительство в Государственной Думе и в итоге ее фракция превратилась в доминирующую в российском парламенте. Данное обстоятельство значительно укрепило позиции главы государства в нижней палате парламента, однако лишило законодательный орган независимости по отношению к исполнительной власти, что позволило некоторым политологам говорить о «вымирании» оппозиции в России²⁹².

Второй срок президентства В.В. Путина ознаменовался целым рядом неоднозначно трактуемых в обществе реформ 2004–2006 гг. К ним относятся: отказ от прямых выборов губернаторов, замена их фактическим назначением президентом; изменение законодательства о выборах в региональные законодательные собрания; переход к пропорциональной системе выборов в Государственную Думу и повышение электорального барьера с 5 до 7%; создание Общественной палаты; дополнительные изменения в законодательство о политических партиях.

---

²⁹² См.: Гельман, В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис: Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 52-69

Период 2005–2006 гг. характеризуется стабилизацией политической и социально-экономической ситуации в стране и постепенным укреплением вертикали власти. Это удалось прежде всего за счет того, что одна часть элиты оказалась вписанной в номенклатурные группировки силовиков и либералов и приняла участие в управлении страной, а другая, оппозиционная, оказалась жестко «выстроенной» или «зачищенной». Дело ЮКОСа, изменение системы выборов губернаторского корпуса, административная реформа серьезно изменили структуру отечественной элиты, заставили ее работать на укрепление правящего режима, позволили произвести кадровые перестановки. Кроме того, в «тучные» нулевые быстрый рост экономики России дал возможность целому ряду экспертов поставить нашу страну в один ряд с Китаем, Индией и Бразилией. Тем не менее, подобный рост во многом обеспечивался благоприятной сырьевой конъюнктурой и общемировой позитивной экономической динамикой. Однако кризис 2008–2010 гг. поставил вопрос о более надежных вариантах обеспечения благополучия и развития Российской Федерации. Именно тогда российское руководство делает выбор в пользу постепенного перехода к инновационному развитию. В этом плане нельзя не отметить программную статью Д.А. Медведева, опубликованную им на Интернет-сайте Газета.ру 10 сентября 2009 г. Именно в ней нынешний премьер, а тогда президент государства определил для страны и ее народа инновационные «горизонты», указав, что в обозримом будущем Россия должна стать страной, в которой благополучная жизнь определяется не сырьем, а интеллектуальными ресурсами: «умной» экономикой, производящей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности²⁹³.

При этом уже в середине 2000-х гг. стало ясно, что в основе государственной инновационной политики России должна лежать «комплексная» инновационная мотивация, ориентированная на обеспечение суверенитета и стремление к глобальному лидерству и опирающаяся на цивилизационно и исторически

---

²⁹³ Россия, вперед! Статья Дмитрия Медведева // <http://www.kremlin.ru/news/5413>

обоснованную государственную идеологию («национальную идею») построения «великой державы».

Надо сказать, что скептицизм относительно возможности построения в России инновационного общества и эффективного проведения инновационных реформ, который нередко присутствует в статьях и выступлениях экспертов и политиков, опровергается историей.

Исторический путь страны свидетельствует о том, что модернизационные устремления не чужды ни элите, ни населению России. Правда, при этом стоит отметить, что реформаторские проекты чаще всего носили вынужденный характер. При этом одним из главных побудительных мотивов для проведения модернизации становился внешний вызов – либо военный, либо геополитический фактор. Обладая обширной территорией и существенными сырьевыми ресурсами, Россия регулярно становилась объектом внешней экспансии и захватнических войн. Более того, относясь к категории великих держав, она с неизбежностью вела жесткую конкуренцию с другими претендентами на этот статус (в первую очередь, с Великобританией, а затем и с США). Все это требовало поддержания как необходимого уровня военно-политической и экономической актуальности, так и развития передовых технологий. Как минимум, можно отметить два таких великих перелома в российско-советской истории – петровские преобразования и форсированную модернизацию при И.В. Сталине. При всей неоднозначности «уплаченной цены» и демократичности следует признать их эффективность с точки зрения достижения основного результата – обеспечения ведущих позиций в мире России-СССР.

В этой связи весьма интересна полемика, которая развернулась в политологии относительно процесса сталинской модернизации, а также о роли тоталитаризма в модернизации в XX веке. Например, Дж. Грегор и ряд других исследователей считают, что тоталитаризм в России и Италии можно рассматривать как диктатуру развития. Благодаря ему, несмотря на все издержки

и преступления, обе страны смогли совершить рывок в индустриализацию²⁹⁴. Эта мысль в последующем находит развитие в трудах М. Джиласа, югославского исследователя тоталитаризма, который указывает, что коммунистическая революция, будучи не способной реализовать ни один из провозглашенных ею идеалов, вывела на путь современной цивилизации огромные области Азии и Европы²⁹⁵. Кроме того, с определенной периодичностью в литературе повторялся тезис, рассматривавший социализм в качестве вполне эффективной альтернативы движения стран с «запоздалым» развитием по модернизационному пути. Так, например, в своем исследовании «Европейский опыт» Дитер Сенгаас выдвинул идею, что наравне с другими странами «третьего мира» именно социалистические индустриальные общества преодолели периферийность и отсталость. Проведенный им анализ новейшей истории таких стран, как Северная Корея, Куба и Китай, позволил прийти к выводу, что благодаря социализму были созданы самостоятельный внутренний рынок и система национального воспроизводства, обеспечивающие им равноправную интеграцию в мировую экономику²⁹⁶.

Одновременно с этим в либеральной политической транзитологии господствует противоположная идея, согласно которой большая часть исследователей считают, что реконструкция тоталитаризма не позволила разобраться с теми проблемами, для целей которых она затевалась, в связи с чем неверно утверждать о серьезном модернизационном потенциале тоталитарных государств²⁹⁷.

Не менее важным является вопрос о том, вокруг чего концентрировалось развитие при социализме. Опыт социалистического строительства в различных странах показал – вокруг политических императивов, тоталитарной власти,

²⁹⁴ Цит. по: Волков, Л.Б. «Диктатура развития» или «квазидемократия»? // Тоталитаризм как исторический феномен. – М.: Философское общество СССР, 1989. С. 89.

²⁹⁵ Джилас, М. Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. С. 191.

²⁹⁶ Senghaas, D. *The European Experience: A Historical Critique of Development Theory*. Leamington; Dover, 1985. P. 179-202.

²⁹⁷ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Рук. авт. кол.: Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. – М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 394.

сильного государства. Поэтому, как отмечает В.Г. Хорос, в социалистических обществах индустриализация и экономический рост не работали или работали крайне слабо на массовый потребительский спрос, на создание полноценного внутреннего рынка и межотраслевой пропорциональности²⁹⁸. Применительно к Советской России нельзя отрицать того, что социалистические преобразования принесли элементы, которые принято включать в процесс модернизации (индустриальный рост, урбанизацию, развертывание массовой системы образования и здравоохранения, развитие коммуникаций и т.п.). В то же время внедрение отдельных элементов модернизации еще не означает реализации модернизации в целом. В частности, экономическая модернизация СССР не сопровождалась модернизацией политической, созданием демократических структур. Некоторые социальные достижения были основаны на принципе уравнительности, искусственном ограничении доходов; право подменялось волюнтаризмом и бюрократическим произволом; коллективизм подавлял личность. Кроме того, важно отметить, в отличие от «позитивной модернизации» в западных странах, «негативная модернизация» в СССР гораздо более решительно и безжалостно разрушила структуру традиционного общества, а также в зародыше оказались ликвидированы первые результаты буржуазной модернизации – предпринимательство, система демократических учреждений²⁹⁹.

Также ученые либерального направления, подобно немецкому исследователю фон Лауэ, считают, что модернизация есть процесс революционный и становление Запада было главной мировой революцией, а всевозможные «измы» – коммунизм, фашизм, маоизм – это реакция на эту революцию, попытка отстающих стран, идя своим путем, преодолеть отсталость³⁰⁰.

---

²⁹⁸ Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. Хорос В.Г. Рос. акад. наук. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений – М.: Наука, 1996. С. 308.

²⁹⁹ Там же. С. 309.

³⁰⁰ Von Laue, Th. H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y., Oxford, 1987. P. 35.

Не менее существенным является и вопрос о темпах модернизации, ее последовательности и поступательности. В частности, необходимо отметить, что первичная модернизация Великобритании осуществлялась изнутри на основе фазового, многотактового, самостоятельного развития политического, культурного и экономического рынка³⁰¹. При этом индустриальный скачок становился возможным лишь по мере того, как «человек традиционный» превращался в «человека рыночного»³⁰². Форсированные же темпы модернизации, характеризующие историю СССР и ряда других стран «незападного типа», приводили к перекосам и неорганичности их развития. Конечно, форсированная советская модернизация 1930-40-х гг. позволила советскому государству заимствовать и даже в некоторой степени развить технологические, инструментальные достижения западных обществ, однако ему не удалось создать адекватных социальных механизмов их саморазвития (рыночная экономика, институты гражданского общества, политическая демократия)³⁰³. В этом заключалась противоречивость и «недостаточность» советского варианта модернизации.

Справедливости ради, стоит отметить, что у такой точки зрения имеются и вполне авторитетные оппоненты, которые полагают, что форсированная модернизация, проведенная в СССР в 1920-1930-х гг. и развитая в последующий период, позволила не только создать конкурентоспособную государственную модель, но и победить во Второй мировой войне³⁰⁴.

Как бы то ни было, но в современную постиндустриальную и постсоветскую эпоху для того чтобы «догнать и перегнать» развитые страны мира, России потребуются совершенно иной сценарий инновационной модернизации, иные механизмы ее проведения, иной идеологический и политический антураж.

---

³⁰¹ Тоталитаризм как исторический феномен. – М.: Философское общество СССР, 1989. С. 87.

³⁰² Там же. С. 87.

³⁰³ Вишневский, А.Г. Указ соч. С. 278.

³⁰⁴ См., например: <http://zavtra.ru/content/view/2005-05-0432/>, http://www.gazeta.ru/politics/2012/08/31_a_4747493.shtml, <http://topwar.ru/27535-pochemu-stalomodno-diskutirovat-o-stalinskoy-modernizacii-ekonomiki.html> и др.

Как уже упоминалось ранее, стратегическое инновационное мышление является прерогативой национальной элиты. В основе такой ее ориентации лежат объективные и субъективные факторы. С одной стороны, она вполне эгоистично заинтересована в сохранении своего влияния в стране, что позволяет ей контролировать значительные аппаратные и бизнес-активы, с другой – она понимает, что без проведения периодических политических и экономических реформ обеспечить развитие страны будет практически невозможно. По мнению Ю.В. Яковца, выбор и реализация стратегии инновационного прорыва является экономическим, научно-техническим, социальным и нравственным императивом для современной России, ее политической, деловой, интеллектуальной элиты³⁰⁵.

Одним из важнейших стимулов, побуждающих российскую элиту стремиться к инновационному обновлению России, является ее желание вписаться в мировой истеблишмент на правах признанного «акционера», т.е. стать равноправной участницей «глобального акционерного общества», пусть даже в качестве «миноритария». Определенный рациональный смысл в этом стремлении присутствует – процессы глобализации диктуют необходимость тесного партнерства ведущих государств мира, а Россия с 2000-х гг. претендует на восстановление статуса великой державы. Причем, по мнению большей части отечественной правящей элиты, достичь такого статуса она может лишь при активном взаимодействии с развитыми государствами мира, получив от них «пропуск» на мировой Олимп. Поэтому усилия российского истеблишмента в последнее десятилетие направлены на завоевание такого права. Но есть понимание того, что подобная интеграция возможна лишь в том случае, если российские политические и социально-экономические показатели будут сопоставимы с «сильными мира сего». Поэтому стремление в «глобальное акционерное общество» предполагает не столько ограничение своего суверенитета, сколько прагматичное и последовательное отстаивание своих прав на влияние в мире, соответствующее проценту «контролируемых акций», в диалоге со своими международными партнерами.

---

³⁰⁵ Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004. С. 436.

Характерной чертой стратегии участия в «глобальном акционерном обществе» является отказ руководства России от эмоциональности и иррациональности в своих политических и экономических действиях. Оно старается придерживаться общепринятых правил игры, апеллировать в своих маневрах на «глобальной шахматной доске» к международной практике и международному праву, не стремится шантажировать своих «соакционеров» сверхжесткой позицией. При этом определяющим здесь становится принцип возможностей. Если есть возможность перехватить по закону у конкурентов какой-либо бизнес-актив, Россия это делает.

Тем не менее, прагматизм России предполагает и ее обязательное встраивание в систему международных институтов, чтобы не отдавать их на откуп своим конкурентам, через глобальные структуры отстаивать свои интересы и доносить свою позицию до международного сообщества. Поэтому Россия принимает участие не только в работе таких «нейтральных» организаций, как ООН, но и активно сотрудничает со своими традиционными критиками, вроде ОБСЕ, Еврокомиссии и пр.

Еще одной, и, пожалуй, главной чертой стратегии участия в «акционерном обществе» является борьба за признание России равноправным партнером со стороны мировых стран-лидеров. И хотя на Западе зачастую преобладает негативный подход к этому вопросу, обусловленный, с одной стороны, историческими комплексами (вроде «русские идут!» или «о чем можно договариваться с варварской Россией?»), а с другой – скепсисом относительно нынешнего состояния нашей страны (она-де «не является больше сверхдержавой»), у Российской Федерации все же имеется масса конкурентных преимуществ – начиная от наличия мощного арсенала ядерных вооружений и заканчивая огромной ресурсной базой³⁰⁶.

Инновационная «повестка дня», сформулированная и реализуемая российской властью в 2007–2013 гг., также является своего рода заявкой на

---

³⁰⁶ Шатилов, А.Б. Внешнеполитический год Медведева: Россия на пути в «глобальное акционерное общество» // Политэкономика. – 2009. – № 3. – С. 28.

интеграцию в глобальную элиту. С одной стороны, Россия демонстрирует свое созвучие с эпохой и понимание политики модернизации, с другой – хочет войти в мировой элитный клуб не на правах «младшего сырьевого брата», а как полноценное эффективное государство XXI в.

Справедливости ради надо сказать, что, выступая в качестве «ведомого» в рамках инновационного проекта, население России не является противником преобразований. Так, заявленный властями РФ курс на модернизацию находит достаточно широкую поддержку у граждан (60% против 18%)³⁰⁷. Но позиция населения меняется, когда речь идет о темпах реформ. Большинство (57%) на данный момент, скорее, придерживается мнения о «постепенности» преобразований, усматривая угрозу стабильности в условиях «форсированных реформ». Однако достаточно высока и доля тех, кто полагает необходимым «быстрых и кардинальных реформ» (42%)³⁰⁸.

---

³⁰⁷ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011. С. 49.

³⁰⁸ Там же. С. 305.

§ 2. Стратегические приоритеты развития инновационного потенциала России и причины, препятствующие его становлению

Особенности мирового опыта конца XX в., к сожалению, нередко игнорируются при разработке политики инновационного развития в современной России, доля которой на мировом рынке высокотехнологичных продуктов не превышает и 0,5%, что во много раз меньше аналогичного индикатора ведущих стран мира.

По мнению некоторых экспертов, использовать чужие разработки в инновационной области можно только на промежуточном этапе развития государства, дальше требуются свои, особенно это актуально, если вспомнить, что по многим направлениям чужие разработки угрожают национальной безопасности³⁰⁹. По этой причине страны Юго-Восточной Азии и Китай, активно использовавшие технологические заимствования, в настоящее время делают все возможное для того, чтобы сформировать независимую инновационную экономику. Западные же страны, о которых говорилось в третьей главе диссертационного исследования, еще с 1930-х гг. взяли на себя роль локомотивов в своих регионах (Франция и ФРГ – в Европе; США – на североамериканском континенте). Но справедливо заметить, что и западноевропейская и особенно впоследствии «вышедшая» из нее североамериканская цивилизации являются инновационными по своей природе – дух авантюризма, первенства, лидерства и предпринимательства у них «в крови».

Однако для успешного развития инновационной сферы, как уже было наглядно продемонстрировано в предыдущих главах исследования, недостаточно определить лишь цели и задачи государственной политики – необходима система взаимосвязанных механизмов, позволяющих эффективно проводить реализацию

---

³⁰⁹ Лесков, С. Руководитель Федерального агентства по науке и инновациям Сергей Мазуренко: «Инновации – это симбиоз государственной политики и рыночных отношений» // Известия. – 2008. – 3 декабря.

этой политики по всем направлениям и на всех уровнях. Но, что еще более важно, механизмы должны быть адекватно поняты и восприняты обществом, поскольку именно оно в конечном итоге является основным бенефициаром инноваций. Инновационный импульс, который призвана генерировать элита, должен быть принят обществом, должен «запасть в душу». Произойти это может только при наличии в обществе серьезной идеологической основы, которая бы, опираясь на исторические, культурные, цивилизационные особенности, объясняла значимость и полезность инноваций для страны.

Пока же в России политическая составляющая инновационной кампании существенно опережает ее экономический компонент. При всей пристальности внимания власти к инновационной сфере, ясно, что нельзя создать в нашей стране инновационную среду исключительно лишь методами административного регулирования. Проанализированный опыт других стран наглядно свидетельствует, что наибольшую эффективность дает разумное сочетание целевой государственной политики, выстраиваемой элитами, и рыночного механизма. Задача государства при этом состоит в том, чтобы политическими средствами формировать инновационную среду, которая предоставит всем заинтересованным сторонам возможность участвовать в реализации общей цели. Однако российский опыт последних лет показывает, что очень часто надежды на инновационную активность бизнеса и на инвестиции частных предпринимателей в наукоемкие технологии не сбываются. Без участия государства, причем очень активного, инновационную экономику сформировать невозможно³¹⁰.

Можно обозначить следующие объективные причины, препятствующие инновационному развитию российского государства.

1. Отсутствие в стране сформулированной идеологии («национальной идеи»), которая бы учитывала историю, культуру, традиции и менталитет российского народа, была понятна каждому члену общества, сплачивала бы людей и направляла их энергию на достижение общественно значимых целей, приветствуя и всячески поощряя при этом инновации. Задача по формулированию идеологии

---

³¹⁰ Там же.

(«национальной идеи») по статусу и масштабности возложена на национальную элиту. Как только идеология выработана, идеологический импульс может и должен быть транслирован от элит обществу, с тем чтобы вызвать у последнего нужную инновационную мотивацию. Главной предпосылкой для формулирования идеологии является наличие у страны достаточного суверенитета и самостоятельности, подкрепленных необходимыми политическими и экономическими ресурсами, что позволяет национальным элитам действовать в направлении реализации интересов государства, «не спрашивая разрешения» у элиты зарубежных стран.

Российская элита с идеологией («национальной идеей») и инновационной мотивацией пока не определилась.

2. Отсутствие единой межведомственной стратегии развития инноваций и центрального государственного органа, наделенного полномочиями координировать работу министерств и ведомств. В каждом из ведомств инновационные программы существуют независимо, что затрудняет (или делает невозможной) создание единой системы обеспечения инновационной политики, приводит к потерям времени и финансовых ресурсов.

Координирующим центром в СССР являлся созданный при Совете Министров Госкомитет по науке и технике, который в рамках государственного плана формировал сквозные программы для разных госструктур, тем самым обеспечивая реализацию научной стратегии, разрабатываемой отделом науки ЦК КПСС и получившей оценку экспертного сообщества.

В США координирующим центром выступает Офис научно-технической политики, который наделен широкими полномочиями в деле подготовки научного бюджета и координации действий участников профильных программ.

В Великобритании руководство наукой возложено на Министерство образования³¹¹.

---

³¹¹ Авдулов, А.Н., Кулькин, А.Н. Периодизация государственной научно-технической политики промышленно развитых стран: становление, эволюция, тенденции и этапы ее формирования // http://w3.rfbr.ru/default.asp?doc_id=4569

Германия располагает подобными структурами как на федеральном, так и на региональном уровнях (земли).

Во Франции за управление научно-техническим развитием отвечает Министерство высшего образования и научных исследований.

В Японии, где после Второй мировой войны в системе власти произошли глобальные изменения, развитие прикладных научных исследований относится к сфере компетенции Министерства экономики, торговли и промышленности, а фундаментальная наука, равно как и государственные лаборатории и НИИ, находятся в ведении аппарата премьера.

Как показывает зарубежный опыт, единый координирующий центр является насущной потребностью для эффективной реализации государственной инновационной политики как в части выбора приоритетов и определения конкретных задач, так и в части формирования зоны ответственности в одной госструктуре, а не «распылении» ее между различными госучреждениями.

3. Наука находится вне бизнеса и рынка и существует «ради самой науки». Связь науки с реальной экономикой в силу отсутствия должного количества прикладных исследований очень слабая, поэтому затруднено внедрение инновационных продуктов на рынок. Кроме того, отсутствие связей порождает взаимное недоверие науки и рынка и углубляет их обособленность. В триаде «государство – наука – бизнес» все составляющие действуют независимо друг от друга, за более чем два десятилетия рынок сам по себе не справился с их объединением. Сегодняшняя политика российского государства в инновационной сфере предстает собой комплекс мероприятий, которые стимулируют, главным образом, те инновационные разработки, которые призваны дать мгновенную экономическую отдачу. Но владельцы этих разработок – научно-исследовательские организации – обычно мало заинтересованы в их практическом применении.

Обозначенная проблема «анклавизации» отечественной науки берет свое начало в СССР, где существовала мощная инновационная экономика, созданная преимущественно под нужды ВПК. Отсутствие рыночных механизмов в

стимулировании и осуществлении научных разработок негативно повлияло на экономику при «революционном» переходе от планового хозяйства к рыночному. В СССР в свое время были созданы высокой степени сложности интеллектуальные продукты в авиации, космосе, атомной энергетике, вооружениях. В промышленном производстве работала мощная отраслевая наука, которая управлялась административными методами и не была ориентирована на рынок. Советский механизм инноваций обеспечивал национальную безопасность и служил основой для дальнейшего развития страны. Советская система образования, в особенности естественнонаучного и технического, обеспечивавшая потребность научной сферы в кадрах, была признана одной из сильнейших в мире.

В России де-юре таким координирующим органом является Минэкономразвития России, но де-факто работа сводится к своевременному представлению «правильных» отчетов.

4. Отсутствие внутреннего высокотехнологичного рынка, в особенности его потребительского сегмента. Государство продолжает руководствоваться предложением инноваций (какие наработки есть у отечественной науки?), а не спросом на них (какова главная потребность у рынка на данный момент?). При директивном планировании развития науки и народного хозяйства подобный механизм работал, обеспечивал реализацию космических, оборонных и ряда иных программ стратегического характера. Безусловно, что он может эффективно работать и в рыночных условиях, но только на уровне корпораций (в т.ч. государственных), лишь дополняя механизмы самого рынка, но не заменяя собой рынка.

Бизнес же проводит любую инновационную деятельность исключительно вынужденно: для обеспечения своего дальнейшего выживания в конкурентной среде. Для инноваций необходимы свободные финансовые средства и конкуренция. В России те секторы экономики, где есть свободные финансовые средства, и те, где сформировалась конкурентная среда, не совпадают. Эта

проблема усугубляется диспропорциями на складывающемся рынке инноваций, таким образом, спрос и предложение на инновации не совпадают.

Когда на инновации нет спроса внутри страны, никакие действия государства по выстраиванию инновационных механизмов не принесут должного эффекта. Любые механизмы, как государства, так и рынка, служат реализации наиболее эффективного способа согласования предложения и спроса, но не могут инициировать их. Необходимо учитывать, что государство имеет ограниченные возможности, и, как показывает более чем семидесятилетний опыт, не в состоянии абсолютно заместить рыночные механизмы, создав мотивацию для формирования рыночного поведения хозяйствующих субъектов.

Россия может стать интересна миру в плане инноваций, только при условии, что ей удастся создать их мощный внутренний рынок. Одновременно при обеспечении поддержки национальных компаний и интеграции с другими государствами, страна сможет занять подобающую нишу на глобальных высокотехнологичных рынках. Отметим, что в формировании внутреннего рынка важная роль отводится странам СНГ. После того, как на постсоветском пространстве произошла естественная сегментация единого рынка, стало ясно, что по отдельности рынок каждой из стран малоинтересен, т.к. обладает низкой локальной емкостью. Но надо учитывать, что сохранились все факторы, которые могут способствовать восстановлению единого высокотехнологичного рынка на огромной части постсоветского пространства. Это и общие научные школы, и созданные конструкторские бюро, и научно-технический, кадровый, производственный потенциал, имеющие общие основы, похожие системы образования, единое языковое поле на базе русского языка. Определенные шаги в этом направлении можно наблюдать сейчас на примерах образования Таможенного союза и ЕврАзЭС.

5. Нерациональное использование бюджетных и интеллектуальных ресурсов. Имеются в виду господдержка программ в таких областях, как производство труб, автомобилестроение и т.п., то есть тех программ, которые в большинстве стран

мира реализуются частными компаниями за счет мирового рынка инноваций, а в России на них расходуются средства из госбюджета³¹².

Кроме того, государство, выбирая поддерживать заведомо неконкурентоспособные отрасли и отдельно взятые предприятия, продукция которых не востребована рынком или очень низко им оценивается, руководствуется мотивами социальной стабильности, боясь возможных волнений и протестов со стороны занятых в указанных сферах и на предприятиях людей. Данные меры носят краткосрочный, «болеутоляющий» характер, но никак не стратегический, поскольку лишь дальше отодвигают «лечение болезни».

6. Дефицит финансирования научного сектора, как из бюджетных источников, так и за счет частных инвестиций. Сокращение финансирования из госбюджета ведет к низкой эффективности работы лабораторий и научно-исследовательских центров и отсутствию стимулов ее повышения. Эта тенденция явно негативна и противоположна политике ведущих стран мира, постоянно увеличивающих бюджетные затраты на НИОКР.

Большинство промышленных предприятий наукоемкой сферы, имея ограниченную возможность получения финансовых ресурсов, развиваются в основном за счет собственных средств. На этапе разработки продукции практически отсутствуют заемные средства. Схемы венчурного финансирования не функционируют в полной мере, и из-за слабого фондового рынка ситуация в ближайшее время не поменяется. Механизмы посевного финансирования, которые стали появляться, из-за своих незначительных масштабов не способны кардинально повлиять на ситуацию в экономике.

7. «Кадровый голод» в науке: старение научных кадров, с одной стороны, и сильный возрастной разрыв между старой школой и молодой научной сменой в

---

³¹² Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия (социально-экономические аспекты развития) / Руководители авт. колл. В.Л. Макаров и А.Е. Варшавский. – М.: Наука, 2001; Глазьев, С.Ю. Возможные и вероятные сценарии долгосрочного развития России: цикл публ. лекций «Академики – студенчеству» / Государственный университет управления, Институт новой экономики, М.: Изд. центр «ГУУ», 2006; Глазьев, С.Ю., Львов, Д.С., Фетисов, Г.Г. Эволюция научно-технических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992.

отсутствие «среднего звена» (уехавшие за рубеж в результате «утечки мозгов») – с другой. Средний возраст ученых близок к пенсионному, а в отдельных отраслях науки превышает его³¹³. В отсутствие должного финансирования науки отток специалистов из отрасли не восполняется в должной мере молодыми исследователями, только-только окончившими вуз. Кроме того, ощущается явный дефицит технического персонала, от которого зависит эффективность применения и использования тех или иных научных разработок.

8. Длительное оформление прав собственности на результаты научных исследований с целью последующей коммерциализации ведет к утрате их актуальности и перехвату инициативы конкурентами.

Создать механизм, регулирующий весь путь разработки от научного открытия до внедрения в производство и получения коммерческого продукта, непросто. Однако именно государство, а не рынок играет ключевую роль в решении этой задачи, равно как и в выборе приоритетных с точки зрения развития науки направлений, к которым сегодня относятся: нанотехнологии, энергетика и энергосбережение, живые системы, рациональное природопользование и защита окружающей среды, ИТ-системы.

Все перечисленные проблемы и существующие преграды не мешают государству согласно стратегии «Инновационная Россия – 2020» продолжать работу по коммерциализации результатов научно-исследовательской деятельности во главе с Минэкономразвития России как координирующим органом. Для обеспечения реформ планируется использовать т.н. инновационный лифт – сеть институтов развития, созданных государством, в целях поддержания инновационных инициатив на каждом из этапов и уровней.

Решения многих проблем России не требуют принципиально новых знаний, можно использовать приобретенный опыт. Надо идти по пути Китая, который эффективно использует отобранные мировой практикой подходы для решения задач по преобразованию сельского хозяйства и промышленности, что позволяет

---

³¹³ Зимина, Т. Изношенные кадры науки / Наука и жизнь. – 2009. – № 4. // <http://www.nkj.ru/archive/articles/15577/>

трансформировать экономическую структуру общества без политических и социальных потрясений.

Здесь необходимо подчеркнуть комплексный характер инновационного развития. Сама по себе смена технологий или качественное обновление техники не означают, что проблемы будут решены и произойдут структурные изменения в экономике. Экономическая структура общества отражает определенные технологические уклады, что не сводится только к технологиям или продуктам, но также включает организацию и управление в качестве составных частей инновационного развития.

России необходимо выбрать модель инновационной экономики, удобную и для государственных структур, и для частного бизнеса и общества в целом как части прозрачной и однозначной трактовки конкретных «профильных» мероприятий и действий, так и в части ясности и единства их конечных результатов.

Для выпуска современной продукции требуется обеспечить предприятия современным оборудованием и технологиями, что особенно актуально для предприятий малого и среднего бизнеса, которым не под силу из-за ограниченных финансовых ресурсов и малых производственных объемов закупить современное оборудование. Но именно малые инновационные предприятия должны стать основным источником инноваций для промышленности.

Сегодня в России фундаментальная наука создает продукт, который отечественным предприятиям невозможно рационально использовать внутри страны, часто вместо этого перспективные научно-технические разработки передаются в промышленно развитые страны, где и происходит их коммерциализация. Если передаваемые разработки были осуществлены за счет госбюджета, то практически происходит спонсирование экономик других стран и часто без соответствующего возврата затраченных средств. При существовании глобальной информационной инфраструктуры, которая делает открытой и доступной информацию о научных работах для любого заинтересованного лица,

«неформальные» контакты с разработчиками позволяют иностранным фирмам (прежде всего, США и КНР) покупать разработки с существенным дисконтом³¹⁴.

Развитие системы сбыта наукоемкой продукции также необходимо рассматривать в качестве важного аспекта инновационной деятельности, потому что в большинстве предприятий высокотехнологического сектора ее практически нет. Положительная практика не становится образцом для изучения и тиражирования, в результате чего сфера сбыта наукоемкой продукции организована плохо, неэффективно. Без опыта торговли на глобальных площадках, без квалифицированных кадров, способных продвигать отечественную наукоемкую продукцию, наши предприятия не в состоянии результативно бороться за рыночные ниши с зарубежными конкурентами. Указанное в значительной мере объясняет недостаточную степень присутствия российских высокотехнологических компаний на мировом рынке наукоемкой продукции.

Резюмируя, стоит сказать, что российский инновационный проект должен быть "многофункциональным" и решать сразу несколько важных задач. Во-первых, он должен быть четко ориентирован на возрождение России в качестве державы мирового уровня и значения. Во-вторых, он должен обеспечить сбалансированное развитие отечественной экономики, что, в свою очередь, позволит гарантировать социальную и политическую стабильность. В-третьих, он должен быть "надкорпоративным", то есть в него должны быть вовлечены все слои населения - это придаст инновациям смысл "национальной идеи XXI века". В-четвертых, он должен быть привлекательным для потенциальных партнеров России в дальнем и ближнем зарубежье, способствовать оптимизации международного имиджа нашей страны. В-пятых, его реализация должна проходить под жестким (хотя и не директивным) контролем государства, которое должно выступать в качестве главного "заказчика" инноваций.

---

³¹⁴ Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. Королева И.С. – М.: Юристъ, 2003. С. 223.

§ 3. Инфраструктура инновационной деятельности и механизмы реализации государственной инновационной политики в России

Как считает М.А. Дианов³¹⁵, политика России по стимулированию промышленности и инноваций осуществляется либо посредством мер общеэкономического характера (налоговые и таможенные преференции, создание госкорпораций, бизнес-инкубаторов и технопарков, фондов поддержки инновационного развития), нацеленных на формирование привлекательного инвестиционного климата, либо за счет специфических мер в отношении конкретной отрасли (принятие стратегических планов развития отрасли, создание специализированных холдингов).

При всем кажущемся многообразии институтов, призванных отвечать за реализацию инновационной политики и формирование условий для становления инновационной среды в стране, в их действиях не наблюдается системности и слаженности.

Так, например, Минэкономразвития России формирует межгосударственные и федеральные целевые программы, ориентированные на долгосрочное развитие, принимает ведомственные целевые программы, а также стратегии и программы развития в экономической и социальной сферах, кроме того, координирует инвестиционную деятельность и государственные инвестиции. Минэкономразвития отвечает за проект особых экономических зон (далее – ОЭЗ) в стране. Оператором деятельности ОЭЗ выступает подведомственное Минэкономразвития ОАО «Особые экономические зоны».

ОАО «ОЭЗ» осуществляет управление участками земли в пределах территории ОЭЗ, расположенными в ОЭЗ объектами недвижимости, регистрирует юридических лиц-резидентов ОЭЗ, контролирует выполнение последними

---

³¹⁵ Дианов, М.А. Улучшение делового климата – наиболее эффективный путь стимулирования инноваций / Конференция «Стратегические и управленческие аспекты региональной политики», Российский союз промышленников и предпринимателей, М.: 2008. – 3 июня. // http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=234&d_no=3857

контрактных условий в отношении осуществления оговоренной деятельности на территории ОЭЗ.

В качестве главных целей создания ОЭЗ в России стоит назвать:

- формирование точек роста в регионе за счет привлечения инвестиций, создания новых рабочих мест, выпуска высокотехнологичной продукции;
- развитие инфраструктурных объектов;
- стимулирование импортозамещения;
- развитие обрабатывающей промышленности;
- увеличение внутреннего туризма.

По некоторым сведениям³¹⁶ идея создания ОЭЗ в России нашла сильную поддержку после официального визита в Индию президента В.В. Путина (2004). После его знакомства с деятельностью индийских технопарков было принято решение образовать подобные структуры в России, к тому же в это время в РФ появились «лишние» нефтедоллары. Сегодня в России есть ОЭЗ четырех типов: технико-внедренческие, промышленно-производственные, туристско-рекреационные и портовые (Таблица 23).

Процессы создания и функционирования свободных экономических зон (далее – СЭЗ) и ОЭЗ в разных странах протекают по-разному. В настоящее время примеры СЭЗ/ОЭЗ есть в Великобритании, ФРГ, Японии, Китае, Бразилии, США, Мексике. В передовых странах СЭЗ, в первую очередь, создаются в депрессивных регионах с целью подтянуть их до среднего уровня, в развивающихся странах – с целью привлечь инвестиции и обеспечить технологический промышленный рост. Однако успех от проекта по созданию СЭЗ также различается. Китай (в 1984 г. в 14 городах, главным образом, в прибрежных территориях, были образованы СЭЗ) ежегодно инвестировал в развитие одной СЭЗ примерно 1 млрд долл. США. При этом в Китае на строительство инфраструктуры и привлечение инвесторов до момента выхода СЭЗ на окупаемость прошло 15 лет. Но именно эти СЭЗ стали

---

³¹⁶ Зоны особых привилегий. Китайская модель в российском исполнении // <http://www.tks.ru/reviews/2006/03/17/03>

точками роста китайской экономики, посольку стали центрами для привлечения инвестиций – в основном от этнических китайцев, проживающих за рубежом.

На Украине же, где создали 9 территорий приоритетного развития и 11 СЭЗ, они првратились во внутренние офшоры, где практически законно происходил уход от налогов.

Подведем некоторые итоги создания особых экономических зон в России.

Во-первых, подобный проект перехода целого ряда территорий в разряд СЭЗ/ОЭЗ по своему значению вполне сопоставим с приоритетными проектами национального уровня, однако в действительности все заканчивается тем, что административными методами новое содержание пытаются «втиснуть» в старые формы.

Во-вторых, Россия, образуя ОЭЗ, начинает соперничество с собственной бюрократией и борьбу за зарубежных инвесторов, которые могут выбрать любую зону – китайскую, индийскую, арабскую или российскую, и сравнить (голосуя и деньгами, и ногами). И может начаться уход инвесторов, если результаты подобного сравнения окажутся не в пользу России.

В-третьих, форсируя формирование системы ОЭЗ в России, правительство хочет приобрести преимущество в будущей конкурентной борьбе со странами постсоветского пространства, т.к. Казахстан тоже наращивает темпы в создании ОЭЗ, при этом пристально изучает их организацию за рубежом (в первую очередь, в Китае) и на основе опыта этих государств создает свою программу.

В-четвертых, пока остается неясным экономический эффект от создания ОЭЗ, в т.ч. какое влияние они окажут на инновационное развитие экономики.

В-пятых, есть опасение, что функционирование ОЭЗ приведет к еще большему разрыву между регионами-донорами и регионами-получателями дотаций из центра, а идея превратить развитые субъекты страны в «локомотивы» экономики может обернуться фикцией.

С этой точки зрения примечательны проверки ОЭЗ, проведенные контролирующими органами в сентябре-октябре 2011 г. Судя по всему, реализация идеи создания локальных «точек роста» для региональных экономик

остается делом долгосрочной перспективы – в ближайшее время на конкретные результаты инвестиционной деятельности в большинстве ОЭЗ рассчитывать не приходится. Региональные власти продолжают заочную дискуссию о возможных новых формах стимулирования предпринимательской активности: например, руководство Амурской области выдвинуло предложение о создании приграничных зон с восточными соседями России³¹⁷.

В целях стимулирования инвестиционной активности и форсирования развития проектов ОЭЗ на федеральном уровне рассматриваются различные варианты льготных режимов, облегчающих деятельность их резидентов. Для резидентов всех типов ОЭЗ законом устанавливаются льготы по налогу на прибыль. Политическую поддержку получило предложение Минфина об установлении нулевой ставки налога на прибыль с 2012 г. для организаций-резидентов технико-внедренческих ОЭЗ (в части, которая зачисляется в федеральный бюджет и касается прибыли организации, полученной непосредственно на территории особой зоны). Этот режим предлагается продлить до 2018 г. Положительно оценивается экспертами Правительства и возможность установления региональными властями пониженной ставки налога на прибыль (не более 13,5%) в той части, которая перечисляется в бюджеты субъектов федерации. Кроме того, в течение 5-10 лет в зависимости от типа ОЭЗ с момента постановки имущества на учет компания-резидент освобождается от уплаты имущественного налога, но при выполнении ряда условий. В частности, имущество должно быть приобретено в целях ведения деятельности на территории ОЭЗ. Инвесторы промышленно-производственных и туристско-рекреационных зон вправе применять ускоренную амортизацию, устанавливая повышающий коэффициент к основным средствам.

Стоит отметить, что федеральный центр отнюдь не стремится «переложить» на руководство регионов дополнительные расходы в процессе создания особых

---

³¹⁷ Постановление Правительства Амурской области «О проекте создания в Амурской области приграничной зоны экономического сотрудничества и развития» // Интернет-портал Дальневосточного федерального округа // <http://www.dfoportal.info/area03x/partieia/article-nypdde5.htm>

зон. Напротив, если зона создается на средства регионального бюджета и инвесторов, предполагается распространить на ее территорию федеральные льготы и преференции, предусмотренные для ОЭЗ. Напомним, согласно законодательству, инженерная, транспортная, социальная, таможенная инфраструктура зон создаются за счет средств бюджетов разных уровней: инвесторам предоставляется земельный участок необходимой площади, органы власти же обеспечивают подведение коммуникаций. На практике этот процесс, как правило, занимает длительное время: помимо многочисленных межведомственных согласований, серьезную проблему представляет финансирование, т.к. инфраструктурные работы весьма дорогостоящи, а в бюджетах субъектов Российской Федерации значительные средства на развитие ОЭЗ, как правило, не предусмотрены. В связи с этим еще в марте 2011 г. премьер-министр заявил о целесообразности учета привлеченных средств инвесторов в качестве регионального «вклада» в создание технопарков. Подобные меры могли бы стимулировать администрации субъектов Российской Федерации к более активной деятельности по поиску бизнес-структур, заинтересованных во вложениях в местную экономику. Однако на данном этапе проблема выглядит системной: руководство регионов зачастую не заинтересовано в развитии ОЭЗ, требующих значительных затрат финансовых, организационных, кадровых и иных ресурсов.

Этот вывод косвенно подтверждают и данные проверки Счетной палаты, обнародованные в начале октября 2011 г. Эффективность использования бюджетных средств, выделенных на развитие особых экономических зон за последние 5 лет (87,8 млрд руб.), остается низкой: освоено лишь немногим больше половины финансирования (46,3 млрд руб.). Основной причиной проверяющие называют несвоевременное утверждение Минэкономки и субъектами перечней планируемых к строительству объектов. Из 396 запланированных объектов инфраструктуры в эксплуатацию были введены на тот момент только 58 (15%). Оценив эти данные, представители Счетной палаты пришли к выводу о том, что завершить создание инфраструктуры ОЭЗ в

запланированные ранее сроки (до 2015 г.) вряд ли возможно. Отстает от ожидаемых темпов и процесс привлечения инвестиций в развитие территорий ОЭЗ и, как следствие, пока не оправдываются ожидания, связанные с созданием реальных производств и новых рабочих мест.

Наконец, одним из самых сложных вопросов в ходе создания зон стало урегулирование имущественных и земельных отношений между собственниками разных уровней (в их числе и органы власти, в частности, Минобороны: ведомство фактически заблокировало процесс развития ОЭЗ в Калининградской области). Необходимость многочисленных согласований, которые даже при достижении формальных договоренностей зачастую затягиваются на длительное время из-за конфликтов интересов и административных барьеров, стала существенным негативным фактором, снижающим привлекательность проектов ОЭЗ для потенциальных инвесторов. По данным доклада Счетной палаты на момент проверки не были выполнены условия соглашений о создании особых зон в республиках Алтай и Бурятия, на острове Русском (Приморский край), в Ульяновской области и Хабаровском крае. Речь идет о передаче управляющим созданием ОЭЗ компаниям земельных участков и объектов недвижимости. При этом использование уже выделенных территорий пока также малоэффективно: из 11,5 тыс га для создания новых технологий, производств, услуг и иной «продукции» региональных зон используется лишь 35%. Отдельно стоит рассматривать объективные сложности реализации проектов создания ОЭЗ туристско-рекреационного типа в регионах Северного Кавказа (всего 1 резидент в «Архызе»), которые пока прорабатываются на уровне общей концепции и которые больше представляют собой не столько коммерческие, сколько социальные проекты.

По данным той же Счетной палаты на 1 июля 2011 г. на территориях ОЭЗ из зарегистрированных 288 резидентов работало только 206 компаний, объем частных инвестиций составил 36,2 млрд руб (при заявленных – свыше 400 млрд руб.). При этом совокупные государственные инвестиции в инфраструктуру ОЭЗ уже превысили 60 млрд руб.

Экономическая эффективность промышленно-производственных зон (сейчас таких в стране 6) составила от 1,9 до 3 руб. на 1 руб. вложенных бюджетных средств. Особенно следует выделить ОЭЗ в Липецке и Алабуге. В качестве резидентов, Липецку удалось привлечь американскую PPG Industries Group (производство лаков и красок), а Татарстану – японскую HI-LEX CORPORATION (тросы для автомобильной промышленности) и бельгийскую Hygiene Technologies (бумажное производство). Для сравнения эффективность технико-внедренческих зон пока оставляет желать лучшего и составляет лишь 30 коп. на 1 руб. бюджетных средств.

Между тем региональные власти зачастую рассматривают проекты ОЭЗ как имиджевые инициативы, выступление с которыми позволяет получить как личные политические дивиденды, так и улучшить «репутацию» региона на федеральном уровне. В начале октября 2011 г. стремление продемонстрировать правильное понимание федеральных приоритетов обозначил губернатор Амурской области Олег Кожемяко (он также является председателем Совета Ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье»). Он предложил расширить перечень существующих в России особых экономических зон и создавать их в приграничных регионах субъектов Дальнего Востока.

Основная идея проекта – в поддержании за счет режима ОЭЗ «отстающих» в плане социально-экономического развития территорий. Идея Кожемяко, который в прошлом вел активную бизнес-деятельность и учитывает интересы предпринимателей, в целом соответствует федеральному курсу: и президент, и премьер-министр неоднократно подчеркивали важность реализации инвестпроектов на дальневосточных территориях, предварительно одобрена и концепция зон регионального значения, которые, как было сказано ранее, могут рассчитывать на федеральную поддержку (налоговые льготы). Регионы, претендующие на создание ОЭЗ, должны иметь стабильную экономику, опыт реализации крупных инвестиционных проектов и готовую инфраструктуру, – сказал амурский губернатор в интервью СМИ.

Отметим, что на данном этапе инвестиционная активность восточных территорий России заметно ниже среднероссийских показателей. При этом политика иностранных инвесторов, работающих в дальневосточном регионе, направлена, в подавляющем большинстве случаев, на вывоз ресурсов для более глубокой переработки на «своей» территории. Для Китая, как ведущего игрока в экономике региона, российская территория является, в первую очередь, ресурсной базой (при этом объем незаконного «освоения» лесных, рыбных и иных ресурсов весьма значителен) и рынком сбыта собственной продукции. По данным Минрегионразвития, крупнейшим инвестором в экономику дальневосточных субъектов является Япония, при этом о значительном объеме иностранных инвестиций в регионе можно говорить лишь применительно к экономике Сахалинской области, что связано с реализацией масштабных проектов по освоению углеводородных месторождений континентального шельфа. Соглашения же о приграничном сотрудничестве с Китаем и другими «соседями» стоит рассматривать как политические декларации, которые пока не имеют прямого отношения к реальной экономической деятельности³¹⁸.

Следующей заслуживающей внимания институциональной формой являются госкорпорации, создание которых руководством страны было инициировано с целью достижения кумулятивного эффекта в экономике, в том числе в плане инновационного развития.

По мнению одних экспертов³¹⁹, создание госкорпораций явилось удобной формой освоения Стабилизационного фонда. Средства из бюджета направлялись в форме кредитов на развитие конкретных инвестиционных проектов, а не просто выделялись «на освоение» федеральным министерствам и ведомствам. Ресурсы и мощности, сконцентрированные в одной структуре, являются при этом значительным преимуществом и повышают эффективность деятельности. Другие эксперты придерживаются позиции, что госкорпорации по своей форме

---

³¹⁸ Гончаренко, О.В. Особые экономические зоны в регионах: проблем больше, чем перспектив? // Бюллетень ЦПКР. Регионы России: выборы, собственность, власть, №41, 2011, С. 10.

³¹⁹ Шеремет П. Госкорпорация «Россия» // Мир новостей, 08.10.2007 // <http://www.press-attache.ru/Article.aspx/mediaeco/4121>

организации и отчетности порождают злоупотребления и коррупцию. Счетная палата, например, не может контролировать активы госкорпораций. Руководитель госкорпорации зависит в своей карьере больше от взаимоотношений с чиновничьим аппаратом, нежели от результативности деятельности возглавляемой им структуры. А премии и бонусы топ-менеджмента госкорпораций также давно стали притчей во языцех. Более того, можно принять участие в перераспределении собственности, руководствуясь лозунгом помощи и содействия отдельно взятой отрасли. Еще одним фактором является резкий рост затрат и повышение риска необоснованности капитальных вложений.

Как следует из тематического аналитического доклада Центра политконъюнктуры³²⁰, госкорпорации не столько выгодны президенту и правительству, сколько лоббистским группам, использующим их в качестве инструмента контроля активов стратегического характера. Большая степень независимости, полученная госкорпорациями, явилась главным основанием серьезного аппаратного противостояния периода 2006–2011 гг. в рамках конфликтов внутри российской элиты

Инициатива государственной инновационной политики по созданию госкорпораций имеет в РФ очевидную «эгоистическую» подоплеку. Госкорпорации, консолидируя главные активы стратегического характера, за счет доступа к госзаказу и федеральным целевым программам являются институтами, в которых аккумулируются серьезные финансовые ресурсы. Ключевые государственные посты, равно как и сами госкорпорации, находятся под контролем наиболее влиятельных элитных групп. Вследствие этого госкорпорации становятся «оборонительными форпостами», не захватив которые, невозможно получить контроль над наиболее перспективными отраслями.

Идеология создания госкорпораций как подконтрольных государству экономических структур с самого начала опиралась на фактор ограниченности модернизационных возможностей существующего крупного частного бизнеса.

---

³²⁰ Государственные корпорации в политике и экономике России / Тематический аналитический доклад Центра политической конъюнктуры России. – М.: ЦПКР, 2008.

Уровень развития бизнес-структур во время первой легислатуры Владимира Путина явно не соответствовал масштабности задач, стоящих как перед страной в целом, так и перед отдельными отраслями. Это несоответствие сформировалось в силу как объективных (советское наследие, закрытость и сложность производственного процесса, стратегическое значение отраслей), так и субъективных (нежелание вкладываться в долгосрочные проекты с низкой окупаемостью) факторов.

Первоначально предполагалось, что государство придет в экономику лишь в тех сферах, где требовалось его вмешательство для создания «точек роста», способных в сжатые сроки обеспечить доступ промышленности к новым ресурсам и технологиям. В начале 2000-х гг. этот «выборочный» подход пользовался значительной поддержкой как внутри власти, так и общественного мнения. Часть номенклатурных групп влияния (в основном представители крупной промышленности, связанной с ВПК) видели в возвращении государства в экономику возрождение элементов привычной плановой модели и возможность «эффективного освоения» бюджетных средств.

Госкорпорации появились как уникальная для страны форма собственности и управления лишь в 2003 г. Тогда по закону о страховании вкладов была создана первая современная госкорпорация – Агентство по страхованию вкладов. Сформированное на базе Агентства по реструктуризации кредитных организаций, оно стоит особняком среди всех существующих госкорпораций, поскольку оформилось задолго до всех остальных и, по сути, не вписывается в разработанную позднее концепцию. Основным лоббистом в процессе появления на свет АСВ стал топ-менеджмент Банка России. На АСВ были отработаны основные нормативные, экономические и управленческие механизмы распределения госфинансирования. Поддержку АСВ оказал Аппарат Правительства. Примечательно, что в создании первой госкорпорации в том или ином виде приняли участие представители ряда министерств и ведомств, часть из которых впоследствии стала оказывать решающее влияние на экономическую

политику страны в целом и известна своими либеральными взглядами (А.В. Дворкович, А.В. Улюкаев и др.).

Очевидная тенденция к формированию нескольких крупных госкорпораций проявилась гораздо позже. Обсуждение возможности подобного решения велось уже в 2006 г., однако создание абсолютного большинства из них пришлось на 2007 г. Второй госкорпорацией, созданной в 2007 г., стал Банк развития (Внешэкономбанк).

Декларировалось, что Внешэкономбанк выступит одним из ключевых институтов развития, будет содействовать повышению конкурентоспособности и степени диверсификации российской экономики, осуществлять привлечение инвестиций посредством внешнеэкономической, консалтинговой, страховой и инвестиционной деятельности, проводя проектную работу как внутри страны, так и за ее пределами, привлекая при этом зарубежных инвесторов. Проектная деятельность Внешэкономбанка охватывает самый широкий спектр направлений деятельности, начиная от инфраструктуры, поддержки внешнеторговых операций, стимулирования малого и среднего бизнеса и заканчивая созданием ОЭЗ и проектами в сфере рационального природопользования и экологии.

За право управления этой корпорацией впервые развернулась борьба двух номенклатурных групп. Поскольку идея создания указанного финансового института принадлежала Г.О. Грефу, он, будучи на тот момент главой Минэкономразвития, активно боролся за контроль над этой структурой с тогдашним премьер-министром М.Е. Фрадковым. Последнему удалось одержать верх в этом противостоянии. В результате именно тогдашний председатель Правительства возглавил Наблюдательный совет Внешэкономбанка. В последующем при создании почти всех остальных госкорпораций наблюдалось жесткое противостояние заинтересованных в контроле над ними сторон.

Следующей в июле 2007 г. была сформирована госкорпорация Роснано. Борьба за контроль над этой госкомпанией развернулась между победившим в итоге А.Б. Чубайсом и «группой Ковальчуков», претендентом от которой на руководство корпорацией был М.В. Ковальчук.

Целью создания Роснано провозглашалось осуществление государством политики в сфере нанотехнологий и наноматериалов и соинвестирование в рамках реализации перспективных инновационных проектов, имеющих высокий социально-экономический потенциал. Финансирование, осуществляемое госкорпорацией на посевных стадиях, позволяет минимизировать риски частных компаний-партнеров. Запланировано, что к 2015 году объем средств, проинвестированных Роснано в нанотехнологичные проекты, составит 300 млрд руб.

В одно и то же время с Роснано было инициировано создание Фонда содействия реформированию ЖКХ во главе с К.Г. Цициным. С момента появления эту структуру курировало Минрегионразвития.

Руководство созданным в ноябре 2007 г. для обеспечения подготовки к сочинским играм Олимпстроем первоначально было поручено С.М. Вайнштоку. Однако экс-глава «Транснефти» не смог решить некоторые задачи (в т.ч. и с выкупом земель под олимпийские объекты) и к тому же нажил многочисленных аппаратных противников. В результате в 2008 г. его сменил В.В. Колодяжный, а контроль над корпорацией был поручен министру регионального развития Д.Н. Козаку, впоследствии получившему должность профильного вице-преьера.

В конце 2007 г. госкорпорацию по контролю над атомной отраслью России – Росатом возглавил инициатор ее создания С.В. Кириенко, а председателем Наблюдательного совета стал тогдашний руководитель Администрации Президента РФ С.С. Собянин, по сообщениям, первоначально выступавший против кандидатуры С.В. Кириенко.

Наиболее сложной и ожесточенной оказалась борьба за контроль над Ростехнологиями (ныне – Ростех). Основной инициатор проекта С.В. Чемезов «перешел дорогу» едва ли не всем ведущим игрокам, включая В.И. Якунина, Г.О. Грефа, М.Е. Фрадкова, В.А. Зубкова и др. Это существенно затянуло процесс передачи «Ростеху» ряда крупных активов. Тем не менее, в середине 2008 г. С.В. Чемезову удалось получить необходимые компании «в свое распоряжение».

Председателем Наблюдательного совета «Ростехнологий» стал тогдашний министр обороны Анатолий Сердюков.

На госкорпорацию Ростех возложены функции, касающиеся разработки, производства и экспорта наукоемкой высокотехнологичной продукции посредством оказания российским организациям – разработчикам и производителям указанной продукции содействия на национальном и мировом рынках. Также Ростех отвечает за привлечение капиталовложений в различные производственные предприятия, в т.ч. и оборонного комплекса.

Интересно, что именно С.В. Чемезову приписывается идея создания госкорпораций в ее нынешнем виде. Модель, предложенная главой Ростеха, была взята для реализации большинства госкорпоративных проектов. В свое время, после того как С.В. Чемезов в 2004 г. возглавил Рособоронэкспорт, появились первые варианты по объединению на базе этого предприятия еще нескольких холдингов и крупнейших предприятий отечественного ВПК. Рособоронэкспорт должен был стать т.н. зонтиком для их консолидации. У такого подхода были определенные резоны. Необходимость реформирования Рособоронэкспорта была обусловлена многочисленными сложностями функционирования его в форме федерального государственного унитарного предприятия. Подобный статус был чрезвычайно низок для решения важнейшей задачи С.В. Чемезова – консолидации части принадлежащих государству плохо управляемых промышленных активов, в основном из сферы бывшего ВПК, и оптимизации их текущей работы. К тому же свои сложности существовали и в процессе внешнеэкономической деятельности – такие предприятия не могли открывать свои представительства на территории посольств России (подобная поддержка была необходима), а статус госкорпорации позволял обходить этот барьер.

Хотя окончательного успеха в реализации своего проекта по созданию Ростеха С.В. Чемезову удалось достичь лишь осенью 2007 г., еще более полугода (до июля 2008 г.) утверждался перечень входящих в нее активов. Необходимо отметить, что непосредственной концептуальной разработкой схемы создания Ростеха занимался протеже и заместитель С.В. Чемезова А.В. Алешин. Ему же

принадлежит идея использования особого правового статуса госкорпорации, которую он озвучил в 2005 г., и он же занимался подготовкой ставшего «пилотным» законопроекта о создании Ростеха.

Основная часть процесса создания существующего пула госкорпораций была завершена к концу 2007 г. Не исключено, что этот процесс был форсирован в связи с началом переходного периода, связанного со сменой главы государства. Принятая правовая форма в новых условиях фактически переводила госкорпорации под контроль Правительства. При этом госкорпорации консолидировали основные активы и получили значительные объемы госфинансирования (федеральный целевые программы, госзаказ).

К завершению переходного периода (осень 2008 г.) госкорпорации окончательно перешли под контроль основных аппаратных групп внутри Правительства. Эти группы заинтересованы в сохранении общего баланса сил. Поддержание между ними относительного равновесия работало, в т.ч. и на обеспечение политической и экономической стабильности в процессе передачи власти.

На сегодняшний момент госкорпорации выступают в качестве основных каналов госфинансирования в отечественной экономике. Именно через них происходит распределение основных денежных средств в отрасли промышленности. В этом, однако, заключается их существенный недостаток как бизнес-структур. Госкорпорации, созданные как технические магистрали госфинансирования, с трудом осуществляют непосредственно экономическую и научно-исследовательскую деятельность. Большинство госкорпораций не смогли полноценно реализовать собственные масштабные проекты с высоким уровнем рентабельности или удачно реализовать стратегию внешней экспансии. Исключением являются ОАК и Росатом. Госкорпорации обременены значительными долгами, рефинансирование которых ложится на плечи госбанков.

Параллельно госкорпорации часто пользуются монопольным положением, что приводит к консервации инновационных процессов в отраслях³²¹.

Госкорпорации являются структурами, аффилированными с элитными группами, которые стараются получать преференции напрямую, с помощью лоббистских усилий, а не через участие в конкурсах. Во второй половине минувшего десятилетия госкорпорации были назначены «уполномоченными» за инновационное развитие бизнеса в профильных отраслях. Предполагалось, что консолидация принадлежащего государству имущества в рамках юридических лиц с особой организационно-правовой формой (пусть и де-факто, а не де-юре) приведет к кумулятивному эффекту и позволит этим юрлицам свести воедино все существующие заделы в НИР, а также выделить дополнительные средства на исследования.

Однако в итоге поставленной цели достигнуть не удалось, что привело к отказу от курса на создание госкорпораций и последующими планами по их преобразованию в традиционные организационно-правовые формы (преимущественно ОАО со стопроцентным госучастием) в течение ближайших трех-пяти лет. При этом элитные группы, контролирующие различные госкорпорации, по критерию их отношения к инновационным инициативам государства можно разделить на две большие группы. Однако такое разделение обусловлено не столько мировоззренческими особенностями лиц, входящих в ту или иную группу, сколько характером контролируемых ей активов и стоящими перед госкорпорациями целями.

К первой группе можно отнести игроков, контролирующих так называемые целеориентированные госкорпорации, деятельность которых ограничена либо достижением конкретной цели (Олимпстрой), либо временным промежутком (Фонд содействия реформированию ЖКХ). Данные госкорпорации и стоящие за ними элитные группы не стремятся использовать инновационные инициативы государства как способ получить бюджетные преференции. Это в целом обусловлено конкретикой их деятельности. Перед ними не столько стоит задача

---

³²¹ Абзалов Д.Г. Экономическая конъюнктура и будущее госсектора. М., 2010. С. 45.

развивать и финансировать НИР, сколько по мере возможности использовать уже имеющиеся инновации для достижения поставленных целей – строительства олимпийских объектов, финансирования модернизации ЖКХ и т.п. Другими словами, деятельность этих госкорпораций и контролирующих их элитных групп не вступает в противоречие (по крайней мере, прямое) с инновационными инициативами государства, потому что на них не лежит «инновационная» нагрузка в той мере, в которой она возлагается на госкорпорации второго типа.

Их условно можно назвать ценностноориентированными, т.к. их существование (до последнего времени) не было ограничено какой-либо конкретной датой, либо достижением конкретной цели, после чего теряется смысл их существования. Именно на подобные госкорпорации (прежде всего Ростех, ОАК и ОСК) государством возлагается основная нагрузка по разработке и внедрению инноваций. Однако де-факто получается, что элитные группы, контролирующие данные активы, видят основной смысл не в развитии, а в поддержании статус-кво, которое подразумевает инвестиции не в инновации, а в консервацию существующего типа производств³²². Наиболее ярко это проявилось в ситуации с подконтрольным Ростеху АвтоВАЗом, который в кризис смог выжить и даже нарастить продажи за счет госпрограммы по утилизации автомобилей. И хотя такой подход вполне объясним в рамках проводимой государством социально ответственной политики (заккрытие производств привело бы к социальному коллапсу как минимум регионального масштаба), в данном случае потребности инновационного развития вступили в противоречие с архаичным производством, завязанным на архаичные социальные отношения, что в итоге приводит к низкой производительности труда и отсутствию стимулов создавать и внедрять инновации на производстве. Формирование же инновационной культуры труда является первым шагом по направлению к формированию инновационного общества, которое анализировалось в предыдущих разделах диссертационного исследования.

---

³²² Абзалов Д.Г. Экономическая конъюнктура и будущее госсектора. М.: ЦПКР, 2010. С. 48–49.

Имеющийся в распоряжении зарубежный опыт госкорпораций свидетельствует о невысокой конечной эффективности данных институтов и непродолжительности их существования в экономике. Так, госкорпорация в Великобритании представляла собой организационно-правовую форму, специально выбранную для тех промышленных отраслей, в которых произошла национализация собственности. Причем форма госкорпорации существовала в стране в период с момента окончания Второй мировой войны и до 1980-х гг. К наиболее известным госкорпорациям того времени можно отнести Центральный совет по выработке электроэнергии, Национальный угольный совет, Британскую газовую корпорацию³²³.

В целом, реализация инновационных инициатив государства сталкивается с непониманием или даже противодействием со стороны элитных групп. При этом обе стороны (и государство, и элитные группы, контролирующие ресурсную базу, на основе которой может быть выстроена НИС) выдвигают свои аргументы и контраргументы. Госвласть апеллирует к социальной ответственности бизнеса и национальным интересам, а группы, контролирующие госкорпорации, сетуют на то, что государство может спускать им сверху заказы даже с нулевой рентабельностью, и они не вправе от них отказаться.

Отдельно следует остановиться на критериях оценки деятельности структур, главная задача которых – содействовать становлению и развитию НИС в России. Их размытость становится причиной того, что сами компании и подконтрольные им активы становятся «яблоком раздора» для элитных групп, которые используют инновационную риторику для обоснования собственных бизнес-интересов и политико-экономической экспансии. В первую очередь, речь идет об ОАО «Российская венчурная компания» – структуре, опять же таки подконтрольной Минэкономразвития России. В частности, официально декларируемые цели деятельности РВК – стимулирование объемов венчурных инвестиций и существенный прирост объемов средств у соответствующих фондов.

---

³²³ Николаев, И. Госкорпорации: иные общественно полезные // Ведомости. – 2007. – 27 августа. // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/08/27/131631>

РВК была образована в 2006 г. «на волне» нефтяных сверхприбылей и постоянно растущего бюджета и резервов в качестве института, отвечающего за инновационное развитие. Уставный капитал компании составлял порядка 1 млрд долл. США. Указанные средства планировалось распределить через систему закрытых паевых инвестиционных фондов, в свою очередь, инвестировавших средства в долгосрочные инновационные проекты. Генеральная прокуратура достаточно быстро предъявила РВК претензии в нецелевом расходовании средств, что поставило компанию на грань ликвидации и надолго парализовало ее деятельность.

В ходе проверок удалось выяснить, что свыше 85% средств, полученных от государства, находились на банковских депозитах³²⁴, что дало повод генпрокуратуре сделать вывод об отсутствии у ОАО «РВК» интереса развивать какие-либо венчурные проекты, поскольку ставка по банковскому депозиту приносит больше прибыли, нежели высокорисковые проекты с неизвестным результатом. Кроме того, в некоторых случаях инвестиции, предназначенные для инновационного развития российской экономики, направлялись на банковские счета зарегистрированных в Америке фирм, в штате одной из которых числился только один человек, при этом у другой давно скончался учредитель³²⁵. При этом ОАО «РВК» имело право самостоятельно распоряжаться всей извлеченной прибылью от размещения средств на банковском депозите, которая составила 2,5 млрд руб.

Денежные средства, направлявшиеся в фонды венчурных инвестиций, созданные при участии ОАО «РВК», также использовались крайне неэффективно: преобладающая доля опять же таки была размещена на банковских счетах.

По итогам указанной проверки Минэкономразвития России и сама компания предприняли меры к повышению эффективности деятельности, а также

---

³²⁴ Беляков, Е. Генпрокуратура РФ: Вместо научных разработок деньги тратились на зарплаты. Генпрокуратура выявила грубые нарушения в работе ОАО «Российская венчурная компания» (РВК) // <http://www.kp.ru/daily/24250/447987/>

³²⁵ Лаврентьев, С. Генпрокуратура просит Путина прикрыть РВК // <http://www.rbcdaily.ru/2009/02/25/media/403235>

обеспечению прозрачности созданных с участием ОАО «РВК» венчурных фондов. В частности, совет директоров утвердил концепцию, согласно которой средства РВК будут размещаться только в тех банках, которые наращивают портфели кредитов, выданных малому и среднему бизнесу.

Кроме того, необходимо остановиться на двух позициях относительно построения НИС в России, вокруг которых и «кристаллизуются» интересы практически всех элитных групп. Согласно первой, которую условно можно назвать «классической», инновационное развитие России и построение (воссоздание) на ее территории НИС должно осуществляться за счет придания нового импульса существующей еще с советских времен инфраструктуре. Речь идет о 14 наукоградах³²⁶ и инновационных (технико-внедренческих) особых экономических зонах. Согласно позиции сторонников данного подхода, расположение подобных ОЭЗ в крупнейших научно-образовательных центрах, имеющих богатые научные традиции и признанные исследовательские школы, открывает большие возможности для развития инновационного бизнеса, производства наукоемкой продукции и вывода ее на российские и международные рынки.

Другими словами, они лоббируют использование в качестве базы для создания НИС советскую академическую инфраструктуру. По понятным причинам основными сторонниками подобного подхода являются акторы, инкорпорированные в институты академической науки, либо имеющие там значимые интересы, как, например, предприятия оборонно-промышленного комплекса. До недавнего времени основным лоббистом данного подхода во властных коридорах выступал экс-глава Торгово-промышленной палаты и член президиума РАН Е. Примаков, который после ухода с этого поста возглавил Центр ситуационного анализа РАН.

---

³²⁶ В соответствии с Федеральным законом от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации»: Алтайский край – Бийск; Калужская область – Обнинск; Московская область – Дубна, Жуковский, Королев, Пушкино, Реутов, Троицк, Фрязино, Черноголовка, Протвино; Новосибирская область – Кольцово, Санкт-Петербург – Петергоф; Тамбовская область – Мичуринск.

Оппонирующие им элитные группы, которые не имеют столь широкого и разветвленного представительства в академических институтах, лоббируют иную схему формирования НИС. Начало этому конфликту было положено во второй половине 2000-х гг., когда некоторые элитные группы, пока еще не противостоявшие «старому» академическому корпусу, попытались взять под контроль финансовые потоки РАН. Однако академическое сообщество забаллотировало их кандидатов на общем голосовании при выборах в руководящие органы академии, после чего столкнулось с существенным секвестром собственных полномочий. Кроме того, его оппоненты избрали «обходную» тактику, которая заключается в том, чтобы государственные ассигнования на инновации росли, но при этом их доля, выделяемая РАН, постепенно, но неуклонно уменьшалась.

После проведенной реорганизации РАН подобный «обходной маневр» должен привести к полному триумфу (за постепенным исчезновением реальной альтернативы) другого подхода к становлению НИС, основанного на создании сети исследовательских университетов и «площадок нового типа», наподобие «Сколково». При этом поддерживающие последний проект элитные группы все более настойчиво лоббируют его экстерриториальный статус. Другими словами, если любому бизнесу в любой точке России будет присвоен статус «сколковского», то он сможет пользоваться всеми льготами, предусмотренными для компаний, работающих на создание НИС. Однако подобная политика создает дополнительные коррупционные риски и может привести к дискредитации инновационных инициатив государства, реализация которых будет отождествляться, прежде всего, с «теневыми» практиками.

Следует обратить на фундаментальную отличительную черту, которая присуща обоим вышеуказанным подходам. Они предусматривают точечный подход к формированию НИС, т.е. локализацию инноваций. Таким образом, во всех случаях речь идет исключительно о создании (и это при условии абсолютной реализации намеченных целей) кластерных НИС, или территориальных «инкубаторов».

Инновационный центр «Сколково» изначально создавался как аналог Кремниевой долины в США, как современный научно-технологический инновационный комплекс по разработке и коммерциализации новых технологий и как первый постсоветский наукоград в РФ. Приоритетными объявлялись разработки в области: телекоммуникаций, космоса, информационных и биомедицинских технологий, ядерных технологий³²⁷. При этом особую поддержку проекту оказывал тогдашний президент РФ Д.А.Медведев, который стремился «отметить» свое пребывание на высшем посту в государстве реализацией инновационного сценария развития страны. Соответственно, 28 сентября 2010 г. им был подписан Закон № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково», который дал старт строительству иннограда. При этом в рамках «Сколково» планировалось соединить воедино отечественные инновационные проекты с разработками зарубежных исследователей. Об этом свидетельствует состав совета Фонда «Сколково». Помимо российских участников (В. Вексельберг, Ж. Алферов, А. Иванов, О. Фомичев, А. Повалко³²⁸), туда вошли западные ученые и предприниматели (бывший руководитель компании Intel Крэйг Баррет, лауреат Нобелевской премии Роджер Корнберг и др.). Правда, позже Алферов и Корнберг были выведены из «основного» совета и возглавили специальный «Консультативный научный совет».

В составе фонда действует также технопарк, который занимается оказанием компаниям-резидентам поддержки путем предоставления необходимых для развития сервисов³²⁹.

В частности, его целями являются:

- создать эффективную среду бизнес-сервисов;
- обеспечить доступ участников к современной R&D инфраструктуре;

³²⁷ Российская «Кремниевая долина» будет построена в Сколково – Медведев // <http://ria.ru/science/20100318/215146918.html>

³²⁸ Совет Фонда «Сколково» принял решение об изменении структуры управления // <http://community.sk.ru/press/b/reporter/archive/2013/09/27/soviet-fonda-skolkovo-prinyal-reshenie-ob-izmenenii-struktury-upravleniya.aspx>

³²⁹ Технопарк «Сколково» // <http://inno.msk.ru/moscow-opportunities/infrastructure/n-tehnology-parks/skolково/>

- создать систему профессиональных сообществ Технопарка;
- создать инновационный хаб с вовлечением ведущих технопарков, инкубаторов, венчурных фондов и центров трансфера технологий;
- обеспечить максимальную степень интеграции в международную инновационную экосистему.

«Сколково» поддерживает тесные контакты с целым рядом престижных и статусных российских и зарубежных вузов и научно-исследовательских структур. Более того, при инновационном центре создается свой университет в партнерстве с исключительно авторитетным на Западе Массачусетским техническим университетом.

Однако при всех колоссальных затратах, связанных со строительством и «раскруткой» наукограда, коммерческая отдача от него пока весьма низкая. В 2012 г. компании-резиденты заработали на продаже созданной в «Сколково» интеллектуальной продукции лишь 400 млн рублей, по прогнозу на 2013 г. эта цифра должна достичь 1 млрд рублей³³⁰.

Тем не менее, при всех очевидных достоинствах проекта «Сколково», целый ряд экспертов сходятся во мнении, что сколковский проект, скорее, громкая пиар-кампания, чем реально «плодоносящая» инновационная структура. Он, безусловно, может превзойти свой аналог Кремниевую долину по таким параметрам, как градостроительная концепция, инфраструктура, условия труда и быта приглашенных специалистов. Этот проект впечатляет объемами финансирования, бюджет проекта сравним с финансированием. Тем не менее, реализация данного проекта вряд ли способна стать генератором запуска инновационной модели развития³³¹.

Для успешности государственной инновационной политики в масштабах всей страны принципиальное значение имеет системность внедрения и

---

³³⁰ Совет Фонда «Сколково» подвел итоги работы за 2012 год // <http://community.sk.ru/press/b/weblog/archive/2012/12/20/sovets-fonda-skolkovo-podvel-itogi-raboty-za-2012-god.aspx>

³³¹ Научная и инновационная политика. Россия и МИР. 2011-2012. / под ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. - М.: Наука, 2013. С. 369.

применения стратегических соглашений между бизнесом и научно-исследовательскими учреждениями. Роль государства при этом сводится к введению различных экономических льгот для бизнеса, с тем чтобы обеспечить наличие должной инновационной мотивации.

Выработка и законодательное закрепление эффективного правового механизма передачи прав собственности на результаты научных исследований и разработок, права на которые принадлежат федерации или регионам, является критическим фактором обеспечения притока частных инвестиций в научную сферу. Возможным вариантом может также быть и предоставление права на заключение контракта о совместных научных исследованиях и совместном использовании научно-технических разработок, начиная с этапа НИОКР и заканчивая этапом коммерциализации.

Чрезвычайно важной задачей остается разработка и внедрение транспарентных правовых механизмов, которые бы позволили государственным научным учреждениям по их усмотрению использовать приобретенные права на результаты интеллектуальной деятельности, однако под надзором общества и государства. Например, они могут вырученные от продажи прав средства направлять на выплату авторских вознаграждений, дальнейшее проведение научно-исследовательских изысканий, патентование.

Организация всего процесса научной работы должна быть подчинена требованию возможного доступа любого заинтересованного лица к результатам научно-технических работ. Оптимальным вариантом является размещение указанных сведений в специализированной базе данных, созданной в рамках единого информационного центра – государственного учреждения, отвечающего за сбор, обработку, хранение и оперативное предоставление по запросу физическим и юридическим лицам сведений о результатах прикладных научных исследований.

Создание описанного информационного центра позволит государству саккумулировать сведения обо всех результатах научных исследований и даст возможность законодательно регламентировать предоставление и передачу

данных, в т.ч. имеющих стратегическое значение или режим ограниченного использования.

Предполагается создать информационные центры и, соответственно, базы данных в них, основываясь на отраслевом подходе, таким образом, каждая отрасль будет иметь свой собственный информационный центр и базу данных, содержащую сведения обо всех результатах научных исследований, полученных в отрасли. Отраслевой принцип обеспечит более высокую степень достоверности собираемых сведений, оперативность обновления центральной базы данных, но вместе с тем потребует и вовлечения в процесс сбора, обработки и занесения данных большего числа высококвалифицированных специалистов-экспертов в соответствующих предметных отраслях.

Предполагается, что отраслевой центр будет иметь в своей структуре две специализированные службы:

- информационную, отвечающую за наполнение базы данных;
- агентскую, обеспечивающую взаимодействие с потенциальными потребителями информации.
- Поставщиками сведений для информационной службы выступают:
- Роспатент, зарубежные регистрирующие органы, университеты;
- российские и зарубежные госкорпорации, особые экономические зоны, бизнес-инкубаторы, технопарки, инновационные и венчурные фонды, сети бизнес-ангелов и др. участники инновационной инфраструктуры;
- министерства, ведомства, научные организации, университеты, предприятия.

Таким образом, в случае когда результат научных исследований обладает охранными документами, сведения могут быть запрошены у органов, осуществляющих регистрацию. При отсутствии охранных документов поиск сведений осуществляет агентская служба, взаимодействующая со структурами, владеющими необходимыми сведениями. Помимо этого, агентская служба должна заниматься вопросами продвижения научно-исследовательских

разработок на рынок и позиционирования их потенциальным инвесторам, т.е., по сути, маркетинговыми функциями.

После этого сведения обо всех результатах интеллектуальной деятельности из отраслевых баз данных сообщаются в центральную базу данных.

Центральная база данных предотвращает возможное дублирование научных исследований и содействует ускоренному процессу коммерциализации научных разработок. Обратная связь повышает качество и конкурентоспособность инновационного продукта при одновременном снижении затрат на его производство.

Еще одним решением, которое бы позволило ускорить инновационные процессы в стране, могло бы стать формирование сотрудничества между ключевыми участниками инновационной сферы на основе сетевого принципа. Центральным звеном подобной инновационной сети выступает инновационная фирма, производящая и реализующая высокотехнологичную продукцию (Рисунок 4).

Особая роль отводится научной организации, от результативности деятельности которой напрямую зависит эффективность производственного процесса. Ожидается, что наибольший выигрыш от участия в инновационной сети смогут иметь малые и средние предприятия, занятые в сфере высоких технологий, поскольку, как правило, они не имеют в своем распоряжении достаточных ресурсов, с тем чтобы осуществить масштабный инновационный проект полностью.

Фирмы-конкуренты вне сети могут выступать внутри нее партнерами и даже заключать между собой стратегические альянсы, снимая тем самым и вопрос привлечения дополнительного финансирования на научные исследования.

Бизнес-инкубаторы, технопарки, а также другие организации инновационной инфраструктуры, участвующие в инновационной сети, позволят решить вопросы возможного дефицита производственных мощностей, отсутствия необходимых контактов в инновационной сфере, опыта практической работы.

В сети принимают участие фирмы, поставляющие материальные ресурсы, а также конечные покупатели высокотехнологичной продукции. Кроме того, помимо уже перечисленных структур, в сеть могут входить и другие участники, как, например фирмы, оказывающие услуги по консалтингу, бизнес-планированию, проведению маркетинговых исследований.

Инновационная сеть обладает специфическими характеристиками:

- инвариантность, что означает полную взаимозаменяемость в рамках заданной конфигурации входящих в нее элементов;
- динамичность, что предполагает непрерывное взаимодействие элементов сети между собой.

Можно обозначить следующие преимущества инновационных сетей для экономики России:

- интенсификация протекающих внутри страны инновационных процессов;
- создание новых высококвалифицированных рабочих мест;
- качественное преобразование структуры народного хозяйства при одновременном повышении содержания наукоемкой продукции в ВВП и национальном экспорте;
- повышение степени международной интеграции отечественной науки;
- возвращение «утраченного» престижа научного работника;
- предотвращение «утечки умов» за рубеж.

В России есть определенные предпосылки для создания инновационных сетей. В наличии существенный научно-технический потенциал. Создано большое количество институтов, содействующих развитию и успешному функционированию инновационных предприятий (технополисы, технопарки, бизнес-инкубаторы, венчурные фонды). Существует спрос на инновационную продукцию со стороны фирм и частных лиц. При всем этом ощущается дефицит предприятий и фирм, осуществляющих инновационную деятельность. Не сформирован внутренний рынок высокотехнологичной продукции.

В отличие от стран с развитой инновационной системой в России слабо работает частно-государственное партнерство в реализации инновационных проектов бизнеса: доля организаций, получающих на эти цели финансирование из бюджета, составляет в России 0,8% (в Германии – 8,8%, в Бельгии – 12,7%). Также недостаточная поддержка оказывается созданию малого инновационного бизнеса. Объем подобных программ поддержки в США составляет свыше 2 млрд долл. США в год. Ежегодный бюджет Агентства технологий и инноваций TEKES в Финляндии – свыше 500 млн евро (30% всех средств, выделяемых на науку в стране). В России «инновационный» компонент федеральной программы поддержки малого инновационного бизнеса эквивалентен примерно 45 млн евро, а объемы Фонда содействия развитию – порядка 80 млн евро.

Организации, заинтересованные в выпуске инновационной продукции, могли бы как на основе действующего, так и при создании нового производства, активно использующего инновационные технологии, начать кооперацию и сформировать инновационную сеть. При этом каждый из контрагентов-участников сети имел бы долю в созданном совместном предприятии или долю в объеме совместно выпускаемой продукции.

Сеть позволяет малым и средним предприятиям объединить имеющиеся ресурсы и упростить транзакции, что создает синергетический эффект для каждого из ее участников:

- научная организация имеет возможность привлечь через сеть требуемое финансирование для коммерциализации перспективных научных разработок;
- технопарки и бизнес-инкубаторы привлекают новых резидентов;
- потребители имеют возможность участвовать в создании инновационного продукта (через механизмы краудсорсинга и кастомизации) и получить ранний доступ к его использованию;
- поставщики расширяют границы сбыта инновационного товара.

Примером инновационной сети на практике выступает национальная нанотехнологическая сеть России. Целью ее создания является достижение уровня развития нанотехнологий и наноматериалов, аналогичного тому, которым

обладают ведущие страны мира, и поддержание этого уровня путем координации и кооперации между отраслями и внутри них, концентрации ресурсов на приоритетных научных направлениях, повышению эффективности работ и обеспечению благоприятного инвестиционного климата. Все вышеперечисленное должно способствовать максимально эффективному и быстрому внедрению нанотехнологий и наноматериалов во всех отраслях экономики.

Нанотехнологическая сеть объединила следующие структуры:

- головным координирующим органом выступает созданный на базе Курчатовского института центр нанотехнологий;
- научно-исследовательские лаборатории и центры, проектные учреждения и институты, промышленные предприятия, проводящие исследования в нанотехнологической сфере и обеспечивающие выпуск нанотехнологической продукции;
- центры подготовки высококвалифицированных кадров для нанотехнологической отрасли, созданные в ведущих технических университетах страны;
- Роснано – госкорпорация, обеспечивающая организационную и финансовую помощь при осуществлении нанотехнологических проектов;
- Межотраслевое объединение наноиндустрии – отраслевая ассоциация, созданная с целью защиты интересов участников рынка нанотехнологий в государственных властных структурах, перед крупнейшими потребителями; предполагается, что через ассоциацию будут реализовываться коллективные проекты;
- различные структуры, в т.ч. фонды венчурных инвестиций, финансирующие нанотехнологические проекты.

Поддержка и стимулирование инновационного потенциала регионов также может быть отнесена к приоритетным направлениям государственной инновационной политики в России, в особенности это становится очевидным при изучении опыта полюсов конкурентоспособности во Франции. Инновационная

активность регионов позволит эффективнее учитывать региональные преимущества с целью укрепления общей конкурентоспособности страны³³². Наиболее перспективными с точки зрения привлечения инвестиций и инновационного развития среди российских регионов считаются Калужская и Ульяновская области, а также Республика Татарстан. Калуга демонстрирует наилучшие результаты по объему привлечения прямых иностранных инвестиций в промышленное производство, а также обладает всем необходимым потенциалом для подготовки высококвалифицированной рабочей силы. Ульяновск характеризуется весьма положительными результатами по снижению административных барьеров ведения бизнеса, а Татарстан сделал ставку на развитие малого и среднего бизнеса, государственно-частное партнерство и обеспечение общей прозрачности регулирования. Именно перечисленные три российских региона были презентованы иностранным инвесторам на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2014 году.

М. Дианов считает³³³, что российской инновационной политике следует применять более жесткие критерии для выбора дополнительных отраслевых мер.

Первое. Необходим долгосрочный прогноз развития науки и технологий в стране. Отраслевой проект обречен на низкую эффективность в том случае, если выбор в его пользу осуществляет чиновник или политические лоббисты исходя из своих интересов.

Второе. Инновационность всего народного хозяйства, а не только одной-двух отдельно взятых отраслей, будет значительно выше в случае наличия в стране благоприятного инвестиционного климата, а также системы взаимоувязанных мер стимулирования экономической активности хозяйствующих субъектов.

---

³³² Фомин, П.А., Кузнецов, Н.В. Инновационное развитие регионов России – финансовые механизмы // Инновационная среда / под ред. А.Г. Чернышова. Сборник статей. Вып. 1, 2008. С. 96–100.

³³³ Дианов, М.А. Улучшение делового климата – наиболее эффективный путь стимулирования инноваций / Конференция «Стратегические и управленческие аспекты региональной политики», Российский союз промышленников и предпринимателей, М.: 2008. – 3 июня.// http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=234&d_no=3857

Чрезвычайно актуальна для России совместная разработка и реализация бизнесом и научным сообществом программа по возвращению из-за границы наиболее талантливых и деятельных российских ученых, которая бы предусматривала все необходимые организационные и финансовые условия для их успешной и эффективной работы в нашей стране.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что инновационная инфраструктура в России уже оформилась, средства, выделяемые государством, достаточны для модернизационного рывка, сохранился (пусть и не такой мощный как в советский период) кадровый и интеллектуальный потенциал.

Что же мешает проведению в жизнь отечественной инновационной политики?

Во-первых, неопределенность с уровнем реализации инновационного проекта. Как справедливо отмечает директор Фонда соио-прогностических исследований «Тренды» В.И. Супрун, «реально существует два тренда и два драйвера социо-экономического развития – попытка стать глобально конкурентоспособными и выйти на масштабные рынки или ориентироваться именно на небольшие рынки местного характера, которые и определяются термином «локализация»³³⁴. При этом если первый путь предполагает развитие хай-тека и «креативных инноваций», то второй – лишь «индустриальную» модернизацию. В настоящее время российское руководство не определилось со стратегией политического и социально-экономического развития страны, поэтому его инновационный курс также пока не отличается последовательностью. До сих пор не оставлены «глобальные» планы. В частности, главным адептом идеи широкого присутствия России на международных рынках является премьер-министр РФ Д.А. Медведев, который говорил об этом неоднократно, например, на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2013 г.³³⁵

---

³³⁴ Инновации как драйвер социо-культурного развития. Под научной редакцией В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2013. С. 34.

³³⁵ Медведев: достижения РФ – выход на глобальные рынки
<http://ria.ru/economy/20130123/919413786.html>

Однако для такого прорыва нет необходимых возможностей. В частности, отсутствуют перспективы выхода на рынки сбыта, уже занятые мощными конкурентами рынки. Также весьма слаб зарубежный лоббистский потенциал РФ. В то же время, «замыкаться» и «локализоваться» – значит, в лучшем случае проводить в жизнь «поддерживающую» инновацию. Поэтому другой взгляд на проблему «самореализации» России в XXI в. предполагает ее активность в рамках пусть и относительно локальных, но значимых сообществ (Единое таможенное пространство, БРИКС и пр.). Причем этот путь может предполагать органичное сочетание «инновационных» и «сырьевых» начал, «неоиндустриализма» и «постиндустриализма».

Во-вторых, «торможение» инновационного проекта является следствием неэффективности управления «институтами развития», а также высокой степенью коррупции при освоении «инновационных» средств. В июле 2013 г. Министерство финансов РФ предложило снизить финансирование Роснано и инновационного центра «Сколково». Нарушения в работе последнего выявила Счетная палата РФ, а затем по итогам проверки Следственный комитет России в феврале 2013 г. возбудил уголовное дело по статье 160 УК РФ (растрата) в отношении бывшего директора финансового департамента фонда «Сколково». Экс-финансист фонда К. Луговцев, по версии следствия, незаконно истратил 24 млн руб., арендовав недвижимость у компании, принадлежащей его матери.

Кроме того, проблемным для развития инноваций в России является отсутствие сформулированных государством критериев успеха того или иного «затратного» института развития³³⁶. А без этого выделение крупных госсредств становится бесконтрольным и сомнительным с точки зрения эффективности их «освоения».

В-третьих, для инновационного прорыва необходимо обладать не только необходимыми институтами, трудовыми и кадровыми ресурсами, материально-технической базой. Это все необходимо, но недостаточно. Весьма важно

---

³³⁶ См., например: Левинский, А. Простой вопрос про Инноград // <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/49065-prostoi-vopros-pro-innograd>

заинтересовать в инновационной политике население, вовлечь его в той или иной степени в процесс модернизации страны, дать ему четкую перспективу. К сожалению, до сих пор инновационный проект остается по своей направленности исключительно «элитным». Граждане не слишком информированы и не слишком оптимистично воспринимают инновационные проекты, зачастую рассматривая их как «бесполезную», а то и «криминальную» трату средств. Так, по данным исследования, проведенного Институтом стратегических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, «респонденты считают инновационный потенциал довольно важным аспектом для уверенной позиции любой страны на международной арене. В то же время состояние инновационной сферы в России в целом характеризуется в основном пессимистичными оценками: почти две трети респондентов считают, что Россия уступает развитым государствам мира в части применения технических новинок в повседневной жизни (61%); более половины дали такую оценку сфере внедрения инноваций в промышленности (56%) и уровню обеспеченности компьютерами, развития Интернета (51%)»³³⁷. «Позитивных мнений всего около трети. В то же время, мнение об уровне российской науки, особенно о профессионализме отечественных ученых, достаточно высоко», - отмечают социологи³³⁸. Поэтому без создания вокруг инновационного проекта атмосферы «социального оптимизма», рассчитывать на его продвижение вряд ли стоит.

В-четвертых, сдерживающим с точки зрения инновационного развития России является слабое развитие в стране прогностической сферы, позволяющей хотя бы в целом понимать тенденции глобальной и национальной модернизации, как минимум, в среднесрочной перспективе. В итоге инновационный курс РФ является, скорее, догоняющим и «нетворческим», а значит неспособным обеспечить отечественную конкурентоспособность на этом направлении. Для примера стоит привести прогноз американских исследователей в области инновация. По их мнению, в ближайшие 40 лет, до 2050 года, 50% рабочих мест в

---

³³⁷ Инновационное поведение населения // <http://www.hse.ru/org/projects/13315213>

³³⁸ Там же.

США будут приходиться на профессии, которые сейчас даже не имеют названия³³⁹. А это потребует адаптации к новым требованиям не только государства, но и населения. Кстати, о «профессиональной гибкости» и умении перестраиваться говорил премьер-министр РФ Д.А.Медведев в статье «Время простых решений прошло». В частности, он предупредил, о том, что в новых условиях «кому-то — это может быть довольно значительная часть населения — придется менять не только место работы, но и профессию и место жительства»³⁴⁰.

В-пятых, «субъективным» препоном для реализации инновационного проекта является неразвитость системы судов и несовершенство законодательства, что ставит под сомнение соблюдение прав собственности в РФ. Вот что говорит С.В.Алексащенко: «Многие не понимают, что вся экономика базируется на контракте...И если кто-то из нас контракт не исполнил, мы что делаем? Идем в суд. И суд защищает права пострадавшей стороны. Таким образом, вся экономика, само ее существование опирается на закон и на суд»³⁴¹.

Наконец, в-шестых, для инновационного успеха России требуется активная имиджевая политика, как для внутреннего, так и для внешнего пользования. С одной стороны, она должна убедить граждан в «безальтернативности» и «респектабельности» реализуемых инновационных проектов, с другой – создать благоприятный имидж стране для привлечения инвесторов и получения «извне» современных технологий. Об этом, частности, говорил еще в 2009 г. тогдашний первый заместитель главы Администрации президента Российской Федерации В.Ю. Сурков, назначенный руководителем специальной рабочей группы по модернизации.

---

³³⁹ Алексащенко, С.В. Информационный прорыв как драйвер социо-культурных изменений // Инновации как драйвер социо-культурного развития. Под научной редакцией В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2013. С. 78-79.

³⁴⁰ Статья Дмитрия Медведева «Время простых решений прошло» // <http://government.ru/news/6202>

³⁴¹ Алексащенко, С.В. Указ соч. С. 87.

Заключение

Как показывает опыт ведущих государств мира, проанализированный в данном диссертационном исследовании, инновационный путь является одним из главных требований опережающего развития в условиях жесточайшей глобальной конкуренции XXI века. С одной стороны, достаточно успешно можно существовать, используя «поддерживающие» стратегии, предполагающие экстенсивные методы воздействия на политическую и социально-экономическую ситуацию. В настоящий момент активно обсуждаются (а в некоторых странах и реализуются) иные государственные проекты развития и выживания (стратегия «неоиндустриализации», «сырьевая» стратегия, стратегия развития транспортных коммуникаций и пр.). Они не противоречат инновационным приоритетам, более того, зачастую могут сами являться неотъемлемой компонентой более масштабного инновационного проекта, хотя нередко ангажированные эксперты и лоббисты стремятся их противопоставить друг другу. Но, с другой стороны, опять же только последовательное осуществление выверенной и идеологически фундированной инновационной стратегии способно обеспечить государству качественно более высокий уровень жизни общества, отрыв от экономических и политических конкурентов и защиту национального суверенитета.

По итогам проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. В основе каждой инновационной стратегии лежат не столько экономические, сколько политические замыслы. Инновации в разных странах выполняют важнейшие политические задачи и именно от расстановки политических приоритетов зависят эффективность и динамика преобразований. При этом практически нет универсальных и единственно верных стратегий реализации инновационных планов. Политические и социальные мотивы инновационных реформ различны и имеют ярко выраженную национальную специфику, опирающуюся на цивилизационные, генетические, исторические,

культурные особенности народа, что, конечно, не исключает наличия определенного набора формальных условий и критериев для успешной реализации сценария инновационного развития.

2. Выбранная элитой инновационная стратегия обязана опираться на соответствующую инновационную мотивацию. В ходе исследования удалось выявить следующие ее виды:

- обеспечение суверенитета;
- борьба за глобальное лидерство и/или обеспечение униполярности;
- преодоление бедности и технологической отсталости;
- выживание и развитие в высококонкурентной среде;
- поддержание политической и социально-экономической стабильности в «обществах потребления» и «социального гедонизма».

3. Элита страны должна транслировать инновационную мотивацию населению, пробуждая у абсолютного большинства ответный резонанс, что, в свою очередь, позволяет элите фокусировать созидательную энергию людей, понявших и принявших идущий от элиты импульс, в направлении воплощения инновационного замысла.

4. Импульс инновационной мотивации, идущий от элиты, должен иметь тесную взаимосвязь с господствующей в обществе идеологией (системой идейных ценностей нации) и учитывать цивилизационное, историческое, культурное и экономическое наследие конкретного социума, формирующего его устойчивую ментальность. Таким образом, в идеальном приближении стратегия инновационного развития опирается не просто на волю политических лидеров, а становится идеей, объединяющей общество, поскольку именно на такой основе страна может совершать качественные преобразования посредством (когда это объективно необходимо) мобилизации всех имеющихся ресурсов для совершения качественного прорыва. Об этом свидетельствует советский опыт форсированной индустриализации 1930-х гг. и последующей послевоенной реконструкции. Об этом свидетельствует и опыт рузвельтовских «новых рубежей», послевоенного возрождения Германии и Японии. Вне такого национального единства любые

организационно-экономические механизмы с неизбежностью будут пробуксовывать.

Так, например, в ходе исследования удалось установить, что в развитых странах Запада, таких, как США, Германия, Франция, государственная инновационная политика формировалась постепенно, эволюционным путем, и с учетом систематической поддержки сферы науки и образования не только со стороны государства, но и частного бизнеса. Идеологической основой для инновационной мотивации в западных странах являются при этом протестантская этика и стремление элит к перманентному удержанию достигнутого уровня общества потребления с его воспетыми гедонистическими идеалами. Инновационность – характерная генетическая особенность западноевропейской и «вышедшей из нее» североамериканской цивилизации. При этом последней свойственна ярко выраженная мотивация национального и инновационного первенства по всем направлениям развития общества.

В «незападных» странах инновационная политика формировалась совершенно иначе. Принципиально различные исторические условия, в которых складывались инновационные мотивации, определившие впоследствии те или иные модели инновационной политики «незападных» государств – «преодоление бедности и технологической отсталости» (Бразилия и Индия), «выживание в конкурентной региональной среде» (Южная Корея, Малайзия, Сингапур), «претензия на глобальное лидерство» (Китай), – давали и различные результаты.

Важно отметить, что несмотря на различие в инновационных мотивациях общей особенностью для «незападных» стран следует считать наличие сильной политической воли правящих кругов во главе с харизматичным авторитарным лидером, что обуславливало преобладание усилий государства и реализацию инновационной политики «сверху вниз» в условиях крайне неблагоприятных вызовов и угроз, как внешних, так и внутренних. Отдельно отметим, что общим для Китая и Индии является их принадлежность к циклозавершающим, или перманентно-развивающимся, цивилизациям (китайской и индуистской соответственно), что исторически позволяло обеим странам адекватно

реагировать на вызовы истории и, возникнув среди древних цивилизаций, продолжать свое развитие в наши дни.

5. Несмотря на специфику национальных инновационных систем в разных странах мира можно выделить следующие критерии их «формального» анализа:

- наличие у правящей элиты инновационного замысла и инновационной мотивации;
- достижение страной определенного уровня экономического, образовательного и технологического развития;
- наличие значительных отечественных или зарубежных (инвестиции) источников финансирования инновационных проектов;
- формирование соответствующей институциональной среды и инфраструктуры инноваций;
- разработка современного законодательства, регулирующего и направляющего инновационную деятельность;
- государственное стимулирование инновационной деятельности, предоставление лицам и структурам, занимающимся инновационным бизнесом, финансовых, налоговых и пр. льгот и преференций;
- наличие необходимого кадрового потенциала для реализации инновационных проектов разного уровня;
- предсказуемость и стабильность политической ситуации в стране.

6. Несмотря на относительно удачное развитие инновационной сферы в отдельных государствах мира, все более ощутимыми становятся объективные и субъективные трудности в реализации «стратегий прогресса» XXI в.

В частности, «тормозящими» являются следующие проблемы:

- отсутствие у населения большинства стран мира инновационного мышления и понимания необходимости проведения инновационных реформ;
- высокий уровень коррупции при реализации инновационных проектов;

- отсутствие необходимого кадрового и образовательного потенциала, интеллектуальная и моральная деградация молодого поколения, распространение ценностей «социального релакса»;
- высокий уровень затратности при реализации инновационных проектов, что влечет за собой скепсис бизнеса и недовольство населения, которое ориентировано в своем большинстве на традиционное использование государственных ресурсов и приоритетное финансирование социальной сферы;
- долговременность окупаемости инновационных проектов, что зачастую влечет за собой отказ от участия или имитацию участия в них бизнес-сообщества и приоритетную роль государства в их продвижении.

7. В ближайшие годы при реализации инновационных проектов следует учитывать следующие политические и социально-экономические риски:

- усиление «турбулентности» в мировой политике и экономике, связанной, с одной стороны, с ростом глобальной конкуренции, а с другой, с кризисом универсальных идеологических моделей развития человечества;
- несформированность или рыхлость «креативного класса», общую деградацию кадрового потенциала в ведущих странах мира, которые не сможет в должной мере «компенсировать» даже активная миграционная политика;
- ослабление влияния на инновационные общества традиционных этических и трудовых ценностей;
- доминирование ценностей «потребления» над ценностями «производства» в массовой культуре инновационных стран;
- креативный кризис, который серьезно сдерживает качественные прорывы инновационного плана и зачастую провоцирует имитацию инновационной деятельности;
- сокращение финансирования инновационных проектов по причине их слабой эффективности, «ресурсоемкости», высокой степени «корруптированности»;

– выдвижение на первый план в экономической политике ведущих государств мира «поддерживающих» стратегий политического и социально-экономического развития в противовес стратегиям инновационным.

8. Все вышеизложенное позволяет прогнозировать существенную динамику в инновационной политике государств мира. В частности, можно предположить, что завершится период «сакрализации инноваций», в ходе которого инновационное развитие рассматривалось в качестве «единственно верного пути». Ему на смену должен прийти период рационального осмысления инновационной политики, период поиска сбалансированного сочетания инновационных, сырьевых и индустриальных факторов для обеспечения эффективности функционирования политико-экономической модели.

Кроме того, с учетом пассивности бизнеса в продвижении инновационной политики, инициатива в этой сфере окончательно перейдет под контроль государства, которое все чаще будет проводить инновационные реформы в директивном и «дирижистском» ключе.

Также все чаще заявляющие о себе тренды «деглобализации» могут породить определенную обособленность национальных инновационных систем, их относительную «закрытость» и ориентированность на решение не общечеловеческих, а внутригосударственных или региональных политических и социально-экономических проблем.

9. При обсуждении российского инновационного проекта нужно иметь в виду следующее. Принимая на вооружение принципы инновационной модернизации, российская элита, прежде всего, ориентировалась на опыт США и Европы рубежа XX-XXI вв. Тем не менее, неоднозначные результаты реформ 1990-х гг. и упорное сопротивление населения России либеральной демократии породили в ее среде сомнение в истинности западной модели и ее адаптивности к отечественным реалиям. Отсюда – пусть и не прямой, но «косвенный» интерес к иным вариантам и моделям инновационного проекта, реализуемым в «незападных» странах. Актуальность проблемы возросла в 2000-е гг., когда стало ясно, что в деле инновационного прорыва РФ может рассчитывать только на себя

– Запад демонстративно игнорировал «импульсы сотрудничества» со стороны российского истеблишмента и не только отказывался делиться с «потенциальным союзником» технологическими новинками, но и всячески препятствовал «первооружению» отечественной экономики (взять хотя бы длительное время сохранявшую свою силу «архаичную» поправку Джексона-Вэника).

В то же время для форсированного преодоления кризисных явлений в экономике, обеспечения политической стабильности и возвращения России статуса великой державы требовался «большой проект XXI века», который бы позволил стране резко сократить свое отставание от мировых лидеров, порожденное системными проблемами 1980-1990-х гг.

Понятно, что у России – свой собственный путь инновационного развития, тем не менее, учет мирового опыта, в том числе, оригинальных («спонтанных») моделей модернизации весьма важен для выработки собственно отечественного «рецепта инновационности».

Кроме того, в условиях нарастающего противостояния России и Запада (конфликт вокруг Крыма и Новороссии, "война санкций" и пр.) отечественному руководству придется все больше дрейфовать в сторону инновационного сотрудничества с "альтернативными" мировыми игроками, прежде всего, азиатскими (КНР, Малайзия, Сингапур и др.). Кроме того, введенные США и ЕС ограничения на технологическое партнерство, приведут к тому, что Россия будет вынуждена в полной мере реализовывать политику импортозамещения, в том числе, и в инновационной сфере. Более того, Российской Федерации в неблагоприятных внешнеполитических условиях придется форсировать инновационную модернизацию, в противном случае возникнет угроза ее национальному суверенитету. Одновременно наша страна вполне может выступить в качестве главного оппонента "западной", либерально-демократической версии инновационного развития, заявив об инновационной "многополярности".

10. Трудности и «торможение» российского инновационного проекта во многом обусловлены невняtnостью постановки инновационных задач, что, в свою

очередь, проистекает из неопределенности вопроса с выбором политической мотивации подобных реформ. В частности, непоясненным остается целый ряд «неэкономического» вопросов:

- Какая мотивация будет лежать в основе инновационных преобразований?
- На какой идеологический базис и систему идейных ценностей нации будет опираться инновационная мотивация в России?
- Какие политические, мировоззренческие и культурные приоритеты лягут в основу российского инновационного курса?
- В какой пропорции в инновационном проекте будут представлены интересы государства, бизнеса, граждан?
- Как оградить инновационные инициативы от различного рода международных и отечественных «издержек» (коррупция, ограничение на доступ к новейшим зарубежным технологиям, сопротивление инновационной повестке дня со стороны бюрократии и оппозиции и пр.)?

11. Элита обязана ориентировать сознание общественных масс на формирование потребностей инновационного развития. При этом в обществе элитой должен формироваться антипотребительский и антигедонистический климат, в котором высоко ценятся стремление к постоянному развитию и совершенствованию и самоограничение во имя высшей цели. Современной российской политической элите пока не удастся вовлечь граждан страны в «инновационный проект» – построение нового общества и новой экономики. Сегодня мы наблюдаем определенное внутриэлитное противостояние, обусловленное различием во взглядах элитных групп на дальнейшую судьбу государства. Кроме того, налицо феномен «внутренней эмиграции», при котором значительная часть правящих кругов не ассоциируют свое будущее с будущим своей страны и создают для себя и членов своих семей «запасные аэродромы» за границей, живя по принципу «зарабатывать здесь – сберегать и тратить там» и сосредоточившись на тактических интересах в ущерб стратегическим. «Бегство капитала» и «утечка мозгов» в другие страны имеют место быть, когда позитивное пассионарное личностное начало либо покидает цивилизацию, либо

не имеет возможности для применения своих сил и постепенно погибает. Перед Россией стоит неотложная задача переломить эту тенденцию. Также остро стоит задача формирования системы воспитания и рекрутирования новой пророссийски ориентированной (патриотически настроенной) элиты.

12. Авторская концепция полагает, что мотивация российского инновационного проекта, в отличие от «чистых» мотиваций других «незападных» стран, может быть «комплексной». Так, нашу страну, как наследницу СССР, к тому же претендующую на статус «великой державы», не может не интересовать политический и экономический рывок КНР, в сжатые сроки позволивший Китаю войти в число мировых «гегемонов» и составить серьезную конкуренцию США. «Социальная мотивация» Индии и Бразилии также в достаточной мере актуальна для России, поскольку у нас до сих пор не преодоленной остается проблема бедности (особенно на уровне субъектов РФ), и инициированный властью инновационный проект ставит своей целью, в том числе, преодоление нищеты, безработицы и социальной несправедливости. Что же касается «азиатских тигров» (Южная Корея и Сингапур), то эти государства интересны нам, прежде всего, политическими механизмами реализации инновационного проекта при неблагоприятной внешней конъюнктуре (экспортно-ориентированная экономика, жесткая конкуренция со стороны соседей, периодическое давление извне с критикой за «нарушение демократических норм»).

России стоит обратить внимание и на проблему выработки мировоззренческих оснований «незападных» инновационных проектов. Дело в том, что их культурные традиции кардинальным образом отличались от американской и европейской «этики капитализма» и поэтому реформы в большей степени опирались на местные восточные духовные идеалы и практики. В частности, для Азиатско-Тихоокеанского региона характерно сильное влияние конфуцианства с его принципами служения государству, патернализма, традиционализма и исторической преемственности. В частности, «просвещенный авторитаризм» азиатских лидеров инновационного развития имел в своей основе аналогичные принципы: интересы страны превалируют над интересами отдельно

взятого гражданина, над его личной выгодой. Лучше найти устраивающий всех компромисс, чем соперничать, важнее достичь согласия, чем иметь множество противоположных мнений.

Непосредственным образом с «просвещенным авторитаризмом» связана и проблема защиты внутреннего рынка в рамках протекционистского курса. В этом плане для Российской Федерации, недавно вступившей в ВТО, должен быть особо интересен опыт Китая, который по возможности пользуется льготами, которые предоставляет ему членство во Всемирной торговой организации, но при этом предпринимает активные попытки обойти ограничения и создать наиболее комфортные условия для национального производителя.

Важно подчеркнуть, что инновационный путь развития является стратегическим для всего человечества, поскольку только он позволит преодолеть многочисленные проблемы современной цивилизации, вывести на новый уровень не только передовые, но и «догоняющие» страны, снять имеющиеся конфликты, обеспечить мир и процветание на земном шаре. Конечно, такой идеальный сценарий возможен только при взаимном стремлении народов и правящих элит к «инновационному консенсусу» и «инновационной многополярности».

Приложения

Таблицы

Таблица 1. Затраты на НИОКР по паритету покупательной способности в различных странах мира, млрд долл. США и % ВВП

Регион/ Страна	2011, млрд долл. США	2011, % к ВВП	2012, млрд долл. США	2012, % к ВВП	2013, млрд долл. США	2013, % к ВВП
Америка (21 страна), в т.ч.:	485,4	2,05%	494,9	2,04%	507,6	2,04%
- США	412,4	2,70%	418,6	2,68%	423,7	2,66%
Азия (20 стран), в т.ч.:	487,1	1,75%	518,6	1,77%	554,6	1,79%
- Япония	156,0	3,47%	159,9	3,48%	161,8	3,48%
- Китай	177,3	1,55%	197,3	1,60%	220,2	1,65%
Европа (34 страны)	342,9	1,87%	346,7	1,88%	349,5	1,88%
Россия	35,7	1,48%	37,0	1,48%	38,5	1,48%
Весь мир	1394,3	1,76%	1469,0	1,77%	1496,1	1,77%

Таблица 2. Доля в общемировых расходах на НИОКР, %

Регион/Страна	2011 год	2012 год	2013 год (прогноз)
Америка (21 страна), в т.ч.:	34,8%	34,3%	33,8%
- США	29,6%	29,0%	28,3%
Азия (20 стран), в т.ч.:	34,9%	36,0%	37,1%
- Япония	11,2%	11,1%	10,8%
- Китай	12,7%	13,7%	14,7%
- Индия	2,8%	2,8%	3,0%
Европа	24,6%	24,0%	23,4%
Россия	2,56%	2,56%	2,57%

Таблица 3. Доля расходов на НИОКР в предпринимательском секторе развитых стран к общегосударственным расходам на НИОКР (в %) ³⁴²

Страна	2005 г.	2006 г.	2007 г.	Средний темп роста
Япония	66	65,2	72	1,091
США	70,8	71,9	74,3	1,049
Швеция	69,6	74,2	74,8	1,074
Германия	66,9	60,3	67,5	1,009
Франция	61,4	61	61,2	0,996
Великобритания	67	65,3	65,4	0,991
Южная Корея	н. д.	73,7	72,6	н. д.

Таблица 4. Затраты на НИОКР российских государственных компаний в 2010 г., в % к продажам

Компания	Затраты на НИОКР
Рус Гидро	0,02
ФСК ЕЭС	1,19
Роснефть	0,21
Газпром	0,22
Транснефть	0,21
Аэрофлот	0,00
ОАК	9,08
Совкомфлот	0,22
РЖД	0,40
ОСК	0,09
АвтоВАЗ	1,02
НПО машиностроения	0,17
Связьинвест	0,0
АЛРОСА	0,14

³⁴² Данные OECD / Basic Science and Technology Statistics. Paris, 2008.

Таблица 5. Расходы на НИОКР в США по министерствам и ведомствам в 2011-2013 гг., млн долл. США

Министерство/Ведомство	2011 год	2012 год	2013 год	изменения 2013 г. по отношению к 2012 г., %
Обороны	77 500	72 739	71 204	-2,1
Здравоохранения и социальных служб	31 186	31 153	31 400	0,8
Энергетики	10 673	11 019	11 903	8,0
NASA	9 099	9 399	9 602	2,2
Национальный научный фонд	5 486	5 680	5 904	3,9
Торговли	1 275	1 258	2 573	104,5
Сельского хозяйства	2 135	2 331	2 297	-1,5
По делам ветеранов	1 160	1 164	1 166	0,2
Транспорта	953	944	1 076	14
Внутренних дел	757	796	854	7,3
Внутренней безопасности	664	577	729	26,3
Агентство по защите окружающей среды	584	568	580	2,1
Другие ведомства	1 242	1 241	1 532	23,4
ВСЕГО	142 714	138 869	140 820	1,4

Таблица 6. Расходы на НИОКР топ-10 мировых фирм, 2013 г.

№ п/п	Корпорация	Всего, млн долл. США	Прирост к 2012 г., %
1	Volkswagen	12 500	32,1
2	Samsung	11 000	15,3
3	Microsoft	10 400	6,1
4	Intel	10 100	21,5
5	Toyota	9 300	3,5
6	Roche	9 200	5
7	Novartis	9 100	0,8
8	Merck	7 900	0,4
9	Johnson & Johnson	7 700	1,6
10	Pfizer	7 600	14

Таблица 7. Соотношение бюджетов федеральных земель Германии и других стран мира на НИОКР

Германская федеральная земля (регион ФРГ)	Страна
Шлезвиг-Гольштейн	Словения и Словакия
Мекленбург-Передняя Померания	Румыния
Гамбург	Чехия
Бремен	Люксембург
Нижняя Саксония	Норвегия
Саксония Ангальт	Словения
Берлин	Турция
Бранденбург	Болгария и Румыния
Северный Рейн-Вестфалия	Голландия
Гессен	Бельгия
Тюрингия	Венгрия
Саксония	Португалия
Райнланд-Пфальц	Польша
Саар	Хорватия
Баден-Вюртемберг	Испания/Португалия
Бавария	Россия

Таблица 8. Размер реального ВВП КНР, млрд долл. США³⁴³

Год	ВВП
2002	1453,8
2003	1641,0
2004	1931,6
2005	2256,9
2006	2712,9
2007	3494,2
2008	4520,0
2009	4990,5
2010	5878,3
2011	6989,0

Таблица 9. Размер ВВП КНР по ППС, млрд долл. США³⁴⁴

Год	ВВП
2002	3702,0
2003	4157,8
2004	4697,9
2005	5364,3
2006	6240,8
2007	7333,8
2008	8216,0
2009	9068,2
2010	10119,9
2011	11300,0

---

³⁴³ CIA World Factbook

³⁴⁴ Там же.

**Таблица 10. Доля некоторых стран и групп стран в мировом экспорте товаров
в 1948–2010 гг., %³⁴⁵**

Страна / Год	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2010
КНР	0,9	1,2	1,3	1,0	1,2	2,5	5,9	9,9	10,4
Шестерка*	3,4	3,0	2,5	3,6	5,8	9,7	9,6	9,6	9,9
США	21,7	18,8	14,9	12,3	11,2	12,6	9,8	8,7	8,4
Германия	1,4	5,3	9,3	11,7	9,2	10,3	10,2	9,2	8,3
Япония	0,4	1,5	3,5	6,4	8,0	9,9	6,4	4,8	5,1
БСВ**	1,9	2,7	3,2	4,1	6,8	3,5	4,1	5,7	6,2
Великобритания	11,3	9,0	7,8	5,1	5,0	4,9	4,1	2,9	2,7
Индия	2,2	1,3	1,0	0,5	0,5	0,6	0,8	1,3	1,4
СССР/СНГ	2,2	3,5	4,6	3,7	5,0	1,5	2,6	3,7	4,0

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея

** Ближний и Средний Восток (Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Сирия).

³⁴⁵ International Trade Statistics. 2010. Geneva: WTO, 2010. P. 14; World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva: WTO, 2011. P. 19, 21.

**Таблица 11. Доля отдельных стран и групп стран в мировом импорте товаров
в 1948–2010 гг., %³⁴⁶**

Страна / Год	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2009	2010
США	13,0	13,9	11,4	12,3	14,3	15,9	16,9	12,9	12,8
Шестерка*	3,5	3,7	3,1	3,7	6,1	10,3	8,6	8,8	9,5
КНР	0,6	1,6	0,9	0,9	1,1	2,7	5,4	8,1	9,1
Германия	2,2	4,5	8,0	9,2	8,1	9,0	7,9	7,6	6,9
Япония	1,1	2,8	4,1	6,5	6,7	6,4	5,0	4,4	4,6
БСВ**	1,7	2,0	2,2	2,6	6,2	3,3	2,7	4,0	3,8
Великобритания	13,4	11,0	8,5	6,5	5,3	5,5	5,2	3,9	3,7
Индия	2,3	1,4	1,5	0,5	0,7	0,6	0,9	2,0	2,1
СССР/СНГ	1,9	3,3	4,3	3,6	4,3	1,2	1,7	2,7	2,8

* Сингапур, Малайзия, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Республика Корея

** Ближний и Средний Восток (Бахрейн, Израиль, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия и Сирия).

---

³⁴⁶ Там же.

Таблица 12. Мировая торговля услугами отдельными странами в 2010 г.³⁴⁷

Страна	Экспорт		Импорт	
	млрд долл. США	%	млрд долл. США	%
США	515	14,1	358	10,2
Германия	230	6,3	256	7,3
Великобритания	227	6,2	156	4,5
КНР	170	4,6	192	5,5
Франция	140	3,8	126	3,6
Япония	138	3,8	155	4,4
Сингапур	112	3,0	96	2,7
Индия	110	3,0	117	3,3
Гонконг	108	2,9	51	1,5
Республика Корея	82	2,2	93	2,7
Россия	44	1,2	70	2,0
Всего	3665	100	3505	100

³⁴⁷ World Trade 2010, Prospects for 2011. Geneva: WTO, 2011. P. 23.

Таблица 13. Основные экономические партнеры КНР в 2010 г.³⁴⁸

Страны и группы стран	Экспорт		Импорт		Сальдо, млрд долл. США
	млрд долл. США	прирост, %	млрд долл. США	прирост, %	
Всего	1577,9	31,3	1394,8	38,7	+183,1
ЕС	311,2	31,8	168,5	31,9	+142,7
в т.ч.					
Германия	68,1	36,3	74,3	33,4	-6,2
США	283,3	28,3	102,0	31,7	+181,3
Япония	121,1	23,7	176,7	35,0	-55,6
АСЕАН	138,2	30,1	154,6	44,8	-16,4
Республика Корея	68,8	28,1	138,4	35,0	-69,6
Гонконг	218,3	31,3	12,3	40,9	+206,0
Тайвань	29,7	44,8	115,7	35,0	-86,0
Индия	40,9	38,0	20,8	51,8	+20,1
Россия	29,6	69,0	25,8	21,7	+3,8

Таблица 14. Структура распределения ВВП Бразилии к началу 1980-х гг., в %³⁴⁹

	1950	1960	1970	1976
Сельское хозяйство	28,8	24,8	14,3	11,7
Горнодобывающая промышленность	0,3	0,5	0,9	0,8
Обрабатывающая промышленность	20,0	27,5	24,8	28,6
Строительство	1,8	2,0	5,8	6,2
Транспорт и связь	7,4	8,5	5,9	6,2
Торговля и финансы	16,4	16,8	21,8	22,2
Прочие услуги	18,1	14,7	17,9	24,3

³⁴⁸ Чжунхуа жэньминь гунхэго 2010 нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци гунбао. stats.gov.cn

³⁴⁹ <http://www.be5.biz/ekonomika2/002/brazil.htm>

Таблица 15. Динамика экономического роста Бразилии в 1990-е гг., в %³⁵⁰

Год	ВВП	Промышленность	Сельское хозяйство	Сфера услуг
1991	1,03	0,26	1,37	0,33
1992	-0,54	-4,22	4,89	0,30
1993	4,92	7,01	-0,07	1,76
1994	5,85	6,73	5,45	1,80
1995	4,22	-1,91	4,08	1,30
1996	2,66	3,28	3,11	2,26
1997	3,27	4,65	-0,83	2,55
1998	0,22	-1,45	1,94	1,11
1999	0,79	-1,60	7,41	1,89
2000	4,20	4,79	2,90	3,61

---

³⁵⁰ <http://www.be5.biz/ekonomika2/002/brazil.htm>

Таблица 16. Динамика основных показателей экономического развития Бразилии в 2007–2011 гг.³⁵¹

Показатель	2007	2008	2009	2010	2011
ВВП Бразилии (паритет покупательной способности), трлн долл. США	1,836	1,993	2,024	2,22	2,284
ВВП Бразилии – реальные темпы роста	5,4 %	5,1 %	–0,2 %	7,5 %	2,7 %
ВВП Бразилии – на душу населения по ППС, долл. США	9 900	10 300	9 900	10 814	11 600
ВВП Бразилии – на душу населения (реальный рост)	7,283	8,628	8,237	н/д	н/д
Уровень безработицы в Бразилии	9,3 %	7,9 %	7,4 %	6,9 %	6,1 %
Инвестиции (валовые вложения)	17,6 % от ВВП	19 % от ВВП	17 % от ВВП	–	19 % от ВВП
Экспорт, млрд долл. США	116,6	150,9	111,8	201,9	255,9
Импорт, млрд долл. США	85,6	131,1	90,6	181,9	226,2
Золото-	180,3	193,8	238,8	288,57	306,3

³⁵¹ <http://www.be5.biz/ekonomika2/002/brazil.htm>

валютные резервы, млрд долл. США					
Внешняя задолженность, млрд долл. США	223,9	262,9	216,1	254,1	271
Фондовых прямых иностранных инвестиций, внутренних, млрд долл. США	249	294	318,5	368,4	426,4
Фондовых прямых иностранных инвестиций, за рубежом, млрд долл. США	107	127,5	124,3	128,9	113,9

Таблица 17. Структура уровня бедности населения Малайзии, %³⁵²

Год	1995	1997	1999	2000	2001
Всего	8,7	6,1	7,5	5,5	4,5
в т. ч.:					
город	3,6	2,1	3,4	1,9	1,7
село	14,9	10,9	12,4	10	7,4

Таблица 18. Расходы на снижение бедности в планах государственного развития, млн ринггитов³⁵³

Планы	Предусмотрено	На снижение бедности	%
2-й Малайзийский план (1971–1975)	7415,0	2,350,0	31,7
3-й Малайзийский план (1976–1980)	21 202,0	6,373,4	30,1
4-й Малайзийский план (1981–1985)	46 320,0	11 238,5	24,3
5-й Малайзийский план (1986–1990)	35 300,0	12 970,7	36,7
6-й Малайзийский план (1991–1995)	54 705,0	13 900,8	25,4
7-й Малайзийский план (1996–2000)	67 500,0	16 084,8	23,8
8-й Малайзийский план (2001–2005)	110 000,0	13 200,0	12,0

³⁵² <http://www.undp.kz/projects/files/118-16656.htm>³⁵³ <http://www.undp.kz/projects/files/118-16656.htm>

Таблица 19. Расходы бюджета за 2001–2002 гг., предусмотренные на снижение бедности, млн ринггитов³⁵⁴

Расходы бюджета	2001		2002	
	Сумма	%	Сумма	%
Всего	15,1	24	14,3	21,4
в т. ч.:				
Экономический сектор	4,9	8	23,2	34,8
Социальная сфера	20,4	32,8	23,1	34,6
Трансферты, в т. ч. Пенсии	7	11,4	11,4	11,5

Таблица 20. Научные ресурсы и квалификация рабочей силы Южной Кореи³⁵⁵

Показатель	1981	1994	2002
Ассигнования на НИОКР (млрд долл. США)	0,5	9,8	14,0
Доля НИОКР в ВВП(%)	0,81	2,61	-
Число НИИ	53	2270	-
Численность персонала, занятого в области НИОКР (тыс. чел.)	21	117	190

³⁵⁴ <http://www.undp.kz/projects/files/118-16656.htm>

³⁵⁵ http://www.minpred.ru/content/pya/pya_2012/pya/pya_2012_2011/m,98,23175/

Таблица 21. Основные направления развития ключевых отраслей «экономики знаний» в Республике Корея в рамках новой промышленной политики (в млрд вон)³⁵⁶

Основные направления инвестирования по программам	в 4 регионах		в 9 регионах (2002-2007)	В рамках программы развития региональной инфраструктуры
	Первой стадии (1999-2004)	Второй стадии (2004-2008)		
Развитие инновационной инфраструктуры	3,302	3,075	5,212	1,194
НИОКР	1,903	5,162	1,810	0,367
Техническая поддержка корпораций	1,791	1,091	–	0,59
Специалисты в области планирования развития промышленности	–	0,168	0,440	–

³⁵⁶ Y.S. Kim. Regional Industrial Policy in Korea – its outcomes and implications // KGET Industrial economic review. No. 2. 2008. P. 20.

Таблица 22. Налоговое стимулирование НИОКР, % ВВП³⁵⁷

Страна	Налоговые льготы, % ВВП	Страна	Налоговые льготы, % ВВП
Канада	0,22	Португалия	0,07
Корея	0,19	Нидерланды	0,07
Бельгия	0,13	Великобритания	0,06
Япония	0,12	Дания	0,06
Австрия	0,09	Австралия	0,06
Ирландия	0,09	Турция	0,06
Венгрия	0,09	США	0,05
Франция	0,08	Норвегия	0,04

---

³⁵⁷ OECD. Main Science&Technological Indicators. September 2010.

Таблица 23. Типы и характеристики российских ОЭЗ

Тип ОЭЗ	Название ОЭЗ	Дата Создания	Приоритетные направления развития:	Площадь, га	Количество резидентов
ТВТ	Санкт-Петербург	21.12.2005	информационные технологии и телекоммуникации; энергоэффективность; новые медицинские технологии и фармацевтика; приборостроение и новые материалы	129,4	31
ТВТ	Дубна, Московская область	21.12.2005	информационные технологии; ядерно-физические и нанотехнологии; био и медицинские технологии; проектирование сложных технических систем	187,7	88
ТВТ	Зеленоград, Москва	21.12.2005	микроэлектроника; энергосберегающие технологии; биотехнологии; информационные и коммуникационные технологии другие виды высокотехнологичного научно-производственного бизнеса	146,27	35
ТВТ	Томск, Томская область	22.05.2005	информационно-коммуникационные и	207	58

			электронные технологии; технологии производства новых материалов и нанотехнологии; биотехнологии и медицинские технологии; ресурсосберегающие технологии		
ТВТ	Иннополис, Республика Татарстан	01.11.2012	Информационно-коммуникационные технологии, электронные технологии, нанотехнологии, биотехнологии, медицинские технологии	292	н/д
ППТ	Моглино, Псковская область	03.02.2012	машиностроение, приборостроение	280	н/д
ППТ	Людиново, Калужская область	28.12.2012	производство автокомпонентов; приборостроение	316	н/д
ППТ	Липецк, Липецкая область	21.12.2005	производство энергетического оборудования; производство элементов и систем альтернативной энергетики; производство машин, оборудования, автокомпонентов; производство бытовой техники; производство	1024	23

			медицинского оборудования; производство строительных материалов; производство био и наноматериалов		
ППТ	Алабуга, Республика Татарстан	21.12.2005	производство автомобилей и автокомпонентов; нефтехимия; строительные материалы; товары массового потребления; приборостроение	2 000	33
ППТ	Тольятти, Самарская область	12.08.2010	автомобилестроение (автомобили и автокомпоненты); продукция машиностроения; строительные материалы; товары массового потребления	660	11
ППТ	Титановая Долина, Свердловская область	16.12.2010	производство продукции для нужд авиастроения; атомная энергетика; производство оборудования для добычи углеводородов; производство электрооборудования и контрольно- измерительного	721	3

			оборудования; железнодорожное машиностроение; производство лекарственных средств препаратов и медицинского оборудования; производство стройматериалов, химические производства		
ТРТ	Бирюзовая Катунь, Алтайский край	03.02.2007	гостиничный бизнес; общественное питание; туристско- экскурсионное обслуживание; спортивно- оздоровительные услуги	3 326,3	17
ТРТ	Алтайская Долина, Республика Алтай	03.02.2007	экологический туризм; историко- культурный туризм; лечебно- оздоровительный; активный туризм; экстремальный туризм	856,83	8
ТРТ	Ворота Байкала, Иркутская область	03.02.2007	туризм: деловой; экскурсионный; лечебно- оздоровительный; экологический; спортивный и приключенческий; водный, круизный; горнолыжный	2 357,9	2
ТРТ	Байкальская Гавань,	03.02.2007	лечебно-	3 613,5	12

	Республика Бурятия		оздоровительный; круизный; горнолыжный; экологический; экскурсионный; религиозный		
ПТ	Ульяновск, Ульяновская область	30.12.2009	производство авиационной техники; техническое обслуживание и ремонт авиационной техники; логистика авиационных грузов авиационный хаб	640	6
ПТ	Советская Гавань, Хабаровский край	31.12.2009	портовая деятельность; логистика; перевалка грузов; техническое обслуживание судов; ремонт и переоборудование судов; переработка морепродуктов; биржевая торговля товарами	290	н/д

Таблица 24. Механизмы государственной инновационной политики в различных странах мира

Меры	Страна
Право государственных научно-исследовательских институтов быть участниками коммерческих инновационных компаний	Дания, Испания, Норвегия, Швеция, Франция,
Стимулирование создания совместных предприятий научными институтами и бизнес-структурами	Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, КНР, США, Франция, Швеция
Стимулирование применения инновационных технологий на уровне малых и средних предприятий	Великобритания, КНР, США, Франция
Стимулирование деятельности организаций посредников между бизнесом и создателями инновационных технологий	Германия, Швеция, Великобритания, ЕС, КНР, США,
Поддержка технопарков и технологических инкубаторов	Германия, Дания, Индия, КНР, Швеция
Прямое финансирование инновационных предприятий (гранты, займов на льготных условиях, иные программы финансирования)	Великобритания, Германия, Норвегия, Дания, Индия, КНР, США, Франция, Швеция
Финансовая поддержка венчурных предприятий в инновационных сферах	Германия, Греция, Норвегия, Швеция
Стимулирование патентования	Германия, США, Франция, Швеция
Поддержка авторов-разработчиков посредством дополнительных выплат работникам при коммерческом использовании их изобретений	Греция, Дания, КНР, Норвегия, Франция
Разрешение госслужащим участвовать в коммерческой деятельности по внедрению научных разработок	Великобритания, Дания, Греция, КНР, Франция

Налоговые льготы инновационным предприятиям	Великобритания, США, Германия, Греция, Индия, Ирландия, Испания, КНР, Франция Норвегия, Польша,
Отнесение инновационной политики к компетенции специально созданных государственных органов	Великобритания, Дания, Ирландия, Франция, Швеция, Норвегия
Информационная и методическая поддержка участников инновационной деятельности	Великобритания, США, Германия, КНР, Швеция

Рисунки

Рисунок 1. Связи между инновационными и государственными системами в процессе создания политики экономического роста

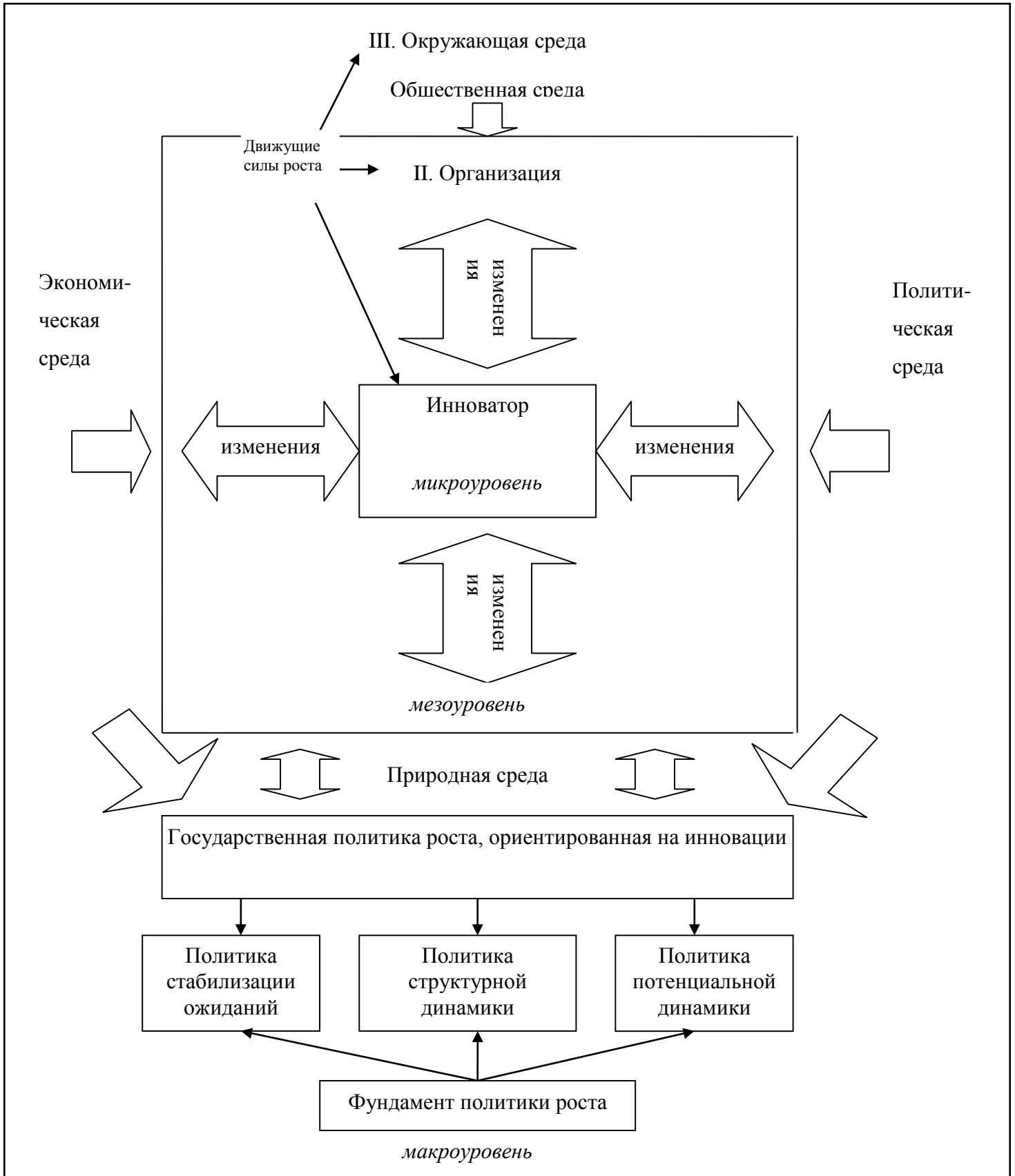
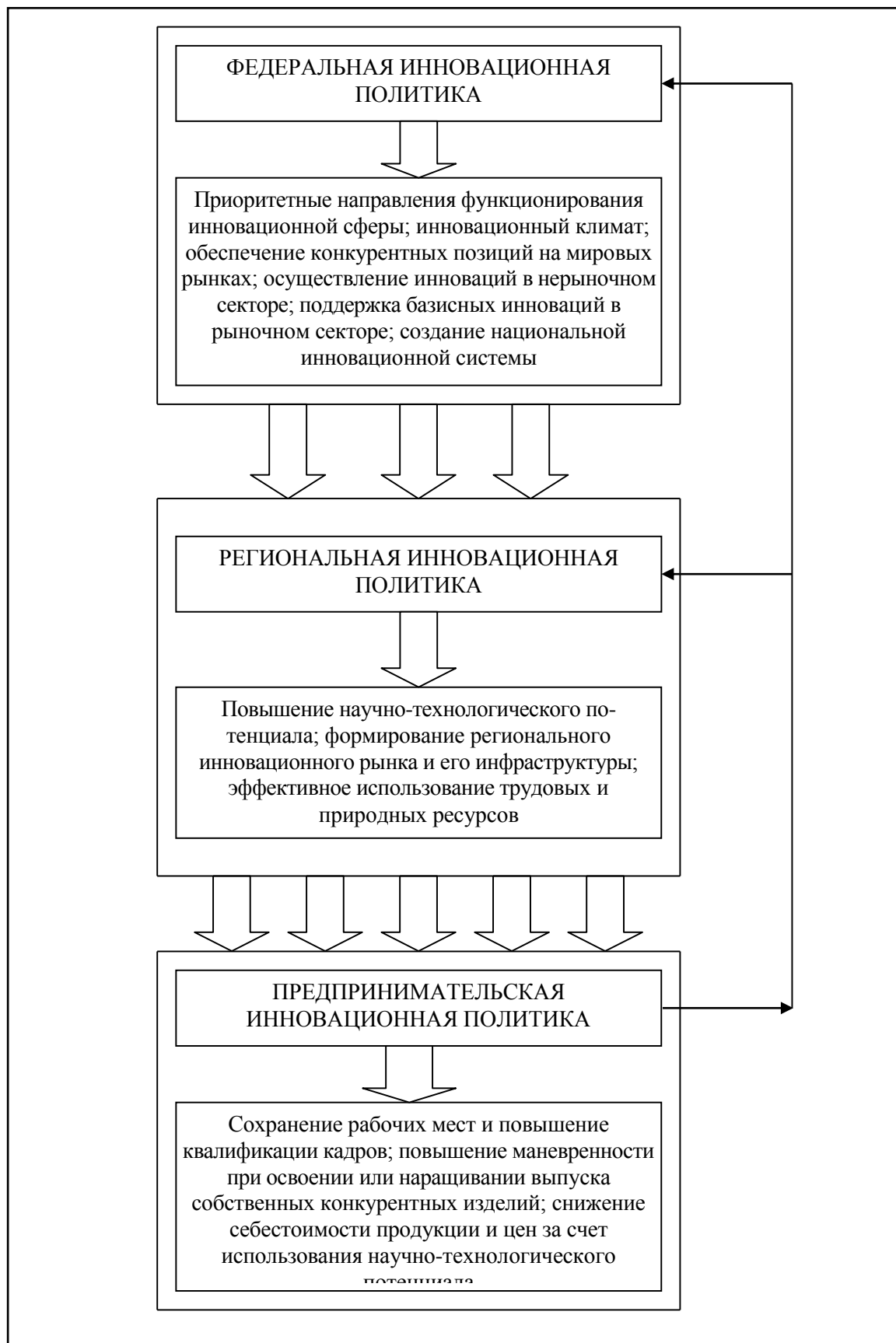

Рисунок 2. Многоуровневая модель инновационной политики

Рисунок 3. Доля США, Японии и ФРГ в мировом производстве наукоемкой продукции, в %

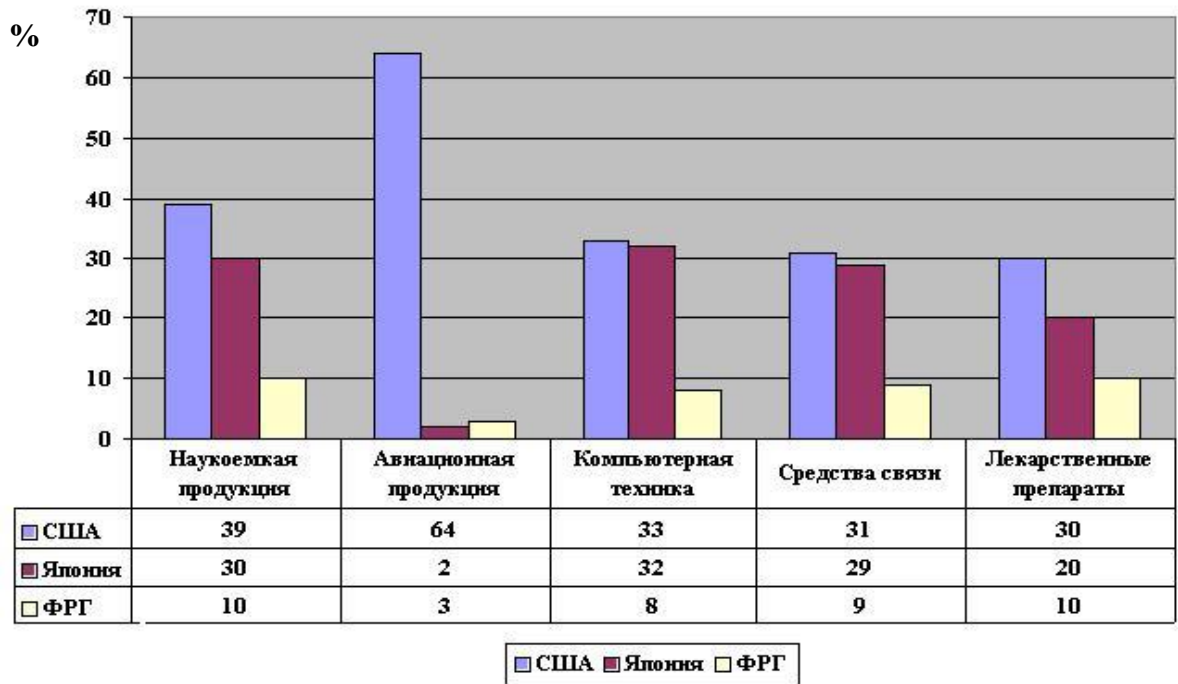
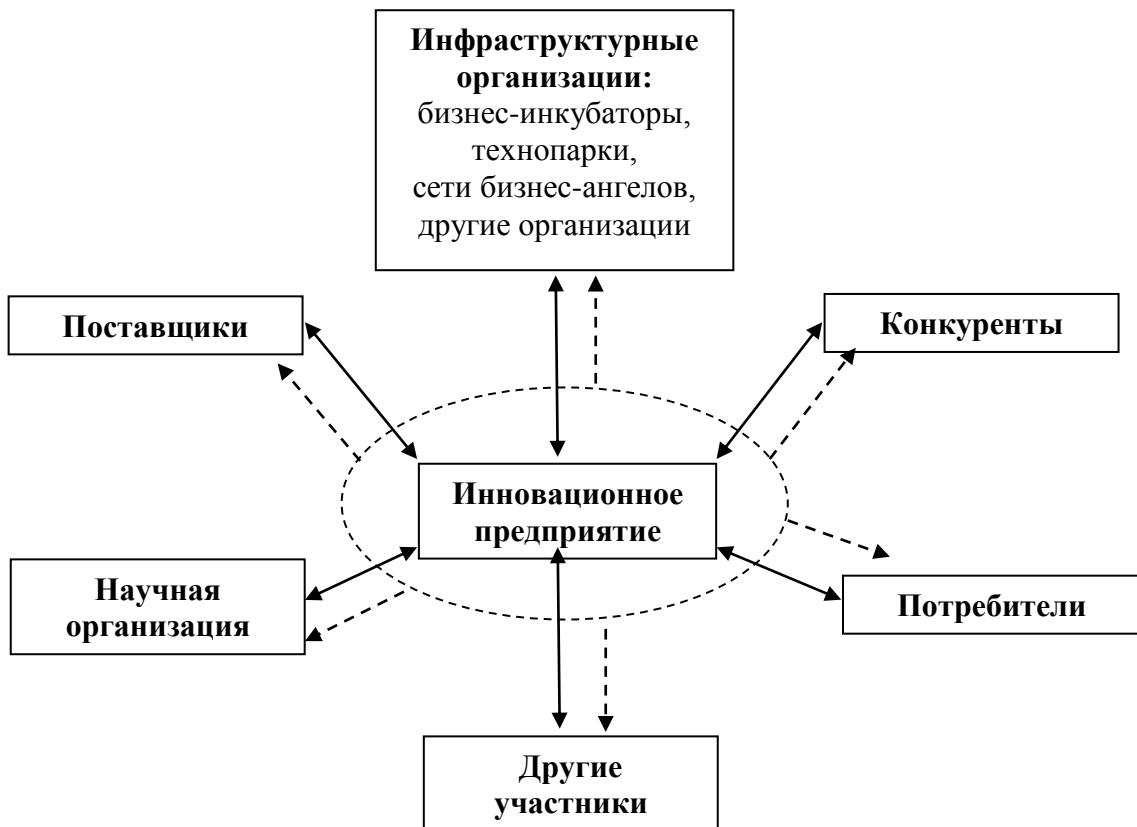

Рисунок 4. Взаимосвязи в инновационной сети

Описание характера взаимодействия:

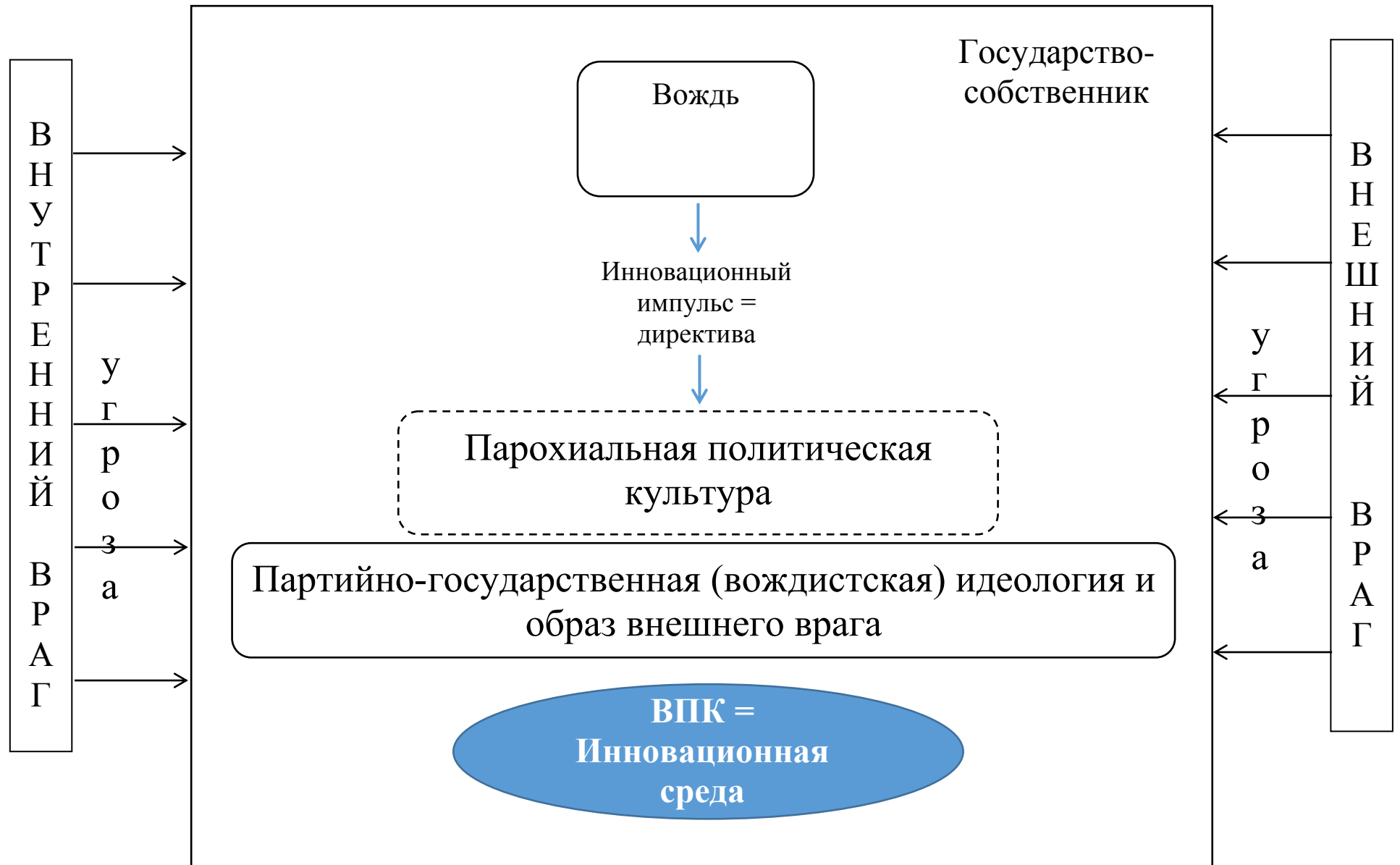
- взаимосвязи инновационного предприятия с участниками сети
- взаимосвязи участников сети друг с другом

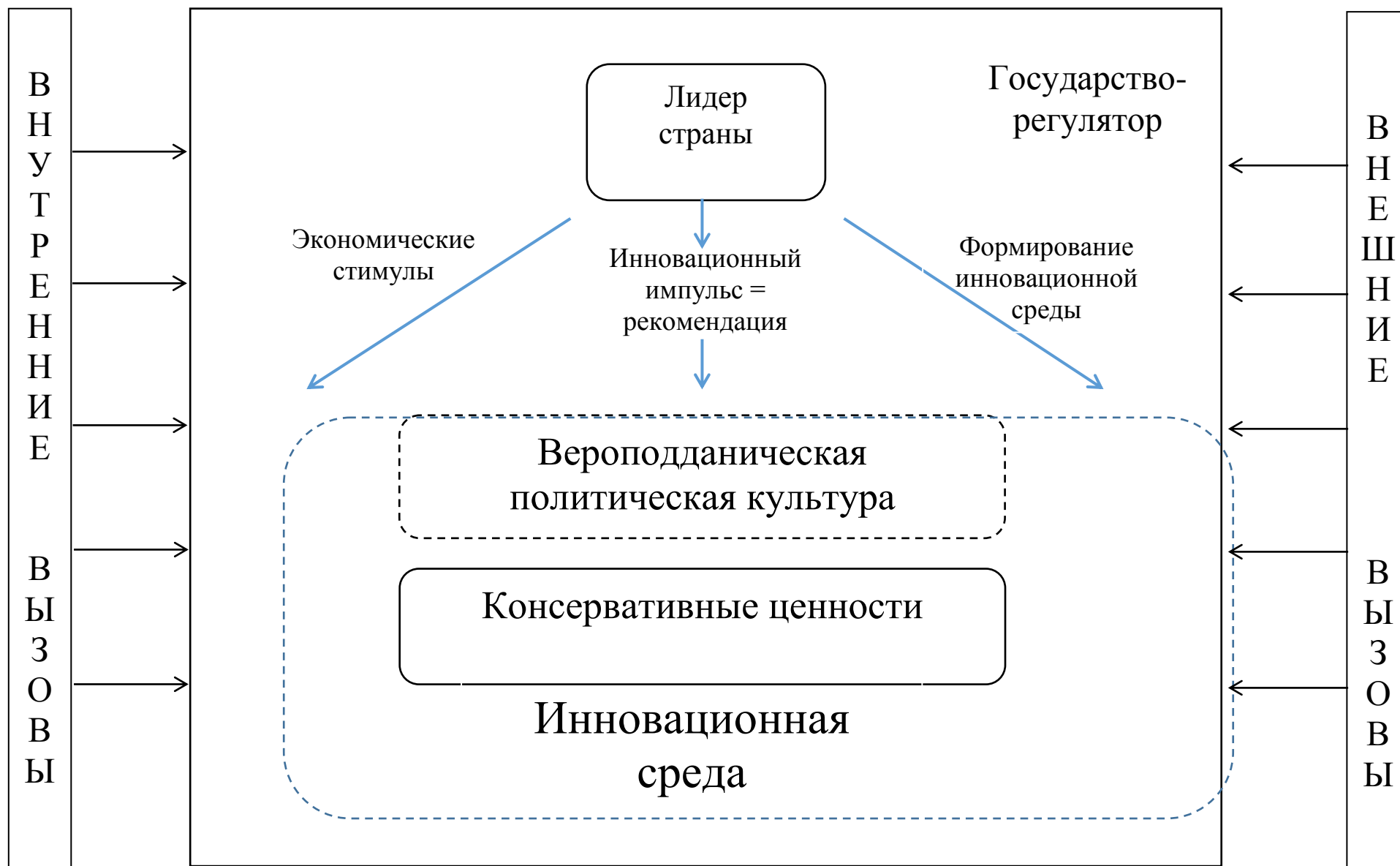
Рисунок 5.

Тоталитарная модель инновационной мотивации

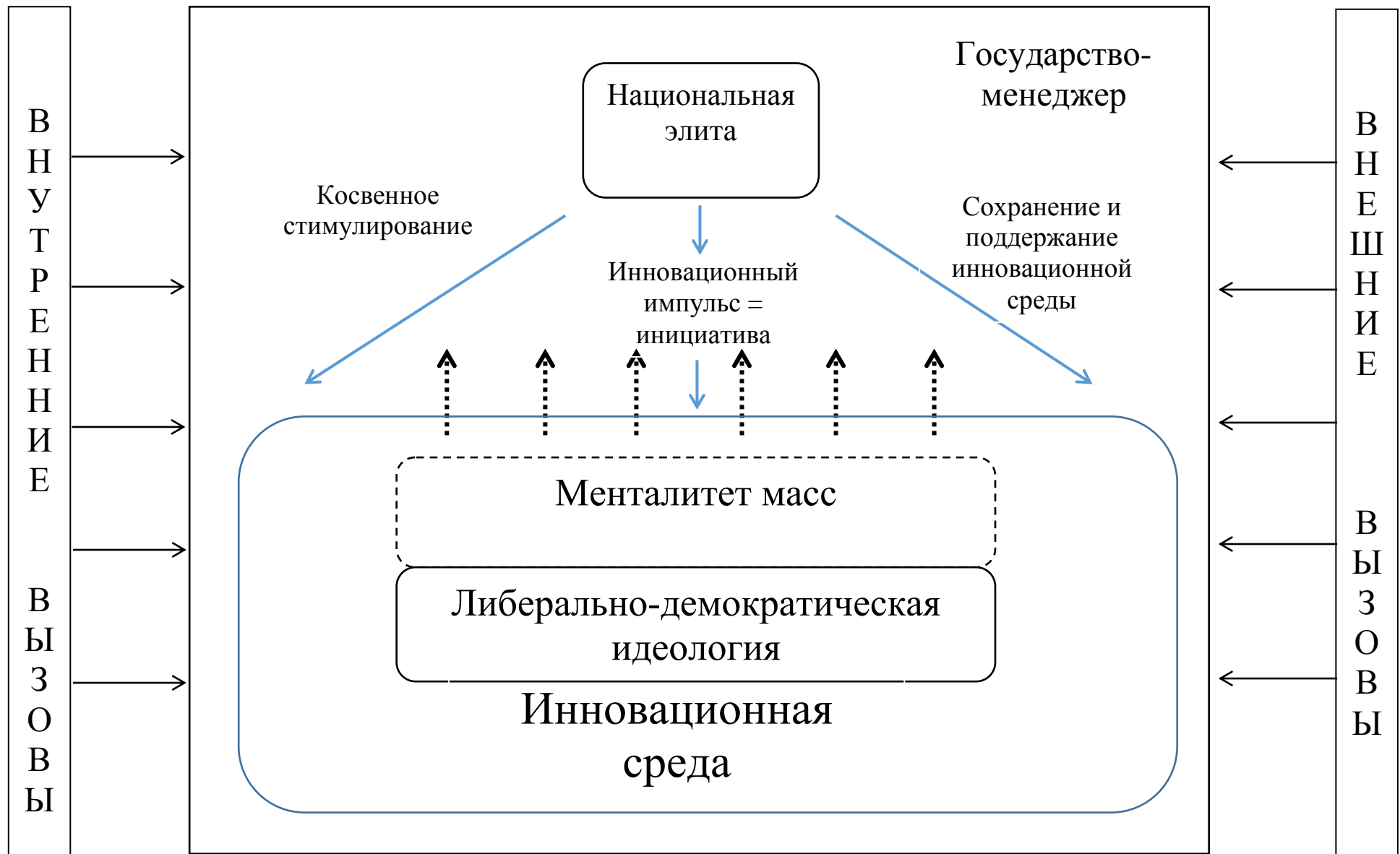

Государство заботится о сохранении режима и строя. Инновационная мотивация обусловлена фактором внешнего врага и угрозами внутренней нестабильности. Драйвером инновационного развития является военно-промышленный комплекс, который в основном и замыкает на себе инновационную среду. Диффузии инноваций в гражданскую сферу слабо выражена из-за секретности сферы ВПК.

Авторитарная модель инновационной мотивации

Государство начинает формировать инновационную среду. Иновационный импульс идет «сверху вниз», импульс «снизу вверх» начинает формироваться. Диффузия инноваций затруднена и активно регулируется государством.

Государство заботится о сохранении и поддержании иновационной среды, самостоятельно генерирующей инновации. При преобладающем иновационном импульсе, идущем «сверху вниз», присутствует сильный импульс «снизу вверх». Диффузия инноваций происходит свободно.

Список литературы

Книги

1. Абалкин, Л.И. Вызовы нового века. – М.: Институт экономики Российской академии наук. – 2001. – 287 с.
2. Абалкин, Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. Изд 2-ое. – М.: Наука, 2005. – 463 с.
3. Аверченков, В.И., Ваинмаер, Е.Е. Инновационный менеджмент: учебное пособие для вузов. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 293 с.
4. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. Хорос В.Г. Рос. акад. наук. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений – М.: Наука, 1996. – 335 с.
5. Аганбегян, А.Г. Модернизация общественного производства в России. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2011. – 37 с.
6. Аганбегян, А.Г. Экономика России на распутье... Выбор посткризисного пространства. – М.: АСТ, Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. – 379 с.
7. Ашихин, А.Н., Смирнов Ю.Г., Чернуха, А.В. Состояние инновационной политики в зарубежных странах и Российской Федерации. – М.: Информационно-издательский центр Роспатента, 2004. – 123 с.
8. Балабанов, И.Т. Инновационный менеджмент. Прогнозирование. Реинжиниринг. – СПб.: «Питер», 2001. – 304 с.
9. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
10. Беззубцев-Кондаков, А., Дроканов, И. Надо ли России бояться Китая? – СПб: Питер, 2011. – 240 с.
11. Белادي Л., Краус, Т. Сталин. – М.: Политиздат, 1989. – 518 с.

12. Бендиков, М.А., Фролов, И.Э. Тенденции и прогноз развития высокотехнологичного сектора промышленности РФ. – М.: Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, 2007. – 77 с.
13. Бразилия – восходящий центр экономического и политического влияния. – М.: Институт Латинской Америки Российской академии наук, 2008. – 90 с.
14. Брукс, Д. Бобо в раю: откуда берется новая элита. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 320 с.
15. Васильев, В.П. Управление инновациями / В.П. Васильев. – М.: Дело и сервис, 2011. – 400 с.
16. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Ист-Вью, 2002. – 352 с.
17. Веблен, Т. Теория делового предприятия. – М.: Дело, 2007. – 156 с.
18. Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М.: НОФМО, 2008. – 363 с.
19. Вишневский, А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
20. Гвишиани, Д.М., Громека, В.И. Теоретические аспекты исследований инновационного процесса и формирования инновационной политики промышленно-развитых государств. – М.: 2004. – 252 с.
21. Герт, К. Куда пойдет Китай, туда пойдет мир: как китайские потребители меняют правила игры. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2011. – 271 с.
22. Глазьев, С.Ю., Львов, Д.С., Фетисов, Г.Г. Эволюция научно-технических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992. – 207 с.
23. Голиченко, О.Г., Клейнер, Г.Б., Самоволева, С.А. Анализ реализации основных направлений государственной инновационной политики в России (2002-2010 гг.). – М.: Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, 2011. – 147 с.

24. Голиченко, О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и перспективы развития. – М.: Наука, 2006. – 396 с.
25. Голиченко, О.Г. Основные факторы развития национальной инновационной системы. – М.: Наука, 2011. – 634 с.
26. Гончаренко, Л.П. Менеджмент инвестиций и инноваций. – М.: КноРус, 2011. – 160 с.
27. Гончаренко, Л.П., Арутюнов, Ю.А. Инновационная политика. – М.: КноРус, 2008. – 352 с.
28. Горбунова, Л.И. Инновации в образовательной деятельности: российский и зарубежный опыт: материалы Международной научно-методической конференции, 2 марта 2007 года / ред. кол.: Горбунова Л.И. и др. Хабаровск: Дальневосточная акад. гос. службы, 2007.
29. Горизонты инновационной экономики в России: право, институты, модели: сборник / общ. ред. В.Л. Макарова; Рос. акад. наук. – М.: УРСС, 2010. – 232 с.
30. Григорьев, А.Д. Экономическая эффективность послевоенных технических средств производства: на примере США, Японии и Германии. – М.: Экономика, 2006. – 208 с.
31. Губернаторов, А.М. Управление инновационным развитием экономических систем: мезоуровень – микроуровень: монография / А.М. Губернаторов, И.И. Савельев; Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), Владимирский филиал. – Владимир: ВИТ-принт, 2013. – 240 с.
32. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому – М.: Книга, 1991. – 576 с.
33. Дантон, Э. Инновации: как определять тенденции и извлекать выгоду. – М.: Вершина, 2006. – 450 с.

34. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011. – 328 с.
35. Дежина, И.Г., Салтыков, Б.Г. Совершенствование экономических механизмов государственного регулирования коммерциализации результатов научных исследований и разработок. – М.: ИЭПП, 2004. – 152 с.
36. Деминг, Э. Новая экономика: простые механизмы, которые приведут вас к росту, инновациям и сильному положению на рынке / пер. с англ. и ред. Т. Гуреш. – М.: Эксмо, 2006. – 198 с.
37. Демократия в современном мире / Под общ. ред. Я.А. Пляйса и А.Б. Шатилова. – М.: РОССПЭН, 2009. – 368 с.
38. Демократия: перезагрузка смыслов. – М.: Праксис, 2010. – 304 с.
39. Джанда, К., Берри, Д.М., Голдман, Д., Хула, К.В. Трудным путем демократии. – М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.
40. Джилас, М. Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. – 204 с.
41. Дуженков, В.И., Дагаев, А.А., Янсон, Э.Ж. Проблемы научно-технического прогресса в условиях перехода к рынку / Под ред. Е.А. Олейникова. – М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 1992. – 205 с.
42. Егоров, Е.Г., Бекетов, Н.В. Научно-инновационная система региона: структура, функции, перспективы развития. – М.: Academia, 2002. – 224 с.
43. Емельянов, С.В. США: международная конкурентоспособность национальной промышленности. 90-е годы XX века. – М.: Международные отношения, 2001. – 408 с.
44. Ерасов, Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
45. Ефимчук, И.В. Ограничения и перспективы инновационного развития в условиях глобализации / Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции: Сб. статей: В 2 т. Т. 1. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 624 с.

46. Инновации как драйвер социо-культурного развития. Под научной редакцией В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2013. – 372 с.
47. Инновационная экономика: (управленческий и маркетинговый аспекты) / Д.И. Кокурин. – М.: Экономика, 2011. – 532 с.
48. Исаев, И.А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.) – М., 1991. – 160 с.
49. Заварухин, В.П. Инновационная деятельность и национальная конкурентоспособность США / В.П. Заварухин, И.С. Мухамедшин, С.В. Емельянов; РАН. Институт США и Канады. – М., 2001. – 122 с.
50. Захарова, Н.В. Экономика стран Евросоюза: особенности развития и будущее европейского строительства: монография. – М.: РГТЭУ, 2007. – 146 с.
51. Зинов, В.Г. Менеджмент инноваций. Кадровое обеспечение. – М.: Дело, 2005. – 496 с.
52. Зинов, В.Г., Вовк, Д.Н. Инновационный бизнес: практика передачи технологий. – М.: Дело, 2010. – 220 с.
53. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф. – 495 с.
54. Ильин, В.В., Ахиезер, А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Издательство МГУ, 2000. – 304 с.
55. Инвестиции в странах БРИК. Оценка риска и корпоративного управления в Бразилии, России, Индии и Китае / Под ред. С. Бородиной и О. Швыркова при участии Ж.-К. Буи; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишерз, 2010. – 356 с.
56. Инновационная политика и региональное развитие в современном мире: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регионал. Проблем. Отд. глобал. пробл.; Отв. ред. и сост.: Животовская И.Г., Черноморова Т.В. – М., 2011. – 197 с.
57. Инновационная политика Китая: учебное пособие / Готлиб, Е.М., Калинин, Т.Ю. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2009. – 88 с.
58. Инновационная политика. Россия и Мир. 2002-2010 / Под ред. Ивановой Н., Иванова В. – М.: Наука, 2011. – 456 с.

59. Инновационное развитие России: проблемы и решения: монография / коллектив авторов; под ред. М.А. Эскиндарова, С.Н. Сильвестрова. – М.: Анкил. – 2013. – 1216 с.
60. Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы / К.К. Вальтух, А.Г. Гранберг, А.А. Дынкин и др.; отв. ред. В.В. Ивантер. – М.: МАКС Пресс, 2005. – 592 с.
61. Инновационные приоритеты государства / Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова / Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. – М.: Наука, 2005. – 275 с.
62. Инновационный человек и инновационное общество. Под научной редакцией В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. – 424 с.
63. Иноземцев, В.Л. (ред.) Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. Статья В.Л. Иноземцева. – М.: Издательство «Европа», 2010. – 318 с.
64. Информационные технологии: Инновации в государственном управлении: Сб. науч. тр. / РАН; ИГП. Сектор информ. права; ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; Отв. ред. Алферова Е.В., Бачило И.Л. – М., 2010. – 238 с.
65. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / под ред. В.Б. Супяна. – М.: Магистр, 2009. – 339 с.
66. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
67. Келле, В.Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 148 с.
68. Киндж, Дж. Китай, который потряс мир. – М.: АСТ, АСТ Москва, 2008. – 352 с.
69. Княгинин, В.Н. и др. Управление развитием муниципальных образований (стратегическое планирование. Территориальное планирование): учебное пособие / науч. ред. О.Р. Перцовский, А.А. Черненко. – М.: АНХ, 2007. – 896 с.

70. Комиссина, И.Н. Научные и аналитические центры Китая. Справочник. – М.: РИСИ, 2012. – 266 с.
71. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002. – 768 с.
72. Котов, Д.В. Управление инновационным развитием социально-экономических систем. Монография / Д.В. Котов. – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2011. – 253 с.
73. Кристенсен, К. Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании. – М.: Альпина Пабlishер, 2014. – 240 с.
74. Кристенсен, К. Решение проблемы инноваций в бизнесе: Как создать растущий бизнес и успешно поддерживать его рост. – М.: Альпина Пабlishер, 2014. – 290 с.
75. Куда движется век глобализации? / Под ред. А.Н. Чумакова, Л.Е. Гринина. – Волгоград.: Учитель, 2014. – 400 с.
76. Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. – М.: Юстицинформ, 2011. – 616 с.
77. Кузык, Б.Н., Кушлин В.И., Яковец, Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. Учебник / Б.Н. Кузык, В.И. Кушлин, Ю.В. Яковец. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2011. – 604 с.
78. Кузык Б.Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. – М.: Институт экономических стратегий, 2008. – 864 с.
79. Кузык, Б.Н., Титаренко, М.Л. Китай-Россия-2050: стратегия соразвития, – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – 656 с.
80. Кузык, Б.Н., Яковец, Ю.В. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. – М.: Экономика, 2005. – 624 с.
81. Лепский, В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2009. – 208 с.
82. Львов, Д.С. Экономика развития. – М.: Экзамен, 2002. – 511 с.

83. Малов, В.С. Прогресс и научно-техническая деятельность / Отв. ред. О.И. Ларичев. – М.: Наука, 1991. – 104 с.
84. Малявин В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. – М.: Европа, 2007. – 306 с.
85. Матвейчев, О.А. Китай на стыке тысячелетий. – М.: Звездная лига, 2004. – 18 с.
86. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. Королева И.С. – М.: Юристъ, 2003. – 604 с.
87. Митякова, О.И. Международная инновационная деятельность: монография. – Н. Новгород: Нижегородский гос. технический ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2007. – 168 с.
88. Млечин, Л.М. Китай – великая держава номер один? – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 400 с.
89. Мохамед, М. Путь вперед. – М.: Харвест, 2009. – 208 с.
90. Модернизация российской экономики: структурный потенциал. Отв. ред. Н.И. Иванова. – М.: Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 2010. – 228 с.
91. Налоговое стимулирование инновационных процессов. Отв. ред. Н.И. Иванова. – М.: Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 2009. – 160 с.
92. Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия (социально-экономические аспекты развития) / Руководители авт. колл. В.Л. Макаров и А.Е. Варшавский. – М.: Наука, 2001. – 636 с.
93. Научная и инновационная политика. Россия и МИР. 2011-2012. / под ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. – М.: Наука, 2013. – 480 с.
94. Научно-технический потенциал: структура, динамика, эффективность / Добров Г.М., Тонкаль В.Е., Савельев А.А. и др.; Отв. ред.: Тонкаль В.Е., Добров Г.М.; АН УССР. Центр исслед. науч.-техн. потенциала и истории науки. – Киев, 1987. – 347 с.
95. Неру, Дж. Воспоминания. Исследования. – М.: Наука, 1989. – 223 с.

96. Никонова, Я.И. Инновационная политика в системе государственного регулирования устойчивого развития национальной экономики: монография / Я.И. Никонова; Новосибирский государственный технический университет. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. – 259 с.
97. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.
98. Новохатский, В.В. Инновационное развитие Дальнего Востока России: теория и практика: монография. – Хабаровск: Хабаровская гос. акад. экономики и права, 2006. – 176 с.
99. Нуреев, Р.М. Россия: особенности институционального развития / Р.М. Нуреев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 448 с.
100. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Под общ. ред. Н.И. Лапина – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 256 с.
101. Оголева, Л.Н., Радиковский, В.Г. Инновационный менеджмент: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по экономическим и управленческим спец. / под ред. Л.Н. Оголевой. – М.: Инфра-М, 2009. – 240 с.
102. Ожиганов, Э.Н. Политика инновационного развития: Глобальная конкуренция и стратегическая перспектива России. – М.: Либроком, 2012. – 176 с.
103. О’Нил, Дж. Карта роста. Будущее стран БРИК и других развивающихся рынков. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 256 с.
104. Осипов, Г.В., Кузык, Б.Н., Яковец, Ю.В. Перспективы социокультурной динамики и партнерства цивилизаций. – М.: ИНЭС, 2007. – 416 с.
105. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
106. Панков, Э.И. Экономика Бразилии. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 196 с.

107. Пантин, И.К. Судьбы демократии в России. – М.: ИФ РАН, 2004. – 196 с.
108. Переломов, Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
109. Политика как фактор инновационного развития. Материалы Международной российско-германской научной конференции, Санкт-Петербург, 23 апреля 2010 г. / Под научн. ред. А.Ю.Сунгурова. – СПб.: Норма, 2010. – 104 с.
110. Политлексикон: понятие, факты, взаимосвязи / под общ. ред. В.П. Любина, Р. Крумма; науч. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: РОССПЭН, 2013. – 783 с.
111. Портер, М. Конкуренция. – М.: ИД «Вильямс», 2010. – 592 с.
112. Поляков, С.Г. Организация и регулирование инновационной деятельности: взаимодействие государства и предпринимательства. – М.: МИЭТ, 2004.
113. Пригожий, А.И. Нововведения: стимулы и препятствия / Социальные проблемы инноватики. – М.: Политиздат, 1989. – 346 с.
114. Проблемы и перспективы технологического обновления российской экономики / А.Г. Гранберг, А.А. Дынкин, В.В. Ивантер и др. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 376 с.
115. Проблемы развития инновационно-креативной экономики. Сборник докладов. – М.: «Креативная экономика», 2010. – 384 с.
116. Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. / Под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 320 с.
117. Рар, А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой. – М.: Олма Медиа Групп, 2012. – 352 с.

118. Рассадина, А.К. Американский опыт государственного регулирования научно-технологической сферы в условиях новой экономики. – М.: МАКС Пресс, 2003. – 52 с.
119. Россия в глобализирующемся мире: модернизация российской экономики / Российская академия наук, Отделение общественных наук. Секция экономики; ред.: Д.С. Львов, Г.Б. Клейнер. – М.: Наука, 2007. – 422 с.
120. Рыхтик, М.И. Национальная инновационная система США: история формирования, политическая практика, стратегия развития. – Нижний Новгород: НИУ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011. – 23 с.
121. Селезнев, П.С., Трофимова, Р.П. Культурология: теория и практика / учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – 368 с.
122. Селищев, А.С., Селищев, Н.А. Китайская экономика в XXI веке. – СПб.: Питер, 2004. – 240 с.
123. Сигов, Ю. Сингапур. Восьмое чудо света. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 336 с.
124. Сидоров, М.А. Искусство модернизации и инноваций – дело тонкое и сложное. – М.: «Спутник +», 2010. – 30 с.
125. Согрин, В.В. Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. – М.: Издательство «Весь мир», 2001. – 262 с.
126. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. – 1056 с.
127. Стратегии бизнеса: Аналитический справочник / под ред. Г.Б. Клейнера. – М.: «КОНСЭКО», 1998. – 331 с.
128. Стратегия регионального развития в условиях инновационных преобразований экономики / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян, Д.В. Петросянц, А.А. Баширова; под общ. Ред. В.З. Петросянца; РАН; Дагестан. научн. центр; Ин-т соц.-экон. Исследований. – М.: Экономика, 2011. – 302 с.

129. Сухарев О.С., Сухарев С.О. Инновации в экономике и промышленности. – М.: Высшая школа, 2010. – 320 с.
130. Татарских, Б.Я. Совершенствование управления научно-техническим прогрессом в современных условиях: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, май 2007 г. / Под общ. ред.: Б.Я. Татарских, О.В. Федорова. – Пенза: РИО ПГСХА, 2007. – 239 с.
131. Твисс, Б. Управление научно-техническими нововведениями. – М.: Экономика, 1989. – 271 с.
132. Тойнби, А. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. – М.: АСТ, АСТ Москва, Харвест, 2009. – 864 с.
133. Тойнби, А. Постижение истории. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 640 с.
134. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 320 с.
135. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / РАН. Ин-т всеобщ. истории; Рук. авт. кол.: Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. – М.: Памятники исторической мысли, 1996. – 544 с.
136. Тоталитаризм как исторический феномен. – М.: Философское общество СССР, 1989. – 396 с.
137. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
138. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 557 с.
139. Тулеев, А.М., Шатиоров, С.В. Россия перед прыжком : монография / Тулеев А.М., Шатиоров С.В. – М.: Совершенно секретно, 2004. – 287 с.
140. Фатхутдинов, Р.А. Инновационный менеджмент. – СПб., 2008. – 448 с.
141. Федоровский, А.Н. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в Республике Корея. – М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. – 320 с.
142. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее – М.: Изд. дом «Классика XXI», 2005. – 421 с.

143. Фонотов А.Г. Россия: инновации и развитие / А.Г. Фонотов. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. – 431 с.
144. Фукуяма, Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2008. – 480 с.
145. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2010. – 584 с.
146. Хантингтон, С. Кто мы? – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 640 с.
147. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
148. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2007. – 576 с.
149. Хен-Дже, Ли Все о бизнесе в Республике Корея. Инновационная политика малого и среднего бизнеса. – СПб: Питер, 2008. – 208 с.
150. Хозяйственные системы инновационного типа. Теория, методология, практика. – М.: Экономика, 2011. – 400 с.
151. Хуан, Я. Капитализм по-китайски. Государство и бизнес. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 375 с.
152. Цыганков, А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: Учеб. пособие / Ин-т «Открытое о-во». – М.: Интерпракс, 1995. – 295 с.
153. Шабров, О.Ф. Государство в глобализующемся мире: испытание постмодерном // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 446 с.
154. Человек в инновационном обществе. Сборник научных трудов. – М.: Финуниверситет, 2013. – 196 с.
155. Шабров, О.Ф. Предпосылки и проблемы политической модернизации России // Политическая модернизация России в экспертном сознании. – М.: Проспект, 2011. – 126 с.
156. Шабров, О.Ф. Что впереди? Сценарии для России // Государственная политика и управление современной России в сфере идеологии,

- мировоззрения, религии, пропаганды, культуры и воспитания: Материалы научного семинара. Вып. 2 (49). – М.: Научный эксперт, 2012. – 68 с.
157. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа. В 3 т. / пер. с англ. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2004. – 554 с.
158. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия, М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
159. Экономика знаний в терминах статистики: наука, технологии, инновации, образование, информационное общество / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: Экономика, 2012. – 240 с.
160. Экономика Китая. Анализ состояния и перспективы развития. Антология. – М.: Наука, 2009. – 376 с.
161. Экономика переходного периода / под ред. Радаева В.В., Бугалина А.В. – М.: МГУ, 1995.
162. «Эксперт»-Инновации. Сборник аналитических материалов. – М.: ЭКСПЕРТ медиахолдинг, 2011. – 46 с.
163. Ю, Ли Куан. Из третьего мира – в первый. История Сингапура 1965-2000. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 576 с.
164. Яголковский, С.Р. Психология инноваций. Подходы, модели, процессы. – М.: ГУ ВШЭ, 2011. – 272 с.
165. Яковец, Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М.: Экономика, 2001. – 346 с.
166. Яковец, Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004. – 448 с.
167. Antonelli, C. The Economics of Innovation, New Technologies, and Structural Change, Routledge, 2002, 207 pp.
168. Baudrillard, J. The Consumer Society: Myths and Structures (Published in association with Theory, Culture & Society), SAGE Publications Ltd, 1998, 224 pp.
169. Bell, D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting / D. Bell, New York, Basic Books, 1973, 760 pp.

170. Braudel, F. *A History of Civilizations*, Penguin Books, 1995, 640 pp.
171. Drucker, P.F. *Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles*. HarperBusiness, Reprint Edition, 2006, 288 pp.
172. *Economic Growth: Brazil, India, Japan*. Edited by Simon Kuznets, Wilbert E. Moore, Joseph J. Spengler, Duke University Press, 613 pp.
173. Freeman, C., Louçã, F. *As Time Goes By: From the Industrial Revolutions to the Information Revolution*, Oxford University Press, 2002, 432 pp.
174. Freeman, C. *The Economics of Industrial Innovation – 3rd Edition*, The MIT Press, 1997, 470 pp.
175. Freeman, C. *Systems of Innovation: Selected Essays in Evolutionary Economics*, Edward Elgar Pub, 2008, 257 pp.
176. Freeman, C. *Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan*, Pinter Pub Ltd, 1987, 155 pp.
177. Galbraith, J.K. *The New Industrial State*, Princeton University Press; 1st Princeton Ed edition, 2007, 576 pp.
178. Inglehart, R. *Modernization and Postmodernization*, Princeton University Press, 1997, 440 pp.
179. Inglehart, R. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge University Press, 2005, 344 pp.
180. Jaffe, A.B., Lerner, J. *Innovation and Its Discontents: How Our Broken Patent System is Endangering Innovation and Progress, and What to Do About It*, Princeton University Press, 2007, 256 pp.
181. Kuznets, S. *Population, Capital, and Growth*, New York, 1980, 356 pp.
182. Kuznets, S. *Toward a Theory of Economic Growth*, New York, 1968, 132 pp.
183. Mensch, G. *Stalemate in Technology: Innovations Overcome the Depression*, Ballinger Pub Co, 1978, 241 pp.
184. Metcalfe, J.S. *Evolutionary Economics and Creative Destruction (Graz Schumpeter Lectures)*, Routledge; 1 edition, 1998, 168 pp.

185. Nelson, R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis, Oxford University Press, 1993, 560 pp.
186. Trofimova, R.P. Philosophy of civilizations, Charleston, SC, 2014, 196 pp.
187. Rosenberg, N. Exploring the Black Box: Technology, Economics, and History, Cambridge University Press, 1994, 274 pp.
188. Schmookler, J. Invention and Economic Growth. Cambridge, Harvard University Press, 1981, 348 pp.
189. Schumpeter, J.A. Business Cycles: a Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process, New York, 1939, 461 pp.
190. Science, Technology, and Innovation. Capacity Building for Sustainable Growth and Poverty Reduction / Ed. by Watkins, A.J., Ehst, M. – The World Bank, 2008, 236 pp.
191. Senghaas, D. The European Experience: A Historical Critique of Development Theory. Leamington; Dover, 1985, 256 pp.
192. Towards a European Research Area. Science, Technology and Innovation. Key Figures 2007, European Commission Directorate-Generale for Research, 2007, 115 pp.
193. Von Laue, Th. H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y., Oxford, 1987, 416 pp.

Статьи

194. Авдокушин, Е.Ф. «Новая экономика» и формирование национальной инновационной системы Китая // Вопросы новой экономики. – 2010. – №1 – С. 23.
195. Авербух, В.М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Вестник Ставропольского государственного университета: журнал. – Ставрополь, 2010. – № 71. – С. 159.
196. Асмолов, К. Генерал Пак Чон Хи. Очерк политической биографии // Сеульский вестник. – Июнь–ноябрь 2003. – № 77–80.

197. Балаян, А.А. Политическая элита и инновационное развитие современной России: проблемы и перспективы // Материалы Российско-германской научной конференции «Политика как фактор инновационного развития». – СПб, 2010. – С. 17.
198. Бердашкевич, А.П. О поддержке инновационной деятельности в Японии // Инновации: Новые технологии, маркетинг, инвестиции, внедрение. – 2002. – № 7. – С. 41.
199. Бурлацкий, Ф. Китайское экономическое чудо // Известия. – 2003. – 27 февраля.
200. Васильев, В.С. Американская политика в области науки // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – №№ 5, 7.
201. Васин, В.А., Миндели, Л.Э. Пространственные аспекты формирования и развития национальной инновационной системы // Инновации. – 2011. – № 11. – С. 24.
202. Васильев, В.С. Американская политика в области науки // США. Канада. Экономика – политика – культура. – 2005. – № 7. – С. 64.
203. Васильев, В.С. «Новая американская экономика»: шаг вперед, три шага назад // США. Канада. Экономика – политика – культура. – 2005. – № 9. – С. 3.
204. Воробьева, И. «Мертвых душ» в какой-то период было штук сто». Гендиректор ОАО «Особые экономические зоны» Вадим Третьяков – о том, как исправить прошлые ошибки // РБК daily. – 2014. – 23 января.
205. Гельман, В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис: Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 52.
206. Глазьев, С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 26.
207. Глазьев, С.Ю. О стратегии и концепции социально-экономического развития России до 2020 года // Экономические стратегии. – 2008. – № 4. – С. 5

208. Глазьев, С.Ю. Состоится ли переход российской экономики на инновационный путь развития? // Российский экономический журнал. – 2008. – № 1-2. – С. 25.
209. Гончаренко, О.В. Особые экономические зоны в регионах: проблем больше, чем перспектив? // Бюллетень ЦПКР. Регионы России: выборы, собственность, власть. – 2011. – № 41. – С. 10.
210. Гохберг, Л.М. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. – 2003. – №3. – С. 38.
211. Гохберг, Л.М. Новая инновационная политика в контексте модернизации экономики // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 1. – С. 141.
212. Гохберг, Л.М., Кузнецова, И.А. Инновации в российской экономике: стагнация в преддверии кризиса // Форсайт. – 2009. – № 2. – С. 28.
213. Гринберг, Р.С. Осуществима ли российская модернизация? // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – №1. – С. 144.
214. Грошев, И.В. Экономические реформы в России сквозь призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания, 2000. – № 6. – С. 25.
215. Дмитрий Медведев приказал глубоко модернизировать ОПК // Коммерсант. – 2010. – 23 сентября.
216. Дунаевский, И. Керри не хватает простоты? Госсекретарь рассказал о планах дипломатии США на ближайшие годы // Российская газета. – 2014. – 24 апреля.
217. Заварухин, В.П. Основные элементы инновационной стратегии США // Российское предпринимательство. – 2003. – № 1. – С. 9.
218. Заварухин, В.П. Основные элементы инновационной стратегии США // Российское предпринимательство. – 2002. – №№ 7, 8, 10, 11, 12.
219. Завлин, Н.П. Роль региональных органов власти в развитии науки США // Инновации: Новые технологии, маркетинг, инвестиции, внедрение. – 2005. – № 7–8.

220. Зевин, Л. Национальные экономические системы в глобальных процессах. // *Мировая экономика и международные отношения* – 2003 – № 11. – С. 17.
221. Игнатущенко, Е.И. Инновационная Германия в экономике Европейского Союза в эпоху мирового экономического и финансового кризиса / Е.И. Игнатущенко // *Молодой ученый*. – 2012. – №7. – С. 78.
222. Иванов, В.В. Инновационная политика России: варианты и перспективы // *Инновации: Новые технологии, маркетинг, инвестиции, внедрение*. – 2011. – № 2. – С. 21.
223. Иванов, В. Методологические аспекты формирования национальных инновационных систем // *Экономические стратегии*. – 2002. – № 6. – С. 99.
224. Иванова, Н.И. Национальные инновационные системы // *Вопросы экономики*. – 2001. – №7. – С. 61.
225. Ильин, В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // *Мир России*. – 2005. – № 2. – С. 6.
226. Инновации по-индийски // *Московские новости*. – 2012. – 6 июля.
227. Иноземцев, В.Л. Призыв к порядку // *Российская газета*. – 2008. – 1 октября.
228. Калятин, В.О., Наумов, В.Б., Никифорова, Т.С. Опыт Европы, США и Индии в сфере государственной поддержки инноваций // *Российский юридический журнал*. – 2011. – № 1. – С. 136.
229. Капустин, Б.Г. «Транзитология»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // *Политические исследования*. – 2001. – № 4. – С. 6.
230. Келле, В.Ж. Перспективы социальной поддержки инновационного развития России // *Рефлексивные процессы и управление*. – 2007. – № 2. – С. 28.
231. Колотухин, В. Подходы к оценке эффективности использования научно-технического потенциала // *Наука и инновации*. – 2006. – № 4. – С. 56.

232. Колпакова, К.В. Научно-технический потенциал и перспективы инновационного развития Дальнего Востока / К.В. Колпакова, Н.В. Гуремина // Инновации. – 2007. – № 10. – С. 65.
233. Кони́на, Н.Ю. Реструктурирование деятельности финансово-промышленных групп Южной Кореи в условиях кризиса // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 3. – С. 31.
234. Константи́нова, М.А. Философские основы современного китайского образования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. – №4. – Ч.1. – С.72.
235. Коростыше́вская, Е.М. Высокотехнологичные производства, инновационная система и экономическая безопасность России // Инновации: Новые технологии, маркетинг, инвестиции, внедрение. – 2013. – № 2. – С. 54.
236. Красни́цкий, Н.В. Политическое содержание инноваций // Международные отношения. Политология. Регионоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 5 (1). – С. 264.
237. Лапки́н, В.В. Итоги и перспективы социально-политического развития России // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №9. – С. 76.
238. Лесков, С. Михаил Ковальчук, директор Курчатовского института: «Для успеха инновационной экономики надо освоить парное катание» // Известия. – 2008. – 26 декабря.
239. Лесков, С. Руководитель Федерального агентства по науке и инновациям Сергей Мазуренко: «Инновации – это симбиоз государственной политики и рыночных отношений» // Известия. – 2008. – 3 декабря
240. Литви́нова, А. Политическая элита только делает вид, что готова к модернизации // RBC-daily. – 2011. – 24 января.

241. Львов, Д.С., Глазьев, С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. – 1986. – № 5. – С. 793.
242. Мазуренко, С.Н. Сергей Мазуренко: это наш стратегический путь : беседа с рук. Федер. агентства по науке и инновациям С. Мазуренко / вел Л. Букштейн // БОСС. Бизнес: организация, стратегия, системы. – 2007. – № 10. – С. 22-25.
243. Мамонтов, В., Садчиков, А. Анатолий Чубайс, генеральный директор Роснано: «Очень хочется вернуть долги» / Известия. – 2008. – 14 ноября.
244. Масленников, Н.А. Кластерная стратегия. Инновации и венчурный бизнес в Стране восходящего солнца // Независимая газета. – 2010. – 3 октября.
245. Мариносян, Х.Э. Истоки и сущность глобального кризиса. Задачи государства в построении нового миропорядка // Философские науки. – 2010. – № 1. – С. 5.
246. Мау, В.А. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX в.: логика и этапы комплексной модернизации) // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. – С. 32.
247. Машкина, О.А. Китай: перспективы инноваций и образования // История и современность. – 2010. – № 2(12). – С. 144.
248. Медведев, Д.А. Россия, вперед! // Российская газета. – 2009. – 11 сентября.
249. Медведев, Ю. Выигрыш уже давно ждет. Эльвира Набиуллина: Мы будем делать ставку на малый инновационный бизнес // Российская газета. – 2009. – 27 марта.
250. Медовников, Д., Механик, А. Производительные силы, подъем! // Эксперт. – 2014. – № 27. – С. 44.
251. Михеев, В.В. Роль Китая в глобализирующемся мире // Отечественные записки. – 2003. – № 8. – С. 46.

252. Моисеев, В.И. Глобально-стратегический контекст проблемы гуманитарной экспертизы инновационных проектов // Рефлексивные процессы и управление. – 2007. – № 2. – С. 82.
253. Монастырный, Е.А. Процесс постоянной генерации инноваций в экономической системе. Формирование федерально-региональной инновационной системы России // Инновации: Новые технологии, маркетинг, инвестиции, внедрение. – 2013. – № 1. – С. 18.
254. Мореходов, М.А. Южная Корея: секреты успеха // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 1. – С. 18.
255. Неклесса, А. Время коротких горизонтов. Реализация планов инновационной и инфраструктурной модернизации в России перманентно сдвигается в «светлое будущее» // Независимая газета. – 2008. – 26 июня.
256. Никонова, Я.И. Зарубежный опыт финансового обеспечения стратегии инновационного развития РФ // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2013. – № 3. – С. 173.
257. Никонова, Я.И. Сравнительный анализ государственной инновационной политики в США и Японии // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4-5. – С. 42.
258. Нилекани, Н. Образ новой Индии. Эволюция преобразующих идей. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2010. – 512 с.
259. Новохатский, В.В. Определение и классификация инновационных систем // Инновации: Новые технологии, маркетинг, инвестиции, внедрение. – 2004. – № 9. – С. 28.
260. Опыт поддержки малого и среднего предпринимательства некоторых развитых стран // Эксперт. – 2006. – № 1. – С. 5.
261. Пивоваров, Ю.С. Русская власть и публичная политика // Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 12.
262. Полтерович, В.М. Стратегия модернизации российской экономики: система интерактивного управления ростом // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – №1. – С. 158.

263. Поляков, Б. Малайзия сегодня // Форум. – 2011. – 11 июня.
264. Прокшин, К. Открыто по техническим причинам // Коммерсант. Приложение «Аутсорсинг». 2005. – 10 марта.
265. Путин, В.В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. – 2012. – 30 января.
266. Путин, В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – 1999. – 30 декабря.
267. Ремизов, М. Мобилизационный пакт для элиты // Известия. – 2009. – 6 апреля.
268. Рогозин Д.О. Прыжок в шестое поколение. // Российская газета. – 2014. – 28 марта.
269. Страус, А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. – 1997. – № 2. – С. 27.
270. Федотова, В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3.
271. Федотова, В.Г. Социальные инновации: макро- и микротенденции // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 82.
272. Федотова, В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3.
273. Фомин, П.А., Кузнецов, Н.В. Инновационное развитие регионов России – финансовые механизмы // Инновационная среда / под ред. А.Г. Чернышова. Сборник статей. Вып. 1, 2008. – С. 96.
274. Харитоновна, О.Г. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 70.
275. Чуланова, З. Китай и мировая экономическая система: взаимное влияние // Казахстан в глобальных процессах. – 2008. – № 1(15). – С. 46.

276. Шатилов, А.Б. Внешнеполитический год Медведева: Россия на пути в «глобальное акционерное общество» // Политэкономика. – 2009. – № 3. – С. 28.
277. Шатилов, А.Б. Инновационный проект России и креативный класс: современные дискуссии // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием (г. Ростов-на-Дону), 7-8 октября 2013 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС. – 2013. – Т. 1. – С. 427.
278. Инновационный проект модернизации России и позиция властной элиты // Власть. – 2013. – № 9. – С. 16.
279. Шатилов, А.Б. Либеральные партии в условиях политической модернизации России начала 1990-х гг. // «Новая Россия»: Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей: Материалы междунаро. науч. конф. Москва 22 марта 2004 г. – М.: РГГУ, – 2004. – С. 297
280. Шкель, Т. Не мешайте рынку // Российская газета. – 2008. – 22 мая.
281. Юрьев, М. Правда и мифы об инновационной экономике // Однако. – 2013. – № 169. – С. 172.
282. Ясин, Е.Г. Догоним – не догоним? Прогнозам нужен рост экономики по 4 процента в течение пяти – шести лет // Российская газета. – 2014. – 10 января.
283. Ясин, Е.Г. Модернизация без шоковой терапии // Ведомости. – 2011. – 14 октября.
284. Chung-un, C. Korea unveils four-river master plan // The Korea Herald. – 2010. – March, 30.
285. Gvosdev, N. The Realist Prism: U.S. Policy Paralysis Risks Global Leadership Void // World Politics Review. – 2011. – October, 2.
286. Kusunoki, K. Incapability of Technological Capability: A Case Study on Product Innovation in the Japanese Facsimile Machine Industry // Journal of Product Innovation Management. Volume 14, September 1997, Issue 5, P. 368.

287. Metcalfe, J.S. Evolutionary Economics and Technology Policy // The Economic Journal, 1994. – Vol. 104. – № 425. – P. 931.

Научные доклады

288. Акимов, Ю.П., Галактионов, В.В. Система образования Соединенных Штатов Америки (аналитический доклад). – М.: Мин-во образования Российской Федерации, Центр инноваций в инженерном образовании Московского автомобильно-дорожного ин-та (гос. технического ун-т), Институт «Открытое о-во»; Фонд Сороса Система образования Соединенных Штатов, 2002. – 83 с.
289. Бразилия. Перемены и постоянство / Аналитические тетради ИЛА РАН. Выпуск 15. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 2004. – 148 с.
290. Глазьев, С.Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. – М.: Национальный институт развития, 2007. – 134 с.
291. Глазьев, С.Ю. Возможные и вероятные сценарии долгосрочного развития России: цикл публ. лекций «Академики – студенчеству» / Государственный университет управления, Институт новой экономики, М.: Изд. центр «ГУУ», 2006. – 25 с.
292. Государственные корпорации в политике и экономике России / Тематический аналитический доклад Центра политической конъюнктуры России. – М.: ЦПКР, 2008.
293. Мельвиль, А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. («Научные доклады» №78). – М.: МОНФ, 1999. – 105 с.
294. Новые партнеры Латинской Америки – Китай, Южная Корея, Индия, ЮАР / Аналитические тетради ИЛА РАН. Выпуск 18. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 2005. – 130 с.

295. Human Development Report 2011. Sustainability and Equity: A Better Future For All, N.Y., 2011, 185 pp.
296. Sargent, John F. Jr. Federal Research and Development Funding: FY2013, Congressional Research Service, December 5, 2013, 56 pp.

Диссертации

297. Бурыкин, Е.С. Формирование механизма государственного регулирования инновационных процессов в Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Бурыкин Евгений Сергеевич. – Волгоград., 2007. – 176 с.
298. Емельянов, Ю.С. Государственно-частное партнерство в инновационном развитии экономики России: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Емельянов Юрий Станиславович. – М., 2012. – 335 с.
299. Монастырный, Е.А. Методологическое обеспечение развития региональной инновационной системы в условиях современной экономики России: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Монастырный Евгений Александрович. – Томск, 2009. – 343 с.
300. Селезнев, П.С. Инновационная политика в современной России и ведущих странах Запада: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Селезнев Павел Сергеевич. – М., 2009. – 154 с.
301. Фридлянов, В.Н. Развитие промышленности России на основе национальной инновационной системы: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Фридлянов Владимир Николаевич. – СПб., 2003. – 263 с.

Авторефераты диссертаций

302. Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Виноградов Андрей Владимирович. – М., 2006. – 46 с.

303. Джун, К.Дж. Развитие экономической системы Республики Корея в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Джун Ко Джанг. – М., 2011. – 23 с.
304. Котин, И.Ю. Процессы формирования южноазиатской диаспоры (XIX–XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. – СПб., 2007. – 48 с.
305. Липецкая, М.С. Предпосылки и факторы инновационно-технологического развития регионов Финляндии: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Липецкая Марина Сергеевна. – СПб., 2012. – 16 с.
306. Рабоволенко, М.М. Влияние структурно-инвестиционной политики государства на инновационные процессы в экономике России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Рабоволенко Маргарита Марковна. – М., 2003. – 18 с.
307. Ремизов, Д.К. Государственное руководство формированием и реализацией в современной России промышленной политики в сфере инноваций: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ремизов Дмитрий Константинович. – Ростов-на-Дону, 2008. – 27 с.
308. Севальнев, В.В. Правовое регулирование налогообложения инновационного сектора КНР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Севальнев Вячеслав Викторович. – М., 2012. – 30 с.
309. Селезнев, П.С. Инновационная политика в современной России и ведущих странах Запада: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Селезнев Павел Сергеевич. – М., 2009. – 24 с.
310. Сенцов, С.В. Трансформация международного научно-технического сотрудничества в условиях глобализации и предпосылки интеграции в него России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Сенцов Сергей Владимирович. – М., 2006. – 27 с.
311. Сибиряев, А.С. Государственная инновационная политика в Российской Федерации: подходы к разработке и реализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Сибиряев Алексей Сергеевич. – М.: 2011. – 25 с.

Электронные ресурсы

312. Абдурасулова, Д. Промышленная политика Южной Кореи [Электронный ресурс] / Экономический портал
Режим доступа: <http://instituciones.com/industry/897-promyshlennaya-politika-yuzhnoj-korei.html>
313. Авдулов, А.Н., Кулькин, А.Н. Периодизация государственной научно-технической политики промышленно развитых стран: становление, эволюция, тенденции и этапы ее формирования [Электронный ресурс] / Российский фонд фундаментальных исследований
Режим доступа: http://w3.rfbr.ru/default.asp?doc_id=4569
314. Азиатские чудеса заканчиваются [Электронный ресурс] / Интерфакс
Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=261011>
315. Алиева, Л.А. Политика стимулирования инноваций в странах ЕС
Режим доступа:
http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Economics/15_85099.doc.htm
316. Аринин, А.Н. Элита и модернизация России [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический журнал «Политическое образование». 2009 – 06 октября.
Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/elita-i-modernizatsiya-rossii>
317. Афанасьев, И., Воронцов, Д. Трудная дорога к небу [Электронный ресурс] / Вокруг света
Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6687/>
318. Баусин, А. В Бразилии бунтуют не жители фавел, а средний класс [Электронный ресурс] / Газета.RU
Режим доступа: http://www.gazeta.ru/politics/2013/06/27_a_5395485.shtml
319. Белдер, Б. ООН публикует обвинительный документ [Электронный ресурс] / Лефт.Ру
Режим доступа: <http://left.ru/2005/1/belder118.phtml>

320. Беляков, Е. Генпрокуратура РФ: Вместо научных разработок деньги тратились на зарплаты. Генпрокуратура выявила грубые нарушения в работе ОАО «Российская венчурная компания» (РВК) [Электронный ресурс] / Комсомольская правда

Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24250/447987/>

321. Бергер, Я.М. Инновационные перспективы Китая [Электронный ресурс] / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы

Режим доступа:

http://www.perspektivy.info/book/innovacionnyje_perspektivy_kitaja_2008-09-15.htm

322. Борисова, А. Экзамены в Китае – единые и тестовые [Электронный ресурс] / Газета.RU

Режим доступа: http://www.gazeta.ru/science/2012/05/31_a_4607705.shtml

323. Бразилия и Индия будут вместе бороться с бедностью [Электронный ресурс] / Lenta.ru

Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2008/04/17/memorandum/>

324. Бразилия перевыполнила «План тысячелетия» ООН по сокращению бедности [Электронный ресурс] / KM.RU

Режим доступа: <http://www.km.ru/v-mire/2011/05/04/braziliya-perevypolnila-plan-tysyacheletiya-oon-po-sokrashcheniyu-bednosti>

325. Бразильский немирный атом [Электронный ресурс] / Война и мир

Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/71701/>

326. Будущее России: новая индустриализация или сырьевая модель [Электронный ресурс] / Московский экономический форум. – 2013 – 20 марта

Режим доступа: <http://me-forum.ru/media/events/plenary-panel-discussion-ii/>

327. Бюджетный кодекс Российской Федерации [федер. закон: принят Государственной Думой 17 июля 1998 г.: по состоянию на 1 янв. 2014 г.], [Электронный ресурс] / Консультант Плюс

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148998/

328. В Индии строят свое «Сколково» [Электронный ресурс] / TADVISER. Государство. Бизнес. ИТ
Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ-рынок_Индии
329. Воронов, К. Системные последствия еврокризиса – программатика стратегического ослабления ЕС [Электронный ресурс] / ИА REGNUM. – 2013. – 6 ноября.
Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1728994.html>
330. Всемирный экономический форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности 2011-2012 [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий
Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330>
331. Вступительное слово В. Путина на заседании Совета Безопасности, посвященном мерам по реализации Послания Федеральному Собранию 20 июня 2006 г. [Электронный ресурс] / Президент России
Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/23656>
332. Гладунов, О. В. Ивантер: «Вся проблема российской экономики – это идеологическое давление» [Электронный ресурс] / Свободная пресса. – 2014. – 10 февраля.
Режим доступа: <http://svpressa.ru/online/article/81611/>
333. Государственный инвестиционный банк Франции / официальная Интернет-страница
Режим доступа: <http://www.bpifrance.fr/>
334. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [федер. закон: принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.: по состоянию на 05 мая 2014 г.]. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс
Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/>
335. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [федер. закон: принят Государственной Думой 22 декабря 1995 г.: по состоянию на 28 декабря 2013 г.]. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс
Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf2/>

336. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [федер. закон: принят Государственной Думой 01 ноября 2001 г.: по состоянию на 28 декабря 2013 г.]. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс
Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf3/>
337. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [федер. закон: принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г.: по состоянию на 23 июля 2013 г.]. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс
Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf4/>
338. Грибинюк, А. Дмитрий Сорокин: Нет инвестиций – нет развития [Электронный ресурс] / Вечерняя Москва. – 2014. – 29 сентября.
Режим доступа: <http://m.vm.ru/news/2013/09/29/dmitrij-sorokin-net-investitsij-net-razvitiya-215994.html>
339. Дайер, Дж. Мировая экономика: Китайский цикл [Электронный ресурс] / ЦЕНТР информации
Режим доступа: <http://www.assessor.ru/forum/index.php?t=1250>
340. Две трети россиян считают, что будущее России тесно связано с инновациями – ВЦИОМ [Электронный ресурс] / Интерфакс
Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/special.asp?id=233974&sec=1698>
341. Деятельность АСИ потребует развития законодательно базы – Грызлов / официальный сайт партии «Единая Россия»
Режим доступа: <http://er.ru/news/2011/8/1/deyatelnost-asi-potrebuuet-razvitiya-zakonodatelnoj-bazy-gryzlov/>
342. Дианов, М.А. Улучшение делового климата – наиболее эффективный путь стимулирования инноваций [Электронный ресурс] / Конференция «Стратегические и управленческие аспекты региональной политики», Российский союз промышленников и предпринимателей, М.: 2008. – 3 июня.
Режим доступа: http://www.rspp.ru/Default.aspx?CatalogId=234&d_no=3857

343. Директор российского представительства Агентства по привлечению инвестиций во Францию Жером Клозен: «В России – лучшие умы мира» [Электронный ресурс] / Бюджет.RU
Режим доступа: <http://bujet.ru/article/116490.php>
344. Долю нефтегазовых доходов бюджета РФ нужно снизить до 25% – Медведев [Электронный ресурс] / РИА Новости
Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20130226/924619759.html>
345. Емельянов, С.В. Приоритеты финансирования НИОКР в период администрации Барака Обамы [Электронный ресурс] / Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2012. – № 1.
Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=316>
346. Емельянов, С.В. США: государственная политика стабилизации инновационной конкурентоспособности американских производителей [Электронный ресурс] / Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 3.
Режим доступа: <http://www.mevriz.ru/articles/2002/3/1008.html>
347. Зимина, Т. Изношенные кадры науки [Электронный ресурс] / Наука и жизнь. – 2009. – № 4.
Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/15577/>
348. Зоны особых привилегий. Китайская модель в российском исполнении [Электронный ресурс]
Режим доступа: <http://www.tks.ru/reviews/2006/03/17/03>
349. Зюзяев, А. Академик Леонид Абалкин: «Кризис – самое время дешево скупать западные технологии и заводы!» [Электронный ресурс] / Комсомольская правда. – 2009. – 3 июня.
Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/24304/497732/>
350. Индия: научно-технологическое развитие и инновации [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический журнал «Политическое образование». 2012 – 30 мая.
Режим доступа: www.lawinrussia.ru/node/119856
351. Инновации в строю [Электронный ресурс] / Коммерсант.RU

Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/666549>

352. Инновационное поведение населения [Электронный ресурс] / НИУ ВШЭ

Режим доступа: <http://www.hse.ru/org/projects/13315213>

353. Инновационные системы стран БРИК [Электронный ресурс] /

Режим доступа: <http://www.sibai.ru/innovacionnyie-sistemyi-stran-brik-kitaj.html>

354. Иноземцев, В.Л. Как Россия теряет лидерство в космосе [Электронный ресурс] / Владислав Иноземцев – персональный сайт, 2014. – 23 мая.

Режим доступа: <http://inozemtsev.net/2014/05/%d0%ba%d0%b0%d0%ba-%d1%80%d0%be%d1%81%d1%81%d0%b8%d1%8f-%d1%82%d0%b5%d1%80%d1%8f%d0%b5%d1%82-%d0%bb%d0%b8%d0%b4%d0%b5%d1%80%d1%81%d1%82%d0%b2%d0%be-%d0%b2-%d0%ba%d0%be%d1%81%d0%bc%d0%be%d1%81%d0%b5/>

355. Интервью Аркадия Дворковича ОРЕС.RU [Электронный ресурс] / Национальный совет по корпоративному управлению

Режим доступа: <http://www.nccg.ru/site.xp/053050050124053052056.html>

356. Информационные технологии [Электронный ресурс] / Деловой совет по сотрудничеству с Индией

Режим доступа: <http://www.russ-ind.ru/navigator/analytic/652>

357. Калинин, А. «Кризис инноваций» [Электронный ресурс] / Портал «Инсайдер»

Режим доступа: <http://iinsider.biz/кризис-инноваций/>

358. Карта полюсов конкурентоспособности

Режим доступа:

http://competitivite.gouv.fr/documents/commun/Documentation_poles/cartes-poles/carte-russe.pdf

359. Кириллов, С. Инновации в Китае – развивать и покупать [Электронный ресурс] / Деловой журнал про Китай ChinaPRO

Режим доступа: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/1925/>

360. Киселев, В.Н., Рубвальтер, Д.А., Руденский, О.В. Инновационная политика и национальные инновационные системы Канады, Великобритании, Италии, Германии и Японии [Электронный ресурс]
Режим доступа: http://www.csrs.ru/inform/iab/iab6_2009.pdf
361. Китай вышел на 5 место по развитию биотехнологий в мире [Электронный ресурс] /
Режим доступа: <http://rccnews.ru/Rus/Pharmaceuticals/?ID=78319>
362. Китайские спецслужбы [Электронный ресурс] /
Режим доступа: <http://www.agentura.ru/dossier/china/>
363. Кондратьев, В.Б. Компании и инновации: локальный взгляд на глобальные изменения [Электронный ресурс] / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы
Режим доступа:
http://www.perspektivy.info/rus/gos/kompanii_i_innovacii_lokalnyj_vzglad_na_globalnyje_izmeneniya_2011-06-22.htm
364. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] / Президент России
Режим доступа: <http://constitution.kremlin.ru/>
365. Коптюбенко, Д. Концепции-2020 не хватает инноваций [Электронный ресурс] / РосБизнесКонсалтинг
Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2008/11/05/focus/389167>
366. Корейское чудо – уроки для России [Электронный ресурс] /
Режим доступа: <http://nikitchuk.viperson.ru/wind.php?ID=433250&soch=1>
367. Королева, А. Китайские инновации [Электронный ресурс] / ЭКСПЕРТ online
Режим доступа: <http://expert.ru/2011/05/6/kitajskie-innovatsii/>
368. Красноярская формула Дмитрия Медведева [Электронный ресурс] / Невское время – 2008. – 16 февраля.
Режим доступа:
<http://www.nvspb.ru/tops/krasnoyarskayaformuladmitriame/?version=print>

369. Крупные госкомпании нужно принуждать к внедрению инноваций – Чубайс [Электронный ресурс] / Интернет-портал инноваторов Пензенской области

Режим доступа: <http://www.inno-terra.ru/node/4730>

370. Лаврентьев, С. Генпрокуратура просит Путина прикрыть РВК [Электронный ресурс] / РосБизнесКонсалтинг

Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/2009/02/25/media/403235>

371. Лаврентьева, И. Стратегия Поднебесной. Владимир Малявин о китайском глобализме и русской душе [Электронный ресурс] / Интернет-портал журнала «Русский репортер»

Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2012/11/09/malyavin>

372. Левинский, А. Простой вопрос про Инноград [Электронный ресурс] / Forbes

Режим доступа: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/49065-prostoi-vopros-pro-innograd>

373. Либерализм и его ограниченность [Электронный ресурс]

Режим доступа: <http://joie-de-vivre.ru/liberalism-i-ego-ogranichennost/>

374. Любимская, А. Инвестировать по-французски [Электронный ресурс] / ЭКСПЕРТ online

Режим доступа: <http://expert.ru/countries/2011/10/nvestirovat-po-frantsuzski/>

375. Медведев: достижения РФ – выход на глобальные рынки [Электронный ресурс] / РИА Новости

Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20130123/919413786.html>

376. Мельников, Ф. Деньги из воздуха [Электронный ресурс] / Коммерсант.RU

Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1833612>

377. Министерство науки и технологий КНР [Электронный ресурс] / Официальный Интернет-портал

Режим доступа: www.most.gov.cn

378. Налоговая система Китая: налоги для иностранных предприятий / BusinessTimes
Режим доступа: <http://btimes.ru/finansy/nalogovaya-sistema-kitaya-nalogi-dlya-inostrannykh-predpriyatii>
379. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [федер. закон: принят Государственной Думой 16 июля 1998 г.: по состоянию на 4 июня 2014 г.]. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс
Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163978/
380. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [федер. закон: принят Государственной Думой 19 июля 2000 г.: по состоянию на 4 июня 2014 г.]. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс
Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163981/
381. Нармания, Д., Схиерели, М. По стопам Сингапура [Электронный ресурс] / Business Грузия
Режим работы: <http://bizzone.info/articles/1344631928.php>
382. Нефтяная копилка: что представляет собой Резервный фонд РФ [Электронный ресурс] / РосБизнесКонсалтинг
Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/25/10/2011/621894.shtml>
383. Николаев, И. Госкорпорации: иные общественно полезные [Электронный ресурс] / Ведомости. – 2007. – 27 августа.
Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2007/08/27/131631>
384. Обзор инновационных кластеров в иностранных государствах. – М.: Минэкономразвития, 2011 [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации
Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depsvod/doc20110531_04
385. Осипов, Г.В. От стратегии разрушения к стратегии социального прорыва [Электронный ресурс] / доклад на расширенном заседании Ученого Совета ИСПИ РАН
Режим доступа: http://www.ispr.ru/Confer/Osipov_strateg.html

386. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года [Электронный ресурс] / Правительство России

Режим доступа: <http://government.ru/info/761>

387. Особые (свободные) экономические зоны в Корее [Электронный ресурс] /

Режим доступа: <http://newinspire.ru/lektsii-po-mirovoy-ekonomike/osobie-svobodnie-ekonomicheskie-zoni-v-uzhnoy-koree-1698>

388. Павел Бетсис: «Отказаться от инноваций – значит перестать развиваться» РФ [Электронный ресурс] / Интернет-портал журнала «Системный администратор»

Режим доступа: <http://www.samag.ru/archive/article/899>

389. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/

390. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 10 мая 2006 г. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/

391. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81294/

392. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 30 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] / Консультант Плюс

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107290/

393. Постановление Правительства Амурской области «О проекте создания в Амурской области приграничной зоны экономического

сотрудничества и развития» [Электронный ресурс] / Дальневосточный федеральный округ

Режим доступа: <http://www.dfoportal.info/area03x/partieia/article-nypdde5.htm>

394. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс] / Интернет-портал «Российская газета»

Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/24/ekonomika-site-dok.html>

395. Почему Индия не поставляет инноваций? [Электронный ресурс] / Смартсорсинг. Сообщество руководителей ИТ-компаний, ИТ-подразделений и сервисных центров

Режим доступа: <http://smartsourcing.ru/blogs/keysy/1583>

396. Привалов, И.А. Влияние малого предпринимательства на структуру и преобразование в экономике региона [Электронный ресурс] / Вестник ТИСБИ. – 2005. – №1

Режим доступа: <http://old.tisbi.ru/science/vestnik/2005/issue4/Econom10.html>

397. Приказ Росстата от 30 октября 2009 № 237 (ред. 19 августа 2011) «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью, осуществляемой в сфере науки и инноваций» [Электронный ресурс] / Консультант Плюс

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123382/

398. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации

Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5

399. Проект Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации

Режим доступа:

http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016

400. Переход от стимулирования инноваций к росту на их основе. Стратегия-2020: Трудный путь к инновациям [Электронный ресурс] / Официальный сайт экспертных групп по обновлению «Стратегии – 2020». – 2011. – 7 июля.

Режим доступа: <http://strategy2020.rian.ru/g5/20110707/366099491.html>

401. Промышленный шпионаж: тайная сторона китайской модернизации [Электронный ресурс] /

Режим доступа: <http://gidepark.ru/user/3548645175/content/793815>

402. Путин внес в ГД законопроект о запрете счетов чиновников за рубежом [Электронный ресурс] / РИА Новости. – 2013. – 12 февраля.

Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20130212/922429976.html>

403. Путин: темпы перехода к инновационной экономике необходимо ускорить [Электронный ресурс] / Правда.РУ. – 2011. – 5 июня.

Режим доступа: <http://www.pravda.ru/news/politics/06-05-2011/1076119-innovazii-0/>

404. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08 августа 2009) [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации

Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009

405. Рекомендации по совершенствованию российских институтов инновационного развития [Электронный ресурс] / Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства

Режим доступа: http://www.nisse.ru/business/article/article_2067.html

406. Республика Индия. Национальная инновационная система [Электронный ресурс] /

Режим доступа: <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html>

407. Роль Китая и его спецслужб в формировании новой мировой геостратегической ситуации

Режим доступа:

http://asiapacific.narod.ru/countries/china/rol_kitaya_i_ego_spessluzb.htm

408. Российская «Кремниевая долина» будет построена в Сколково – Медведев [Электронный ресурс] / РИА Новости – 2010. – 18 марта.

Режим доступа: <http://ria.ru/science/20100318/215146918.html>

409. Россия, вперед! Статья Дмитрия Медведева [Электронный ресурс] / Президент России

Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/5413>

410. Россия и Китай договорились о сотрудничестве в сфере науки и инноваций [Электронный ресурс] / Центр новых медицинских технологий

Режим доступа: http://www.nptemp.ru/news_show/185

411. Сазонов, Ю. Леонид Абалкин: «Все разговоры об инновационной экономике – пока только призывы» [Электронный ресурс] / Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. – 2009. – 13 октября.

Режим доступа: http://www.stoletie.ru/obschestvo/leonid_abalkin_vse_razgovory_ob_innovacionnoj_ekonomike--poka_tolko_prizyvy_2009-10-13.htm

412. Сингапур – Азиатская Швейцария [Электронный ресурс] / R.S. Consult Group. Юридические и корпоративные услуги

Режим доступа: http://rs-trust.ru/blog/singapore/Singapur_Aziatskaya_Shvejcariya/

413. Сингапурский опыт / Эксперт Казахстан. – 2004. – 5 июля.

Режим доступа: http://expert.ru/kazakhstan/2004/13/13ka-ktema_58071/

414. Сиротин, А. Опыт борьбы с коррупцией в Сингапуре [Электронный ресурс] / Суда нет

Режим доступа: http://sudanet.ru/borba_s_corrupciei_v_singapore

415. Си Цзиньпин: для осуществления «китайской мечты» необходимо прочно опираться на народ [Электронный ресурс] / Russian.People.Cn.

Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/8171029.html>

416. Совет Фонда «Сколково» подвел итоги работы за 2012 год [Электронный ресурс] / Сколково
Режим доступа: <http://community.sk.ru/press/b/weblog/archive/2012/12/20/sovet-fonda-skolkovo-podvel-itogi-raboty-za-2012-god.aspx>
417. Совет Фонда «Сколково» принял решение об изменении структуры управления [Электронный ресурс] / Сколково
Режим доступа: <http://community.sk.ru/press/b/reporter/archive/2013/09/27/sovet-fonda-skolkovo-prinyal-reshenie-ob-izmenenii-struktury-upravleniya.aspx>
418. Соколов, А. Имитация инноваций: Россия отстает даже от развивающихся стран [Электронный ресурс] / РосБизнесКонсалтинг
Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/17/10/2013/882656.shtml>
419. Сорокин, Д.Е. Российской экономике в период мирового кризиса поможет мегапроект [Электронный ресурс] / Интернет-портал радио «Голос России». – 2014. – 13 февраля.
Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/2014_02_13/Dmitrij-Sorokin-Rossijskoj-jekonomike-v-period-mirovogo-krizisa-pomozhet-megaproekt-6978/
420. Статья Дмитрия Медведева «Время простых решений прошло» [Электронный ресурс] / Правительство России
Режим доступа: <http://government.ru/news/6202>
421. Стерлигов, И. Инновационный потенциал стран БРИК [Электронный ресурс] / S&T RF. Наука и технологии РФ
Режим доступа:
http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=223&d_no=12033#.UjJmnn_qWSo
422. Сырьевое проклятие России [Электронный ресурс] / Финансовый эксперт
Режим доступа: http://fin-expert.biz/publ/investoru/tochka/syrevoe_prokljatie_rossii/9-1-0-33
423. Сырьевое проклятье: демократия не поможет [Электронный ресурс] / Интерфакс
Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/txt/337882>

424. Так говорил Чубайс [Электронный ресурс] / Интернет-портал журнала «Босс»

Режим доступа: <http://www.bossmag.ru/archiv/2012/boss-12-2012-g/tak-govoril-chubajts.html>

425. Указ о Совете по модернизации экономики и инновационному развитию России [Электронный ресурс] / Президент России

Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/15690>

426. Технопарк «Сколково» [Электронный ресурс] / Центр инновационного развития Москвы

Режим доступа: <http://inno.msk.ru/moscow-opportunities/infrastructure/n-tehnology-parks/skolково/>

427. Фортов, В.Е., Каляев, И.А. Сохранить фундамент оборонной науки [Электронный ресурс] / Правдинформ. – 2013 – 29 мая.

Режим доступа: <http://trueinform.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=14630>

428. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации

Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/817>

429. Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» [Электронный ресурс] / Консультант Плюс

Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156916/

430. Федеративная Республика Бразилия. Национальная инновационная система [Электронный ресурс]

Режим доступа: <http://www.gmu-countries.ru/america/brazilia/brazil-nis.html>

431. Франция в новостях

Режим доступа: <http://www.clubfrance.ru/#SI>

432. «Футбольный бунт» в Бразилии: штурм МИД и «бегство» президента [Электронный ресурс] / РосБизнесКонсалтинг
Режим доступа: <http://top.rbc.ru/society/21/06/2013/862739.shtml>
433. Хайек, Ф. фон. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. фон Хайек [Электронный ресурс]
Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/libertarium/9939>
434. Хайт, М. High-tech малые и средние предприятия: проблемы и решения на опыте Европы
Режим доступа: <http://www.finance-dms.com/high-tech.pdf>
435. Чудодеев, Ю.В. Россия – КНР: динамика отношений. Вызовы глобализации и перспективы сотрудничества изменения [Электронный ресурс] / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы
Режим доступа:
http://www.perspektivy.info/book/rossija_knr_dinamika_otnoshenij_vyzovy_globalizacii_i_perspektivy_sotrudnichestva_2012-02-03.htm
436. Шульгинов, Д. Рост бразильского телекоммуникационного рынка [Электронный ресурс] / Allmobile. Мобильный форум без границ.
Режим доступа: <http://allmobile.ua/forum/drugie-strany/9379-rost-brazil-skogo-telekommunikacionnogo-rynka.html>
437. Южная Корея потратит 15 миллиардов долларов на «научный» город [Электронный ресурс] / Lenta.ru
Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/world/juzhnaja-koreja-potratit-15-milliardov-dollarov-na-nauchnyj-horod.html>
438. Яковлев, П.П. Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина [Электронный ресурс] / Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы
Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=67279>
439. R&D Funding Forecast 2013 [Электронный ресурс] / Battelle Memorial Institute

Режим доступа:

http://battelle.org/docs/r-d-funding-forecast/2013_r_d_funding_forecast.pdf?sfvrsn=0

440. Ideas. Innovation. Prosperity. High-Tech Strategy 2020 for Germany
[Электронный ресурс] / Federal Ministry of Education and Research

Режим доступа: http://www.bmbf.de/pub/hts_2020_en.pdf, S. 8

441. IEA report sees bright future for natural gas over next 5 years
[Электронный ресурс] /

Режим доступа:

<http://www.iea.org/newsroomandevents/pressreleases/2012/june/name,27383,en.html>

442. Kent, J. Malaysia has high hopes for moon [Электронный ресурс] / BBC
news

Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4192166.stm>

443. Kingstone, S. Brazil joins world's nuclear club [Электронный ресурс] /
BBC news

Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/4981202.stm>

444. Nuclear Weapons Programs [Электронный ресурс] / GlobalSecurity.org

Режим доступа: <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/brazil/nuke.htm>

445. Press Freedom Index 2011-2012 [Электронный ресурс] / Reporters
without borders

Режим доступа: <http://en.rsf.org/press-freedom-index-2011-2012,1043.html>

446. The 2010 EU Industrial R&D Investment Scoreboard [Электронный
ресурс] / European Commission

Режим доступа: <http://iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard10.html>

447. Towards a European Research Area Science, Technology and Innovation.
Key Figures 2007 / European Commission, Directorate-General for Research,
Communication Unit

Режим доступа: ftp://ftp.cordis.europa.eu/pub/era/docs/keyfigures_2007.pdf